

НОВЫЙ Журнал

НЬЮ-Йорк

THE NEW REVIEW Новый Журнал

Основатели М. Алданов и М. Цетлин – 1942

С 1946 по 1959 редактор М. Карпович

С 1959 по 1966 редакция: Р. Гуль, Ю. Денике, Н. Тимашев

С 1966 по 1975 редактор Роман Гуль

С 1975 по 1976 редакция: Р. Гуль (главный редактор)

Г. Андреев, Л. Ржевский

1976 – 1981 редактор Роман Гуль

1981 – 1983 редакция: Р. Гуль (главный редактор),

Е. Магеровский

1984 – 1986 редакция: Р. Гуль (главный редактор),

Ю. Кашкарров, Е. Магеровский

1986 – 1990 Редакционная коллегия

1990 – 1994 редактор Юрий Кашкарров

1994 – 2005 редактор Вадим Крейд

Семьдесят седьмой год издания

Главный редактор – Марина Адамович

Редакционная коллегия:

Сергей Голлербах, Марина Гарбер, Елена Дубровина, Мария Рубинс, Владимир фон Цуриков.

Ответственный секретарь – Наталья Бернадская

Редакция: Владимир Гандельсман, Наталья Гастева, Рудольф Фурман

The New Review, Inc.:

T.Bobrinskoy; T.Chebotareva; S.Hollerbach; G.Glinka; M.Jordan;
P.Khlebnikov; V.Kreyd; G.Mesniaeff; A.Nebolsine; A.Neratoff;
I.Sikorsky; P.Tcherepnine; V. von Tsurikov; M.Adamovitch.

Обложка художника М. Добужинского

THE NEW REVIEW

№ 296, сентябрь 2019

© 2019 by THE NEW REVIEW

Рукописи не возвращаются

Перепечатка материалов «Нового Журнала» без письменного разрешения редакции запрещается. Размещение материалов «Нового Журнала» он-лайн без письменного разрешения редакции запрещается.

Редакция не несет ответственность за содержание публикуемых материалов. Авторы несут ответственность за достоверность приводимых ими фактов и цитат.

THE NEW REVIEW (ISSN 0029–5337) is published quarterly
by The New Review, Inc., 1216 Broadway, 2nd floor, New York, N.Y.
10001. Periodical postage paid at New York, N.Y. Publication No.
596680. POSTMASTER: send address changes to The New Review,
1216 Broadway, 2nd floor, New York, N.Y. 10001

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ ИМ. МАРКА АЛДАНОВА

Итоги конкурса 2019 года	5
--------------------------------	---

ПРОЗА. ПОЭЗИЯ

<i>Юз Алешковский</i> – Стихи	7
<i>Василий Тюхин</i> – Белый капедан. Повесть	10
<i>Александр Вейцман</i> – Стихи	151
<i>Валерий Скобло</i> – Стихи	154
<i>Игорь Померанцев</i> – Аптекарский сад. Стихи	159
<i>Валерий Черешня</i> – Стихи	165
<i>Полина Барскова</i> – Стихи	171
<i>Геннадий Кацов</i> – Метробусы. Стансы к городскому транспорту. Цикл новелл	176
<i>Гари Лайт</i> – Стихи	227
<i>Валерий Брайнин-Пассек</i> – Стихи	232
<i>Владимир Яськов</i> – Ошибки совести. Стихи	237
<i>Олег Дозморов</i> – Стихи	242
<i>Сергей Шабалин</i> – Стихотворение	245

ВОСПОМИНАНИЯ. ДОКУМЕНТЫ

Воспоминания об архиепископе Феофане Полтавском (Публ. – <i>Юрий Сандулов</i>)	247
Человек, которому не снились сны. Письма Ивана Елагина Ираиде Легкой (Публ. – <i>И. Легкая</i>)	261
<i>Елена Дубровина</i> – Об альманахе «Встречи»	278
«Всегда ваша – Валентина Синкевич». Письма В. Синкевич Павлу Бабичу (Публ. – <i>Д. Бабич, Ю. Сандулов</i>)	288
<i>Джемма Бабич</i> – Несколько слов о Павле Бабиче	308

ЛИТЕРАТУРА. КУЛЬТУРА. ИСТОРИЯ

<i>О. Ф. Кузнецова</i> – Юрий Иваск о стихах Игоря Чиннова – в статьях и переписке. К 110-летию Игоря Чиннова	317
Издательские шуточки и райские звуки. Стихи из переписки И. Чиннова и Ю. Иваска (Публ. – <i>О. Ф. Кузнецова</i>)	330

ЗАМЕТКИ. ОЧЕРКИ

<i>В. Ф. Бандурко</i> – Последний нью-йорский кадет. Воспоминания	348
<i>Ростислав Полчанинов</i> – Юбилейные даты Русского Зарубежья	359
<i>Виктор Есинов</i> – Вспоминая Владимира Войновича	365

БИБЛИОГРАФИЯ

- П. Н. Базанов** – Русское Зарубежье. Великие соотечественники;
Юрий Сандулов – *Валерий Сергеев*. Евгений Климов. Художник-реалист Русского Зарубежья; **Виталий Амурский** – *Манфред Шруба*. Словарь псевдонимов Русского Зарубежья в Европе; **Виктор Леонидов** – Ежегодник Дома Русского Зарубежья. 2018; **Ростислав Полчанинов** – *Radovan Pulko*. Rusko zamejstvo v slovenskih deželah; *Татьяна Пушкадия-Рыбкина, Инна Грубмайр*. Эмигранты из России в Загребе 373
- ОБ АВТОРАХ 388

*Поздравляем Юза Алешковского
с 90-летием!*

*Желаем новых стихов и прозы!
Не унывать, не забывать!*

“Новый Журнал”

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ ИМ. МАРКА АЛДАНОВА

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ ИМ. МАРКА АЛДАНОВА посвящена памяти Марка Алданова (1886–1957), выдающегося писателя русской эмиграции, одного из основателей «Нового Журнала».

Премия утверждена во имя сохранения и развития традиций русской литературы в контексте мировой культуры и призвана поддерживать писателей русскоязычной диаспоры, живущих в рассеянии по всему миру. Премия присуждается прозаикам, создающим свои произведения на русском языке и живущим вне Российской Федерации.

В 2019 году в конкурсе на соискание звания лауреата принимали участие прозаики Русского Зарубежья из Германии, Грузии, Израиля, Испании, Латвии, Молдовы/ПМР, Украины, Швейцарии, Эстонии, США. Особенно активно участвовали писатели Израиля и США.

ШОРТ-ЛИСТ ПРЕМИИ:

Борис Лейбов – «Дорогобуж» (Израиль)

Елена Литинская – «Понять нельзя простить» (США)

Исаак Розовский – «Волшебный дар Сандалетова» (Израиль)

Илья Прозоров – «Ди-трейн» (Эстония)

Александр Чурсин – «Регтайм» (Латвия)

Решением членов жюри Премии призовые места распределились следующим образом:

1-е место

Исаак Розовский – «Волшебный дар Сандалетова» (Израиль)

2-е место

Илья Прозоров – «Ди-трейн» (Эстония)

3-е место

Александр Чурсин – «Регтайм» (Латвия)

Победителям конкурса присвоено звание «Лауреат Литературной премии им. Марка Алданова». Всем лауреатам будут высланы дипломы и подарена бесплатная подписка на «Новый Журнал» на 2020 год. Тексты лауреатов будут опубликованы в «Новом Журнале» и на сайте журнала.

Корпорация, редакционная коллегия и редакция «Нового

Журнала» поздравляют лауреатов Литературной премии им. Марка Алданова и желают им новых творческих успехов!

Членами жюри в 2019 году были: литературовед, историк, журналист Марк Уральский (Германия); поэт, прозаик Игорь Михалевич-Каплан (США); Алла Макеева-Ройланс, NYU (США); Марина Адамович, главный редактор НЖ.

УСЛОВИЯ И ПОРЯДОК ПОДАЧИ РУКОПИСЕЙ В 2020 ГОДУ:

1. На соискание Премии могут быть присланы тексты на русском языке на следующие темы: история России, история русской эмиграции, жизнь современной русскоязычной диаспоры. Жанр – короткая повесть.

2. Рукописи, присланные на конкурс, не должны быть нигде опубликованы (в том числе – он-лайн).

3. Принимаются рукописи только от авторов, живущих вне пределов Российской Федерации.

Прием рукописей на конкурс «Литературная премия им. Марка Алданова. 2020» начинается с 1 марта до 30 июня (включительно) 2020 года. Рукописи принимаются только в электронном виде (с указанием: «Премия Алданова» / Aldanov Award):

newreview@msn.com

Оргкомитет просит участников указывать свой обратный почтовый адрес. Итоги конкурса будут объявлены в сентябре 2020 на сайтах НЖ и ЖЗ. С историей проекта можно ознакомиться на сайте НЖ: www.newreviewinc.com (ПРОЕКТЫ. ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ им. МАРКА АЛДАНОВА)

Оргкомитет Премии им. Марка Алданова и редакция «Нового Журнала» благодарят коллектив Журнального Зала за помощь в освещении конкурса на звание лауреата Премии им. Марка Алданова.

ПРОЗА. ПОЭЗИЯ

Юз Алешковский

СЕНТЯБРЬ

Флора доцвела — не налюбуйешься
в сентябре волшебен листопад
поутрянке поплотней обуешься
и хилиешь в лес как на парад

Там тебе опять присягают
в небе эскадрильи журавлей
об отлете трубно извещают
всяких местных уток и гусей

а всегда зимующие птицы
об отчизне леса говорят
спят священнодействуя грибницы
белых подосиновых маслят

нет в лесу трибун и мавзолеев
пехотинцев танков и ракет
я о том нисколько не жалею
что в лесу гражданских шествий нет

сохлый кедр похожий на зенитку
взял на мушку раннюю звезду
ливень — чтобы вымочить до нитки —
льет из туч когда домой бреду

я тут глух и нем и беззащитен
равенством со всем зверьем пронзён
ангелам — до бездн душевных виден
просветом вдали вознагражден

запахавшись пью из свежей лужи
теплое парное молоко
кажется что нет меня снаружи —
и душе от этого легко

ПОСЛЕДНИЙ ПЯТАК

Кроме драгоценного, родного,
я, увы, не знаю Языков.
Нежил... пожил, ну и был таков...
«Положи ты мне на веки слепки Слова –
пару царских медных пятаков.»

«В заначке у тебя всего один пятак.»
«Ангел мой, пили его!!!.. вот так!!!..»
А теперь, как говорил Басё, – ВСЁ!!!

Когда б Поэт великий и Мудрец
знал русский, уточнил бы: «Всё – пи...ец»!

ЗАПISKA ИРЕ СОСЕДКЕ ПО ПАРТЕ НА УРОКЕ СТАРОСТИ

Не кенарь не соловушка не зяблик –
откукарекал зори петушок
мн-да-с... шпоры генеральские ослабли
посеребрён – бывает! – гребешок.

Он рад, к нему еще не прикоснулись
снежинки колкие небытия.
Друзья уснули, чё-то не проснулись,
прости, подруга, не проснусь и я.

Зато в иных Пределах вспыхнет встреча
Души с Душой – ликуют не скорбя!
И больше мне тебя утешить нечем
как, впрочем, моя радость, и себя.

* * *

А. Битову

*Ногтем озябшего пальца
Юз Фу накорябывает стишок
на мерзлом окошке*

Вьюга сука достала
три унылых луны до весны...
за порогом фанзы
бессердечная наледь
душу кружке вина
от зимы не избавить
на сугробах двора
ни по..ать ни по..ать...
сад бы что ли ряби его гладь
вспыхнул вдруг
нежно-розовым светом...
друг мой милый
зимой помирать
несравненно скучнее
чем летом

ВЕСНА

у нас в саду озерца талых вод
теплее ветерок добрее небосвод
от аппетита охренев вороны
все мечут: рис и даже макароны
а я увы как прежде меланхолю
но никогда не проклиная долю
что ниспослали в жизни Небеса
так лошади любезен тюк овса
а птичке-крохе зернышко – короче
благослови Господь и дни мои и ночи
друзьям сообщи уют существования
отчасти утоли их упования
на некий смысл быстротечных лет
хотя бы напослед... хотя бы напослед...

Коннектикут

Василий Тюхин

Белый капедан

ОТ АВТОРА

Может ли сотня бойцов разгромить армию европейской страны и изменить в ней государственный строй? Это, конечно, совершенно невозможно. И тем не менее, в декабре 1924 года сотня белогвардейцев из числа проживавших в Сербии эмигрантов-врангелевцев и руководимые ими несколько сотен крестьян-горцев вторглись в Албанию и осуществили совершенно фантастическую военную кампанию, разбив регулярные албанские части и вернув к власти изгнанного премьер-министра Ахмета Зогу, который в результате стал первым президентом Албании, а впоследствии провозгласил себя королем албанцев Зогу Первым.

Как же получилось, что карты легли столь причудливым образом и сошелся такой немислимый пасьянс? Почему русские белогвардейцы в Белграде охотно взяли за оружие и приняли участие в этой аванюре?

В Сербии находился штаб основанного Врангелем Русского Обще-Воинского Союза (РОВС), воспринимавшегося многими в качестве официального преемника Белой армии, но реальную помощь огромному количеству офицеров и солдат Белой армии, оказавшихся в эмиграции, он был не в состоянии оказать. Кадровые военные были вынуждены работать на шахтах, на строительстве дорог, заниматься поденщиной, владеть унижительное, порой и полуголодное существование. Неудивительно, что бежавший в Сербию после переворота в Албании бывший премьер-министр Ахмет Зогу, задумав вернуть себе власть, вполне резонно рассчитывал без труда найти русских добровольцев, готовых за хорошую плату золотом принять участие в его военной кампании.

Для большинства из них Албания была *terra incognita*. Об Албании в Европе тогда вообще мало что было известно, да и сама страна появилась всего полтора десятка лет назад, после распада Османской империи, хотя албанцы и их предки жили в этих краях испокон веку, уже несколько тысячелетий.

Древние предки албанцев, иллирийцы, были язычниками. Жили они в горах и долинах, а вот моря опасались. По морю в эти края несколько тысяч лет назад прибыли греки и построили города на побережье, организовали торговлю, поставили памятники своим богам. Потом шла многовековая война с римлянами; несколько иллирийских войн понадобилось, чтобы

мировая империя взяла под контроль доступные территории Иллирии. Римские боги уютно устроились среди греческих богов, среди албанских гор, камней, рек и деревьев.

После распада Римской империи эти земли попали в сферу влияния Византии, и предки албанцев стали христианами, на много сотен лет раньше большинства европейских народов. После раскола Церкви южные албанцы стали православными, а северные – католиками. К тому времени они назывались албанцами много сотен лет – уже в начале новой эры в исторических источниках появились упоминания об албанах, алванах, арванитасах, арванасах, а позднее – арберешах и арнаутах (именно православные албанцы-арнауты, воевавшие в 18-м веке на стороне России с Турцией, поселились в Одессе на знаменитых Арнаутских улицах).

Спустя еще полтысячелетия рухнула Византийская империя, пал Константинополь, а турки-османы двинулись на Европу. Албанский князь Георгий Кастриоти (известный у турок под именем Искандер-бея, в честь Александра Великого, а у албанцев превратившийся в Скандербега) успешно воевал с турками и даже возглавил объявленный папой Пием II Крестовый поход. Европейские рыцари стали собираться под его знамена, но папа умер; следующий папа, Павел II, объявил Скандербега «борцом за христианскую веру», вручил ему в соборе Св. Петра меч, но обещанных денег не дал. Крестовый поход не состоялся. Скандерберг вскоре скончался. И к концу 15-го века на всей территории Албании установилось османское господство.

Пятисотлетнее владычество турок-османов привело к распространению мусульманства. Но многие в этих землях оставались христианами. Так в Албании установилось мирное сосуществование трех религий – ислама, католицизма и православия.

Албания получила независимость в 1912 году, после поражения Турции в войне с балканскими государствами, и судьбу Албании решали на конференциях великих держав. Границы определялись в ожесточенных спорах Антанты и Тройственного Союза, причем сами албанцы в этом участия не принимали. Албания стала княжеством во главе с принцем Вильгельмом Видом, прусским капитаном и протестантом. Просидел он в Албании полгода, а потом сбежал в Берлин.

В Первой мировой войне Албания формально не участвовала, но была оккупирована австрийскими, итальянскими, французскими, греческими и сербскими войсками и после окончания войны выглядела так, словно по ней прокатилось несколько фронтов с самыми ожесточенными сражениями: десятки тысяч убитых и умерших от голода и болезней албанцев, руины разрушенных деревень.

Несколько первых послевоенных лет царил настоящий хаос: восстания беев, государственные перевороты и смена правительств. В результате последнего переворота летом 1924 года власть оказалась в руках премьер-

министра Фана Ноли, изгнавшего из страны и объявившего государственным преступником Ахмета Зогу, своего предшественника. Зогу, в свою очередь, решил вернуть власть при помощи вооруженной силы, и русские белогвардейцы должны были сыграть в его планах важнейшую роль.

Повесть основана на реальных событиях, и помимо вымышленных персонажей в ней действуют вполне реальные исторические фигуры.

*Любые совпадения с реальными именами,
названиями, событиями не случайны.
Несовпадения – тоже.*

АБАЖУРЫ ПОЛКОВНИКА УЛАГАЯ

В начале декабря 1924 года в самом пропащем европейском захолустье, где-то в географических дебрях между Румынией и Албанией, в опереточном средневековом королевстве, пышно именовавшемся Королевством Сербов, Хорватов и Словенцев, на берегу речушки Савы, в чертовой дыре под названием Белград, надоевшей ему до зелени в глазах, бывший штаб-ротмистр российской армии, черный «бессмертный» гусар 5-го гусарского Александрийского Ее Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны полка Добровольческой армии, участник Первого Кубанского «Ледяного» похода, ныне состоявший в запасе Русского Обще-Воинского Союза, но, по сути, никому на этом свете не нужный и именовавшийся теперь просто Александром Кучиным, без всякого уже отчества, потерянного на бегу где-то не то в Турции, не то в Болгарии, и отзывавшийся теперь даже на такие клички, как Сандро, Лекса и даже Аца, уныло красил зеленой краской железный абажур.

Београд, Белград, Бел-город, Белый город... – казалось бы, какой город лучше подойдет изгнанному со своей родины белому офицеру, да еще получившему в сербских горах прозвище «Белый капедан»? Но нет, никак не мог тут прижиться ротмистр Кучин – и дело даже не в отсутствии денег и нормальной работы, обеспечивающей хоть сколько-нибудь сносные условия существования, а... да кто его знает, в чем тут было дело? Может быть, виновата была кошава, начинавшая дуть ранней осенью и не ослабевавшая ни на день, порой усиливавшаяся до такой степени, что, казалось, снесет к черту хибару, в которой проживал Кучин, а всё остальное время дувшая ровно, пронизывая до костей, сводя с ума непривычного к ней незваного гостя. И ведь, главное, не было никакой надежды – общеизвестно, что дуть кошава будет до весны, и не стоит ждать никаких послаблений, а только страдать, терпеть и проклинать ее сквозь зубы.

Кованые абажуры подтаскивал ему бывший черкесский князь, бывший полковник Улагай. Хотя, конечно, нельзя быть «бывшим князем» и «бывшим полковником», как нельзя быть «бывшим человеком», но такие определения невольно приходят на ум, если занимаешься унылым, скучным и совершенно не княжеским делом. Бесстрастное лицо Улагая, впрочем, не выражало абсолютно ничего – можно было подумать, что выдавливать железные абажуры для белградских купчих на древнем немецком кузнечном штампе было для него таким же нормальным и естественным занятием, как объезжать диких лошадей, рубить упругую лозу на полном скаку и стрелять из-под лошадиного брюха, свесившись вниз головой и зацепившись за стремя одной ногой, бесшумно, по-пластунски подбираться к вражеским часовым, сжимая в зубах обоюдоострый черкесский кинжал, или, к примеру, безошибочно корректировать без таблиц, на глазок, огонь артиллерийской батареи.

Погода была совершенно свинская: ночью подмораживало и шел мокрый снег вперемешку с дождем, а днем все оттаивало и шел просто дождь, пожиривший остатки ночного снега. Сырость достала бывшего ротмистра до самых печенок – ну нельзя так жить, честное слово! Печей нормальных тут не было – нормальных, человеческих печей, когда открываешь дверку, а там ревет рыжее пламя, и огромная кирпичная печь впитывает, впитывает огненное тепло, а потом излучает его, словно маленькое солнце, – и какое же несказанное удовольствие постоять возле этой печи, вернувшись с бодрого морозца, потирая покрасневшие руки, а потом подкинуть полешко в огненное жерло и грохнуть чугунной дверкой, прислушиваясь к тому, как с новой силой начинает гудеть огонь, получивший щедрую подачку. Ну разве можно по-настоящему прогреться от жаровни с тлеющими углями? Никак невозможно. Дым и чад, и никакого настоящего тепла. Да и дров настоящих тут не было – так, хворост какой-то, кривые коряги. И бани человеческой не было. И водки настоящей не найти ни за какие деньги. А впрочем, говорили знающие люди, что и в России теперь настоящей водки не найдешь – всю Гражданскую войну пили озверевшие комиссары технический спирт, накрутив туда кокаина, а теперь отменили сухой закон и начали варить в Совдепии жидкую, двадцати-с-чем-то-градусную водку, именуемую в честь нового правителя России, сменившего покойного Ленина на посту председателя Совнаркома, «рыковкой». Ну разве может быть нормальная водка двадцати с чем-то градусов крепости?

– Кучук, а вот как ты думаешь, может быть нормальная водка двадцати с чем-то градусов? – обратился ротмистр к подошедшему с абажуром в руках Улагая.

– Нипочем не может, – нисколько не удивившись странному вопросу, ответил непробиваемый черкес и, сгрузив железный абажур, отправился обратно.

– Вот и я говорю... – сам с собой продолжал рассуждать ротмистр, уныло водя кисточкой, – никак не может. Да и ракия тоже не водка. Некоторые уверяют, что у нее приятное послевкусие. Не буду спорить. Послевкусие так послевкусие. Но пить ее невозможно. Что ж, спрашивается, человек должен всю жизнь теперь пить кислое пиво? А?

Всё нормальное и человеческое осталось даже не за синим Черным морем и тремя границами, а в прошлом всё оно осталось, и вместе с этим прошлым пошло на дно – вместе со всей великой российской Атлантидой, медленно погружившейся под воду мутно-зеленой вечности и неуклонно опускавшейся все ниже и ниже – туда, где смутно проглядывали очертания желтокаменного древнего Египта, солнечного имперского Рима, позолоченной Византии, – слоями дрожали смутные тени, обросшие уже мохнатыми водорослями истекших веков и лживых преданий. Туда же, туда опускалась и некогда великая Российская империя, вместе с малиновым звоном церковных колоколов, двуглавыми орлами и вишневыми садами. Наступил ледниковый период, покрылся бескрайний материк ледяным панцирем, да под его тяжестью и утонул безвозвратно. А на том месте, где когда-то была Россия, обозначена была на картах новая, невиданная ранее страна – Совдепия, официально именуемая в газетах набором странных букв: Р.С.Ф.С.Р., где суетились красные комиссары, – и напрасно облегченно вздохнули окраинные осколки Империи, вообразившие, что им удалось избежать общей участи, и теперь-то уж они не утонули, – как бы не так! Совершенно ясно было ротмистру, что интернационалистам-большевикам не так уж нужна была, при всей ее громадности, Россия, – разве что как опорный пункт для накопления сил; что не могут просто так рассосаться вооруженные орды Троцкого и Фрунзе, не могут разойтись по домам расстрельные команды китайцев, батальоны латышских стрелков, мадыарские полки, тройки чекистов. Им нужен был весь мир, и они объявили об этом во всеуслышание, и если кто-то не слышал или делал вид, что не слышал, пусть пеняет потом на себя самого. Не будет спасения никому, все пойдут на дно по очереди – и тихая провинциальная Рига, и новообразованная, но уже успевшая сойти с ума от своего новопридуманного былого королевского величия Польша, и Франция, где искренне считают величайшей драмой двадцатого века деньги, потерянные на русском военном займе. Глупые жадные французы, так ничего и не понявшие в происходящем! Только когда ангел смерти –

Троцкий – двинет на Европу бесчисленные миллионы утративших связь с землей, поработенных русских мужиков под началом своих революционных комиссаров, только тогда поймут французы, какова подлинная цена их потерянными мифическим процентам по русскому займу. Да поздно будет. Так рассуждал ротмистр Кучин, поскольку работа была нудной, механической, а надо же о чем-то думать.

Тоскливо было ротмистру Кучину, и имел он самые серьезные основания грустить. Настолько серьезные, что начал он задумчиво напевать, макая кисточку в банку с зеленой отвратительной краской.

Степь да степь кругом,
путь далек лежит,
в той степи глухой
умирал ямщик...

Песня лилась прямо из глубин его тоскующей души, и кто, казалось бы, мог осудить ротмистра за это пение, даже если с точки зрения исполнительского мастерства он, возможно, пел не идеально? А вот ведь, нашлось кому. Выскочил из адского чрева сарая его хозяин, считавший себя настоящим европейским промышленником, Драго Савич – судя по фамилии, побочный отпрыск мутной речушки Савы, – и замахал руками, выражая свое неудовольствие.

– Ну разве можно петь такие заунывные песни?

Говорил он быстро, по-сербски, но в общем понятно было, что ему не нравятся заунывные песни, ведь есть же у русских веселые песни, надо веселее жить, и песни надо петь веселые – какие-то такие, вроде «калинка-малинка», – и руками так как-то весело помахи-вал, крутил пальцами, подбадривая, показывая, как весело надо жить и какие веселые песни надо петь.

Мрачно кивал головой ротмистр Кучин, внимательно наблюдая за его телодвижениями, вроде бы и поддакивал, соглашался с ним, но что-то настолько мрачное было в его глазах, что веселый хозяин постепенно сник, перестал махать руками, пробормотал еще что-то невразумительное и, сплунув, пошел обратно в сарай, откуда доносился железный гул.

– Сволочь он, – обратился ротмистр Кучин к полковнику Улагаю, когда тот в очередной раз возник из темного ада, – думаешь, песен ему надо? Как же, держи карман! Ему надо, чтобы я кисточкой быстрее шевелил, абажуры его чертовы шустрее красил. И сам себя песнями подбадривал.

Улагай нахмурился, пожевал губами, но ничего не сказал.

– Погода совершенно свинская, – решительно констатировал

Кучин, – кошава положительно сводит меня с ума, а самое главное, Кучук, что жизнь фактически кончена. Визу у меня украли эти сволочи из «Технопомощи», а это значит, что никакого Парижа не будет, и зря я накопил семьсот динар, как было велено этими негодяями. Мне вообще кажется, – продолжал он, вглядываясь в серую хмарь над горизонтом, – что никакого Парижа в природе не существует. Это миф, придуманный негодяями из «Технопомощи», чтобы обирать дурачков. Нету никакого Парижа, и точка. Придумали Эйфелеву башню для правдоподобия – потому что кто же усомнится, что такой город действительно существует, если ему предъявляют картинку с таким невообразимым штырем прямо под облака, – вот именно потому и придумали, что нормальный человек сразу поймет, что такое придумать невозможно, и поверит, а они придумали. И Пляс Конкорд, красные такси «рено», Сену придумали, Лувр, рю де Риволи. Обложили со всех сторон фантазмами, я и купился. А теперь сижу у разбитого корыта и понимаю, что пора подводить итоги.

Улагай pokrивился и как-то так покачал головой, что стало совершенно ясно, что он не считает, что пора уже подводить итоги.

– Нет-нет, даже не спорь со мной! Понимаешь, Кучук, я поверил, что рай существует, что здесь, в этом пургатории, мы временно, нужно только перетерпеть, дожидаться, и будет Париж, где на бульварах огни, где прекрасно можно устроиться *шоффером* на такси и жить припеваючи, зарабатывая в три раза больше, чем в этой дыре. Оказалось – нет. Дудки. Это не пургаторий, это уже ад, и мы в самом нижнем, ледяном круге.

Улагай поднял брови и пожал плечами. Ад так ад, о чем тут рассуждать.

– Пойдем, Кучук, на Теразию, у меня сегодня серьезное большое дело намечено – нужно мне семьсот динар пропить непременно в связи с тем, что жизнь моя подошла к концу, а впереди ничего, кроме унылой вечности. Уверю тебя, сволочь трактирщик выкопает настоящий шустовский коньяк. Никуда не денется.

Улагай слегка выпучил глаза и встопорщил усы – видно было, что настоящий шустовский коньяк поразил его воображение. Потом вздохнул:

– Сегодня не могу. Сестра ждет. Жена, – и пояснил: – Женщины.

И скрылся в грохочущем аду штамповочного цеха.

– Счастливый человек, – по-доброму позавидовал ротмистр, – его кто-то ждет. А для меня даже подняться в седьмой круг вместо девятого – и то будет замечательной потусторонней карьерой. И пусть меня терзают гарпии. Но сначала – избавиться от никому в этой жизни не нужных семисот динар. А коньяк – непременно шустовский.

И ротмистр, неожиданно даже для себя самого, весело и зло грянул:

Как ныне сбирается вещий Олег
Отмстить неразумным хазарам!..

И так он громко и лихо начал свою песню, что даже вечно всем недовольный хозяин радостно изумился, прислушиваясь к его пению сквозь оглушающий грохот пресса, и одобрительно покивал головой. Впрочем, выражение его лица тут же изменилось: не смог ротмистр удержать нужного накала, и песня его через какое-то мгновение наполнила уже не бравый марш, а заунывное похоронное пение.

Их села и нивы за буйный набег
Обрек он мечам и пожарам...

Не в силах, очевидно, стерпеть такое издевательство над русскими военными маршами, Савич бросил все свои неотложные дела в конторке и побежал наводить порядок с непонятливым русским певцом. Ротмистр, в свою очередь, с отвращением швырнул кисточку в банку с краской и неодобрительно осмотрел свои испачканные зеленой краской руки.

— Нельзя же, честное слово, помирать такой крашеной сволочью.

С самыми невинными намерениями выскочил Савич из сарая, всего лишь хотел он обсудить русское песенное искусство со своим нерадивым наемным рабочим, но увидел нечто невообразимое: работа была брошена, абажур недокрашен, а кисточка плавала в банке с краской, а это уже, как понимаете, прямой материальный ущерб для хозяина. Еще даже не успев понять, что ситуация уже не та и произошло что-то непредвиденное, подскочил он с налету к ротмистру и, крича что-то невразумительное, ткнул его волосатым кулаком, призывая к порядку. Лучшее бы он этого не делал! Нельзя оскорблять действием русских дворян, а тем более уж нельзя поднимать руку на бессмертных гусар, замерзших навеки в ледяных степях России, — но, как было только что спето ротмистром, некоторые ведут себя порой не только буйно, но и совершенно неразумно. Драго Савич казался большим, толстым и грозным мужчиной, но это была чистая видимость, и осознал он это, только оказавшись на земле у распахнутой двери сарая, причем один глаз у него ничего не видел. Более того, в довершение поругания Кучин пнул ногой банку с краской, отправив ее вдогонку за хозяином, и тонкая блестящая зеленая змея, выплывшая из открытой банки, уютно устроилась у того на штанах.

Побитый Савич тонким и сиплым голосом призвал себе на подмогу сыновей, неуклюже вставая на ноги и болезненно щурясь подбитым глазом.

Сыновья не замедлили явиться – оба такие же большие и грозные, вполне под стать своему отцу. Они выскочили из сарая и остановились, оценивая обстановку и с опаской разглядывая синяк под глазом у родителя. Они как-то даже сразу и не поняли, что нужно кидаться и бить Кучина, поскольку тот стоял совершенно спокойно и с интересом, вполне доброжелательно, разглядывал дружное семейство.

А когда они что-то поняли и направились было к Кучину, тот резко сунул руку в карман. Савич и оба его сына, которых в России звали бы по отчеству Драговичами, но тут никаких отчеств и в помине не было, а имена их как-то никому не запомнились, мгновенно замолчали и подались назад, со страхом глядя на кучинский карман. Всем было прекрасно известно, что русские офицеры в карманах носят револьверы и, чуть что, начинают палить во все стороны. Это было общеизвестно. Кучин сначала не понял, почему они остолбенели, потом ухмыльнулся. Револьвера у него в кармане не было, а если бы и был, он его доставать бы не стал. Невозможно представить, чтобы русский офицер стал пугать револьвером безоружных штатских, даже если револьвер этот действительно лежит у него в кармане. Револьвером вообще никого и никогда пугать нельзя. Револьвер нужно доставать только в том случае, если собираешься стрелять и, значит, убивать врага. Револьвер нужен для войны или, в самом крайнем случае – для отражения нападения вооруженной банды разбойников.

Кучин достал из кармана носовой платок, за которым он, собственно, и полез, и стал оттирать испачканные руки.

Эксплуататоры оживились – видно, им стало стыдно, что они так испугались несуществующего револьвера, – и стали грозно придвигаться к Кучину. Они ошибочно полагали, что если у Кучина нет револьвера, то их численное превосходство дает им какое-то преимущество, если дело дойдет до столкновения. Кучин быстро бы разубедил их в этом, но до столкновения дело так и не дошло. Из сарая вышел Улагай с очередной порцией абажуров, остановился и внимательно посмотрел, оценивая ситуацию. Что-то было такое в его задумчивом взгляде, от чего троица попятилась, вспомнила о неотложных делах и решительно направилась вглубь сарая. Уходя, Драго обернулся и, резко взмахнув растопыренной пятерней, запретил Кучину появляться впредь вблизи его предприятия, даже если он будет подыхать от голода как собака. Кучин от изумления даже рука-

ми развел, лишившись на какое-то время дара речи. Придя в себя, он с грустью посмотрел на Улагая:

– Приходи, Кучук, коньяк пить. Попрощаемся по-человечески.

Улагай нахмурился, кивнул и, с грохотом сбросив штампованные абажуры, вернулся в штамповочный ад.

МОРОК ПАРИЖА

В небольшой кофейне на Теразии, притворявшейся русским кафе в Париже, ротмистр Кучин наливал коньяк (шустовский, по уверениям хозяина, – врал, конечно, негодай!) молодому человеку в красной русской рубаше-косоворотке. Какие бывают русские кафе в России, и существуют ли они в природе, хозяину заведения не было известно, но в городе было много русских офицеров, а русские офицеры любят хорошо выпить и не скупятся на чаевые, когда они при деньгах. А когда они не при деньгах, им можно совершенно спокойно наливать в долг, потому что русские офицеры долги отдадут неуклонно. Поэтому хозяин постарался сделать кафе похожим на настоящие русские кафе в Париже, где побывал его шурин и всё самым подробным образом рассказал: на стенах висели подходящие картинки с монархическим уклоном, а на сцене регулярно играл ансамбль балалаечников в красных рубашах, подпоясанных витыми шнурками.

Молодой человек только что отыграл какую-то виртуозную балалаечную композицию, подошел поздороваться с Кучиным, да так и присел к нему за стол, поддавшись напору ротмистра, схватившего его за атласный рукав и усадившего на венский стул. Ротмистру Кучину нужно было с кем-то поговорить перед смертью. В кармане у него лежал верный наган, в другом кармане – накопленные для переезда в Париж семьсот динар, которые теперь нужно было непременно пропить напоследок.

– Вот вы говорите – Париж, Париж. А есть ли он на самом деле – Париж? Вот я теперь сильно сомневаюсь, – слегка наклонившись к молодому человеку, проникновенно говорил Кучин.

– То есть, позвольте, каким это образом? – удивился молодой человек в красной рубаше. – Какие же в этом могут быть сомнения?

– Вот таким вот образом, такой вот парадокс, любезный Иван Афанасьич. Я тоже, знаете ли, верил в Париж – воображал себе, какая замечательная жизнь меня там ждет. Ну представьте себе: устроиться *шоффером* – славное красное такси «Рено», выучить карту назубок – все двадцать арондисманов, вечером у театра – «сильвулле, сударыня! Куда едем?». Запах кожи и бензина, свобода – сказка!

– И что? – не понял молодой человек.

– И ничего! Абсолютно ничего! Вот говорят, что у меня эти сволочи из «Технопомощи» визу украли, и кто-то теперь по моей визе прекрасно доехал уже до Парижа.

– Да неужели? – изумился молодой человек.

– А я думаю, – заговорщицким тоном проговорил ротмистр, наклонившись поближе к нему, – я думаю, что это всё отговорки, это всё для отвода глаз. Вранье чистой воды. Нету никакого Парижа. Это фантазм. Вроде того света – все верят. А может, и нету никакого того света. А? Кто-нибудь оттуда вернулся? Нет. Я лично таковых не видел.

– Нет, ну позвольте, как же так... – несколько растерянно пытался защитить факт существования Парижа молодой человек, но после очередной рюмочки коньяку уверенность его заметно поколебалась. – Говорят, приезжали оттуда...

– Ну, Иван Афанасьич, вот вы как человек реалистический, скажите мне – можно ли верить всему, что говорят?

– Э-э-э, – замялся молодой человек.

– Вот именно. Вот именно, – очень убедительно покивал Кучин. – Ваша рубаша – это факт. Балалайка – это тоже факт, хотя лично для меня факт довольно нелепый. А Париж – это фантазм. Фикция. Смутный сон.

– Да, да, балалайка! – обрадовался молодой человек, ухватившись за волновавшую его тему. – Вы только представьте себе, Александр Васильевич, я ведь в России балалайки в руках не держал, черт бы ее побрал, эту балалайку. Я вообще-то на виолончели учился играть. Дома в Киеве у нас было пианино, гитары были, вот для души я любил на гитаре, этак вечером... Лампа с зеленым абажуром, звездная ночь над Днепром, теплая печь с изразцами...

– Печь! Да! – наставительно произнес Кучин, подняв вверх палец, – вот чего они тут все не понимают, так это печь!

– Да, да, – вдохновившись, продолжал молодой человек, – печь! А что такое балалайка? Тьфу – вот что это. Кто-то ее придумал в качестве народного инструмента, для экзотики, в угаре празднования трехсотлетия дома Романовых, вместе с кокошником и рубашкой вот этой дурацкой, а все поверили! Поверили, понимаете ли! И теперь – всё, конец, некуда деваться. Гитара – это, видите ли, для испанцев, «ночной зефир струит эфир», – а мы, русские, должны играть на балалайках! И носить красные рубашки и смазные сапоги, как приказчики в провинциальной бакалейной лавке! Тошно, Александр Васильевич, честное слово.

И молодой человек с горечью опрокинул очередную, не иссякавшую заботами ротмистра Кучина рюмку коньяку.

— А самое ужасное, — зашептал он, округлив возмущенно глаза, — что они все привыкли! Наши, русские, настоящие, привыкли уже, и теперь им подавай балалайку! Как будто так и надо... Лепят какую-то не существовавшую никогда Россию и льют по ней слезы. И что там в настоящей России делается, никому уже и дела нет. А вы говорите — Париж!

И они замолчали, думая каждый о своем.

Париж! Все рвутся в Париж. А там уж устраиваются кто как может, не каждому в Париже накрыт праздничный стол. Князья метут улицы — если, конечно, не успели прихватить с собой фамильные драгоценности, если не было счетов в зарубежных банках, особняков на Ривьере. Некоторым везе хорошо, в любой стране и при любой власти. А были и такие, что эвакуировались, в чем были, из горящего Крыма — какие уж тут бриллианты. И семьи их, может, и вырваться не сумели из Совдепии, а может, и вырвались, да имущество было конфисковано, семейные украшения ушли на взятки да на еду, а остатки отобрали бравые румынские пограничники — и как найти свою семью в этом круговороте, где появляются и исчезают государства, переползают с места на место границы? Единственный шанс встретить знакомых, узнать о родных, глотнуть животворного воздуха — прорваться любым способом в Париж. В Париж! Все дороги ведут в Париж. Все надежды на Париж, а уж если Париж обманет эти надежды, то тогда уже всё равно куда — в Новую Зеландию, в Аргентину, в Африку, на тот свет.

— Нет, Александр Васильевич, какая уж там Аргентина, что такое, собственно, Аргентина? — испугался молодой человек. — Пампасы? Гаучо? К чему это всё?

— А что, Ваня, хуже, чем здесь, всё равно не будет, — рассудительно развел руками Кучин, ни в какую Аргентину не собиравшийся.

— Это верно, куда уж хуже. Бездна же какая-то совершенно глухая. Вот брат у меня в Загребе в университете учится, у него цель в жизни есть, он ученый настоящий, с микробами какими-то возится, сейчас голодает, а потом как-нибудь, может, всё и наладится. А я куда — со своей балалайкой? — он горестно покивал головой. — И знаете, что я вам скажу? Удивительный парадокс!

— Да? — не слишком заинтересовался парадоксом Кучин.

— Ему деньгами помогает старший брат из Москвы.

— То есть, позвольте, как это — из Москвы? — встрепнулся Кучин. — Он что, большевик?

— Да нет, при чем тут большевики! — возмутился молодой человек. — Никакой он не большевик. Он журналист, писатель. И вот что самое интересное — там теперь все меняется! Теперь там НЭПО —

новая экономическая политика. Пооткрывали магазины, частные газеты и издательства, коммунизма больше нет, – удивительным образом большевики меняются!

– Большевики меняться не могут, это вы мне даже не рассказываете. Если сомневаетесь, спросите у Улагая, он вам расскажет, как еще совсем недавно от агентов ГПУ в Болгарии отстреливался. Это они только притворяются, а сами лезут во все дырки. Оглянуться не успеете, как турнут вас всех из кафе вместе с балалайками и будут тут петь «Интернационал» хором.

– Да нет же, Александр Васильевич, – даже как бы слегка обиделся молодой человек. – Мой брат ни в коем случае не большевик, он врать не станет. Там в ходу, представьте себе, опять серебряные полтинники, водку вот выпустили снова.

– Да слышал я про их водку, – сердито перебил его Кучин. – Дрянь, небось, эта водка, и в рот ее не возьму. Пусть ее сам Рыков и пьет. А что у них на полтинниках отчеканено? Профили Ленина и Троцкого?

– Ну, я точно не знаю, что-то революционное – звезды, рабочие с крестьянами. Но это неважно! Серебро-то самое настоящее! Настоящие деньги! Полтинник как полтинник, рубль как рубль, и по размеру, и по весу, всё как раньше. Это после керенок, совзнаков и прочего мусора!

– Не верю я ни в какое большевистское серебро, увольте уж, Иван Афанасьич.

– Ну, не знаю, Александр Васильевич, вот честное слово... Брат у меня в газетах работает, и даже в берлинской газете сотрудничает, роман вот сейчас публикует, как-то всё меняется. Большие перемены произошли. Глядишь, дождемся, и Троцкого скинут. Ходят такие слухи.

– Эх, голубчик, кто же его скинет? И кто сможет гарантировать, что скинут его не для видимости и обмана простаков, и что он на самом деле не спрячется где-нибудь в Париже на конспиративной квартире? Оглянуться не успеете, а тут – раз! – и революция! Фратернитэ, эгалитэ, чека!

– Да нет, честное слово. Ну что вы, право...

Кучин на своей версии грядущей французской революции настаивать не стал, а принялся объяснять собеседнику устройство настоящей русской печи – той самой, огромной, размером с комнату, в которой внутри мыться можно, – с кратким изложением физических принципов получения настоящего теплого тепла, а не угарной угольной вони от турецкой жаровни.

– И вот, понимаешь ли, стоишь возле нее, и даже если из откры-

той форточки на тебя морозный воздух стекает, тебе всё равно тепло, потому что она из своего нутра тепло излучает. То есть, ты одновременно чувствуешь кожей холод от морозного воздуха и глубокое тепло от печки. Это божественно! Непередаваемое ощущение!

Слушавший покивал головой, хотя и с некоторой боязливой опаской, – и растворился в воздухе. Вот только что кивал, а стоило моргнуть, наклониться над рюмкой – а вот и нет его. Пропал начисто.

Зато раздался балалаечный дрожащий звон. Иван Афанасьич, плаксиво сморщившись и изогнувшись нечеловеческим образом, чуть ли не касаясь грифа ухом, фантастически быстро трепещет кистью над струнами. «Светит месяц, светит ясный...»

Вот и жизнь моя. Визы нет, Парижа нет. Ничего нет, кроме пронизывающего ветра и серой мокрой зимы. Нет работы, нет будущего, нет России. Жизни больше нет, а была она, пока не кончилась, как африканское животное зебра, вся в полосочку, то черная, то белая.

Пора подводить итоги и озаботиться приличными похоронами.

Кучин закрыл глаза – нужно попробовать представить, что он в Париже. Что это настоящее русское парижское кафе, а не белградская забегаловка – ведь там на таких же балалайках играют, верно?

Но закрыть глаза нипочем не дадут тому, у кого в кармане лежат семьсот динар на пропой. Он даже может никому и не упоминать об этих обреченных деньгах, они сами какие-то таинственные сигналы подают из кармана, и люди, в обычный день равнодушно прошедшие бы мимо, вдруг вздрагивают, словно кто-то окликнул их по имени, встревоженно оглядывают зал и, заметив сидящего в одиночестве Кучина, вдруг понимающе кивают головой – а, так вот оно что! – и решительно поворачивают в его сторону.

А Кучин, решительно отменяя всякие вежливые отговорки, уже наливает следующему собеседнику настоящий шутовский коньяк и задает прямо в лоб сложные вопросы:

– Вот скажи мне, Алеша, как же получилось, что русский мужик, только что устраивавший погромы, вдруг купился на пустые обещания и поверил этой комиссарской банде? Поверил, что те дадут ему и землю, и свободу? Ведь если бы мужик не поверил, ничего бы не получилось у этой сволочи. Развеялись бы они как дым по ветру. А мужик поверил, своими натруженными руками открыл кингстоны, и пошла великая Русь на дно, туда, к Атлантиде и Византии.

– Ну, Александр Васильевич, зачем же так трагично? Может, еще и не совсем на дно? Может, оно как-то того еще... устроится как-то? Вернемся еще...

– А? – с испуганным изумлением поднимает глаза Кучин. – То

есть, в каком смысле? Куда вернемся? Когда вернемся? В плюсквам-перфект вернемся? По прошлогоднему снегу доскачем?

– Нет, ну... – теряет деланный оптимизм его собеседник. – Ну, может быть, как-то еще? А?

– Нет, Алеша, забудь и думать. Соборовали нас и отпели, и дорога нам теперь осталась одна, в известном направлении, – Кучин показывает большим пальцем, куда именно, – к центру земли, как писал некогда товарищ Жюль Верн. Давай, не чокаясь! За нас!

Но жизнь упорна, она просто так сдаваться не хочет, особенно у тех, кому еще и двадцати пяти лет не исполнилось, и подбивает задавать какие-то суетные вопросы:

– Александр Васильевич, а вот, говорят, вы с Улагаем работаете вместе...

– Работали! – уточняет Кучин, подняв вверх указательный палец.

– А что, – пугается собеседник, бывший поручик Куракин, – Улагай уехал?

– Нет, почему же. Улагай прекрасно сидит на месте и штампует абажуры. Это я уехал.

– Вот как? – недоумевает молодой человек, но, решив не вникать в тонкости взаимоотношений Кучина с пространством и временем, что чревато взаимным недопониманием, снова возвращается к беспокоящему его вопросу.

– Я Улагая чрезвычайно уважаю, он замечательный человек. И сестра у него замечательная. А вот что я спросить хотел. Что, Кучук свою сестру на люди вообще не выпускает? Он ее в монахини записать решил?

– У мусульман нет монахинь, насколько мне известно.

– А, так он мусульманского жениха ищет для нее? Не нашел еще? Здесь ведь их навалом – хоть бошняки, или вон в Албанию можно смотреть. Не сосватал он еще ее?

– Не любит он местных, как-то неправильно они живут, а в Албании вообще неизвестно что творится, там из наших, почитай, никто и не бывал. Темная земля. Терра инкогнита. Где женихов искать? А русские сплошь православные.

– Ну, где же он здесь настоящего черкеса найдет, чтобы и русский, и мусульманин. Оставит он ее в старых девах, вот ей-ей, оставит. А сестра у него красивая – прямо хоть в мусульмане записывайся. Вот ей-богу.

Кучин задумывается, рассматривает внимательно молодого человека своими прозрачными, обретшими потустороннюю уже ясность глазами, и одобрительно кивает:

– Так запишись. Она того стоит.

– Вы серьезно, Александр Васильевич? – изумился поручик.

– Абсолютно. Или хватай ее, похищай, как у черкесов принято, и увози куда-нибудь подальше – в Новую Зеландию или, например, в Аргентину.

– Неужели в Аргентину? – поражается молодой человек.

– Именно в Аргентину, – подтверждает находящийся с виду в полном сознании Кучин и глубоко о чем-то задумывается.

А молодой человек растворяется в ресторанном тумане, унося в голове глубокой занозой засевшую мысль о романтическом похищении невесты.

СЕРЬЕЗНАЯ ДИСКУССИЯ РОТМИСТРА КУЧИНА

– Ну и как, ротмистр, вы полагаете, не пора ли подводить итоги? Есть ли смысл в продолжении уже, по сути, завершившейся партии? Вероятно, человек трезвый должен осознать ситуацию и, приняв соответствующее решение, произвести окончательный расчет?

– Позволю заметить, однако, что в таких серьезных делах, как подведение окончательных итогов, торопиться ни в коем случае не следует, а следует, напротив, тщательно всё обсудить и взвесить. Тем более, что и коньяк еще имеется в наличии, и оставлять его не имеет никакого смысла при любом раскладе.

– Да сколько уже можно взвешивать? Мы всё же не в мелочной лавке, и речь не о фунте изюма. Впрочем, замечание о коньяке представляется вполне резонным.

– И тем не менее. Позвольте, ротмистр, задать вам вопрос: осталось ли еще что-то в этом мире несделанное, можете ли вы о чем-то мечтать, чего-то хотеть или на что-то надеяться? Возможно, остались какие-то долги, которые следовало бы вернуть?

– Вот с долгами всё в полном порядке. Долги все розданы – ну, если не иметь в виду долги глобальные, метафизические. А новых долгов делать нет никакого смысла. Так что позволять подвести итоги. Если возникнут сомнения, можно задавать уточняющие вопросы. Итак: родины у вас, ротмистр, нет, как нет и семьи и каких-то планов на будущее. Будущего вообще нет. Дальнейшее пребывание в окружающем безвремени представляется бессмысленным. А Парижа, как мы уже выяснили, на самом деле не существует.

– Но ведь не один только Париж существует на земле? Мало ли других мест, в которые можно попасть?

– А смысл? Если уж Парижа нет, то и другие места не представляют интереса. От перемены мест, как говорится... Едва ли что-то может измениться от перемещения этого туловища в пространстве.

Давайте, все-таки, ротмистр, по порядку. Подведем итоги. Что вам удалось сделать в жизни, ротмистр? Воевали вы?

– Да, воевал я достаточно. И с немцами, и с большевиками. Жизнь моя была полна разнообразных событий, и жаловаться мне было бы грешно. Событий этих хватило бы на несколько жизней. В донских степях замерзал? Замерзал. На вонючем турецком острове вшей давил? Давил. Албанских качаков на границе в горах отстреливал? Отстреливал. Мало того, можно смело занести в актив и многое такое, что русскому офицеру десять лет назад и в голову бы прийти не могло, в силу ограниченности фантазии.

– Уж не производство ли французских сыров из заплесневевших сербских отбросов вы имеете в виду?

– А что, есть чем гордиться. Это было гениальное предприятие, жаль, что так быстро прогорело. Не получилось из меня лавочника, как не получилось садовника и промышленного рабочего в сарае у Савича.

– Умения ваши, ротмистр, в мирной жизни никому не нужны, а войн в ближайшем будущем не предвидится, потому что после той последней войны никакие большие войны уже невозможны, поскольку приведут к уничтожению всего человечества. Да-да, ротмистр, не притворяйтесь удивленным – никакие ваши воинские умения не смогут пригодиться в войне, в которой с аэропланов будут выпущены смертоносные газы, уничтожающие целые города. Наган пригодится вам только для того, чтобы быстренько застрелиться, избегая мучений.

– А война с большевиками?

– С большевиками, ротмистр, никто воевать не будет. Кончено. Некому с ними воевать. Обнесут большевиков забором и будут ждать: то ли они там сами себя перестреляют, то ли переродятся во что-то новое, еще неведомое. Но в любом случае вам, ротмистр, там места не будет. Так что никаких достойных занятий не предвидится. Унылая пустота. Холод и нищенское похабное прозябание. И тут самое главное – осознать этот факт и завершить игру достойно, без ненужного пафоса и громких восклицаний.

– А вот, наверное, какое-то письмо нужно будет все-таки написать, во избежание ненужных хлопот у не причастных ко всему этому людей?

– Ну что ж, письмо написать надо. С этим спорить не приходится. Хотя писем таких я писать не люблю, не умею, и представляется это мне весьма тягостной задачей. Но облегчает написание письма тот факт, что наследников у вас, ротмистр, нет, да и наследства, собственно говоря, тоже. Револьвер конфискует полиция, а прочее

барахло никакой ценности не представляет. Всё, что у меня есть ценного, можно повесить на парадный мундир. Надеюсь, похоронят меня именно в нем.

— Надежды юношей питают... Не выпить ли вам, ротмистр, коньяку?

— Непременно!

И ротмистр Кучин, обсудивший сам с собой последний в его жизни серьезный вопрос и во всем сам с собой согласившийся, с ласковой печалью посмотрел на рюмку и выпил.

СЧАСТЛИВАЯ ЗВЕЗДА ПОЛКОВНИКА МИКЛАШЕВСКОГО

Собственно говоря, все дела уже были сделаны, и решения приняты, и жизнь уже фактически завершилась, оставалось лишь решить какие-то организационные моменты: пропить еще некоторую сумму денег, оставив лишь на скромные похороны, да и можно уже стреляться. Да вот, всё же, нужно письмо написать, хотя бы какую-то записку, как положено, с пояснениями — черт, это значит, какую-то бумагу, карандаш, что ли? Как это обычно делается у приличных людей? Да и не в кафе же стреляться за столиком, нельзя людям портить вечер. То есть, если всё это отложить до ночи, то стреляться нужно на квартире, там же и оставить письмо для хозяев и всех прочих заинтересованных лиц. Побриться, наверное, нужно? Мундир приготовить. Что там еще осталось доделать в этой жизни? Вот, пропить лишние динары — да и пора. Пора.

Впавший было в алкогольную расслабленность Кучин вдруг посерьезнел, глаза его прояснились, а в висках застучало. Нужно было вставать и идти. Но такое уж малодушное животное человек — так и норовит оттянуть неизбежное, всё ищет хоть какой-нибудь повод задержаться за накрытым столом. И повод, конечно, тут же появился, в лице полковника Миклашевского. Настоящего полковника, причем не только русского (то есть, в сущности, бывшего), но и сербского. А у сербов полковник — это совсем другое дело, это никак не ниже генерала по российским меркам, у них в армии полковники наперечет.

Фольклорная история о том, как Миклашевский стал сербским полковником Генерального штаба, передавалась из уст в уста, обрстая всё новыми цветистыми подробностями, поскольку идеально соответствовала русским стандартам волшебной сказки о неизбежном справедливом воздаянии, о третьем сыне-дурачке, поделившемся последней хлебной корочкой с нищим стариком, который потом вдруг оказывается волшебником; о жадных старших братьях, отби-

рающих наследство у младшего и терпящих фиаско; короче говоря, о том, что последние станут первыми – но, разумеется, ни в коем случае не в том смысле, в котором об этом поют большевики в своих гимнах. Хотя, если задуматься, то успех большевиков и был обусловлен тем, что выдвигаемые ими лозунги всем критериям волшебной русской сказки вполне соответствовали.

Миклашевскому люто завидовали, хотя, заметьте, никто никогда не посмел усомниться в том, что счастливый удел выпал ему вполне заслуженно. Он был настоящим боевым офицером и отличился во время войны на румынском фронте, где наши войска воевали бок о бок с союзниками – сербами. После особо успешной операции, которой он лично руководил, проявив замечательную храбрость, прошли, как положено, награждения, и по особому отношению сербского правительства присланы были для награждения два ордена Андрея Первозванного и самими сербами выделенный орден Звезды Карагеоргиевичей. Штабные, естественно, ордена Андрея Первозванного распределили между собой, по чинам, выслуге, очереди и прочим внутренним рассуждениям, а туземную Звезду, как особой ценности не представлявшую, уступили Миклашевскому, собственно говоря, все эти ордена своим героизмом и заработавшему. Ну не мог же, в самом деле, Миклашевский, не имевший еще даже Святой Анны первой степени, рассчитывать всерьез на Андрея Первозванного? Никак не мог. Но осадок какой-то у него, несомненно, остался, и, как следствие, большой радости от получения Звезды Карагеоргиевичей он не испытал, хотя в другое время, несомненно, наградой гордился бы.

И вот, как водится в волшебных сказках, через некоторое время, измеряемое обычно количеством стоптанных железных башмаков и сгрызенных каменных хлебов, а в нашем случае – количеством пересеченных границ, прошедших войн и погибших товарищей, стоял Миклашевский в волшебной пещере, где множество бывших генералов и князей, не говоря уже о чинах помельче, просиживали часами, надеясь на чудо со стороны сербских властей. Вполне реально можно было рассчитывать только на тяжелую работу по прокладке железной дороги, но не все были на это способны, и самым обычным делом было, если княгиня содержала своего супруга – князя и генерала, да и всю остальную семью, – работая ремингтонисткой в коммерческой компании или давая частные уроки музыки. Повезло тем, у кого была реальная профессия в руках, кто умел, наподобие графа Толстого, тачать сапоги, а остальные отчаянно бедствовали в условиях безработицы и не брезговали порой бесплатными обедами в благотворительных столовых.

Миклашевский, совершенно реально оценивавший ситуацию, все-таки надел парадный мундир, почистил награды и пошел сидеть в унылой очереди, ибо нужно же что-то делать даже в безвыходной ситуации. И вот тут произошло чудо, оставшееся в памяти всех присутствующих. Сидевший за столом сербский лейтенант, вначале равнодушно отвечавший на робкие вопросы полковника Миклашевского, оторвался на какое-то мгновение от бумаг на столе и поднял голову. Прямо у него перед носом на груди русского полковника висела лучистая звезда с крестом – орден Карагеоргиевичей, высшая награда королевства. Лейтенант, изменившись в лице, онемел от изумления, затем резво вскочил, отдал честь и побежал докладывать начальству.

Сцену эту все пересказывали с такой уверенностью, что становилось понятно, что в упомянутой очереди сидели человек двести, по меньшей мере, и все они были непосредственными свидетелями чуда. Драматичность описываемых событий варьировалась: от легкого изумления до полного оцепенения сербского лейтенанта (именовавшегося порой даже капитаном) и впадения его в ступор.

Сначала никто и не понял, в чем тут дело, и только спустя некоторое время всё прояснилось. Кавалеры этого Креста пользовались совершенно особым статусом в королевстве. Оказалось, что Миклашевский имеет право на пожизненные выплаты; кроме того, он при желании имеет полное право на зачисление в армию королевства с сохранением звания, выслуги лет и всех полагающихся привилегий. Естественно, он этим своим правом немедленно воспользовался и зачислен был в сербский Генеральный штаб.

Неизвестно, насколько удачно сложилась судьба у штабных генералов, присвоивших себе Андрея Первозванного. Вполне возможно, что если им удалось вывезти орден из Совдепии, то его можно было удачно заложить в парижском ломбарде в виде ювелирного изделия и обеспечить себе на какое-то время сносное существование. Но это ни в какое сравнение не может идти с невероятной удачей, выпавшей на долю полковника Миклашевского. Оказалось, что он – счастливчик, вытацивший из проруби щуку, и чего бы он ни захотел, все его желания сбывались совершенно волшебным образом. Некоторые уверяли, что достаточно прикоснуться к волшебному ордену, чтобы сбылось практически любое желание, но сделать это нужно было непременно незаметным для обладателя ордена образом.

И вот к столику Кучина направлялся Миклашевский, сиявший энтузиазмом так, словно он занял место Врангеля или, по крайней мере, его сделали генералом сербской армии. Смотреть на него было

тяжело, глаза резало от его сияния, и хотелось немедленно выпить коньяку. Что Кучин и исполнил незамедлительно.

СРЕДНЕВЕКОВАЯ АВАНТЮРА

Кучин, знакомый с Миклашевским с незапамятных времен как с соседом, имение которого находилось неподалеку, мог бы по-соседски и не вставать при его приближении, тем более что был в штатском, но русский офицер остается офицером в любом положении, даже одетый в штатское и после выпитой бутылки коньяку, и Кучин совершенно автоматически вскочил, когда увидел, что Миклашевский направляется именно к нему.

– Здравствуйте, здравствуйте, любезнейший Александр Васильевич! А я вот по вашу душу с весьма интересным предложением.

– Я согласен, Илья Михайлович!

– Но позвольте, позвольте, Александр Васильевич, я даже еще не объяснил, в чем, собственно, дело.

– Я всё равно согласен. Вот, кстати, не желаете ли коньяку? Шустовский. Так, по крайней мере, уверяет сволочь трактирщик. Да. Согласен на всё что угодно. Рюмочку, позволите? Так о чем речь? Нужно проложить железную дорогу сквозь Альпы? Или идем маршем на Москву свергать Троцкого?

Миклашевский успокоительно помахал ладонью, как бы приглушая энтузиазм Кучина.

– Да-да-да. Что-то вроде этого. Вы удивительно точно угадали, ротмистр. У вас просто какая-то сверхъестественная проницательность.

Кучин озадаченно пожевал губами, сам удивленный собственной проницательностью, и выпил, многозначительно показав рюмку Миклашевскому.

Тот подумал какое-то мгновение и, не обнаружив, вероятно, никаких резонов отказываться, тоже выпил.

– Так вот, – он прислушался к своим ощущениям, пытаясь понять, действительно ли коньяк шустовский, но ничего не понял и продолжил:

– Да, именно сквозь Альпы, и именно маршем. Но свергать будем не Троцкого, а его приспешника епископа Фан Ноли, узурпировавшего власть в Албании. То есть марш будет не на Москву, а на Тирану, как именуется их столица, о чем вам, разумеется, известно...

Кучин утвердительно замахал сразу обеими руками – уж ему-то прекрасно было известно, как именуется столица Албании, более

того, он прекрасно знал, как выглядят албанские качаки, и помнил, с каким звуком пролетает мимо головы огромная пуля, выпущенная из гигантского древнего турецкого ружья, которыми до сих пор эти качаки кое-где пользуются, равнодушно игнорируя произошедший за последние сто лет прогресс в области оружейного дела.

— И целью этого марша будет восстановление законной власти премьер-министра Ахмета Зогу, свергнутого в результате большевистского переворота, организованного коммунистическим ставленником Фан Ноли.

Кучин некоторое время думал.

— Позвольте, да ведь этот самый Фан Ноли, кажется, епископ?

— Да, он православный епископ, но какого-то сектантского разбора, приехал из Америки.

— Каким же образом православный епископ, хоть он даже приехал из Америки, может быть большевиком и коммунистом? И как он мог организовать переворот в Албании, где нет большевиков, да и православных, кажется, не так уж и много?

Миклашевский замолчал, удивленно подняв брови, словно ему самому такой вопрос раньше и в голову не приходил, — и развел руками.

— Вот так уж получается, Александр Васильевич, в такое удивительное время мы живем. Получается, что мы должны помочь мусульманину, албанскому феодалу князю Ахмет-бею Мухтару Зоголлы восстановить закон и порядок в Албании, и сражаться нам придется с единоверным православным епископом, который каким-то невообразимым образом является при этом коммунистическим узурпатором.

— А кто организует кампанию? Королевство? Нас зачислят добровольцами в сербскую армию? Это будет военная кампания или, возможно, международный экспедиционный корпус?

— Никакой войны не будет. Королевство поддерживает это... мероприятие... морально и организационно, но официально сербские войска участия в этом походе не принимают, в силу возможных международных осложнений. Участвовать будут добровольцы албанской национальности из Косова; ну, какие-то сербские военные специалисты, артиллеристы и так далее. Формально — это частная кампания премьер-министра Зогу, лично им организованная и оплачиваемая из собственных средств. Военное руководство буду осуществлять я лично как частное лицо, хотя, разумеется, с полного ведома и одобрения сербского Генштаба, в коем я имею честь служить. Мы временно поступаем на службу премьер-министру Албании в качестве военных советников, по контракту. Дело очень срочное, буквально в

ближайшие несколько дней нужно набрать до восьмисот русских добровольцев, как это предусмотрено планом.

– Хм... – Кучин задумался.

– У вас какие-то сомнения?

– Нет, нет, ни в коем случае, – оживился Кучин. – Всё просто замечательно складывается, тем более что это даже не Аргентина.

– Аргентина? – удивился Миклашевский. – Почему Аргентина?

– Да нет, вы не поняли, господин полковник, как раз не Аргентина. И это очень хорошо.

Миклашевский не понял, при чем тут Аргентина, но вникать не стал:

– Премьер-министр оплачивает этот поход из своих собственных средств и, изволите ли видеть, платит золотом.

И Миклашевский положил на стол перед Кучиным золотую монету.

Кучин в изумлении уставился на нее:

– Что это?

– Наполеондор. Самая надежная валюта в мире – вот уже не знаю, сколько десятков лет.

Кучин взял монету в руки. Профиль императора в лавровом венке выглядел очень убедительно, а тяжесть монеты подтверждала солидность намеченного мероприятия.

– Интересно, из каких тайников в своем родовом замке в горах он достал эти монеты? Все это ужасно романтично. Я ощущаю себя мушкетером в Париже. Вперед, покажем этому кардиналу, то есть, епископу! За короля!

Кучин вернул монету Миклашевскому.

– Интересно, на кого похож этот Ахмет Зогу? Так и представляю себе древнего албанского князя с длинной седой бородой и в мусульманской чалме.

– Представьте себе – достойнейший молодой человек, ему еще и тридцати лет нет, прекрасно образован, жил в Европе, говорит на нескольких языках, боевой офицер, полковник, и при всём при этом – да, действительно, он настоящий средневековый албанский князь, владеющий своими подданными в каких-то совершенно диких албанских горах. Бороды у него, кстати, нет, только усы, вполне офицерского вида. Даже, я бы сказал, скорее европейски-аристократические, чем офицерские.

– Изумительно, – восхитился Кучин.

– И вот что, голубчик, – положил ладонь на руку Кучина полковник, – дело это срочное, и надо немедленно приниматься за службу, время не терпит. Коньяк придется отложить на другое время. У меня

есть для вас срочное задание: нужно встретить на вокзале прибывающую команду казаков и препроводить по назначению для расквартирования. Буквально через пару часов.

— Бог с вами, господин полковник, какой может быть коньяк в такой ситуации? Тем более что никакой он не шутовский, а явная подделка.

— И подумайте, пожалуйста, кого еще можно было бы привлечь из надежных офицеров. Очень нужны грамотные специалисты, на которых можно положиться.

— Да, господин полковник, — да о чем речь! С вами — да в настоящее дело — кто угодно согласится немедленно. Да вот хотя бы Улагай — ни секунды не сомневаюсь, или, к примеру, вот только что тут был, вот буквально... сейчас посмотрю, где он тут, Алеша, то есть поручик Куракин... да никто не откажется, я абсолютно уверен!

И неожиданно воскресший ротмистр Кучин, избавленный от тягостной обязанности писать скучные предсмертные записки, повеселел и выпил следующую рюмочку уже не по необходимости, а просто так, для поддержания хорошего настроения.

ТЕНИ НА БЕЛГРАДСКОМ ВОКЗАЛЕ

Первое задание, полученное Кучиным от руководителя команды добровольцев, было простым, но очень ответственным и чрезвычайно срочным: нужно было встретить на вокзале полковника Бойко, который вместе с казацким войсковым старшиной должен был привести команду казаков в количестве восьмидесяти сабель, а возможно даже и ста с лишним, как предположил полковник Бойко при заключении договора. Восемьдесят казаков он гарантировал несомненно, но вполне возможно, что к такому заманчивому и высокооплачиваемому предприятию могли присоединиться и другие охотники.

Миклашевский считал, что это самый надежный способ набрать за два-три дня намеченные восемьсот или тысячу добровольцев — если командиры сразу будут приходить со своими, проверенными временем подразделениями, уже слаженными в бою. Кучину не нужно было решать никакие финансовые или организационные вопросы — полковник Бойко подписал все бумаги и получил авансом триста наполеондоров, так что в задачу ротмистра входило лишь сопроводить команду казаков до Скопье, проследить за их размещением и немедленно вернуться в Белград за следующей партией. В дальнейшем в указанное время добровольцы должны были уже из Скопье самостоятельно добраться до Дебара, или, как этот город называли албанцы, до Дибры. Нужно было привыкать к албанским

названиям и даже осваивать какие-то албанские слова, что для ротмистра не представляло никакой трудности, поскольку во время службы в пограничной страже он непрерывно сталкивался с албанскими контрабандистами и уже свободно овладел всеми выражениями, жизненно необходимыми как для тех, кто стреляет, так и для тех, в кого стреляют.

Волшебным образом совершенно протрезвевший Кучин полетел на вокзал, по дороге успев поймать явившегося в кофейню Улагая, который немедленно записался в добровольцы и отправился за своими друзьями-черкесами. Таким образом, работа по формированию экспедиционного корпуса закипела совершенно чудесным образом.

Казалось, часть сияния Миклашевского перенеслась на Кучина, и он летел по улицам, издали привлекая к себе внимание всех знакомых и малознакомых русских эмигрантов, которых он в самые сжатые сроки немедленно вербовал и отправлял к Миклашевскому. Не все могли, правда, тут же отправиться в Албанию – старый знакомец по галлиполийскому сидению, поручик Казиков, к примеру, которого на лету поймал за рукав Кучин, очень сожалел, что не может записаться в добровольцы, но обещал присылать всех знакомых.

– И что, уже начинается отправка? Прямо вот так, немедленно? Уже кого-то отправляете?

– Да, да. Вот бегу на вокзал, нужно отправить команду казаков полковника Бойко – больше ста сабель, возможно, и до ста пятидесяти дойдет. Вот это по-нашему, мгновенно откликнулись! Как говорится, казаку собраться – только подпоясаться. Остальные тоже собираются непрерывно, целыми подразделениями, это все-таки живое дело, не театральный кружок на турецком полуострове. Ну, бегу, всего наилучшего!

И Кучин полетел дальше, оставив поручика Казикова в глубокой задумчивости. Вполне возможно, что тот вспоминал с ностальгией постановку «Ревизора», в которой участвовал вместе с Кучиным в упомянутом им самодеятельном театре, организованном в лагере для интернированных в Галлиполи в тот момент, когда стало ясно, что главной опасностью для русской армии является не голод, не холод и не болезни, а вынужденное безделье и безнадежная тоска. Именно тогда по приказу генерала Кутепова были заведены полковые любительские театры в унылой турецкой пустыне, и прошедшие огонь и воду боевые офицеры, робея, учили тексты и дебютировали в театральных постановках. Казиков изображал, кажется, почтмейстера, но сейчас уже никто не сможет утверждать это наверняка.

Вокзал – это лицо города для приезжающих, и выражение этого лица может сильно меняться в зависимости от обстоятельств. Когда

Кучин добрался, наконец, до Белграда после всех эвакуаций, перемещений и пересадок, вокзал показался ему олицетворением надежности, покоя и европейской основательности: одним из фасадов он напоминал Московский вокзал Николаевской железной дороги в Петербурге, а у другого фасада доминировало солидное классическое сооружение с римскими цифрами над главным входом (увидев их впервые, Кучин попытался перевести римские цифры в нормальные, человеческие, но слишком суетно и нервно всё было, и не успел сосредоточиться, решил как-нибудь потом пересчитать, но всё как-то было некогда, так и бросил это дело). Когда уезжал на службу в пограничную стражу, вокзал оставался за спиной надежным тылом, а когда оформлял через «Технопомощь» визу во Францию, вокзал улыбался Кучину уже издали – он представлялся ему радостными сияющими воротами в новую жизнь, чуть ли не пригородом Парижа.

Через три часа выражение лица у вокзала было довольно хмурым и недоумевающим, он не понимал, чем тут занят Кучин и зачем он мечется взад-вперед, словно пытаясь отыскать потерянную вещь. Кучин понял это и сам – и метаться перестал, поскольку совершенно ясно всякому здравомыслящему человеку, что сотня казаков – это не чемодан, и потеряться на вокзале, тем более довольно небольшом, они не могут. Нельзя не заметить сто казаков, одновременно прибывших на вокзал, даже если они и не идут строем. Казаки однако не прибыли к условленному времени.

Кучин успел уже разобраться с римскими цифрами над входом. Латинская М – это определенно тысяча. Дальше идут латинская D и три CCC – это значит пятьсот плюс еще три сотни. Потом L и дальше совсем уже просто – тридцать четыре. Получается – 1884 год. Так, кажется. Получается, сорок лет назад вокзал был открыт. Солидный возраст. Хорошее время тогда было, золотое. Крепостное право уже было отменено, но о большевиках никто еще слыхом не слыхивал. Александр ловил рыбу в пруду, а Европа ждала. И всего через десять с небольшим лет должен был родиться он сам, Кучин.

Да, все-таки хорошая школа (а закончил он Тенишевское училище в Петербурге) дает настоящее, основательное классическое образование, которое никакие жизненные перипетии не смогут выбить из головы и которое непременно когда-нибудь пригодится в жизни. Например, когда маешься от безделья на белградском вокзале и пытаешься скоротать томительно тянущееся время.

Однако уже стемнело, и Кучину пришлось решать сложнейшую задачу: отправляться искать Миклашевского, чтобы доложить ему о сложившейся ситуации, или все-таки еще подождать? Если он уйдет, то пока найдет Миклашевского, пока получит дальнейшие указания...

на это как минимум час-другой уйдет, а вдруг казаки как раз и явятся в этот момент на вокзал? Не хотелось пропустить прибытие команды и провалить таким образом первое важное поручение. Но и стоять всю ночь напролет, вглядываясь в мелькающие ночные тени, в тщетной надежде, что какие-то из них вдруг обретут плоть и превратятся в бравых казаков полковника Бойко, тоже было невозможно. Холодно было на улице. Пришлось Кучину перебазироваться в станционный буфет, не забывая регулярно выбегать и проверять, не появились ли казаки.

К утру он припомнил всем казакам всех разборов все их грехи, мнимые и настоящие, – вспомнил, к примеру, как в конце 1917-го, перед самым новым, 1918, годом, когда вагон с офицерами шел из Киева на Дон, к генералу Алексееву, донские казаки из следовавшего за ними эшелона вдруг по какой-то, неизвестной никому до сих пор причине, решили повесить на столбах всех офицеров-неказаков, и им пришлось прорываться сквозь толпу донцов, ошестинившись винтовками с примкнутыми штыками. Спасло их только то, что подставляться под офицерские пули казаки не захотели: одно дело – весело перевешать на телеграфных столбах сонных и безоружных, и совсем другое – столкнуться с организованной вооруженной силой, готовой оказать ожесточенное сопротивление. Много чего еще припомнил казакам Кучин, но делать было нечего – нужно было идти докладывать о провале задания.

К его несказанному удивлению, Миклашевский не стал его ни о чем расспрашивать, сам был сильно смущен, теребил свой замечательный длиннющий ус и отводил взгляд в сторону. Не дослушав доклада Кучина, он потрепал его по плечу, откашлялся и как-то задумчиво высказал ему свое удивленное восхищение по поводу того, как замечательно работает телеграфная служба в королевстве.

Кучин не понял, при чем тут телеграф, и молча ждал разъяснений.

– Видите ли, ротмистр, не успеет человек за границу выехать, стоит ему только телеграмму отбить, и вот, пожалуйста, ее уже с утра доставляют. Очень эффективно работают. Вот, извольте ознакомиться, – и он протянул Кучину листок с неровно наклеенными серыми бумажными ленточками телеграфного сообщения. Кучин прочитал и громко нецензурно выругался, помолчал немного – и выругался еще раз, теперь уже более основательно, в три загиба упомянув полковника Бойко, всех его предков, родственников и казаков в целом, хлопнув себя при этом по колену.

– Прошу прощения, господин полковник! – извинился он.

– Ничего, ничего. Готов к вам в этом смысле присоединиться.

В телеграмме, адресованной Миклашевскому, казачий полковник Бойко выражал глубокую благодарность за столь своевременно оказанную ему материальную помощь и желал всяческих успехов в затеянном ими мероприятии. Он не поленился на первой же станции после пересечения границы, по пути из станционного ресторана (где он расплачивался золотыми наполеондорами), будучи в благодушнейшем настроении, заглянуть на телеграф и отбить благодарственную телеграмму.

Восемьдесят казаков оказались призраками, продуктом его фантазии, и после получения на них денежного содержания благополучно испарились, развеялись по ветру, их на вокзале не было и быть не могло, а вот сам полковник Бойко и его компаньон, казачий старшина, на вокзале были, но гораздо раньше назначенного времени; прихода Кучина они, разумеется, не дожидались и уехали международным экспрессом еще прошлым утром, лелея надежду, что в сербохорватском королевстве ноги их больше никогда в жизни не будет. В Париж они отправились, конечно же.

Миклашевский озадаченно поморгал, глядя в свои списки, что-то отметил – и деловым тоном проговорил:

– И тем не менее, и тем не менее... Надо продолжать работу. Вот тут я для вас, Александр Васильевич, список составил, потрудитесь обойти как можно скорее.

ЛОВЛЯ НЕПРИКАЯННЫХ ДУШ

Ну где еще в Белграде могут встретиться чрезвычайно занятые, бегающие по городу по неотложным делам офицеры? Да всё там, конечно, на Теразии, в кафе; одни приходят, другие уходят – на бегу перекусить, хлопнуть рюмочку и дальше бежать. Так, разве что, удастся на бегу, едва присев за столик, парой слов перекинуться. Но разговоры все вертятся вокруг одного и того же.

– И мы, православные, пойдем помогать мусульманскому бею свергать православного епископа? Да как же это получается? А, Кучук?

– Я мусульманин.

– Что? То есть?.. Ну да, конечно. И что? Какая, в сущности, разница?

– Вот и я говорю – какая разница? Может, он и православный епископ, а я вам скажу – он красный епископ, и никакой не православный. У него там последний коммунистический сброд из Совдепии ошивается, интриги плетут. Вот оставьте его там и погодите немного – они и сюда доберутся. А если все будут сидеть и ждать,

то и вообще нигде потом не скроешься, даже в Бразилии. Это нужно давить в зародыше!

Кучин, в полном изумлении от длинной тирады, выданной молчаливым обычно Улагам, не находится, что на это ответить.

– Да-да, – поддерживает Улагая приведенный им полковник Берестовский. – С красной заразой надо расправляться немедленно. А то, изволите ли видеть, красный флаг уже над Турцией, хоть они на нем и нарисовали полумесяц, чтобы от большевиков немного отличаться, над Албанией уже красный флаг...

– Позвольте, – возражает ему полковник Бродович, – да ведь в Албании и без большевиков флаг красный всегда был.

– У них двуглавый орел на флаге, хоть он и красный.

– Это ничего, они в момент присобачат орлу в лапы серп и молот. Звезду красную пририсуют – и менять ничего не надо. Албанцы не сразу даже и заметят. А когда поймут, поздно будет. Так что гнать надо епископа к чертовой матери. Не епископское это дело – страной править.

– Говорят, культурный человек, поэт. Он ведь, говорят, стихи пишет?

– Я, батенька, стихов вообще не люблю никаких. По мне, если уж ты поэт, то сиди дома и пиши стихи, не лезь в епископы, в премьер-министры, в большевики...

Конечно, не офицерское это дело – вникать в стратегические материи, но невольно возникает потребность взглянуть на ситуацию в целом.

– А что, большая в Албании армия?

– Ну, есть там армия. Несколько тысяч человек, я полагаю, не более десяти.

– Да позвольте, какая там может быть армия? Это что-то вроде крестьянского ополчения, в лучшем случае жандармерии. Каждый по отдельности может, и храбрец, и стреляет отменно, а в виде войскового соединения они ничего из себя не представляют.

– Но тем не менее, это дивизия или, как минимум, несколько полков. А у нас, извиняюсь, максимум – это пока ударная офицерская рота.

– Да где там эти полки? Никаким образом они в одно место не соберутся. Пройдем, как нагретый нож сквозь масло. Тем более, с нами еще матьяне, сербские добровольцы будут, артиллерия.

– Ну, позвольте откланяться пока, волка ноги кормят. Побегу ловить неприкайные души, ибо ловец человеков есмь.

– Не богохульствуйте, ротмистр! Впрочем, удачи!

КОМАНДИРОВКА В ГОРЫ

В первое мгновение Кучину показалось, что он попал в прошлое – уютная квартирка на Васильевском острове, девочки-школьницы, встречающие гостя книксеном и здоровающиеся с ним по-французски, приветливая хозяйка, иконы в красном углу, под которыми маленьким круглым огоньком светит лампадка. Но только на мгновение. Морок тут же развеялся – квартирка была дешевой халупой в трущобах Белграда, повсюду видны были следы отчаянной бедности, доходящей уже до стадии полной нищеты, платья девочек были тщательно заштопаны во многих местах, а в глазах хозяйки, помимо тусклой радости от прихода гостя, сквозило голодное беспокойство – а вдруг гость задержится и придется кормить его обедом, как-то выкручиваться, делить по-новому скудные запасы еды, приготовленной к обеду, и при этом пытаться сохранять приличия и не замечать голодных взглядов девочек, и поддерживать светскую беседу.

Кучин помрачнел и прошел в отгороженный ширмой закуток, изображавший у поручика Арсентьева рабочий кабинет.

Поручик Арсентьев глубоко и надолго задумался, уставившись невидящими глазами на красноватый огонек лампадки.

– Ротмистр, у меня вопрос... извините, если это покажется вам неуместным в данной ситуации. Что с юридической стороны дела?

Кучин озадаченно поднял брови.

– В каком смысле? Оформление контракта? Аванс будет выдан сразу, золотом. Все расчеты лично гарантирует полковник Миклашевский.

– Нет, я в другом смысле. Какой статус будет у нашей... – он помялся, подбирая слова, – у нашего вооруженного формирования? С точки зрения военного международного права.

Кучин понимающе кивнул.

– Нас принимает на военную службу по контракту в регулярной албанской армии в качестве военных советников премьер-министр Албании, для оказания организационного содействия в подавлении антигосударственного мятежа, осуществленного пробольшевистским епископом Фаном Ноли.

– А, тогда конечно. Тогда совсем другое дело. Полагаю, такой найм иностранных советников предусмотрен албанскими законами и не противоречит ее конституции?

Кучин озадаченно пожевал губами.

– Видите ли, в чем дело, поручик. Если Ахмет-бей с нашей помощью благополучно вернется в свой премьерский кабинет, то разумеется, это никаким образом не будет противоречить албанским

законам. Более того, мы будем вправе рассчитывать на награды и поощрения, предусмотренные албанскими законами и обычаями. Что касается конституции, то вы меня, право, озадачили. У меня нет положительно никаких сведений об албанской конституции, и я не уверен, что таковая вообще существует в природе.

– Помилуйте, ротмистр. Албания ведь, кажется, республика, и значит, у нее должна быть конституция.

– Ммм... возможно. Но я не уверен, что Албания – республика; мне кажется, у нее какой-то мутный статус – что-то вроде зависимой территории, протектората или регентства. Я не вполне, впрочем, в этом уверен, врать не стану. Что касается конституции, я не специалист по конституциям. Я, если позволите, предпочитаю монархию. Разумеется, просвещенную и самого демократического толка, – поспешил он оправдаться перед поручиком. – А вы, поручик, простите – вы социалист?

– Нет, нет, что вы, Александр Васильевич, – вскинулся было поручик Арсентьев, но Кучин успокоил его движением руки.

– Прошу прощения за мой вопрос, ваши политические взгляды являются исключительно вашим личным делом и не имеют никакого отношения к обсуждаемому вопросу. Имеет значение исключительно ваша профессиональная квалификация. Полковник Ахмет-бей Зоgolлы – подлинный демократ, и никак не ограничивает право своих военных советников исповедовать любую религию и иметь любые политические взгляды.

Проговорив это, Кучин умолк и, кажется, даже сам удивился сказанному, приподняв левую бровь, – вот, мол, как складно завернул. Потом утвердительно кивнул, словно убеждая в чем-то самого себя.

– Да. Вот именно.

Потом, понизив голос, задушевым тоном добавил:

– Но, разумеется, если наше предприятие закончится неудачей... ну, можно ведь и такое предположить... нас будут считать наемниками-апатридами, то есть участниками незаконной вооруженной банды, состоящей из лиц без гражданства и возглавляемой приговоренным в Албании к смерти эмигрантом.

Поручик Арсентьев немного подумал.

– Извините, может быть, мой вопрос покажется вам странным... но мне хотелось бы знать, каковы у албанцев обычаи ведения войны? К чему готовиться в случае попадания в плен в качестве участника... э-э-э... вооруженной банды?

Кучин, склонив голову набок, внимательно посмотрел на поручика.

Поручик Арсентьев уточнил:

– Ну, вырезают ли они на плечах у пойманных офицеров погоны, как большевики, или, может быть, снимают скальпы, как индейцы, или сажают на кол, как турки?

Кучин возмущенно замахал на него руками.

– Ну что вы, голубчик, Бог с вами, это все-таки в каком-то смысле европейская страна, а епископ Фан Ноли – гуманнейший человек, православный иерарх, социалист, поэт, любитель Шекспира. Кроме того, даже в Турции уже не сажают на кол, насколько мне известно. Хотя, с другой стороны, албанцы сейчас связались с большевиками, так что остается только надеяться, что большевики не успели научить их фокусам с вырезанием погон на живых человеческих плечах. В общем, не стоит драматизировать, поручик, ничего такого ужасного нас не ожидает.

Арсентьев покивал, но какое-то невысказанное сомнение в его глазах всё же читалось, и Кучин поспешил его окончательно успокоить:

– Нет, нет, поручик, не воображайте невесть чего. Могу уверить вас, что если дело дойдет до военно-полевого суда, нас, скорее всего, просто повесят без особых проволок. Хотя, конечно, возможны эксперименты на местах. Гарантий быть не может.

Поручик заметно помрачнел.

– Ну да, конечно. Это вполне резонно.

Он помолчал некоторое время.

– Знаете, ротмистр, я должен сказать вам честно: я категорически не хочу быть повешенным.

Повисло тягостное молчание. Кучин вздохнул, оживился, хлопнул себя ладонями по коленям и, засобиравшись уходить, деланно бодрым голосом проговорил, глядя как-то немного в сторону и вежливо улыбаясь:

– Ну, тогда, собственно, разрешите...

– Нет, погодите, – поручик положил ладонь на колено Кучину, не давая ему встать, и пристально посмотрел ему в глаза. – Я категорически не хочу быть повешенным, как я сказал. Будучи потомственным военным, я полагаю единственным достойным видом гибели исключительно смерть от огнестрельного оружия. В самом крайнем случае – от оружия холодного. Как я полагаю, шансов быть повешенными у нас немного, судя по диспозиции, – сколько, вы сказали, у нас будет штыков?

– До тысячи, поручик, а возможно, и больше. Считая сербских и албанских добровольцев. В Албании к нам присоединятся еще два отряда союзников Зогу.

– До тысячи. Так. При этом мы вступаем в бой с регулярной армией целого государства, пусть и небольшого. Так?

– Так, – вынужден был согласиться Кучин.

– Следовательно, скорее всего, мы благополучно погибнем в бою. В любом случае, попадание в плен в мои планы не входит, и при наличии нагана я сумею себя от этого обезопасить. И всё же у меня к вам личная просьба.

– Слушаю вас, – посерьезнел Кучин.

– Если, не дай Бог, я буду ранен и не смогу сам воспользоваться личным оружием, прошу вас, обеспечьте мне быстрое и по возможности безболезненное прекращение существования. Я категорически не хочу быть повешенным. Можете вы мне это обещать?

– Да, это я вам могу обещать совершенно определенно. Если у меня самого будет такая возможность, конечно.

– Разумеется. Спасибо.

После того как Кучин, несмотря на уговоры, категорически отказался обедать, сославшись на срочные дела, хозяйка окончательно повеселела и предложила хотя бы чаю попить, но Кучин, прижимая руки к сердцу и кланяясь, поблагодарил ее и поспешил к выходу.

Уже у двери Кучин вдруг спохватился и, покопавшись в карманах, вручил девочкам по припасенной заранее конфете. Девочки обомлели от радости, но сразу конфеты взять остереглись, вопросительно взглянув на мать. Хозяйка вспыхнула от удовольствия и одобрительно закивала.

– Мерси, – девочки застенчиво изобразили книксены, робко взяли конфеты и мгновенно испарились. На кухне слышен был их возбужденный шепот и шуршание конфетных фантиков.

Визит удался на славу.

Выйдя на улицу, ротмистр Кучин, однако, виновато хмыкнул: врал, бессовестно врал он поручику Арсентьеву. Какая уж там тысяча штыков, честное слово. Человек пятьдесят им уже удалось набрать, и даже если принять во внимание три или четыре сотни вооруженных неграмотных крестьян, составлявших личную гвардию полковника Зоголлы, шансов на то, что эта авантюра закончится успешно, не было никаких. С другой стороны, поручик мог быть совершенно спокоен: до военно-полевого суда при таком раскладе сил не должно было дойти. Они все должны были погибнуть где-то в заснеженных горах, где не было таких признаков цивилизации, как правильно устроенная виселица.

Нужно было, однако, спешить: сутки впереди были, конечно, длинными, и время могло растягиваться как резина, но всё же не до бесконечности оно могло растягиваться. Нужно было быстро бегать

по кривым белградским переулкам, собирать гвардию для снежного похода через дикие албанские горы.

«Ну что за зима, честное слово!» – ротмистр сплюнул с отвращением. И зимы нет толковой, и сырость, и дождь вперемешку со снегом, и кошава, и тусклое серое небо, и печей нормальных в домах нет, и в окна дует, и едкий дым от жаровен, и... Ну нельзя так жить! И морозца настоящего, ядреного, не бывает на улице, со сверкающим на солнце хрустящим снежком, ослепительно-голубым небом, серебряными заиндеветыми ветвями берез – чтобы белый пушистый дым из труб столбом уходил в небо, а дома, наоборот, тепло, а печка... «М-м-м... – застонал ротмистр, – полцарства за русскую печку! А небось, даже и в Париже хорошей печки днем с огнем не сыщешь. И что тогда, спрашивается, жалеть об этом самом Париже? Какая тогда разница – Аргентина, Эфиопия, Албания?..»

НАСТОЯЩИЙ ПОЛКОВНИК

Ахмет Зогу и в самом деле совершенно не был похож на средневекового мусульманского бей с диких албанских гор. Он походил скорее на немного фатоватого австрийского офицера, с подкрученными колечком маленькими усиками, с тонкой папироской в зубах. Ему только монокля и котелка не хватало, чтобы стать абсолютной копией персонажа с рекламы... рекламы чего? – какая-то была такая реклама, Кучин отчетливо помнил картинку, но никак не мог вспомнить, что же именно рекламировалось в том старом, мирного еще времени, объявлении. Что же это было? Папиросные гильзы Катыка? Усатин «Перу»? Да, кажется, папиросные гильзы, но не Катыка, а... Ну, на картинке еще был изображен молодой человек с замечательными усами и дымящейся папироской в правой руке, а палец левой руки указывал на изящные коробки с папиросными гильзами. Да, вот как раз на него и был похож свергнутый премьер-министр Албании. При этом он был ровесником Кучина.

Кучин увидел его у Миклашевского, к которому Зогу заехал для решения каких-то неотложных вопросов, и был ему должным образом представлен. В общении Зогу был прост, дружелюбен и обаятелен. Разговаривали они, разумеется, по-немецки, причем Зогу говорил с легким венским акцентом, и если бы Кучин встретился с ним в другой обстановке, то ни на секунду не усомнился бы, что перед ним совершенно типичный австрияк-аристократ. Монокля ему только не хватало.

С искренним интересом Зогу узнал, что Кучину уже доводилось сталкиваться с албанцами, но всё больше в такой обстановке, что это

никак не могло привести к возникновению у албанцев дружеских к нему чувств. Речь, конечно, шла о службе Кучина в пограничной страже у Охридского озера. Зогу, в свою очередь, уверил его, что настоящие албанцы не могут испытывать никаких других чувств, кроме глубокого уважения, к тому, кто должным образом исполнял свой воинский долг, не нарушая законов чести, даже если это привело к неизбежным во время ведения военных действий потерям со стороны албанцев.

– Албанцы уважают достойных противников, – заверил его Зогу, – и тем более они их уважают, если бывшие противники становятся союзниками.

– Да уж, уважать они меня уважали, узнавали на всей тамошней границе, даже особое прозвище мне дали в горах – Белый капедан. Рассказывали всякие небылицы обо мне.

– В самом деле? Да, это знак настоящего уважения с их стороны. Не каждого назовут капеданом в горах Албании.

– Почему? – удивился Кучин. – Я думал, это означает просто «капитан». Капитан из белой русской армии.

– Нет-нет. Капедан – это несколько другое. Это как бы... предводитель отряда... – немецких слов явно не хватало Зогу, чтобы объяснить значение слова «капедан». – Может быть, это авторитетный представитель местной власти, но не бюрократ, а что-то вроде американского шерифа, под командой которого воюет отряд смельчаков... Или местный вождь во главе военного отряда... Но в любом случае, это обязательно храбрец и герой.

Зогу покрутил рукой, подбирая слова, но не подобрал.

– Это трудно сказать по-немецки, но в любом случае, это очень уважительное прозвище.

Миклашевский, прислушивавшийся к разговору, предложил свой вариант:

– Может быть, это что-то вроде атамана? Мне кажется, это слово как раз подходит.

Кучин удовлетворенно кивнул, но слово «атаман» как раз было непонятно Зогу. Тем не менее вдаваться в дальнейшие филологические обсуждения Зогу не стал, вполне удовлетворившись предложенным русским вариантом. Хорошо, пускай будет *ataman*. Звучит вполне по-албански, с легким турецким акцентом.

Тут же каким-то случайным образом выяснилось, что Зогу, как и Кучин, увлекался спортом – фехтованием, гимнастикой, поднятием тяжестей, и у них завязался было оживленный разговор на интересующую обоих тему, но напряженное молчание Миклашевского напомнило им, что в данный момент нужно было решать совершен-

но неотложные проблемы, и с некоторым сожалением разговор пришлось прервать. Прощались они, взаимно друг другом довольные, с обещанием непременно разговор продолжить при более благоприятных обстоятельствах.

Выйдя на улицу, Кучин остановился на мгновение. Когда он начинал учить немецкий, то помимо зазубривания слов, падежей, форм глаголов и прочих неприятных, но необходимых вещей, связанных с выучиванием немецкого языка, ему приходилось заучивать и стихотворения немецких классиков. И теперь, когда он говорил по-немецки, в голову ему всегда лезли обрывки стихотворных строк – вот только что он разговаривал с Зогу, а в голове у него звучало: «Dort oben wunderbar»*, причем настолько настойчиво, что он с большим трудом удержался, чтобы не произнести это вслух. Что, пожалуй, было бы неуместно в данной обстановке.

Но когда он уже вышел на улицу, его больше ничто не сдерживало, и он с расстановкой и даже, пожалуй, с удовольствием продекламировал вслух: «Dort oben wunderbar!»

И отправился по своим делам.

АРМИЯ БЕЛЫХ ТЕНЕЙ

Зогу был в бешенстве. Эта шлюха Лулу продала его со всеми потрохами за двадцать тысяч динар. С одной стороны, казалось бы, а чему тут удивляться – шлюха она и есть шлюха, у нее работа такая – продаваться, и главный смысл в ее работе – продаться подороже. Двадцать тысяч – очень хорошие деньги для шлюхи. Совершенно ясно также, что в наше время все следят за всеми, шпионы не успевают перевербовываться, выбирая, кто лучше заплатит, и шпионаж становится более прибыльным, чем торговля телом.

Будучи женщиной разумной, Лулу не стала отказываться от заманчивого предложения сидевшего в Белграде албанского министра, работавшего в международной комиссии по определению границы Албании, и начала информировать обо всем, что ей удавалось узнать у Зогу, неосмотрительно обсуждавшего какие-то деловые вопросы в ее присутствии. Тот уже сообщил в Тирану о готовящемся походе, секретное донесение получил лично Фан Ноли, взявший на себя еще и обязанности министра иностранных дел после недавней отставки министра Дельвины, и теперь стол в его рабочем кабинете был завален еще и донесениями из всех албанских посольств.

В донесении совершенно четко было написано, что Зогу вовсе

* В русском переводе: «Девушка дивной красоты»; цитата из стихотворения «Лорелея» Г. Гейне (цитата приведена в пер. А. Блока).

не уехал в Париж, как было громогласно объявлено во всех газетах, и абсолютно точно и подробно был изложен весь план, включая дату начала вторжения: 10 декабря.

О содержании донесения, полученного епископом, надежные люди немедленно проинформировали из Тираны самого Зогу, хотя у многих складывалось впечатление, что Фан Ноли не до конца осознал серьезность полученной информации.

В эти дни в одной из немецких газет появилось большое интервью Ноли, в котором он ни одним словом не обмолвился о том, что стране или его личной власти что-то может угрожать. Он был преисполнен оптимизма, уверенности в себе, рассказывал о своих успехах в борьбе с феодальными беями, о планах на будущее. Своим лозунгом он провозгласил миролюбие во внутренней и внешней политике.

Нельзя сказать, чтобы он совершенно не предпринял никаких мер, тем более что не только из белградского посольства было получено тревожное сообщение. Телеграммы приходили и из пограничных префектур – как следовало из них, враждебные силы открыто готовились к вторжению, отмечались случаи дезертирства офицеров и местных чиновников. Подрывные элементы занимались саботажем и распространяли враждебные слухи.

Меры в связи со всем этим он принял, причем самые решительные меры: собрал экстренное заседание Совета министров, издал приказ об аресте на местах всех подозрительных лиц и о самых жестких мерах по отношению к пораженцам, распространявшим панические слухи.

На следующий день по его указанию собрался Верховный суд и приговорил к смерти как самого Зогу, так и всех его сообщников. Это, однако, было с явным неодобрением воспринято дипломатическим корпусом – иностранные дипломаты оценили это как откровенную политическую месть, выходящую за рамки демократического правосудия.

Помимо этого, в Тиране был организован невиданный еще по масштабу народный митинг, где народ с воодушевлением выразил свою солидарность с правительством и готовность противостоять врагам. Все единодушно осудили поджигательскую роль югославского правительства, поощрявшего врагов Албании. Фан Ноли лично убедился в непоколебимой народной поддержке и своем непререкаемом авторитете Верховного главнокомандующего.

Из Тираны в приграничную Пешкопию было отправлено подкрепление, и на площади в крепости были сооружены виселицы, чтобы повесить Зогу и его приспешников в случае их появления на

территории Албании. Вторжение Зогу теперь было обречено на поражение, а ему самому предстояло болтаться в петле на площади, если, конечно, демократическое правительство не амнистировало бы его из соображений гуманности, идя навстречу пожеланиям иностранных дипломатов.

Зогу о принимаемых мерах мгновенно узнавал, и хотя ничего удивительного в предательстве Лулу не было, тем не менее он был просто вне себя от ярости.

Эффект неожиданности был потерян.

Его уже ждали, и что он мог сделать с сотней русских белогвардейцев и несколькими сотнями своих матьян? Нужно было решать: отложить поход, продолжить формирование армии – или все-таки нанести решительный удар. Откладывать было нельзя – переговоры с сербами прошли успешно, но все достигнутые договоренности висели на волоске и могли сорваться в любой момент, независимо от того, что он им наобещал. Великие державы не спешили официально признавать правительство Фана Ноли, большевики не успели еще оказать им серьезную помощь. Врангель пока не вмешивался в его мероприятие – может быть, он ничего не знал, может быть, сербы, рассчитывавшие на серьезный выигрыш в этой игре, все-таки попросили его не вмешиваться, как и обещали. Стоило Врангелю запретить членам Российского Общевоинского союза участвовать в этом мероприятии, как три четверти крошечной армии Зогу повернули бы обратно, несмотря на все его золото.

Всё было тщательно спланировано – прорыв границы, взятие ключевого города северо-западной Албании возле сербской границы – Пешкопии, по которой удары наносились с трех сторон. Его наступление должны были поддержать люди Цено-бея Крюэзиу, наступавшие из Призрена, присоединиться должна была и команда Гальярди. Если бы у Цено-бея и Гальярди были настоящие армии, с полевой связью, с фельдъегерями, доступом к телеграфу, то можно было бы изменить планы, но проблема была в том, что никто, кроме Гальярди, не знал, где находится Гальярди в настоящий момент.

Все было спланировано самым замечательным образом, и именно сейчас был самый подходящий момент, может быть единственный подходящий момент, но кто же мог знать, что эта шлюха продаст его.

Непременно нужно было наступать, и наступать именно сейчас, но наступать было никак невозможно, если Фан Ноли знал о наступлении и готовился к его отражению. Что могли сделать сто бойцов, пусть даже самых лучших и опытных, против грамотно организованной обороны регулярной армии, располагающей артиллерией и крепостными укреплениями?

Вот если бы у него было не сто офицеров, а тысяча, или – еще лучше – пять тысяч врангелевцев, то никто даже не стал бы сопротивляться. Никакой войны и не было бы, никто даже не осмелился бы подумать об организованном сопротивлении. Он просто спокойно дошел бы до Тираны и занял бы свой собственный кабинет. Ну, может, пришлось бы дать пару артиллерийских залпов в качестве предупреждения.

Пять тысяч русских солдат, вот что ему нужно.

Достаточно было бы того, чтобы все знали, что он идет с белогвардейской дивизией, что где-то там, за перевалом, споро идут стройные колонны, спаянные железной дисциплиной, непрерывно воевавшие с четырнадцатого года, под руководством опытных офицеров. Тогда даже не нужно было бы воевать – все просто приветствовали бы возвращение законной власти, а он принимал бы под свое командование албанские войска.

Если бы у него было пять тысяч белогвардейцев, не было бы никакой нужды в секретности, совершенно неважно было бы, что там наплела эта девка, эта продажная шлюха, купившей ее со всеми потрохами албанской контрразведке. Наоборот, он сам устроил бы так, чтобы все знали о его грозном и триумфальном возвращении. Одна весть о том, что он идет во главе белой армии, изменила бы политическую ситуацию в Албании.

Выхода не было. Вот если бы там, за холмами, скрывалась его армия... Если бы там стояли бесчисленные палатки, правильно организованные караулы – чтобы и мышь не проскочила, чтобы ни один шпион не мог точно сосчитать количество штыков, пулеметов, артиллерийских стволов... Чтоб никто так и не узнал, сколько их там на самом деле... Великая непобедимая армия.

Полковнику Зогу показалось, что он поймал наконец ускользавшую от него всё время мысль.

Вот оно!

Наступление неизбежно, и по ту сторону границы епископ и его люди уже извещены об этом. Но они не знают, сколько же на самом деле ему удалось собрать наемников под свои знамена. Если они не знают, что их всего сто восемь, то почему в его армии не может быть и пяти тысяч?

Вот и решение. Ничего проще быть не может. Помимо сотни живых белогвардейцев он призовет под свои знамена пять тысяч призраков – пять тысяч мертвых белогвардейцев, и тут он может выбирать лучших – участников Ледяного похода и обороны Перекопа, самых отчаянных, первыми павших в жестоких боях, замученных в застенках большевистского ЧК, уж они-то не откажутся скинуть в

море «красного епископа», как того уже нарекли некоторые газеты. Армия его идеально замаскирована, платить ей ничего не надо, она ничего не боится и терять ей нечего. Такая армия может навести ужас не только на Албанию, но и на все Балканы. Мертвая армия. Армия белых теней.

Теперь нужно сделать так, чтобы о его армии как можно быстрее узнали в Албании – верные ему люди воодушевятся, колеблющиеся переметнутся на его сторону, а его враги будут озабочены только тем, как организовать свое бегство, пока его Белая армия, его личная Белая гвардия не дошла триумфальным маршем до Тираны.

Той же ночью невидимая обычному человеку деятельность закипела в окрестных горах. Словно прорвался мешок, набитый под завязку секретами, и самые диковинные слухи поползли, – да что там поползли – полетели во все стороны, причем с удивительной для этих глухих мест скоростью. Казалось даже, что разлетаются они быстрее телеграфных сигналов, но слухи эти были настолько фантастические, что, вероятно, и разлетались они каким-то чудесным образом. Никакие газеты не могли бы конкурировать с таинственными историями, передаваемыми вполголоса из уст в уста: Зогу возвращается во главе огромной армии русских солдат! Но не просто солдат, а вот что я скажу: солдат... – и дальнейшее сообщалось уже совсем тихо, так что расслышать уже ничего было нельзя, и только по изумленному выражению лица слушавшего можно было догадаться, что речь шла о чем-то совершенно неслыханном.

ГЕНЕРАЛ ЛУЛУ

– Ну, что она?

– Перепугалась. Потом стала что-то недовольно кричать, наверное, ругалась. Непонятные слова кричала, мы таких слов не знаем. Вещи швыряла. Но боялась, взгляд был испуганный. В Дибру ехать не хотела. Мы ее привезли, ничего не объясняя. Всю дорогу молчала.

– Отлично, ждите здесь. Ей придется хорошенько поработать, она поможет нашей армии. Я сам лично с ней разберусь.

И Зогу быстро взлетел по лестнице, направляясь в комнаты, где ожидала, сама не зная чего, его легкомысленная подружка Лулу, не раз уже пожалевшая о том, что ввязалась в мир большой политики и шпионажа. Тратить в Белграде легко доставшиеся ей деньги было весело и приятно, а вот сидеть в старом деревянном доме в Дибре, где не было даже телефона, после наступления сумерек стало не просто неприятно, а страшно до тошноты. Она старалась гнать от себя тоскливые мысли, пыталась рассуждать здраво и логично: ну ведь если бы они что-то

узнали, то уже убили бы ее и скинули где-нибудь в пустынном месте, где ее до весны никто бы и не нашел, а раз привезли в Дибру, значит, никто ни о чем не догадывается. Ахмет питает к ней слабость, он не сможет причинить ей никакого вреда. А с другой стороны, кто знает: может быть, они хотят ее сначала допросить, а потом убить? Может быть, у албанцев есть какие-то особые правила для убийства женщин? Может, он непременно должен убить ее лично? Зарезать ножом или забить камнем? И бежать некуда – даже если вылезти в окно, то куда потом денешься? Здесь никто, похоже, не понимает даже по-сербски, не говоря уже о французском или немецком.

Нет, нет, нет, Ахмет не сможет, он не сможет...

Господи! Она остановилась перед зеркалом, и в полумраке ей показалось, что она видит отражение призрака. Облизнув пересохшие губы, она подошла к зеркалу поближе и долго вглядывалась в свое отражение. Вырваться бы отсюда живой, и к черту все эти Сербии, Албании, Македонии и Черногории! Хватит с нее Балкан. В Париж, бегом, первым же поездом, пешком по рельсам.

Когда Зогу внезапно распахнул дверь, она в какую-то долю секунды оценила – ни камня, ни ножа у него в руках не было, в выражении лица не было ничего угрожающего – и встретила его капризно оттопыренной губой, с сердитым видом отвернувшись к окну.

– Лулу!

– Негодник! Терпеть тебя не могу! Зачем меня сюда притащили эти твои дикари?

– Лулу, душа моя, нас ждет великий триумфальный поход! Я возвращаюсь в Албанию! Только представь себе: я на белом коне, во главе моей армии, вхожу в Тирану!

– Какой поход? Какая Албания? Здесь даже нормальной ванны нет! Это невообразимо!

Зогу, нимало не смутившись холодным приемом, обхватил ее за талию и притянул к подоконнику.

– Лулу, детка, возможно, я был невнимателен к тебе, но ты должна меня простить. Слишком много забот и неопределенности. Но теперь всё позади, всё решилось самым наилучшим образом! Это просто чудо!

– Да? – Лулу, не до конца еще оттаявшая, всё еще сердитая и недоступная, продемонстрировала какую-то искру интереса, и Зогу принялся ее тормозить, показывая тлеющей сигаретой в окно.

– Армия готова! Представляешь, как все они изумятся, когда мои пять тысяч русских солдат двинутся на Тирану! Это лучшие в мире солдаты, выстоявшие против миллионных армий большевиков. Ледяные солдаты Врангеля.

– Постой... – в недоумении Лулу даже забыла, что изображает обиду, – какие пять тысяч? Ты же говорил, что их всего пара сотен. Да и сербы не позволили бы...

Зогу, не слушая ее, сосредоточенно принялся задира́ть на ней платье – да будет благословенна современная мода, созданная с учетом пожеланий страстных мужчин, которым некогда бороться с кринолинами, корсетами и прочей устаревшей ерундой, так усложнявшей когда-то жизнь! Легкое воздушное платье до колен, ледяные волны невесомого шелка, скользящего по женскому телу, – о Париж, твои кутюрье понимают толк в страсти! Ну какие могут быть разговоры о политике, когда такая прекрасная ткань скользит по такому великолепному телу!

– Сербы... к черту сербов... Он волшебник. Просто волшебник... Мммм... Собрать целую дивизию незаметно для сербов...

Она совсем легко, совсем незаметно поддается, помогая его настойчивым рукам, и тоже, как и он, начинает глубоко дышать, охваченная страстью...

– Разве... ммм... разве такое возможно?... И кто это – он?

Но Зогу, впавший, похоже, в любовное неистовство, вместо ответа на ее вопрос понес какую-то полную околесицу, он страстно бормотал о каком-то волшебнике, не то Гуджини, не то Гучини, который сумел собрать прямо под носом у сербской контрразведки целую дивизию, пять тысяч штыков, пять тысяч штыков – армию, армию, просто настоящую армию собрал он, легендарный Белый капедан, то есть волшебник был еще и каким-то капеданом... Кто такой капедан? Священник, что ли, какой-то? Господи, голова может треснуть от всего этого бреда. А Зогу продолжал пыхтеть, перейдя уже с французского на немецкий, вообще половину было не понять, что он говорит. Тайная служба, секретная организация, абсолютная дисциплина, ледяные солдаты. Или железные солдаты? Черт бы их всех побрал, этих русских солдат вместе с их волшебным священником, немецким языком и самим Зогу!

Подоконник был жестким, она извивалась, пытаясь устроиться поудобнее и не забывая изображать страсть, в то время как Зогу, казалось, усталый невидящими глазами в окно и продолжал невнятно бормотать о том, что вот же они, вот, прямо сейчас идут строем мимо окна, полк за полком, вот они, вот они, его солдаты, потом он уже просто рычал, выплевывая слова в такт ритмичным движениям: пять тысяч, парадным маршем, на Тирану, на Тирану, потом он вообще перешел на албанский язык и дальше она ничего уже не понимала.

Чувствуя, что может сойти с ума, если не положит конец всему этому бреду немедленно, она изобразила конвульсии бурной страсти

и обхватила беглого премьер-министра, изо всех сил прижав его к себе.

Зогу замер, прикрыв глаза, потом отстранился от нее, посмотрел еще раз в окно, где сгущался вечерний мрак, оправил свой мундир и закурил.

Она обернулась и тоже посмотрела в окно. Во мраке растворялся длинный блестящий ствол пушки, больше никого на улице не было, очевидно, вся армия уже прошла маршем и скрылась за поворотом. Она так и не сумела толком ничего разглядеть, да если бы и разглядела, пользы от этого не было бы, потому что когда солдат очень много, пересчитать их совершенно невозможно. Пять тысяч. Пять тысяч – это очень много.

– Да, и самое главное, – Зогу внимательно разглядывал кончик горящей сигареты, – самое главное, что сейчас им совершенно ничего не надо платить. Деньги нас ждут в Тиране.

Он замер, к чему-то прислушиваясь, потом вдруг заторопился.

– Извини, душа моя, мне нужно спешить, меня ждут мои ледяные русские солдаты. Последний парад перед победным маршем.

Он быстро вышел, оставив Лулу в полном недоумении. Солдаты, выходит, действительно ледяные, а не железные, ей не показалось.

Мрачные мужчины, стоявшие перед запертой дверью, напряженно прислушивались, но ни выстрелов, ни криков не было слышно. Когда появился Зогу, они, не сговариваясь, посмотрели на его руки, словно ожидали, что те вымазаны в крови.

Заметив, что они с недоумением смотрят на него, Зогу развел руками.

– Что? Что вы так смотрите?

И пояснил:

– Она нужна мне живой. Чего стоит мертвая шлюха? А вот живая шлюха сослужит мне большую службу: она своим женским началом вдохнет жизнь в пять тысяч призраков, она оплодотворит их, оживит их так, как не смог бы оживить никакой волшебник. Благодаря ей они сгустятся из тумана, обретут плоть и двинутся в бой. Она должна весь мир убедить в реальности призрачной армии, армии мертвых. Она настолько важна, что я готов присвоить ей генеральское звание – генерал Лулу поведет в бой пять тысяч мертвых солдат, лучших в мире солдат! Шлюха во главе мертвой армии!

Суровые горцы никак не реагировали на его философствования, а просто молча смотрели на него и ждали конкретных распоряжений. Зогу замолчал, махнул рукой и закурил.

– Избавьтесь от нее.

– Убить?

– Да почему убить? Я же только что объяснил, для чего она нужна мне живой и здоровой.

Зогу тяжело вздохнул, выпустил струйку дыма изо рта и скучным деловым тоном отдал короткий приказ:

– Отвезти в Шкупи. Посадить в поезд до Белграда. Проследить, чтобы до отъезда она не смогла никуда позвонить. На вопросы не отвечать. В «Бристоле» в моих комнатах ноги чтобы ее больше не было, пусть катится куда хочет.

Хмурый, никогда не улыбающийся человек с огромными усами молча покачал головой, показывая, что всё понял.

ПОЛОВИНА КРОВИ ПОЛКОВНИКА ЗОГУ

Прибывшие в Дебар заранее, добровольцы ожидали формирования отряда, пропивая полученный аванс в местных забегаловках. Больше в Дебаре делать было нечего, на улице было холодно и сыро. Приходилось употреблять согревающие напитки, а заодно обсуждать странное мероприятие, участниками которого их сделала судьба. Некоторые офицеры, служившие раньше на границе, многое уже знали о таинственной Албании и охотно делились своими знаниями с сотоварищами.

– Полковник Зогу – настоящий воин. Когда было покушение, он, трижды раненный, не обращая внимания на кровь, вошел в парламент и произнес запланированную речь как ни в чем не бывало. Мне рассказывали знающие люди: мундир в крови, револьвер в руке, хромая, входит в зал, там – паника, все выхватывают оружие...

– А что, у них депутаты в парламенте с оружием сидят?

– Ну, естественно. А как же им еще сидеть? В гардероб, что ли, его сдавать, на вешалку? Так вот, все выхватывают оружие и направляют друг на друга, по фракциям и партиям, а также на личных врагов. Один человек там только был без оружия – этот самый православный коммунист Фан Ноли, он в рясе, ему оружие не положено по албанским обычаям. Зато в него никто и стрелять не может, обычай же не позволяет. Но Зогу остановил весь этот переполох, предложил всем успокоиться, спрятать оружие и приняться за работу. Такое, говорит, может в любой момент произойти, и нужно быть к этому готовыми. Сохраняйте, говорит, спокойствие, и давайте приниматься за работу. И выступил с речью.

– Да, это производит впечатление.

– А в здании парламента еще долго слышна была стрельба, покушавшийся отстреливался до последнего. Заперся в туалете и громко пел патриотические песни, стреляя сквозь дверь туалета, пока патроны не кончились.

– Повесили?

– Отпустили. Подержали в тюрьме какое-то время да и отпустили.

– То есть, позвольте, как это – отпустили?

– А вот так. Говорят, покушавшийся не совсем вменяемый. Кроме того, он заявил, что Зогу – его кровник, и действовал он в соответствии с обычаями. У них положено перед тем как застрелить кровника, произнести ритуальную формулу – ну, что-то вроде «пойди узнай на том свете о здоровье моего дяди» или «передай дяде привет на тот свет», или как-то так. Стрелявший эту формулу произнес, но поскольку заикался, это у него заняло некоторое время, и Зогу успел среагировать и увернуться от выстрела. Тот его только легко ранил, но по их правилам теперь считается, что он взял у него кровь – не всю кровь, как при убийстве, а только половину. Так что теперь остался долг – половина крови. А обычай в Албании выше закона.

– То есть покушавшийся теперь имеет право еще раз ранить Зогу?

– Вероятно. А может быть, наоборот, теперь полковник может у него взять половину крови. И тогда тот сможет полковника, наконец, убить. А полковник его убить как раз не может, потому что всё еще должен половину крови. И если он его убьет, то половина крови будет лишней. Или, если кровник теперь убьет полковника, а не ранит, то есть возьмет лишнюю половину крови, то следующий кровник, мстящий за Зогу, должен будет его только ранить, потому что... хотя нет, получится, что он должен будет взять полторы крови вместо одной. В общем, это довольно сложно. Я до конца не разобрался в деталях. Но как-то так.

– Чудны дела твои, Господи!

И в наступившем многозначительном молчании откупоривалась очередная бутылка.

СЛУХИ

Говорили еще, что вся врангелевская армия, сотня с лишним тысяч солдат Белой гвардии, перешла границу и скоро растопчет Албанию. Здравомыслящие люди возражали, что это невозможно, врангелевская армия раскидана по разным странам, и для организации такого похода нужно много времени. На самом деле границу перешла всего одна дивизия, но зато самая отборная – «Ледяная», в которой пять тысяч наемников-головорезов, исключительно из офицеров-белогвардейцев. Это самые отъявленные убийцы, каждый из которых при поступлении на службу заранее прощается с жизнью и

служит по себе заупокойную службу и получает право носить на форме мертвую голову как знак отличия. Называются они бессмертными, потому что считаются уже мертвыми, а дважды умереть, как известно, невозможно. «Ледяной» дивизия называется потому, что однажды русской зимой, когда, как известно, стоит такой мороз, что если плюнуть, то плевков успеваешь замерзнуть, пока летит, и падает на землю звонкой льдинкой, так вот, прямо в самый лютый мороз в бескрайних русских степях солдаты, пробившись сквозь снег и пургу, переплыли прямо в чем были широкую незамерзающую реку и неожиданно ударили по врагам, разгромив их наголову. Когда они выходили из воды на ледяной ветер, то мгновенно покрывались ледяным панцирем, и от этого панциря отскакивали пули. Сверкающие ледяной броней бессмертные воины смели врагов, и с тех пор не знали поражений, особенно зимой, когда лед и снег царствуют безраздельно. Они могут спать на снегу, проходить по снежной целине как по утоптанной дороге, могут становиться невидимыми в летящем снегу, но когда они идут в решительный бой, то всегда надевают черную форму, чтобы врагу было хорошо их видно, разворачивают черные знамена с белыми черепами и парадным шагом, молча, под барабанный бой идут прямо на пулеметный огонь. И никакая сила тогда не может их остановить.

– Позвольте, позвольте, – вмешивался кто-нибудь, – а как же тогда они проиграли войну большевикам? Почему они бродят по Европе, как цыгане, не зная, куда приткнуться? Почему они не пошли под барабанный бой прямо на Москву?

– Да слишком они были безжалостны, слишком нагрешили – так много крови у них на руках, что даже русский мороз, всегда спасавший их, встал на сторону их противника. Когда они сидели в неприступной крепости Крым, окруженной со всех сторон Черным морем, там, где начинаются бескрайние русские степи, ударил такой мороз, что замерзло даже соленое море, которое, как известно, никогда не замерзает, и их враги – миллионная армия большевиков под началом аромунского* вождя Фрунзе – как по сухой земле, перешли море, неожиданно ударили ночью им в тыл и окружили их у крутого обрыва. И тогда Фрунзе, зная, что ледяные воины никогда не сдадутся, и многие сотни тысяч с обеих сторон бесполезно погибли в жестокой схватке, прекратил войну и велел отправляться им в вечное изгнание. И погрузилась великая Белая армия на корабли и уплыла в Турцию.

Качали головами сомневающиеся – ну видано ли, чтобы влах был

*Аромуны – арумыны, македонские румыны (цинцары, вlahи, куцовlahи, каравlahи) – народ, проживающий в южной части Балкан. М. В. Фрунзе был по отцу молдаванин.

великим военачальником, мало, что ли, видели мы тут влахов. Не может Фрунзе быть аромун. Да и главного вождя у русских большевиков зовут Троцкий. И как они смогли уплыть, если море замерзло? Но нет, всё точно – знающие люди читали в газетах и пересказывали всё верно. Троцкий – он самый главный вождь, а Фрунзе – его заместитель. Троцкий сидит в Москве и следит за всей Россией. И если где-то у кого-то из его подчиненных наступает заминка, он садится в бронированный поезд и со скоростью пули несется туда, сея смерть и разрушения, в окружении черных ангелов смерти – своей личной гвардии, одетой в черные кожаные тужурки и черные кожаные штаны. А в России сейчас такие чудеса творятся, что даже аромун может стать таким военачальником, как Фрунзе, – вlahи зовут его Фрунзеле, так у них принято. А море растаяло как раз к моменту отплытия. Мороз отпустил море и уполз в степи, закружился ледяной поземкой, раскинул снежные шупальца в бесконечных степных пространствах, переходящих в еще более бескрайнюю глухую тайгу, за которой уже вообще больше ничего не было, кроме голого льда, а еще дальше в океане плавала сказочная Япония.

Да, кивали головами старики. Против ледяной дивизии не повоюешь, нет такой армии в Албании, чтобы воевать с таким врагом. Да и Ахмет-бей Зога, собственно говоря, ничем не хуже епископа Фана Ноли; он воин, настоящий мужчина, человек чести. И воевать с ним незачем, пусть идет на Тирану, становится обратно премьер-министром. Всё можно решить между своими, по-домашнему. Зачем нам тут большевики, зачем нам тут врангелевцы, Белая гвардия, Ледяная армия? Албанцы и сами могут между собой разобратся, по своему обычаю. Как брат с братом. Пусть Ахмет-бей возвращается.

АБСОЛЮТНО НАДЕЖНЫЙ ИСТОЧНИК

Все знали, что в организованной Зогу кампании принимают участие югославские войска. Это было как бы секретом для всего мира, но совершенно очевидно подразумевалось. А вот куда они делись? Складывалось впечатление, что они превратились в призраков. Никто не мог их обнаружить, несмотря на все старания. Были вполне логичные объяснения этому – Белград хотел скрыть свое участие, поэтому войска Королевства должны были быть переодеты в албанскую одежду, и им был отдан приказ участвовать только в первой фазе наступления, а потом, сломив сопротивление албанской регулярной армии, немедленно отступить, позволив добровольцам Зогу занять свое место. Но все-таки трудно скрыть участие тысяч военнoслужащих в

военных действиях. У них есть жены, родственники, друзья, есть, в конце концов, содержатели кабаков и прочих популярных у солдат заведений. Солдаты должны есть, спать, пить ракию. Можно бесследно спрятать опытного шпиона или даже целую диверсионную группу — но ведь не тысячу же солдат! Не две тысячи! Это совершенно невозможно. Не могут две тысячи солдат стать призраками.

Никто даже и представить себе не мог, что это на самом деле возможно, но только в одном-единственном случае: если заменить живых сербских солдат мертвыми русскими белогвардейцами.

Югославские призраки воевали плохо — они то появлялись, то исчезали, по воле аналитиков секретных служб, то переодевались в албанскую одежду, то быстро отступали после первого же успешного наступления, чтобы не компрометировать своим присутствием полковника Зогу. А вот мертвые белогвардейцы не колебались, не отступали — их совершенно не заботило, что о них могут подумать племенные вожди в горах Албании или интеллигенты в кафе Тираны, и уж тем более политиканствующие крикуны в Лиге Наций. Они должны были воевать — и они воевали.

Как всем хорошо известно, лучшей разведкой в мире в то время была британская «Интеллидгент Сервис», и ее резидент рассматривался в Лондоне как абсолютно надежный источник. Он подошел к изучению вопроса предельно профессионально и написал исчерпывающий отчет, который получил гриф «Совершенно секретно» и был похоронен в дебрях архивов. Тем не менее, выводы этого отчета, подвергшиеся в той или иной степени интерпретациям, послужили источником информации для всех исследователей, занимавшихся албанской белогвардейской армией (многие при этом не подозревали даже, что речь идет об армии призраков).

Абсолютно надежный источник в первую очередь критически проанализировал противоречивые слухи, распространявшиеся заинтересованными лицами, и признал практически невероятной возможность мобилизации пяти тысяч белогвардейцев в столь короткий срок — так, чтобы это могло остаться незамеченным. Оценив общий мобилизационный потенциал всех военных сил, входивших в сферу контроля барона Врангеля, в двенадцать тысяч военнотружущих, большинство которых находились на военной или гражданской службе в Королевстве СХС, абсолютно надежный источник пришел к резонному выводу, что привлечь почти половину из них к участию в албанской кампании в рассматриваемые сроки было нереально. С другой стороны, он не склонен был доверять и тем, кто уверял, что в этой аванюре участвуют всего несколько дюжин профессиональных военнотружущих, выступающих во главе малочисленной, плохо

организованной толпы вооруженных крестьян из племени Мати, вассалов полковника Зоgolлы. Абсолютно надежный источник лично получил достоверную информацию как минимум о сорока старших офицерах, завербованных для албанского похода, что позволяло методом экстраполяции делать обоснованные предположения об общей численности остальных русских военнослужащих, включая младших офицеров и рядовых. Наконец, серьезным подспорьем при оценке ситуации стали сведения, полученные из сербской контрразведки, о содержании секретных переговоров полковника Зогу и Николы Пашича, прошедших в августе 1924 года и завершившихся подписанием секретного соглашения из шестнадцати пунктов. В данный момент у абсолютно надежного источника было только общее изложение содержания этого договора (впоследствии абсолютно надежный источник переслал полный текст договора, который лишь подтвердил его первоначальную оценку), где речь шла о фактическом присоединении Албании к Королевству СХС в рамках личной унии, о признании Ахметом Зогу, в качестве главы Албании, королевской династии Карагеоргиевичей, ликвидации албанской армии и замене ее на жандармерию, которая должна контролироваться сербами, о переподчинении албанской Православной Церкви белградским иерархам, об отказе от претензий на территории монастыря Св. Наума и т. д. Ценой такого, абсолютно унижительного для Албании договора, Ахмет Зогу купил возможность организовать воинское формирование для вторжения в Албанию, под руководством и контролем сербских офицеров, набрать добровольцев из числа албанцев, проживающих на территории Королевства, использовать сербских солдат, переодетых албанцами, а также обеспечить необходимое снабжение, включая поставки оружия и артиллерии. Эмиссары Зогу развернули активную деятельность, предлагая наемникам по три (по другим данным – четыре) золотых наполеондора в месяц.

Таким образом, тщательно проанализировав все источники, включая данные о возможном финансировании, военных поставках, ситуации в Общевоинском союзе Врангеля, распределении русских эмигрантов на территории Королевства, деятельности эмиссаров Зогу – Цено-бея Крюэзиу, итальянца Гальярди, Абдурахима Кроси и других, абсолютно надежный источник пришел к следующим выводам (оговорив, впрочем, что выводы эти – чисто эмпирические и по ряду позиций не имеют надежного документального подтверждения): по договору с Пашичем в состав основной группировки вторжения могут входить до 1000 солдат регулярной югославской армии, до 1000 резервистов-добровольцев из лиц албанской национальности, проживающих на территории Сербии (преимущественно в Косове), а также

около 500 крестьян из племени Мати, покинувших Албанию вместе с Ахметом Зогу (их участие в предприятии сомнению не подлежит). Кроме того, количество наемников-врангелевцев может доходить до 800-1000, под руководством 40-50 старших русских офицеров. Белград предоставил также две батареи горной артиллерии, десять тяжелых и двадцать легких пулеметов (подтвержденные данные) и (предположительно) артиллерийскую службу и пулеметчиков, а также необходимые боеприпасы, амуницию и снаряжение, включая моторизованный транспорт для выдвижения группировки на передовые позиции.

Общая численность группировки под командованием Зогу может достигать до 4000 штыков, плюс необходимо учесть две независимые группировки (одна под командованием итальянца Гальярди, вторая – под командованием Цено-бея Крюэзиу), наступление которых планируется одновременно с наступлением Зогу, общей численностью до 1000 штыков.

Абсолютно надежный источник предоставил максимально объективный анализ ситуации, оговорив степень достоверности всех расчетов, но дальше в тонкости балканских перипетий никто вникать не стал. Возникло магическое число – 5000, и оно удивительным образом совпало с численностью призрачной Ледяной армии Ахмета Зогу, вдохнув в нее жизненную силу. Доклад абсолютно надежного источника сдали в архив в папке с соответствующим грифом секретности, и доступа к нему практически никто больше не имел, а все его предположения незаметно превратились в доказанный факт, и более того – подтвердили существование в Албании независимой военной силы, своим присутствием на одном из рычагов неустойчивых качелей балканской политики изменившей политический расклад на десятилетие вперед.

СЛИШКОМ СЕКРЕТНЫЙ ДОГОВОР

С договором как-то сразу не заладилось. Зогу был в безвыходном положении. Пашич мог выдвигать любые требования, и Зогу, хотя явно без удовольствия, был вынужден с этими требованиями соглашаться. Зогу нужно было восстановить свою власть. Пашичу нужно было, чтобы Албания потеряла остатки самостоятельного значения в сфере внешней политики и стала просто дополнительным противоречием на колеблющихся весах балканских интриг. Если Албания входила в сферу влияния Греции или Италии, граница возможного военного конфликта передвигалась к Сербии. Если Пашичу удавалось добиться своей цели, Королевство СХС получало дополнительное

оперативное пространство – граница сдвигалась к Греции, а Италия теряла плацдарм, оставаясь за морем. Зогу соглашался со всеми пунктами договора, у него не было выхода. Но проблема была в другом.

Во-первых, договор был абсолютно неофициальным: будучи, на первый взгляд, международным договором, заключен он был фактически между двумя частными лицами – не только Зогу, но и сам Пашич на момент его подписания официальными лицами не являлись и с юридической точки зрения соответствующих полномочий не имели, не говоря уже о ратификации его правительственными органами. Во-вторых, был он настолько секретным, что его нельзя было не то что публиковать, но даже ссылаться на него было невозможно. В-третьих, утечка произошла практически сразу же, и о договоре знали слишком многие, так что секретность была довольно условной. И, наконец, главной проблемой было обеспечение выполнения условий этого договора. По плану Пашича, тысяча сербских военнослужащих, передаваемых Зогу для участия во вторжении под командованием сербских офицеров, и составила бы основу создаваемой в Албании жандармерии, которая должна была заменить регулярную армию. Это и было бы гарантией выполнения остальных пунктов договора. Но ввиду абсолютной незаконности и секретности договора практическое осуществление этого плана сразу же натолкнулось на непреодолимые сложности. Великие державы благосклонно относились к попытке Зогу убрать попавшего под влияние большевиков епископа Ноли, но в том случае, если Зогу восстанавливал власть своими собственными силами. Если же речь шла об открытой агрессии Королевства СХС, то есть о вторжении регулярной армии, то ситуация менялась радикальным образом. Ни о какой поддержке Лиги Наций и речи быть не могло; албанская армия плачивалась для отражения внешней агрессии, и шансы Зогу на успех становились совершенно мизерными.

Следовательно, речь шла о том, чтобы провести в кратчайшие сроки совершенно секретную операцию по переподчинению тысячи военнослужащих в составе организованных воинских подразделений командующему группировкой вторжения. При этом сербов нужно было замаскировать в албанцев, обеспечить снабжение, управление, организацию. Такую огромную бюрократическую работу невозможно было провести в такие сжатые сроки совершенно секретно. Никто в руководстве армии не мог отдать полагающиеся в таком случае приказы, а секретная служба не располагала полномочиями проводить операции с армейскими подразделениями. Пока длилась неопределенность, Зогу, не дожидаясь обещанных армейских частей, воспользовался предоставленными ему полномочиями и набирал доброволь-

цев. Идея с тысячей сербских солдат, переодетых в албанцев, повисла в воздухе. Осуществить ее в запланированные сроки оказалось невозможно.

Вторую обещанную тысячу – этнических албанцев из Косова, граждан Королевства, – набрать можно было достаточно легко. Но для Пашича эта ситуация представляла еще больший риск – в составе организованной группировки под руководством сербских офицеров и при наличии тысячи сербских военных; эта тысяча албанских добровольцев опасности не представляла и могла выполнить возложенную на нее задачу. Но если сербская армия в походе не участвовала, то идея вооружить тысячу косоваров и передать командование над ними албанцам уже не представлялась Пашичу такой замечательной. Совершенно неизвестно было, что могло прийти в голову организованной военной силе этнических албанцев – то ли организовывать жандармерию в Албании, то ли вернуться в свои родные края с намерением добиться независимости Косова от Сербии. Это были неперсчитываемые политические риски.

Таким образом, и тысяча албанских добровольцев растворилась в воздухе.

Оставалась еще служба артиллерийских орудий, но Зогу даже и не напоминал об обещанных специалистах – ему нужны были орудия, и десяток-другой сербов никакого значения не имели. С орудиями могли прекрасно справиться и русские офицеры.

В результате весь договор, не имея под собой реальной базы, потерял какое бы то ни было значение. Если Королевство СХС не оказывало никакой реальной помощи Ахмету Зогу, как это было предусмотрено договором, то какие у него были основания требовать соблюдения остальных положений этого договора? Когда Пашич это осознал, было уже поздно – Зогу набрал русских добровольцев, и вторжение должно было вот-вот начаться.

Непонятно было только одно: с какими силами Зогу собирался начинать вторжение? Происходило что-то странное, концы с концами не сходились. Вместо проверенной информации к Пашичу поступали нелепые слухи; вместо ясной картины он видел что-то вроде гигантского серого одеяла, под которым происходило таинственное шевеление. О существовании армии призраков Пашич догадаться не мог, но косвенные признаки указывали на наличие какого-то фактора «икс», какой-то неучтенной военной силы. И тогда Пашич вызвал к себе того единственного человека в Королевстве, который по долгу службы должен был знать обо всем происходящем в Королевстве и его окрестностях больше не только самого короля (что совсем неудивительно, поскольку не королевское это дело – заниматься политикой),

но больше даже самого Пашича. Он должен был решить это уравнение в кратчайшие сроки. А уж если бы и ему это не удалось, то... но нет, такой вариант не мог даже рассматриваться всерьез. Для этого человека не могло существовать никаких тайн и загадок. Все тайны и загадки от одного его вида мгновенно решались, не дожидаясь, пока тот применит более серьезные методы. А уж если он не смог бы, то и никому в мире это было бы не по зубам.

ПОХОД МЕРТВОЙ АРМИИ

Если кто-то думает, что война – это в основном атаки с криком «Ура!», стрельба, взрывы и всякие героические подвиги, то он глубоко заблуждается. Война – это преимущественно ходьба пешком и сидение в грязных окопах, выкопанных после длительного пешего перехода. Нет, конечно, случается и стрельба, и даже (крайне редко) штыковая атака, но большую часть времени занимает именно утомительное передвижение из одной точки в другую. Передвигаться доводится и в вагонах по железной дороге, и конным ходом, и в трясущихся повозках, и даже на грузовиках, но все-таки основной способ передвижения больших масс вооруженных людей там, где нет железных дорог и не хватает грузовиков, – на своих ногах. Собственно говоря, именно потому пехота и называется пехотой, что ей приходится преодолевать огромные пространства пешком.

Начиная с 10 декабря небольшие группы русских военных начали стекаться в Дебар, который албанцы называли Диброй. До Скопье (или, как произносили албанцы, Шкупи) шел поезд, а потом нужно было преодолеть еще больше ста километров до Дебара, и тут уж кому как повезло: кто доехал более или менее комфортно, наняв повозку в Скопье, кто добирался перекладными, сначала до Тетово, а потом уже оттуда до Дебара. Кучину и Улагаю, отправившимся из Скопье с последней командой киевских гусар, прибывших во главе с полковником Берестовским, не повезло. Сербы организовали несколько военных грузовиков, но тот, который перевозил Кучина, заглох сразу после Волковии, и оставшиеся до Дебара пятнадцать-двадцать километров нужно было идти пешком.

Лучший способ оживить все свои военные привычки – это пройти пешком километров двадцать. Для бывалых солдат это было легкой прогулкой, позволявшей даже насладиться видом черно-синих диких зубчатых гор справа по ходу движения, самым острым зубцом среди которых была гора Кораб.

– А, вот они, горы, – кивнул Кучин в сторону острых пиков. – Давно, Кучук, ты в горах не бывал? Соскучился, поди?

Кучук равнодушно пожал плечами. Местные горы его никак не заинтересовали.

Стало темнеть. Неожиданно пошел густой снег.

– Господи, настоящий снег! Только здесь, в горах, и можно увидеть настоящий снег! Я уже соскучился. Там, внизу, только мокрое месиво – дождь вперемешку со снегом, мокрая слякоть. А здесь – умыться чистым мягким снежком, как в детстве.

Кучин на ходу набрал в ладони снега и с удовольствием погрузил в него лицо. Улагай поморщился – он не любил снег.

У обочины стояла старуха с вязанкой хвороста и, нахмурившись, смотрела на проходящих солдат. Один из них повернулся, и вдруг она с ужасом увидела, что у него не только на шапке и на плечах снег, но и вместо лица у него снег, и он пытается руками содрать ледяную корку. Наконец ему это удалось, и солдат со смехом повернулся к ней, весело что-то прокричав и показывая вывернутое наизнанку снежное лицо, лежащее у него в ладонях. Вместо содранного снежного лица у него теперь было обычное, человеческое, – глаза его сверкали, и он громко хохотал, подмигивал старухе и выкрикивал таинственные заклинания. С ужасом улавливала она обрывки ритмичных фраз, похожих на знакомые с детства древние ритуальные присказки, но искаженные до неузнаваемости и ставшие от этого таинственными и ужасными. *Baba, ula... babula, kakoj, marros, marros...* С ума можно было сойти от страха.

А потом вдруг после всей этой абракадабры она услышала жившие у нее в памяти с младенчества слова детского заклинания, вызывающего дождь:

– *Rona rona reregona...* – и с ужасом подумала: кто же вызывает дождь посреди зимы? В мороз? Что будет, если в мороз пойдет дождь? Всё покроется ледяной коркой, и все помрут. Старуха с опаской посмотрела на небо, но оттуда по-прежнему летели обычные снежинки. В этот момент солдат вдруг совершенно отчетливо произнес понятные слова:

– *Ika nga veria, vajta ne debore...* – но прервался на полуслове.

– Капедан! – донеслось откуда-то из снежной мглы, и страшный солдат обернулся на зов, стряхнул с рук свое снежное лицо, мгновенно разлетевшееся вьюгой, и бесследно растворился в белом тумане.

Старуха перекрестилась, и в этот миг откуда-то издалека эхом донесся гул снежной лавины.

Кучин, бодро оттирая замерзшие щеки снегом, догнал Улагая.

– Ну что, Улагай, хорош снежок, а? Вон бабуля тоже стоит, раду-

ется снежку. Я ее повеселил, рассказал пару поговорок, меня детишки албанские научили, когда я в Любаниште служил, на Охриде. Там про снег что-то такое, веселое. Или про дождь? Да, про дождь. Ну, неважно...

– Веселое?

– Ну да, песенка для вызова дождя, вроде нашего «дождик, дождик, пуще, дам тебе я гущи!» Вот, кстати, волшебное русское заклинание, действует гарантированно.

– Неужели?

– Да, проверено мной лично. Но есть несколько обязательных условий, чтобы оно подействовало.

– И каких же?

– Нужно петь его во весь голос, подпрыгивая на месте.

– И всё?

– Да нет. В том-то и дело, Кучук, что не всё. – Кучин посерьезнел. – В том-то всё и дело. Прыгать нужно обязательно босиком, причем тебе должно быть девять лет, и происходить всё это должно в саду, желательно вишневом, окружающем твою усадьбу. Вот в чем загвоздка. Это только в России работает. И только таким вот образом. А здесь другие заклинания, свои собственные. Рица-рица пеперица... Как-то так, – открыв на ходу офицерский планшет, он посветил плоским карманным фонариком на карту сквозь прозрачное слюдяное окошко. – Ну, Улагай, скоро до монастыря Йована-Крестителя дойдем, а там до Дебара уже и рукой подать.

ПРЕОБРАЖЕНИЕ В ДИБРЕ

Церемония зачисления русских охотников в албанскую армию, с назначением воинских чинов, прошла как-то скромно, можно даже сказать – незаметно, на каком-то глухом пустыре на окраине Дибры (как теперь все уже привыкли называть Дебар). Погода была непонятная. К вечеру немного подмораживало, и растаявший было днем снежок снова кружил в воздухе. Где-то за спинами свежее испеченных албанских офицеров, одетых в новую форму и сменивших привычные фуражки на характерные шапочки, пряталось за горами солнце, далеко впереди темнело озеро, за которым тоже были горы.

Миклашевский, ставший майором албанской армии, доложил принимавшему парад главнокомандующему. Индивидуальных представлений офицерского состава предусмотрено не было, и Зогу ограничился тем, что обошел строй, внимательно вглядываясь в лица своей маленькой армии.

Кучину показалось, что за решительным и воинственным видом

Зогу скрывал неуверенность, и взгляд его скользил по лицам как-то слишком быстро. Человек, склонный к сомнениям и навязчивым размышлениям, возможно, мог бы даже заподозрить, что главнокомандующий сомневается в благополучном исходе затеваемого похода. Но в строю стояли люди, совершенно не склонные к ненужной рефлексии и озабоченные, в основном, только тем, достаточно ли ладно села на них новая форма, в которой предстояло воевать в горах, и пытавшиеся привыкнуть к необычным знакам различия на ней.

В другое время кадровые военные, вне всякого сомнения, возмущались бы тем, что совершенно неосновательно были, по сути, разжалованы, получив звания ниже тех, что имели в русской армии. Полковник Миклашевский стал майором, и это было самое высокое звание в сформированной команде. Старшие офицеры перешли в младший офицерский состав – Берестовский и Улагай получили капитанский чин, а Кучин стал лейтенантом. Переживавшие некогда о выслуге, наградах и званиях, офицеры, ревниво следившие за карьерой однокашников и пристрастно обсуждавшие прошедшие награждения, на этот раз приняли факт своего понижения совершенно равнодушно. Всё это было каким-то ненастоящим, напоминало опереточную историю, и никому и в голову бы не пришло всерьез обсуждать, почему кто-то стал капитаном, а кто-то – всего лишь лейтенантом.

– Да и, с другой стороны, какие еще могут быть у нас звания, если главнокомандующий у нас всего лишь полковник? – резонно заметил Кучин стоявшему рядом Куракину, когда церемония подошла к концу. – Должна же в армии быть какая-то субординация.

– Да бог с ними, со званиями, – ответил Куракин, – меня больше интересует, где же вся остальная армия? Здесь ведь, кроме личной охраны премьера, никого нет. Куда подевались все его матьяне? Где наша кавалерия? Маскируется? Где косовары?

– А вот по поводу кавалерии я могу дать точные сведения: кавалерия скупила все дрова в Дибре и теперь разжигает костры.

– Какие еще костры?

– Вдоль албанской границы они сегодня разожгут костры, насколько дров хватит, для введения противника в заблуждение относительно нашей численности.

– Вы полагаете, в этом есть какой-то смысл?

– Трудно сказать. Полагаю, об этом следовало бы спросить Русинова, как начальника штаба, но боюсь, что даже он на этот вопрос ответить не сможет. Это уже какие-то стратегические замыслы главнокомандующего. Надеюсь, он понимает, что делает... И что дров будет достаточно....

И Кучин задумчиво посмотрел на горы, темневшие на другом

берегу озера. Где-то еще дальше, у самой границы, вот-вот должна была вспыхнуть бесконечная цепочка костров, посеяв панику среди немногочисленных солдат пограничной стражи на этом самом дальнем и глухом участке албанско-югославской границы.

ДЕТАЛИ ГОЛОВОЛОМКИ

В кабинете, одно приближение к дверям которого вызывало неприятный озноб даже у сотрудников королевской контрразведки – а они, как всем известно, не самые слабонервные люди, – происходил довольно неприятный разговор.

Посеревший от усталости человек тихим голосом распекал своего подчиненного, который считался весьма компетентным сотрудником, – по крайней мере, так было до этого вечера. А уж как будут к нему относиться в дальнейшем, было покрыто неизвестностью. Держа под мышкой серые папки, часть из которых, казалось, обросла архивной пылью, подчиненный оправдывался. Он и сам понимал, что оправдания его выглядят очень неубедительно, но понять не мог, как же это так получилось, что все его усилия последних недель оказались совершенно напрасными, и ему приходится отвечать на такие неприятные вопросы, ответа на которые у него нет и быть не может. Это было похоже... даже трудно сказать, на что это было похоже, – как если бы он стоял на посту и неотрывно смотрел на вражеские позиции, и вдруг оказалось бы, что всё это время глаза его были закрыты, да и лицом повернут он был совсем в другую сторону. Это было похоже на липкий кошмар, от которого не удастся пробудиться, несмотря на все усилия спящего – понимающего, что всё происходит не на самом деле, что всё это только снится, – но вот проснуться нет никакой возможности!

– Не может такого быть. Это невозможно! Пять тысяч! Это невозможно физически. Кроме того, всё под контролем, у нас полные списки личного состава. Полковник Миклашевский руководит операцией. Ни один лишний русский офицер не может остаться незамеченным, разве что его в матьяна переоденут. Да и то он долго не продержится!

В подтверждение своих слов говоривший, неловко скособочившись и прижимая локтем папки, извлек из них несколько скрепленных вместе листков, где машинописные строчки были густо испещрены исправлениями и пометками. Листки в его руке очень неубедительно подрагивали, когда он выкладывал их на стол перед сидевшим. Тот взял листки и бегло просмотрел, небрежно перелистывая пальцем.

– Полные списки, говоришь?.. Ни один, говоришь?.. А вот у меня

есть данные из совершенно надежного источника, что ротмистр Кучин отправлялся на вокзал встречать команду казаков, численностью от ста пятидесяти до двухсот человек, под командованием полковника Бойко и казачьего войскового старшины. И где же эти казаки в вашем списке? Тут у вас всего сто восемь человек. По моему указанию проведена проверка – полковник Бойко бесследно исчез именно в эту ночь. Больше о нем никто и никогда не слышал. Был полковник Бойко, все его видели, разговаривали с ним, деньги ему в долг давали, выпивали с ним – и вдруг он исчез бесследно. Никто больше не слышал также и о двухстах казаках. Где они? Растворились в воздухе? Стали призраками?

– Я затрудняюсь...

– Из других – подчеркну: еще более надежных источников – мне стало известно, что ротмистр Кучин является начальником врангелевской особой секретной службы – настолько секретной, что даже их контрразведка не располагает детальными сведениями о его деятельности. И вот такой человек выходит встречать двести казаков во главе с войсковым старшиной и полковником для их переправки к месту сбора – и все они бесследно исчезают в ту же ночь. Как это прикажешь понимать?

Повисло неловкое молчание. Компетентный сотрудник не имел ни малейшего представления, как это можно понимать.

Человек с выжженными усталостью глазами развернул на столе лист бумаги и стал рисовать кружочки.

– А теперь давай-ка взглянем на тот список, который ты мне тут показываешь. Пятнадцать человек на офицерских должностях, а остальные никаких командных постов не занимают. Вот, изволь, – полковник Улагай командует пулеметной командой. Ты знаешь, кто такой полковник Улагай?

– Э-э...

– Полковник Улагай – командир ингушской сотни, потом командир отдельного пластунского отряда казаков в Императорской армии. Это элитное диверсионное подразделение, способное независимо решать задачи оперативно-стратегического масштаба. Улагай с генералом Покровским осуществлял зачистку Болгарии от агентов большевистского ГПУ. Улагай – это величина. Полковник Улагай еще не всякий полк не во всякой дивизии возьмет под свое командование – а тут, извольте видеть, он командует пулеметной командой из восьми пулеметов! А вот тут кто? Ну-ка, ну-ка?.. Ты только посмотри – кто тут у него командиром взвода? А? Некто Кучин. Ротмистр Кучин – тот самый ротмистр Кучин! – по твоему мнению, сейчас сидит и чистит пулемет «фиат»? А? Чистит?! Доводилось тебе видеть где-

нибудь пулеметную команду, в которой несколько старших офицеров, включая полковника?!

– Не могу знать, виноват.

– А теперь глянь, что получится, если эти вот кружочки расставить как нужно, если имена из твоего списка таким вот образом переписать... – И на листе бумаги обозначилась сложная структура, где кружочки были связаны друг с другом расходящимися линиями, линии эти ветвились, обрастали треугольниками и прямоугольниками, гроздьями висевшими внизу страницы. – Ты видишь, что это?

Стоявший нахмурился, внимательно изучая схему, но делать какие-то выводы поостерегся.

– Так вот, это схема организации дивизии. Твой список – это готовая кадрированная дивизия. Осталось только добавить личный состав – рядовых, унтер-офицеров. И всё!

Рука говорившего лихорадочно стала рисовать прямоугольники, квадраты, и скоро весь лист был изрисован значками.

– Это значит, что в любой момент появляются из того тумана, в котором они бесследно растворились, двести казаков и молниеносно занимают свое место.

Рука заштриховала один из прямоугольников.

– И всё!

Подчиненный выглядел озадаченным.

– Каждому из этого списка достаточно вызвать по своим каналам пятьдесят человек, и у них под ружьем уже пять тысяч, два полка, практически ударная дивизия без вспомогательных служб. И все это происходит мгновенно и вне нашего контроля. За один свой поход на вокзал Кучин принял двести казаков и куда-то их переправил для временного базирования. А сколько таких походов совершил этот мифический Кучин? У тебя есть такие сведения?

Подчиненный был вынужден признать, что таких сведений у него нет.

– И самое главное, что мы не знаем, кто реально находится наверху этой пирамиды, кто осуществляет командование. Формально – да, Миклашевский. Он командует сотней наемников и несколькими сотнями крестьян. А вот кто командует секретной дивизией? Зогу? Улагай? Кучин? Миклашевский может даже и не подозревать, что происходит на самом деле. Его просто мягко отстранят в нужный момент. Чтобы завтра же у меня на столе было всё об этом Кучине – весь Белград обшарь, в Россию смотайся, если понадобится, но чтобы я знал, чем он тут занимался!

КАК СПРАВИТЬСЯ С «ФИАТОМ»

Ротмистр Кучин в это время как раз именно что разбирался с устройством итальянского пулемета «Фиат-Ревелли» 1914 года выпуска. Сам по себе пулемет ничем особенным не выделялся – практически тот же «Максим» с водяным охлаждением кожуха, вот только вместо колес у него была тяжеленная тренога, которую должны были таскать крепкие горцы, входившие в подчиненный ему пулеметный взвод, да вместо ленты патроны подавались из экзотического многорядного магазина-коробочки открытого типа с пятью рядами, по десять патронов в каждом. Сама по себе идея, возможно, была и неплоха, но система перезарядки была настолько неудобна, что ротмистр, пытавшийся овладеть пулеметом с наскоку, чуть не остался без нескольких пальцев, проклял эту чертову коробку и приступил к планомерной осаде диковинной конструкции. Ему не улыбалось в разгар боя случайно сунуть палец куда-нибудь не туда и потерпеть поражение от глупой машинки. Времени на то, чтобы довести навыки до автоматизма, не было, но натренировать какие-то основные движения было просто необходимо.

Более того, нужно было научить всем необходимым манипуляциям подчиненного ему горца: заливать воду в кожух, сливать воду, заряжать, разряжать, набивать патроны в магазин, собирать пулемет на треноге. Кучин задумался, мысленно оценивая свой запас албанских слов и решая, сможет ли он справиться с этим, не прибегая к помощи переводчика.

– Ну что же, Селим, давай знакомиться. Я – командир взвода.

Селим спокойно посмотрел на него и кивнул.

– Знаю тебя. Ты – Скендер. Белый капедан. Был на Охриде.

Кучин был крайне удивлен. На Охриде в пограничной страже он служил давно, и после этого столько всякого в его жизни произошло, что пребывание в албанских горах несколько выветрилось из его памяти. Казалось странным, что кто-то может знать о его прошлой службе и, тем более, узнать его в лицо.

Так же спокойно Селим добавил:

– Убил моего свояка, кушерира.

– Что? – не сразу понял Кучин.

– Убил. Пулей, – и Селим изобразил для ясности, как стреляют из ружья.

Ситуация была странной, и Кучин не знал, как на нее реагировать. С некоторой опаской он посмотрел на Селима, прокручивая в голове самые разные варианты развития событий, вплоть до неожиданного вооруженного столкновения.

– И что теперь?
– Что? – не понял Селим.
– Ты мой кровник? Должен меня убить?
– Я? – удивился теперь Селим. – Почему?
– А как же кровная месть? Канун? Разве Канун не требует отмстить?

– Нет. Очаг требует кровь у очага. Фис – у фиса. Ты не албанец, у тебя нет ни очага, ни фиса. Ты солдат. Ты воевал храбро и честно, капедан. Канун не требует брать кровь на войне. На войне солдаты воюют. Кто лучше, тот победил. Погиб кто погиб. Судьба.

Селим развел руками, демонстрируя свою покорность судьбе, и принялся снимать с осла притороченную у того на спине треногу для пулемета.

Кучин, озадаченный, какое-то время стоял неподвижно, повторяя про себя формулу судьбы солдата, изложенную албанским горцем с лапидарностью, достойной древних римлян: *u vra kush u vra* – «погиб кто погиб».

ДЕЛО К.

Расследование было настолько секретным, что в целях конспирации обычные правила делопроизводства не соблюдались, и на картонной папке было крупно написано просто «ДЕЛО К.».

Эту папку опытейший и до недавнего времени не знавший провалов сотрудник контрразведки и положил на стол своему начальнику. Тот некоторое время пристально смотрел на своего подчиненного, словно решая, стоит ли вообще брать эту папку в руки, потом все-таки открыл ее.

Как только начальник отвел от него взгляд, подчиненный с тоской посмотрел в угол комнаты, потом на окно, но долго позволять себе такие вольности и бродить взглядом, где попало, он не мог: начальник, прочитав что-то, нахмурился, поднял глаза и увидел, как и положено, напряженное внимание и готовность.

– Ты где работаешь, а? Что это тут у тебя с датой рождения – не знаешь, когда он родился? А как он документы для службы на границе оформлял?

– Извольте ли видеть, там в скобочках дата в современном летосчислении, а первая цифра – это по старому русскому календарю, там почти две недели разницы. Кроме того, в разных канцеляриях есть разночтения, очевидно, где-то писарь сделал ошибку. Официальной датой считается вот эта, – и подчиненный, изогнувшись, почтительно указал мизинцем на нужную цифру.

Начальник пожевал губами, но ничего не сказал. Перевернув страницу, он стал бормотать вполголоса. Родился в имении... Окончил Тенишевское училище в Петрограде... Елисаветградское кавалерийское... Так-так... Первая мировая... «Ледяной поход»... Галлиполи... Это всё к черту. Здесь чем он занимался? Связи, деятельность, явки...

По мере того как он перелистывал досье, лицо его каменело, и бормотать про себя он перестал. Наступило зловещее молчание. Потом он тихо прошипел сквозь зубы, не поднимая глаз на подчиненного. Любой, кто мало-мальски знал этого человека, понял бы, что он взбешен до предела.

— И я должен читать этот бред? Ты сам читал это, когда в дело подшивал? Топил котлы в университете... Шоколадная фабрика Шонда... Дурацкая история с калиной какой-то в Женской медицинской академии... Что он там не туда сажал? Какое он вообще имеет отношение к женщинам или к медицине? Какие еще деревья? Зачем вообще нужно сажать какие-то деревья? Мало их и так растет? Какое это имеет отношение к делу? А это что? Торговля вонючими сырами? При чем тут вонючий сыр? Какое отношение имеет сыр к деятельности врангелевской контрразведки?!

— Он, изволите ли видеть, производил французский сыр рокфор и торговал им в лавке под видом настоящего, импортированного из Парижа, и некоторое время довольно успешно. Производил он его из отбросов, скупал по дешевке местный заплесневевший сыр и делал из него «французский» — лепил этикетку и продавал втридорога...

— Идиот! — взорвался начальник. — Он издевался над нами, а ты собираешь всю эту дрянь и в дело подшиваешь! Чем он на самом деле занимался? Контакты? Где? Кого нашли? Вот это что такое? Ну, тут понятно: офицеры, всех просветить насквозь, если они не в горах уже! Улагай! Так. Хорошо. С Улагаем понятно. А это кто? Балалаечник? Кто это такой — Иван Булгаков? Почему он тут у тебя подшит? Он с Кучиным выпивал пару раз в русском кафе, где бренчит на балалайке с утра до ночи? И что? Вы его проверяли? Что тут? Жена, ребенок, балалайка... Ерунда всё это полная! К черту! Где фактура?

— А вот тут, позвольте заметить, есть существенные данные: вооруженное нападение, террористическая деятельность, свидетельские показания.

— А? Где? — заинтересовался начальник.

Подчиненный услужливо перелистнул несколько листов.

— Вот тут. Показания Драго Савича, промышленника. Он уверяет, что Кучин совершил вооруженное нападение на его фабрику,

организовав террористическую ячейку, в которую входили Улагай и еще несколько человек.

– Так-так, это уже хоть что-то. Ну-ка, – и мрачный человек стал вчитываться в протокол допроса Драго Савича. По неведомой причине настроение у него от этого не улучшилось. – А ты сам читал, что этот Савич плетет? Кучин организовал подпольную большевистско-террористическую ячейку! А?! Кучин – большевистскую?

– Виноват, указанный Савич – человек, политически необразованный, и считает, что слово «большевик» – это что-то вроде ругательства по отношению к любому русскому.

– Ну хорошо, а вот... – палец воткнулся в подшитую страницу, – вот это: вооруженное нападение на контору фабрики? В чем оно выражалось? Какова была цель вооруженного нападения? И чем это нападение закончилось? Почему он жив, сволочь, если на него русскими террористами было совершено вооруженное нападение? Кучин стрелять разучился? И почему же он в полицию не заявил?

– Боялся мести замаскированных сообщников. А в результате нападения у него травма. Глаз ничего не видит.

– Всё. Хватит тебе тут в конторе штаны просиживать и по городским кабакам болтаться. Сколько ты, интересно, коньяку выпил за хозяйский счет, пока балалаечника не разоблачил?

Подчиненный пожал плечами и тоскливо посмотрел в сторону.

– Значит так. Берешь лучших людей и выезжаешь в поле! В Тетову, в Дебар, в Пешкопию, к черту на рога, хоть пешком там всю дорогу пройди, носом всё обнюхай, но чтобы у меня были самые точные сведения: где сейчас Кучин и его русская дивизия? Ты понимаешь, что дивизия не может по воздуху пролететь? Дивизии требуется транспорт, снабжение, обозы. Солдаты должны размещаться настой. Жрать они должны, ты понял меня?

Начальник говорил тихим шипящим голосом – и это было невероятно страшно, лучше бы он кричал. Тихий голос его, однако, постепенно становился все громче – будь на месте опытного контрразведчика кто-нибудь с менее крепкими нервами, он уже застрелился бы от ужаса.

– Они должны жрать, а потом гадить! Даже если они не по домам стояли, а в чистом поле прятались, походный лагерь разбивали, они по уставу должны были латрины откапывать! Куда они гадил, я тебя спрашиваю, черт бы вас всех побрал?! Где дивизионное дерьмо? Если дивизия нагадила, этого нельзя не заметить!

Он немного успокоился и продолжал уже скучным бесцветным голосом:

– Отправляться немедленно. Возьмешь машину и двух человек. Нужны точные данные: личный состав, вооружение, маршрут.

Докладывать непрерывно, в любое время, с каждого телефона и телеграфа по пути, начиная с Тетова. Чрезвычайные полномочия. Допрашивать жестко, при необходимости производить аресты любых лиц. Использовать местные власти. Дело государственной важности.

Начальник показал пальцем на потолок, чтобы подчиненный осознал уровень государственной важности, потом махнул рукой, показывая, что разговор закончен. После того как подчиненный вышел быстрым шагом из кабинета, он долго сидел неподвижно, о чем-то думая. Со стороны могло бы показаться, что он читает и пересчитывает надпись на картонной папке: «ДЕЛО К.».

ГРАНИЦА

Вторжение на территорию Албании произошло каким-то совершенно будничным образом и без единого выстрела. Передовые отряды готовились подавить сопротивление пограничной стражи, но никакого сопротивления не было и в помине. Личный состав пограничников приветствовал законного премьер-министра Албании, выстроившись по всей форме, как положено, и напружинившаяся, готовая к смертельной схватке ледяная змея, ошетилившаяся ружьями, пулеметами и артиллерийскими орудиями, растаяла и раскатилась брызгами во все стороны. Все спешили воспользоваться выдавшимся неожиданно временем и занялись своими собственными неотложными делами.

Потом стали появляться перебежчики с другой стороны, возникавшие словно ниоткуда, приходившие какими-то обходными тропинками и не то сдававшиеся в плен, не то рапортовавшие по команде о прибытии для дальнейшего прохождения службы. У каждого из них, вероятно, были свои собственные причины для перехода на сторону Зогу, но массовость этого явления свидетельствовала о разложении в рядах противника и о совершенно неудовлетворительном состоянии боевого охранения.

– А что, Бродович, – спросил сидевший и изучавший карту Кучин суетившегося возле древней бронзовой пушки командира артиллерийской батареи, – не довелось пострелять? Таким манером, может, и до Тираны дойдем?

– Это вряд ли, – рассеянно ответил тот, задумавшись над решением какого-то технического вопроса, связанного с конской упряжью. – Это вряд ли...

– Отчего же? – удивился Кучин. – Ведь если задуматься, то воевать и не нужно, если нами руководит местный премьер-министр. Какая же тут может быть война? Пройдем парадным маршем. А?

– Это он тут премьер-министр, а чуть дальше, в Пешкопии, он

уже государственный преступник, заочно приговоренный к смертной казни, и для него уже виселицу построили. — Бродович, пыхтя, подтянул какие-то постромки и присел рядом с Кучиным перевести дух. — Ротмистр Красенский со мной поделился — они там в казарме пограничников и перебежчиков допрашивают, и ситуация отнюдь не такая радужная. Там более тысячи штыков регулярных войск, артиллерия, пулеметы, крепость, и руководит ими приехавший эмиссар епископа. С ним, похоже, договориться не удалось, так что все-таки придется пострелять, как вы изволили выразиться. И вот эта вот дорога не будет похожа на парадный марш, — и Бродович ткнул пальцем в разложенную у Кучина на коленях карту.

— Средь финских блат... — пробормотал Кучин, изучая карту.

— Что, простите? — переспросил Бродович.

— Среди шкиптарских блат, говорю, — пояснил Кучин. — Вот, извольте полюбоваться, у них тут в горах каким-то удивительным образом фигурируют болота. В названиях деревень. Верхнее Блато, Нижнее Блато. Хорошо, что это исключительно в фигуральном смысле. Я, если признаться, с пятнадцатого года болота терпеть не могу. Особенно зимой.

Бродович пригляделся к карте.

— Тут вообще много славянских названий у албанцев, но при чем тут болото — совершенно непонятно. Наверное, это просто случайное совпадение по звучанию, и к болотам никакого отношения на самом деле не имеет.

— Так я и не говорю, что имеет. Так, чистая игра слов. Зато другие названия явно со смыслом. Вон, дальше у них еще есть Подгорица, наверняка под горой стоит, а дальше еще занятнее: село Граждане какие-то с крепостью, Войник, Градец, Бегунец. Занятно.

— Зато возле моей дачи под Петербургом — сплошь чухонские названия, Карголо-Лемболо-Кракемяки всякие. Древние племена уходят или растворяются среди пришельцев, а имена остаются.

— Так что, пешком пойдем в Пешкопию? Пешкопия — это ведь от слова «пешком»?

— Я полагаю, ротмистр, то есть, пардон, господин албанский лейтенант, что Пешкопия — это от слова «епископ». Я что-то такое читал, кажется. Здесь христианская часть Албании, не мусульманская.

— Ну что ж, придется, значит, пешком прогуляться к епископу. Делать нечего.

ПОИСКИ НЕВИДИМОЙ КОЛОННЫ

Допрос местных крестьян довел сотрудника разведки до полного изнеможения. Они или действительно были поголовно идиотами,

или хитро прикидывались дурачками, чтобы не отвечать на его вопросы.

– Душан, – риторически вопрошал он своего подчиненного, – они что, действительно считать не умеют? Как такое может быть? Они ведь овец своих считают и деньги считают – небось, не ошибаются никогда? Вот попробуй, ради интереса, обсчитать его даже не на динар, а на пятьдесят пара хотя бы, – что будет, а?

Душан задумчиво кивал головой, пытаясь представить, что будет, если вот этого, только что вышедшего из комнаты огромного крестьянина, попытаться обсчитать на пятьдесят пара. Да, пожалуй, ничего хорошего не получилось бы.

– Вот именно! – а тут они не могут сосчитать не только, сколько человек мимо них прошли по дороге, но даже сколько грузовиков проехало!

Допрашиваемые охотно соглашались: да, проезжали русские солдаты, и грузовики были, и албанцы тоже были, конные и в грузовиках. Сколько? А кто их знает... Много.

– Конных было много, сотни. А может, и тысячи. И грузовики ездили туда-сюда. А сколько их было, кто же знает? Никто их не считал. Это на большой дороге было, а мы туда не ходили.

– А пешие? Пешие солдаты в колоннах?

– Может, были и пешие. Если всадники были, и грузовики были, и даже пушки были – да-да, были пушки, точно, – то были, наверное, и пешие. Почему бы им не быть? Это как водится в любой армии: некоторые верхом, некоторые на грузовиках, а уж все остальные пешком, как миленькие, ножками топают, грязь месят. На каждого грузовиков не напасешься. Мы – народ простой, на всех войнах своими ножками топает.

– А конные? Сколько их было? Сто? Тысяча? Пять тысяч? Албанцы или, может, там и русские были?

– Конных было много. Не сто, конечно, больше. Может, тысяча, а может, и все пять. Кто же их считал? А уж русские они или албанцы, это понять невозможно. С виду – албанцы. А так, может, и русские. С усами. Но это на большой дороге было, а что туда ходить? Зимой вообще никуда ходить не надо. Если дрова есть, то и сиди себе дома. Женщина за водой сходит, новости расскажет. В трактир сходить, выпить. Ну, вот на Рождество надо в церковь идти, к Йовану в монастырь. А так – зачем ходить на большую дорогу? Тем более, что стемнело, и снег пошел, и что ты там разглядишь? Шум был, машины шумели. Это мы слышали. Лавина с гор сошла, слышали. А так – тихо всё. Зима.

Переглядывались крестьяне между собой и откровенно валяли

дурака, издеваясь над ретивым сербским начальством, прибывшим аж из самого Белграда и пытавшимся с грозным видом выяснить непонятно что. Надо вам солдат считать, так поезжайте в Дебар и считайте их там, хоть конных, хоть пеших. А если дорогу замело и машине не проехать, так садитесь на коней или пешком идите. Или ждите, пока распогодится. К нам-то какие вопросы?

СТАРУХА

Наконец, ему доложили, что объявилась старуха, которая во время сбора хвороста сама видела колонну русских солдат, в непосредственной близости, и даже разговаривала с кем-то из русских.

– Пешую колонну? – удивился сотрудник.

– Пешую.

– И где же?

– За Волковойей, не доходя до монастыря.

Начальник группы зашелестел картой, нахмурившись, некоторое время вглядывался в нее.

– Большая колонна?

– Очень большая. Армейская колонна с вооружением.

– И как эта колонна туда попала? Кто-нибудь мне объяснит? Что это вообще всё значит? В Тетово никакой колонны никто не видел, через Гостивар никакая колонна не проходила, в Маврови колонны не было – да и откуда могла бы взяться армейская колонна в Маврови, если ни один солдат пешком не проходил через Гостивар! А тут вдруг она появляется, откуда ни возьмись. Эта старуха в своем уме? Она вменяемая? С горы Кораб, что ли, колонна эта спустилась?

– С виду нормальная. А так... – кто ее разберет?

Выглядела старуха действительно совершенно нормальной. Войдя, цепким взглядом окинула комнату, внимательно рассмотрела лица всех присутствующих и, безошибочно определив самого главного, обращалась уже исключительно к нему.

– Милоч, – тихо проговорила она, подойдя к столу и с опаской оглядевшись по сторонам. – Ты, я вижу, тут самый главный. Слушай меня, я тебе все расскажу. Я тебе скажу правду. Эти там, – она кивнула головой в сторону двери, – они боятся, они ничего тебе не скажут, а я скажу. Я старая уже, мне уже поздно бояться. Я уже не боюсь ничего. Я тебе расскажу.

– Что расскажешь? Говори ясно!

– Я и говорю. Сама видела. Была армия. Белая армия, огромная, много солдат. Шли в темноте, под снегом, следы их сразу заметало, не увидишь. А я на дороге стояла, они мимо меня и прошли.

– Сколько их было? Когда они прошли?

– А вот той ночью и прошли.

Старуха снова оглянулась и, наклонившись к столу, поближе, жарко зашептала:

– Белая армия. Большая армия. Ледяные мертвые солдаты. Мертвая армия. Русские солдаты во главе с Белым капеданом. За ними следов не остается, поземка заметает сразу. Кто сунется следом – лавины хоронят. Останется в снегу навсегда. Вот Милко сунулся, его только через два дня из снега откопали.

У слушавшего появилось на лице странное выражение, словно он съел что-то противное, и теперь не знал, куда бы сплюнуть. Он даже приоткрыл рот, чтобы что-то сказать, но потом передумал и промолчал, решив дослушать до конца. В конце концов, даже в совершенно бредовом рассказе должно быть какое-то рациональное зерно.

– Убить их нельзя, они уже мертвые. Ночью в снегу их не видать, снежной поземкой проносятся. Белый капедан – в ледяной сверкающей броне, огромный и страшный.

– Бабка, а ты сама-то их видела?

– А как же не видела, милый? Вот как тебя, своими собственными глазами и видела. Я на дороге стояла, а они по ней шли мимо меня. Как же не видела? Дотронуться могла, вот как видела!

– И что же ты видела? Говори внятно!

– Ликом светел и прекрасен, снял снежное лицо и превратился в человека.

– Что ты плетешь? Что значит – снежное лицо? Говори понятнее!

Старуха тяжело вздохнула, расстроенная непонятливостью собеседника.

– Куда же еще понятнее? Я и говорю: лицо у него было из снега, он снял его, как корку, – и старуха, скрючив пальцы, принялась изображать, будто что-то отдирает от своего лица, – в мою сторону протянул, вот так, – старуха показала, – потом развеял по ветру – и началась буря. А под снежной коркой у него обычное лицо, человеческое, появилось. Потом он засмеялся, рукой махнул, и с горы сошла лавина.

Старуха озабоченно нахмурилась и покачала головой.

– Хотел и меня в ледяную глыбу превратить, но передумал – его позвал кто-то. Он шаг в сторону сделал – и рассыпался снежной крошкой, развеялся по ветру. Как и не было его. И никаких следов.

Слушавший устало захлопнул блокнот.

– С чего ты взяла, что он тебя в ледяную глыбу хотел превратить?

– Ну, я, кажется, из ума не выжила еще, – обиделась старуха. – Он хотел дождь вызвать, чтобы я в ледяную глыбу превратилась. Ну подумай сам головой-то своей, что будет, если на морозе человека

водой облить? А? – старуха разговаривала с ним, как с туповатым ребенком, вдалбливая ему очевидные для нее вещи.

Потом, окончательно обидевшись на его непонятливость, она поджала губы, умолкла и стала смотреть в сторону. Больше из нее практически ничего выжать не удалось. Единственное, чего еще удалось от нее добиться, это подтверждения того факта, что фантастического собеседника ее кто-то назвал Белым капеданом и что, якобы, этот самый капедан велел ей жить до летних дождей, а раньше ни в коем случае не помирать.

Так и осталось полной тайной: откуда и куда шли таинственные солдаты сквозь пургу – из Скопье они, что ли, незаметно для всех прошли больше ста километров? Может, старухе все-таки привиделось? Сама она, ни на мгновение не усомнившись, уверяла, что они спустились со снежной лавиной прямо с горы, и она лично это видела. У допрашивавшего возник даже соблазн не упоминать показания старухи, поскольку он ясно представил, что услышит от своего начальника, когда тот прочитает всю эту галиматью, но, посмотрев на лица своих сопровождающих, вздохнул и оформил всё как положено. Сумасшедшая так сумасшедшая. Пускай сам разбирается.

Перед тем как уйти, старуха немного оттаяла, снова хитро заулыбалась и даже сунула ему что-то в руку, с многозначительным видом сжав ему пальцы и перекрестив на прощание.

Когда она вышла, он раскрыл кулак: это была долька чеснока. Сплюнув, он бросил ее на пол.

СЛЕДЫ КАПЕДАНА

Зима в этом году выдалась холодная, по ночам сильно подмораживало. С машиной и так были сложности – на морозе заводилась она плохо, а тут надо было теперь по пути в Дебар заезжать еще и в монастырь, чтобы проверить показания сумасшедшей старухи.

Монастырь Иоанна Бигорского (Йована, как называли его местные крестьяне) расположен несколько в стороне от большой дороги, и заехали они туда исключительно для очистки совести, чтобы можно было отчитаться о том, что все возможные меры приняты, – даже не рассчитывая, что монахи могли что-то видеть или слышать в своем глухом медвежьем углу.

И вот теперь, вывернув с расчищенной монастырской дороги на заснеженный большак, хмурый человек впервые позволил себе ухмыльнуться – иногда удачу находишь там, где совершенно не ожидал ее встретить.

Начать с того, что им повезло, и попали они не на сухоядение, а

в рыбный день Рождественского поста, а рыба — это всё-таки еда, и закусывать ею вполне можно, если заранее запасаешься правильной флягой. Да и сам монастырь Иоанна Бигорского славился своим вином и оливковым маслом, так что они довольно неплохо посидели с настоятелем, сочувственно относившимся к путешествующим воинам, которым даже в пост строгие монастырские правила позволяли серьезные поблажки. Приехавшие получили подтверждение уже собранным сведениям — о военных грузовиках, проезжавших днем по большой дороге, и собирались уже ехать дальше, когда неожиданно выяснилось, что безумная старуха говорила чистую правду — действительно, как только стемнело и пошел снег, по большой дороге прошла пешая колонна. Видел их монах, живущий в ските Серафима Саровского, расположенном в стороне от монастыря, ближе к дороге. Сколько их было — неизвестно, в темноте не разглядеть, но те, которых он видел, были православными — как раз перед вечерней ударил малый благовест, и воины головы обнажали и крестились как положено, по-православному, не по-католически. Потом пропали в снежной пелене, словно их и не было.

След становился горячим, и осталось только совершить последний решительный бросок до Дебара, чтобы всё про неуловимых солдат выяснить. В Дебаре уж точно всё должно было проясниться, даже если те разбили лагерь с боевым охранением в чистом поле.

Приходится, однако, признать, что бессилён человек против судьбы, и кому не суждено добраться до Дебара, тот до Дебара и не доберется. Вот только что ехали всесильные и властью облеченные люди, с чрезвычайными полномочиями, — ехали на мощной машине, в моторе которой прячется табун лошадей, ехали, прорезая тьму светом ярких фар-прожекторов, и любому, увидевшему их решительные и нахмуренные лица, стало бы мгновенно понятно, что нет никаких преград для этих людей, — да и вообще, рассуждая в широком смысле, нет никаких преград для человека — покорителя пространства и победителя природы. Но вот при выезде на большую дорогу раздаётся какой-то глухой удар, машина глохнет, фары гаснут, что-то там внизу вытекает, и никакими силами вот так на месте не удастся уже оживить табун механических лошадей. Если бы у телеги ось сломалась, то живых лошадей можно было бы выпрычь. А тут...

И никакая непреклонная воля не может преодолеть заговор природы — даже если во мраке добраться до какого-то жилья, попробовать реквизировать лошадей, чтобы верхом добраться до Дебара, то выяснится, что у Маврова озера сошла лавина, и даже до Волковии добраться не получится, что уж говорить о Дебаре. И бестолковая суета сожрет остатки долгой зимней ночи, и в конце концов придет-

ся возвращаться в Тетову – там хоть телефон есть, и после долгих неприятных разговоров выяснится, что в Дебар ехать смысла уже нет, таинственная армия уже перешла границу, и граница открылась для армии, а потом закрылась обратно, и на границе теперь стоит албанская пограничная охрана – с виду та же самая, что была и несколько дней назад, но теперь это пограничная стража не узурпатора Фана Ноли, а законного премьер-министра Албании Ахмета Зогу, и даже соваться туда нет никакого смысла.

А в Дебаре, конечно, никакой надежной информации собрать не получится – будет тот же самый цирк, что и раньше по дороге: какие-то фантазии, призраки, снежные лавины, промелькнувшие всадники и пушки, – черт знает что, одним словом.

– А латрины он сам пусть едет искать, если так хорошо в них разбирается! Там по всей границе костры горели, вот пусть сам и роется в снегу, выясняет – по уставу латрины были откопаны или как попало, – в сердцах пробормотал мрачный человек и с испугом оглянулся: не слышали ли его спутники крамольного высказывания, за которое можно было серьезно поплатиться, попав под горячую руку безжалостного начальника.

Но спутники его крепко спали после изнурительных бессонных суток, да и ему самому теперь уже можно было позволить себе роскошь вообще ни о чем не думать до возвращения в Белград.

ДИСПОЗИЦИЯ

Сказать, что полковник (а ныне капитан албанской армии) Бродович был ошеломлен, – это не сказать ничего. У него было ощущение, сравнимое разве что... даже и слов таких он не смог бы подобрать, не переходя на нецензурную брань. Сильное ощущение, непередаваемое, – словно лошадь неожиданно заехала ему копытом прямо по голове.

Начать с того, что начальник артиллерии Русского отряда был сильно обескуражен, когда увидел, какого рода артиллерийскими орудиями ему придется командовать благодаря сербским щедротам, – древними бронзовыми пушками времен ранней юности императора Франца-Иосифа. Настоящий артиллерист, разумеется, должен уметь эффективно стрелять из чего угодно, хоть из мушкета, но всё же в серьезном деле лучше полагаться на современные проверенные орудия. Каким образом изволите планировать артиллерийскую поддержку наступления с этими кулевринами?

Ну хорошо, дареному коню в зубы не смотрят, и Бродович руками ощупал доставшиеся ему пушки вплоть до самой последней

заклепки, развинтил, смазал и свинтил обратно всё, что было можно, смирился с неизбежным и даже успел по-своему полюбить эти антикварные механизмы. И всё же ему было не до конца понятно, каким образом эти четыре бронзовых ствола должны обеспечить необходимую плотность и точность огня. Он из всех сил пытался решить эту сложную задачу, сделал кое-какие наметки, которыми хотел поделиться с начальником штаба, и вот неожиданно получил оглушительный удар: ровно половину всей артиллерии следовало передать в партизанский отряд итальянца Гальярди, да еще в сопровождении одного из опытных русских офицеров.

Начальник штаба Красенский объявил об этом, отведя взгляд в сторону и сославшись на личное распоряжение главнокомандующего, премьера Зогу, на совещании отсутствовавшего. Премьер-министр выразил полное доверие действиям и распоряжениям командиров Русского отряда и в расположении своей армии даже не появлялся, чтобы не вносить сумятицу в четкий механизм единоначала, осуществлявшегося командиром отряда Миклашевским. Премьер совершенно не сомневался в успехе планируемого наступления и должен был появиться после завершения активной фазы боевых действий.

Одним из немногих его распоряжений была как раз передача артиллерийских орудий в отряд Гальярди, с которым он, совершенно очевидно, поддерживал непрерывную связь.

— Гальярди действует по своему плану, нам он не подчиняется. Гальярди будет наступать с левого фланга, совершив глубокий обход по лесам.

И Красенский внимательно посмотрел на Бродовича. Бродович никак не отреагировал, погрузившись в глубокое раздумье. Время от времени он хмурился, подмаргивал и шевелил губами, словно разговаривая сам с собой.

— Известий от Цено-бея нет. В любом случае, по разработанному плану они должны наступать на Пешкопию с другой стороны. Цено-бей должен овладеть Кукесом и оттуда выйти на западные рубежи Пешкопии. Мы не можем на них рассчитывать. При этом в Пешкопию только что прибыл дополнительный батальон во главе с Али Резой. Если они успеют его развернуть и усилить оборону, то наши шансы на успешное проведение кампании уменьшаются весьма значительно. А если судить по канонам военной науки, предполагающей трехкратное превосходство в силах как раз у наступающей стороны, но никак не у обороняющейся, то... — Миклашевский кашлянул. — Выбора нет, мы должны атаковать немедленно, это последняя и единственная возможность. Пока у противной стороны всего

лишь двукратное превосходство. Если не принимать в расчет наличие оборудованных крепостных укреплений в Пешкопии.

Обсуждение продолжалось недолго: с точки зрения штабной науки планировать было почти нечего в связи с немногочисленностью армии. Штаб Русского отряда выполнял, по сути, функции Генерального штаба албанской армии (если встать на точку зрения, что Зогу был законным премьер-министром Албании), но при этом Генеральный штаб должен был планировать боевые действия от силы трех пехотных рот, усиленных пулеметными командами. Второго эшелона не было. Резерва не было. Обоза не было. Возможность отступления не планировалась. Приказ на наступление в такой ситуации мог бы подготовить рядовой пехотный капитан, и полковник сербского Генерального штаба Миклашевский испытывал странное чувство – ему казалось, что он не прикладывает достаточно усилий для разработки плана военной кампании. Планировать было нечего, всё было предельно просто и ясно. Нужно было победить или погибнуть.

– Поддержка артиллерии имеет решающее значение. С учетом наличного боекомплекта это наша последняя возможность использовать артиллерию. Капитан Бродович, ваши соображения на использование артиллерии? Эффективность артиллерийской поддержки имеет жизненно важное значение.

– Не беспокойтесь, господин полковник, то есть, прошу прощения, господин майор, всё возможное в данной ситуации будет сделано. Я буду наводить собственноручно оба орудия, – сухо ответил Бродович. – Надеюсь, рубежи для переноса огня вглубь будут обозначаться своевременно и максимально точно. В случае каких бы то ни было задержек эффективная артиллерийская поддержка будет невозможна.

При словах «оба орудия», подчеркнутых Бродовичем, Миклашевский остановился, пожевал губами, но ничего не сказал. Окинув взглядом карту еще раз, он бросил на нее карандаш. Тот уперся острым кончиком в крепостные стены Пешкопии.

Совещание закончилось.

СТРАТЕГИЧЕСКИЙ МАНЕВР МАЙОРА ГАЛЬЯРДИ

Поручик Шевцов, нахмурившись, рассматривал карту.

– Ротмистр, как вы полагаете, насколько точны эти карты? Кажется, это австрийские?

– Ну, полагаю, что должны быть достаточно точны для планирования военных действий. Их использует сербский Генштаб, значит, там их считают вполне удовлетворительными. А в чем дело?

– Видите ли, меня с двумя орудиями придали отряду Гальярди, и я пытаюсь понять, где планируется обходной маневр. Судя по карте, здесь вообще нет никаких дорог или тропинок, где могли бы пройти даже горные орудия. За рекой – горно-лесистая местность. Каким образом планируется глубокий обход и наступление на Пешкопию? Хоть убейте, ни черта не понимаю! Насколько глубокий это будет обход? По диспозиции, насколько я понял, длительных позиционных боев не планируется. Или мы завтра берем Пешкопию, или нас повесят там на главной площади при скоплении праздной публики. А если отряд Гальярди будет бродить по лесам, то каким образом он сможет оттянуть на себя силы подразделений, обороняющих Пешкопию?

– Ммм... я, честно говоря, затрудняюсь... – Кучин взгляделся в разложенную карту. – Возможно, есть какие-то тропинки, не обозначенные на карте, но известные местным жителям? У Гальярди, как я понимаю, большинство в отряде албанцы?

– То-то и оно. Извините, Александр Васильевич, но мне этот отряд более всего напоминает банду качаков. Я, конечно, не должен иметь своего мнения относительно командира, которому я в соответствии с приказом должен подчиняться и приказы которого должен буду безоговорочно выполнять, но... Невольно возникает подозрение, что Гальярди опасается неуспеха нашего предприятия и хочет отсидеться в лесу, да еще прихватив на всякий случай пару пушек. Это очень подозрительный тип.

– Поручик, право же... Возможно не стоит давать волю подозрениям? Все-таки майор Гальярди – личный друг премьер-министра, и тот вполне доверяет ему. Не наше это дело. Хотя, по диспозиции, отряд Гальярди отнюдь не был бы лишним во время завтрашней атаки. Получается, что обороняющиеся имеют значительный перевес в живой силе...

– А тут половина нашей артиллерии отправится в лес с непонятной целью.

– Будем надеяться, что после обхода фланга вы поддержите наши действия своей артиллерией.

– Или, в случае неудачи Русского отряда, буду обречен вечно бродить по горам с отрядом качаков, вооруженных теперь еще и горными пушками. Можете себе представить радость сербской пограничной охраны, если банды контрабандистов будут вооружены еще и артиллерией?

– Поручик, у вас очень живая фантазия.

– Позволю себе заметить, это отнюдь не фантазия, а всего лишь богатый опыт – посмотрелся я на всяких «зеленых» атаманов в свое

время, некоторые из них целые районы на Украине захватывали и собственные деньги печатали.

Кучин хмыкнул и пожал плечами. Несомненно, если принять во внимание обычный здравый смысл, то несколько сотен нерегулярных солдат, именовавшихся для простоты добровольцами, отнюдь не помешали бы во время предстоящего штурма позиций албанской армии. Предположим, Гальярди и не собирался подчиняться командованию Русского отряда, и заставить его было нельзя, это мог прекрасно понимать и Миклашевский, поневоле соглашаясь на сомнительный партизанский рейд. Но зачем же отдавать пушки? Реальные пушки, значение которых невозможно переоценить для завтрашнего боя? Отдать с неизвестной целью две пушки из четырех? Вынудить его принять такое решение мог только один человек – сам Зогу.

Что-то странное происходило. Может быть, в случае возможного поражения Русского отряда Зогу планировал перейти к партизанской войне и скрыться вместе с отрядом Гальярди в дремучих матьянских горах, потому и озаботился вооружением независимого и никому не подчинявшегося отряда?

Кучин попытался приободрить поручика Шевцова, но времени не было. Да и его собственное будущее, честно говоря, было не менее туманным, чем будущее поручика, отправлявшегося бродить по албанским лесам. Завтра предстояла атака, и еще нужно было передислоцироваться в деревню Клопчишт вместе с ротой матьян, переданной под команду Улагая.

БИТВА ЗА ПЕШКОПИЮ

Когда в казино играешь на рулетке и ставишь на число, то, конечно, представляешь себе большой куш, но пока колесо еще вертится, где-то внутри таится убеждение, что такого не может случиться, что такое случается, конечно, но с кем-то другим, а с тобой нипочем не может. Слишком ничтожны шансы на это, да и никогда тебе не было такого везения. Но при этом надеешься все-таки, потому что, если не надеялся, то зачем ставил на число, а не, скажем, на цвет? Ведь если никогда еще такого везения не было, то должно оно когда-то случиться? Но скрываешь от себя эту надежду и смотришь на шарик, который скачет – и вдруг падает в лунку. И оказалось, что ты выиграл. И ничего уже при этом не думаешь, а просто смотришь на шарик.

Военные действия – это не игра в казино. Конечно, элемент удачи необходим, но главное все-таки – опыт, решительность, напор.

Офицер, воевавший несколько лет подряд, прошедший фронты организованной по всем правилам Мировой войны и страшные бои войны неправильной, безумной, – Гражданской, не может идти ни в какое сравнение с офицером армии небольшой страны, не прошедшим правильного обучения и не имеющим никакого боевого опыта. Что уж говорить о рядовых солдатах – вчерашних крестьянах. Они, конечно, как и всякие горцы, – люди бесстрашные, и многие из них умеют метко стрелять, но этого недостаточно, чтобы десяток или сотня горцев, собранных вместе, превратились в хорошее воинское подразделение. Война – сложное ремесло, которому нужно долго учиться.

На единственной дороге, которая вела прямо от границы до Пешкопии, на спешно выбранных рубежах окопались, как положено, солдаты албанской армии и готовы были встречать врага и стрелять в него, когда он покажется на покрытом снегом плоскогорье.

Не совсем понятно было, что это за враг, и будет ли он вообще наступать, и что это за война. Приговоренный к смерти беглый государственный преступник во главе нанятых сербских банд. Тогда, скорее всего, никакой войны и не будет. Может, он остановится, увидев готовые к обороне войска, и повернет обратно. Не может беглый преступник во главе какой-то банды атаковать целую страну. Это невозможно.

Но вот накануне стали ходить какие-то нехорошие слухи. Всем и так было известно, что беглый преступник – это уважаемый бей, вчерашний премьер-министр, но стали поговаривать, что он идет во главе не только своих людей, матьян, но что под его началом идет целая Русская армия – армия белогвардейцев, которые нашли себе прибежище в Сербии. А армия белых русских – это не банда, это гораздо серьезнее.

Конечно, солдату рассуждать не положено, его дело – лежать в окопе и ждать, когда появится враг, чтобы начать в него стрелять. И погибнуть, если нужно, но поразить врага. Неважно при этом, какой это враг, – русские ли солдаты или сербские, а может быть, австрийские или еще какие-то. Сражаться нужно с любым врагом. Но если солдат никогда раньше не был на большой и страшной войне, и готовится лежать и ждать, когда появится цель, в которую нужно стрелять, – так, как он привык ждать на охоте или выслеживая своего кровника, долго и терпеливо, то трудно упрекнуть его в чем-то, если всё пошло совсем не так. Если вдруг накатывает волна страшного грохота, как если бы обвалились горы; если в белом снегу вырастают гигантские черные кусты артиллерийских разрывов, неуклонно приближающихся к нему, а стрелять всё еще не в кого, а сбоку слышна пулеметная стрельба, и никто уже не отдает ему никаких приказаний,

и похоже, что командиры уже куда-то пропали, и непонятно откуда доносится страшная русская ругань, – то единственное разумное действие, которое солдат может предпринять, – это отступить и дожидаться вразумительного приказа хоть от какого-нибудь начальника.

И вот так, поднятые один раз черной волной артиллерийского огня, они бежали, не имея уже возможности остановиться и закрепиться на других рубежах. И как только они покидали очередную линию окопов, так сразу там загорались костры, и к небу поднимались столбы черного дыма, и капитан Бродович колдовал над картой и шептал что-то себе под нос, рискуя жизнью, наводил орудия, стоявшие, вопреки всем правилам, на открытой позиции, и черные грохочущие заросли перемещались дальше, на следующую линию.

Выбитые с первой линии обороны, солдаты регулярной албанской армии пытались закрепиться на промежуточных рубежах, и даже героически ходили в контратаку, грозившую кардинальным изменением хода боя, и чуть было не смяли фронт – да так, что Берестовскому лично пришлось брать в руки винтовку и бегать по передовой, воодушевляя албанских матьян-добровольцев, но тут контратаковавшие попали под кинжальный пулеметный огонь улагаевских пулеметов с фланга, потом подтянулись пушки Бродовича и устроили убийственную канонаду, и албанские солдаты дрогнули, побежали и уже не могли остановиться до самой Пешкопии, и на их плечах в город ворвались и атакующие, и оказалось, что несколько сотен прибывших накануне солдат окружены в городских казармах и никакого серьезного сопротивления под угрозой артиллерийского обстрела организовать не могут, а главный противник Ахмета Зогу, суровый и неподкупный Элез Исуфи тяжело ранен, а его ближайший соратник Исуф Джелили убит наповал; и когда у Бродовича кончились снаряды и он больше не мог ничего сделать, и от него больше ничего не зависело, и он упал на землю и неподвижно лежал, глядя в темнеющее небо, как раз в этот момент защитникам Пешкопии стало совершенно ясно, что дальнейшее сопротивление бессмысленно, и командовавший войсками капитан Али Риза Топаллы отдал приказ капитулировать и вывесил белый флаг.

Колесо рулетки остановилось, и тут оказалось, что шарик, который можно было запустить только один раз, вопреки всем рациональным расчетам упал именно туда, куда нужно, и можно забирать выигрыш.

И вот, когда наступила тишина, бывший ротмистр, а ныне лейтенант албанской армии Кучин, сорвавший голос от крика во время наступления, похлопывая по остывающему пулемету рукой, заметил, что он вымазан кровью, и тут только понял, что его второму номеру,

молчаливому горцу Селиму, выполнявшему по необходимости одновременно обязанности помощника наводчика, подносчика патронов и переносчика треноги, эта чертова итальянская машинка оторвала таки палец.

НЕ СОВСЕМ ПРАВИЛЬНО УСТРОЕННЫЕ ВИСЕЛИЦЫ

Когда заканчивается тяжелый многочасовой изнурительный бой, связанный с преодолением снежной целины и тасканием пулемета под огнем противника, кажется, что уже были потрачены последние силы, и после наступления долгожданной тишины нельзя будет даже пальцем пошевелить от усталости, но не тут-то было: оказывается, нельзя отдыхать, пока не будут решены многочисленные организационные вопросы.

Кому-то пришлось перегонять капитулировавший гарнизон из казарм под охрану в крепость – самое интересное, что военнопленных было значительно больше, чем захвативших город солдат, и их содержание под стражей могло бы представить определенные сложности, если следовать всем правилам, но знающие люди уверяли, что военнопленными им числиться осталось недолго, и сразу после прибытия главнокомандующего все воинские подразделения в полном составе перейдут под его команду, поэтому особых строгостей в отношении к капитулировавшим не наблюдалось, да и те вели себя совершенно спокойно. Внутренний порядок среди полутысячи военнопленных поддерживали их собственные полдюжины офицеров.

Кто-то занимался учетом и распределением захваченного оружия и амуниции – и Кучин с большим удовольствием завладел современным французским автоматическим пулеметом, а Бродович принял под свою команду новенькое горное орудие, прямо с обслугой, даже не отправленной под стражу в качестве военнопленных.

Всем нужно было устраиваться на ночлег, приводить в порядок оружие – короче говоря, много было дел, совершенно неотложных, хотя сил уже никаких и не оставалось.

И только ночью можно было уже расслабиться и просто посидеть на свежем воздухе.

Местное население к перемене власти отнеслось спокойно, можно даже сказать благожелательно, и никаких партизанских эксцессов, похоже, опасаться не приходилось. Можно было спокойно сидеть и курить, наслаждаясь победой и тишиной.

Наконец русские добровольцы смогли спокойно полюбоваться сооруженными посреди казарменного двора специально для них двумя виселицами. Пешкопийские албанцы ходили мимо этих вися-

лиц несколько смущенно и вроде как-то даже боком – то ли им было неловко за это произведение искусства, то ли они опасались, что победители могут воспользоваться этими довольно неказистыми орудиями казни по прямому назначению.

Кучин виселицами остался категорически недоволен и поделился своими соображениями с Куракиным.

– Вот, поручик, извольте полюбоваться, на этих кривых палках они собирались нас вешать! – возмутился он, закуривая папиросу. – А вы еще рассуждали о конституции и правильно устроенных виселицах! У них даже нормального ровного бруса не нашлось, чтобы сколотить всё как положено, – изобразили какую-то невообразимую треногу из кривых палок.

Куракин был вынужден с этим согласиться:

– Да, сооружение кривенькое, несолидно как-то...

– И потом, каким образом на таких, с позволения сказать виселицах, можно повесить не то что сотню человек, а вот хотя бы дюжину? Взгляните сами, – Кучин показал пальцем на перекладину, – здесь только одно место для повешенного, веревка привязана к верху этой треноги. Привязана варварским бабьим узлом, намертво, второй конец там наверху и закреплен, вниз не спускается. Каким образом они собирались нас вешать одного за другим?

Куракин всмотрелся в перекладину.

– Действительно...

– Чтобы снять повешенного, им пришлось бы перерезать веревку и привязывать новую. Сколько веревок они приготовили для экзекуции? И надо было еще ждать, пока повешенный окончательно и бесповоротно скончается, доктор должен удостоверить смерть... хотя... я не удивлюсь, если они даже не предусмотрели по своей дикости присутствие доктора.

– Да нет, вы уж тут, право, Александр Васильевич, перегибаете палку! Должен быть у них доктор хотя бы при гарнизоне, если не при тюрьме.

– Ну, хорошо, – не стал спорить Кучин. – Положим, доктор у них есть. Но сколько, по-вашему, времени занял бы весь этот процесс? Неделю? Представьте себе неделю непрерывной работы по повешению осужденных!

– Да, – кивнул Куракин, – совершенно очевидно, что им никогда с массовыми экзекуциями дела иметь не доводилось. Вот Кутепов в Крыму использовал фонарные столбы – по всему Симферополю одним прекрасным утром висели на фонарях большевики, но даже у него, при всей организации процесса, о таких количествах и речи быть не могло! Сколько он там повесил? Несколько дюжин? Но у

него было огромное количество фонарей и грузовики для механизации процесса.

— Слассев с виселицами даже и не связывался, слишком уж много хлопот, просто расстреливал дюжинами у стенки.

— Большевики, захватив Крым, говорят, взяли пример с Кутепова, и офицеров развешивали на тех же самых фонарях.

— А красный большевистский епископ, изволите ли видеть, приказал специально для нас построить вот эти уродливые сооружения. Что, большевики не успели его научить, как надо офицеров вешать?

— Вот что, голубчик, надо будет завтра распорядиться спилить это уродство и развести из него костер.

— А вдруг господин премьер-министр решит использовать сооружения по назначению?

— Нет уж, мы ни в коем случае не можем ему в этом потворствовать. Мы все-таки не большевики. И даже не кутеповская контрразведка. Завтра же надо ликвидировать это безобразие.

Кучин подумал немного и добавил:

— А если премьер-министр решит кого-нибудь повесить, пусть соблаговолит построить что-нибудь приличное. Мы все-таки в Европе находимся. Да-с!

ПЕРВЫЙ ПАРАД

Все-таки первые сутки после взятия города — это настоящий праздник для солдата. Даже если город не был отдан на разграбление и встретил победителей не как врагов, а как освободителей, всё равно: душа солдата в это время наслаждается заслуженной победой, и время проходит радостно и легко. День или два как минимум уйдут у начальства на организационные мероприятия, подведение итогов битвы, учет потерь, планирование дальнейших действий. А солдат, переделав свои нехитрые неотложные дела, совершенно свободен и счастлив — если, конечно, бывает счастье во время войны. Ни боевых действий, ни даже утомительных походов в ближайшее время не предвидится. Можно наслаждаться лаврами победителя.

С утра Русский отряд и албанские добровольцы готовились встречать премьер-министра, который должен был прибыть в Пешкопию, триумфально захваченную накануне. Неизвестно откуда возник отряд майора Гальярди и тоже стал готовиться к параду. Поручик Шевцов благополучно вернулся в состав отряда вместе со своими пушками, хотя на вопросы о боевых действиях под командой Гальярди угрюмо отмалчивался.

Погода обещала быть хорошей. В суматохе сборов полковник Миклашевский поймал за рукав Кучина:

- Ротмистр, у меня к вам небольшое дело.
- Слушаю, Илья Михайлович.

Миклашевский назвал его ротмистром, а не лейтенантом, и это означало, что общение происходит вне официальных уставных отношений в рамках албанской армии, то есть на вполне дружеской ноге.

- Не в службу, а в дружбу, у меня к вам небольшая просьба.
- Да?

– Видите ли, Зогу просил непосредственно перед его прибытием в город выслать ему навстречу нашего офицера с парой солдат, чтобы лишний раз убедиться, что всё в порядке. На мой взгляд, он чрезмерно осторожничает, тем более что все необходимые донесения были ему должным образом отправлены, да и прибывает он не в одиночку, а со своей личной охраной. Там у него целый конвой.

Кучин удивленно посмотрел на Миклашевского, ожидая дальнейших разъяснений.

– Он просил прислать кого-нибудь, кого он лично встречал, и упомянул вас – вы с ним, если помните, общались в Белграде, и он восхищался вашим прекрасным немецким языком. Так что, если вас не затруднит, возьмите пару солдат и отправляйтесь ему навстречу, подтвердите, что всё в порядке, и торжественное построение пройдет, как и было запланировано.

Кучин хмыкнул.

– Ну, извольте. Отчего же не прошвырнуться на свежем воздухе. Прикажете отправляться?

– Да, и не тратьте время – возьмите у штаба коня, стоит там уже под седлом, белый жеребец. Скажите, я распорядился. И пару солдат прихватите.

Ночью всё вокруг припорошило свежим снежком, и следы вчерашней битвы совершенно скрылись под белым покрывалом. В пред-рассветной полумгле дорогу было прекрасно видно, да и пока Кучин с сопровождающими выбирался из города, небо слева над горами заметно посветлело. Когда же они оставили позади мост и выехали на заснеженное плоскогорье, солнце вышло из-за горы, и снег вспыхнул ярким розоватым огнем, на котором двигались справа от дороги привязанные к лошадиным ногам невероятно длинные голубые тени.

Кучин даже зажмурился на какое-то мгновение от снежного блеска и только через некоторое время, прикрыв глаза ладонью и прищурившись, смог разглядеть возникшую впереди словно ниоткуда черную массу всадников. Масса эта раздалась и замерла, выпустив

из своего нутра Зогу, выехавшего вперед, навстречу Кучину. Кучин знаком скомандовал сопровождавшим его солдатам оставаться на месте, прибрал поводья в левую руку и, залихватски отдав честь, стоя на стременах, припустил в карьер навстречу главнокомандующему.

– Ваше превосходительство! – бодро гаркнул он, подскакав к Зогу, но тот, не вынимая изо рта сигаретки, быстро отсалютовал ему в ответ и махнул рукой, показывая, что на этом формальности закончены. Они неспешно поехали в сторону города. Кавалькада тронулась следом.

Кучин собирался было доложить о ситуации с парадом, но Зогу заявил, что ему всё прекрасно и так известно, и завел вполне непринужденный светский разговор о вчерашних событиях, пожелав ознакомиться с личными впечатлениями Кучина как непосредственного участника.

Сопровождавшие Кучина албанцы при приближении Зогу освободили дорогу, решительно загнав своих сопротивлявшихся лошадей прямо в сугроб, где те увязли чуть ли не по грудь и бестолково месили ногами снег, недовольно фыркая. Выбрались они только после того, как мимо проехал последний всадник из конвоя премьер-министра.

За разговорами время пролетело незаметно, и вот уже дорога изогнулась крутой дугой прямо перед мостом, солнце ударило им в глаза, и Кучин, показав рукой напоследок, откуда они вчера наступали и куда потом продвигались, пока сопротивление в городе окончательно не прекратилось, деликатно приотстал от главнокомандующего. Премьер-министру предстояло принимать парад, и если бы Кучин задержался возле него, это могло бы уже выглядеть нарушением субординации по отношению к его собственному начальству, командовавшему парадом.

Парад прошел великолепно и даже напомнил чем-то зимний парад на Дворцовой площади в Санкт-Петербурге; войска были полны энтузиазма, местное население бодро кричало «Рофт!», приветствуя премьер-министра, да и вообще, день выдался совершенно праздничным: войска, участвовавшие в боевых действиях на стороне коммунистического узурпатора Фана Ноли, были амнистированы и выпущены из крепости, после чего немедленно влились в состав законной армии премьер-министра Зогу. Не входивших в состав регулярных частей пленных добровольцев по приказу Зогу хорошенько накормили и распустили по домам. Офицеры-албанцы под командой капитана Али Резы заново знакомились с офицерами Русского отряда – уже не как побежденные и взятые в плен враги, а как соратники и боевые товарищи. Зогу, полюбовавшись на кривую виселицу, на которой его планировали повесить, разрешил это уродливое соору-

жение сжечь, тем самым провозгласив наступление эры законности и милосердия. Народ был в восторге.

К вечеру в город вошли войска Цено-бея Крюэзиу, наступавшие со стороны Косова и успешно овладевшие Кукесом и прочими более мелкими населенными пунктами по пути к Пешкопии, – и тут Кучин осознал, что ситуация переменилась совершенно радикальным образом: то, что вчера еще было безумной авантюрой горстки наемников, не имевшей никаких серьезных шансов на успех, превращалось в серьезную военную кампанию. К сотне русских военных и несколькими сотням нерегулярных солдат из племени матьян прибавились, помимо партизан майора Гальярди и усиленного свежим пополнением гарнизона Пешкопии, еще и организованные подразделения полковника Цено-бея. Теперь под командой премьера Зогу было более двух тысяч штыков, и перспектива овладения Тираной из призрачной безумной фантазии стала вполне осязаемой, хотя и подлежащей тщательному планированию операцией. Нужно было только пробиться сквозь горы.

Конечно, при наличии опытного военного руководства противник мог организовать серьезную оборону и даже, правильно распорядившись войсками, запереть их в мешок среди непроходимых гор, но всё же это теперь была игра сопоставимыми фигурами, и преимущество было на стороне того, кто быстро и решительно наступал, убеждая всех в собственной непобедимости.

А слухи о непреодолимой силе наступавшей армии уже разлетались среди гор, самые невероятные рассказы передавались из уст в уста, убеждая всех в том, что совершенно бессмысленно сопротивляться армии вернувшегося в страну премьер-министра Зогу.

И трудно даже вообразить, как изумлен был бы лейтенант албанской армии Кучин, если вдруг каким-то чудесным образом ему стало бы известно, что некоторые из этих рассказов, самые фантастические из всех, заканчивались примерно так: «...А наутро непобедимый Белый капедан возник на заснеженном плоскогорье неизвестно откуда, словно вихрь, и, прилетев на белом коне в сверкающем облаке снежной пыли, лично встретил премьер-министра и торжественно положил к его ногам побежденную Пешкопию».

ГЛУБОКИЙ РЕЙД МАЙОРА ГАЛЪЯРДИ

Полковник Берестовский, которому по должности начальника штаба предстояло написать рапорт главнокомандующему о проведенной операции, испытывал серьезные затруднения.

– Илья Михайлович, – обратился он к Миклашевскому, почесы-

вая в замешательстве затылок, – каким образом прикажете мне отразить участие отряда майора Гальярди во взятии Пешкопии?

– Майора Гальярди? – переспросил Миклашевский.

– Ну да, вот именно. Господин Зогу попросил ввиду грядущих награждений непременно отразить вклад Гальярди в успех военной кампании, но единственное, что я мог бы поставить майору Гальярди в заслугу, так это тот факт, что он не потерял по дороге наши пушки и вернул их в целостности вместе с поручиком Шевцовым. В Пешкопии появился он, как всем известно, на следующий день после штурма, с утра, но успел, впрочем, к параду, и встретил главнокомандующего в одном строю с Русским отрядом.

Миклашевский глубоко задумался.

– Так-то оно так, – проговорил он через некоторое время, – но, видите ли, в чем дело... Майор является личным другом Зогу, и тот совершенно явно ждет доклада о военных успехах Гальярди. С одной стороны, это всё нелепо, конечно, какие-то детские игры, но с другой стороны, – какая нам разница? Нам с Гальярди детей не крестить, но и портить с ним отношения совершенно не с руки. Напишите что-нибудь такое, чтобы доставить премьер-министру удовольствие.

– Так что же тут можно написать?

– Ну, вы человек опытный, сформулируйте как-нибудь. Обрисуйте ситуацию в благоприятном для Гальярди свете. Тот ведь ночевал в какой-то деревне?

– Ночевал.

– Значит, там был какой-то гарнизон или, по крайней мере, дозор какой-нибудь? Следовательно, соприкосновение с противником произошло.

– Возможно произошло, но допускаю, что и не было никакого столкновения, если они там спокойно переночевали.

– Если бы в гарнизоне Пешкопии знали об обходном маневре майора, они, вероятно, должны были бы выделить какие-то силы, какие-то их резервы были бы скованы...

– Да как же они могли об этом узнать?

– О, вы не знаете всех возможностей албанской разведки. Ежели отряд в деревне ночевал, то будьте спокойны, во всех соседних деревнях об этом было прекрасно известно.

Миклашевский пристально посмотрел в глаза Берестовскому.

– Уверяю вас, именно так оно и было. Отнеситесь к этому проще, как к литературному упражнению.

– Как прикажете, господин полковник.

– Да нет, приказывать тут я не могу, я просто советуюсь с вами, как со старым товарищем. Можно ведь доставить господину Зогу

удовольствие, не причинив никому никакого вреда и написав при этом чистую правду? Давайте вместе подумаем.

Два опытных полковника подумали вместе и через некоторое время произвели на свет шедевр канцелярско-штабного искусства, который непосвященному показался бы чистым и искренним гимном отваге и воинскому искусству майора Гальярди, но человек военный, а тем более имевший представление о ходе военной кампании, не смог бы сдержатъ саркастическую ухмылку при чтении этого рапорта.

Зачитывая вслух победную реляцию, они хохотали как дети, комментируя написанное, перебивая друг друга и добавляя по ходу дела сочные детали. Теперь эпопея отряда майора Гальярди выглядела (и должна была навеки войти в историю) примерно следующим образом.

Отряд майора Гальярди, сосредоточившись в горно-лесистой местности, утром перешел в наступление на город Пешкопию... да-да, если он двигался в эту сторону, то несомненно, перешел в наступление – правда, обороняющиеся об этом так и не узнали, поскольку до Пешкопии было верст двадцать пять, а то и все тридцать... Действуя в сильно пересеченной местности, не имея непосредственной связи с главными силами, он энергично продвигался вперед... – энергично, но осторожно! – да-да, энергично, но осторожно продвигался вперед. Очень осторожно. Но продвигался. Войдя в соприкосновение с противником в районе деревни Зеркан... а вы ничего не путаете, полковник?... черт его занес в Зеркан?... это же вообще в сторону, какой-то ну уж очень глубокий обход получается, он бы еще через Дебар в обратную сторону наступал... может, не Зеркан, а... дайте-ка взглянуть на карту... Зогяй?... черт его разберет, он называл как-то деревню, в которой они ночевали, что-то вроде Заграда, но я такого на карте не вижу... ну, неважно, пишем как прозвучало, пускай сами албанцы с ним уточняют, если им что-то неясно... в районе деревни Заград сбил противника и принудил его к отступлению. То есть все-таки ему удалось где-то найти какого-то противника. Вполне естественно, что действуя в столь трудно проходимом районе... да уж, попробуйте из Зеркана до Пешкопии добраться... прямо по горам они лезли, что ли?... как пушки-то протащили? Или все-таки через Зогяй?... да мы написали уже, что через Заград, какая разница... действуя в столь трудно проходимом районе, под постоянной угрозой быть окруженным... – и отрезанным, прошу заметить!... – окруженным и отрезанным, он свое наступление развивал... надо признать, довольно неспешно – нет, так нельзя писать... наступление развивал крайне вдумчиво и осторожно... – вот, отлично сказано! – именно вдумчиво! – чем способствовал выполнению общей задачи. А чем же он способ-

ствовал? А вот чем: майор сковал резервы противника — а как же иначе — и тем самым ослабил его силы на главном направлении. Энергично действуя, майор Гальярди продвигался к Пешкопии, освобождая рубеж за рубежом, и только особо тяжело проходимая для артиллерии местность... — и на черта ему пушки эти сдались? зачем он их вообще тащил с собой? и не выстрелил ни разу, а мы тут с двумя оставшимися пушками... — и только местность не позволила ему войти в город одновременно с главными силами. Потому что Пешкопия давно уже главными силами была взята, а он там всё освобождал, неизвестно где, рубеж за рубежом, пока не стемнело и нужно было на ночлег устраиваться. А уж с утра рубежей больше не брал, а прямо в Пешкопию, Черный Дрин форсировал героически, по мосту, и прямо к параду успел, не понеся никаких потерь. Таким образом, резюмируем: возложенную на него задачу майор Гальярди выполнил блестяще и своими энергичными действиями много содействовал общему успеху... А вы переживали, что нам писать о подвигах майора Гальярди. Как хорошо получилось-то! Эпос, Илиада, галльские войны!

И Миклашевский удовлетворенно пригладил свой замечательный пушистый ус.

ЗОЛОТЫЕ ПУЛИ ЭЛЕЗА

Кучин едва заставил своего пулеметчика Селима пойти с ним к врачу. Селим перевязал раненую руку и считал, что в дальнейших медицинских процедурах нет никакой необходимости. Палец обратно не прирастет, а рана и так сама заживет, к чему тут врач?

Кучин подошел к сидевшему на улице на колоде для колки дров доктору. Тот расслабленно свесил руки, совсем как извозчик на облучке, ожидающий ездока. Руки были в крови, кожаный хирургический фартук тоже был залит кровью.

Селим остался стоять в отдалении. У него за спиной санитар-албанец что-то выносил в ведре. Кучин мельком глянул в его сторону и понял, что лучше ему не знать, что там лежит в ведре. Не надо ему это знать.

— Не взглянете ли, доктор, у моего Селима палец оторвало, что там и как.

— Давно оторвало?

— Да вчера еще. Пулемет такой, понимаете, конструкции, что пальцы не убережешь, особенно в пылу, так сказать, событий.

— Ну если вчера, то минут пять это еще может подождать?

— Разумеется, доктор. Он и не хотел к вам обращаться, это я его силком притащил.

Доктор тяжело вздохнул.

– Голубчик, Александр Васильевич, нет ли у вас папиросы?

– Да, да, конечно.

– Зажгите мне, будьте любезны, у меня руки того... Знаете, если намочить табак кровью, вкус совершенно не тот. Вот сюда, если позволите.

И доктор достал из огромного фартучного кармана длинный хирургический зажим.

– Это чтобы руками не трогать.

– Да, разумеется. Что, много работы?

– Как сказать. Для такого боя удивительно немного. Несколько десятков, из них десятка полтора тяжелых. Вот у их пешкопийского командира два пулевых. Тяжелый. Пока держится, но, боюсь, прогноз неблагоприятный.

Щурясь, доктор держал зажим в руке наподобие лорнетки, но вместо того, чтобы глядеть в лорнетку, тянулся губами к папиросе, глубоко затягивался. Потом пожевал губами и сплюнул – наверное, табачная крошка попала ему на язык.

– Странная история.

– Какая история?

– Ну, с ранением их командира. Как его там зовут – Исуф, кажется.

– Возможно. Я не настолько хорошо знаю противника. И что там такого странного?

– Ранение в спину. Две пули. Не военного образца. Гражданское оружие – охотничье ружье или штуцер какого-то старого образца.

– Что ж тут такого? У наших матьян самое разное оружие, чуть ли не с наполеоновских времен.

– Видите ли, в чем дело, Александр Васильевич... С того расстояния, откуда наши матьяне стреляли по крепости, из наполеоновских ружей попасть невозможно. Только если случайно, да и то... пуля была бы на излете... А вот чтобы две пули, в спину, с глубоким проникновением...

– Вы намекаете?..

– Да похоже, его кто-то из своих. В спину. Вот и вся история.

– Думаете, кровник?

– Кровная месть тут совершенно ни при чем. Кровник не будет стрелять в спину, не положено. Да и откуда бы он взялся в крепости – и чтобы Исуф этот о нем не знал? Нет, тут дело нечисто. Эти пули не из свинца сделаны, а из золота. Кому-то, видно, заплатили за удачный выстрел.

– Полагаете, это нужно расследовать?

– Ах, голубчик, Александр Васильевич! Да что же тут расследо-

вать? Кто и что будет расследовать? Во время ведения боевых действий офицер, принадлежащий к побежденной стороне, получает ранение – и что тут, извините, можно расследовать? И каким, позвольте спросить, образом? Нет, расследовать тут совершенно нечего. Можно только удивиться. Да и то – так, к слову, если минутка свободная выдалась. А если минутка закончилась, то тут уж и удивляться некогда, дальше работать надо!

Доктор плюнул на окурок, извлек его из зажима и выбросил. Жажим отправился обратно в бездонный докторский хирургический кожаный карман. Пошарив рукой, доктор достал два кусочка свинца.

– Вот, если желаете, в виде сувенира, так сказать. Вот эти самые пули и есть.

Доктор посмотрел на них с каким-то горестным видом и покачал головой.

– Хотя, если задуматься, ранение этого Исуфа значительно ускорило нашу победу и уменьшило возможные потери с обеих сторон. Так что... – он протянул ладонь Кучину, и тот осторожно взял с нее скользкие тяжелые пули.

На пулях были видны следы крови – может быть, самого раненого, а может быть, с окровавленных докторских рук.

– Ну-с, желаю здравствовать!

Доктор кивнул Кучину, устало вздохнул и пошел в мрачную дверь своего маленького кровавого ада, махнув рукой Селиму и санитару-албанцу, чтобы те следовали за ним:

– Эйя, эйя! Айда!

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНОЕ НОЧНОЕ СОВЕЩАНИЕ

Казалось бы, что может быть странного или хотя бы необычного в том, что заядлый курильщик Зогу, решив выйти покурить на свежем воздухе, наткнулся на курившего же под бездонным ночным небом Кучина и задержался поболтать с ним о том о сем? Они были практически ровесниками, и если отвлечься от того факта, что Зогу был премьер-министром, а Кучин – наемным военным советником, то в остальном они тоже были вполне на равных: от воинского звания ротмистра до полковника всего один маленький шаг. Зогу был албанским князем, но и Кучин был русским дворянином, и с князьями самых разных разборов и национальностей общался всегда естественно и непринужденно. К тому же оба они увлекались спортом, и совершенно понятно, что ввиду отсутствия каких-то срочных дел они с увлечением продолжили начатый когда-то разговор о системе гимнастических упражнений Мюллера.

Кучин рассказал о том, как лично присутствовал на выступлении Мюллера в цирке Чинизелли в Санкт-Петербурге, когда знаменитый гимнаст демонстрировал упражнения своего комплекса и за каких-нибудь 15-20 минут совершенно ясно и наглядно разъяснил суть своей системы. Потом Кучин и Зогу немного даже поспорили, поскольку Кучин настаивал на том, что дыхательные упражнения по Мюллеру являются краеугольным камнем всей системы, а Зогу основной упор делал на дополнительные силовые упражнения с гантелями, системой Мюллера в принципе не предусматривавшиеся; но в целом они были вполне единодушны в оценке значения системы великого спортсмена.

Нет, ничего особенного не было в их разговоре, и только очень предвзято настроенный человек мог бы усмотреть что-то подозрительное в этой встрече. Особенно если смотрел он издали, всматриваясь краем глаза в происходящее в глубоком вечернем сумраке и пытаясь понять: о чем так оживленно спорит премьер-министр и главнокомандующий с заурядным, казалось бы, лейтенантом из пулеметной команды? И почему лейтенант позволяет себе спорить с командующим да еще делать какие-то угрожающие жесты, хвататься за грудь, закидывать назад голову, размахивать руками? А Зогу даже не пытается поставить на место наглеца, а вполне почтительно соглашается с ним. Возможно, обрывок какой-нибудь подслушанной фразы многое бы разъяснил, но подойти ближе было решительно невозможно, поскольку на подходящем расстоянии от беседующих неспешно прогуливались мрачные усатые горцы с торчащими из-за широких поясов рукоятками револьверов – личные охранники Зогу. Их совершенно не интересовало содержание разговоров своего вождя, и прислушивались они только к происходящему за пределами охраняемой зоны, чтобы даже мышь не смогла проскочить без их ведома.

И уж трудно даже представить, на что был готов пойти сидевший в тени у поленицы любопытный согладатай, лица которого нельзя было разглядеть в молочном зимнем сумраке, только чтобы узнать, какой предмет извлек Кучин из кармана и положил Зогу в ладонь, а тот принялся с озабоченным видом разглядывать его, поднеся к самому носу.

А секрета на самом деле никакого и не было – Кучин передал Зогу две свинцовые пули, полученные у доктора, которые попались ему в кармане под руку.

– Вот, если изволите взглянуть, это те самые пули, которыми был ранен Исуф.

– Да? В самом деле? Позволите?

– Извольте, господин полковник.

Зогу попытался разглядеть пули.

– Позвольте мне оставить их себе?

– Разумеется. Мне они, собственно говоря, ни для чего не нужны.

– Я слышал, поговаривают, что Элеза Исуфа убили в спину, и пули эти сделаны из золота, а не из свинца?

Кучин замялся.

– Пули эти гражданские и попали в спину, а уж кто стрелял и с каким умыслом, это мне совершенно неизвестно, я человек посторонний и в ваших внутренних делах разбираться не могу.

– Я вижу, у вас остались сомнения относительно моего возможного в этом участия. Но могу вас заверить: даже если пули отлиты из золота, это не мое золото. Не буду рассказывать вам о чести офицера, о чести князя, потомка Скандербег и Александра Великого, которая не позволила бы мне подкупать тайных убийц. Я хочу объяснить вам главное: мне совершенно незачем было его убивать, в этом не было никакого смысла.

Зогу затащился сигаретой, выпустил дым и оглянулся через плечо: ему показалось, что невдалеке мелькнула какая-то тень.

– Да, он был одним из самых непримиримых моих врагов, и я с ним воевал еще два года назад, но последняя стычка закончилась тем, что я выпустил его из окружения вместе с его людьми и оружием, при условии, что он даст мне бэсу. И он дал бэсу. Он мой бэсник, так же как и Али Реза, и хотя он оборонял Пешкопию, выполняя свой воинский долг, как положено настоящему солдату, после капитуляции он занял бы подобающее ему место в рядах албанской армии. Вот почему это не мои пули, и я постараюсь узнать, чьи они, и покарать убийцу.

Зогу кивнул ротмистру, бросил в снег окурок папиросы, попрощался и повернулся, чтобы уходить, но вдруг, спохватившись, порылся в кармане и протянул ему два золотых.

– Что это? – не понял Кучин.

– Возьмите, лейтенант. У вас, у русских, кажется, есть примета, что нельзя брать в дар оружие, а нужно обязательно дать за него монету?

– Ну, это относится к холодному оружию, если нож, к примеру, или шашка, на худой конец, а это... это же не оружие...

– Неважно. Пусть лучше у вас будет лишняя монета, чем я буду шутить с русскими суевериями. Сейчас не такое время, чтобы можно было относиться к этому легкомысленно.

Кучин не стал его переубеждать и с удовольствием разбогател на два наполеондора. Кажется, разошлись они вполне довольные друг другом.

ФОЛЬКЛОРНАЯ ТРОПА – ДОРОГА АРБЕРА

Высланные вперед разведчики донесли, что по крайней мере один переход, до Селиште, свободен, и теперь нужно было просто идти вперед по горной дороге. Можно было бы пройти за день и больше, но в горах животным нужно давать отдых каждые два часа.

От самой Пешкопии никакого организованного сопротивления Русский отряд не встретил. Была попытка задержать движение колонны у села Лис, но албанские солдаты, похоже, только изображали сопротивление, поскольку поспешили сдаться законному руководителю страны, и небольшая армия Ахмета Зогу увеличилась на сто пятьдесят рядовых и двух офицеров, которые, совсем недолго пробыв в статусе военнопленных, тут же влились в состав отряда.

Теперь находившиеся под командой Зогу войска в большинстве своем состояли из албанских регулярных подразделений, вчера еще пытавшихся оказывать ему сопротивление. Что касается офицеров, то практически все они (кроме русских, естественно) были взяты в плен в Пешкопии, Кукесе и во время марша и перешли на сторону Зогу. Во время этого удивительного марша численность войск Зогу с ходом боевых действий парадоксальным образом не таяла, а росла. Да и потеря, собственно говоря, было очень мало.

На очередном привале Кучин спешился и подошел к Бродовичу, который что-то писал в записной книжке, сверяясь с картой.

– Что, Бродович, маршрут планируете?

Бродович застенчиво улыбнулся.

– Да нет, маршрут для меня спланируют в штабе. Я просто интересуюсь местной этнографией, ведь неизвестно, когда еще доведется в такие малоизученные места попасть. Вы вот, к примеру, знаете, что мы идем сейчас по древней дороге, которой лет пятьсот как минимум и которая называется «Дорога Арбера»? Арбер – это средневековое название Албании.

Кучин с сомнением посмотрел себе под ноги.

– Вы это серьезно, Бродович?

– Да-да. И вокруг очень много исторических мест, а названия звучат просто восхитительно! Дорога Змейка, перевал Шея Буйвола... Или вот, к примеру, – Мост Девушки. Кстати, довольно странно, он находится в стороне от дороги, и даже не совсем понятно, куда он ведет и для чего построен, ведь нам пришлось в итоге переходить реку вброд. Не говоря уже о названии. Но очень красивый мост, каменный, с высокой полукруглой аркой.

Кучин наклонился к Бродовичу с серьезным видом.

– Бродович, вам повезло! Я – крупнейший знаток албанской этнографии и прочего фольклора.

– Да неужели? – изумился Бродович.

– Записывайте, я вам расскажу историю постройки этого моста и откуда появилось такое название. Записываете?

Кучин помолчал немного и начал:

– Давным-давно, когда в Албанию пришли турки, они стали строить дороги и мосты в горах, чтобы их конница могла добраться даже до самой отдаленной албанской деревни – собирать налоги. И вот к берегам Черного Дрина пришел отряд Осман-паши. Они захватили в плен трех албанцев, строителей мостов, трех братьев, и пригрозили, что если мост не будет построен в срок, то они всех жителей села убьют, от мала до велика, а само село сожгут и землю посыплют солью, чтобы тут во веки веков ничего больше не росло, даже сорняки. Делать нечего, стали братья строить мост.

Бродович устроился поудобнее, привалившись к пушке, и делал какие-то пометки у себя в записной книжке, явно заинтересованный рассказом.

– ...Строили они, строили, да вот беда: только они возведут арку, как мост рушится, и нужно начинать работу сначала. А турки шутить не любили, всю деревню могли вырезать. Что делать? А тут появляется на стройке старичок, белая борода, и раскрывает братьям тайну: оказывается, место это заклятое, и мост стоять не будет, как ни старайся. Есть, правда, один способ, но братья должны поклясться, что никому об этом не расскажут и сделают, как договорились. Братья поклялись. Оказалось, нужно замуровать в основание моста девушку. Ту особу женского пола, которая первой придет с утра к мосту, и нужно замуровать. Тогда мост будет построен, а деревня спасена.

Бродович покачал головой и что-то записал в свою книжку.

– А братьям еду носили их жены. Вот старшие два брата, не сговариваясь, нарушили слово, данное старичку, и предупредили ночью своих жен, чтобы те в обед не приходили к мосту. Младший же, честный, промолчал. На следующий день жены старших братьев остались дома, а пришла только жена младшего брата. Делать нечего! – ее и замуровали. Младший брат, скрывая слезы, уронил кольцо в середину быка и попросил жену его достать. А когда она спустилась в яму, ее накрыли сверху камнем и замуровали. И построили мост. Турки ушли, оставили деревню в покое. Но оказалось, что всадники не могут перейти этот мост. Стоит только кому-нибудь на лошади приблизиться к мосту, как бедная жена младшего брата, замурованная в основании моста, начинает петь грустную песню, лошади пугаются и падают в реку. Турки плюнули и прове-

ли дорогу в стороне, чтобы конницей не рисковать. Вот такая вот история.

Бродович, явно восхищенный услышанным, лихорадочно писал что-то карандашом микроскопическими буквами.

– Хотя нет, погодите, – Кучин придержал его за руку. – Как, вы говорите, мост называется? Ура э Вашес? Но это не тот мост, тут несколько мостов с одинаковыми названиями. Нет, тут совсем другая история, я перепутал. Здесь, конечно, речь о девушке, а не о женщине. Это другое. Вот я вам расскажу сейчас всё правильно. Вот об этом самом мосте. А всё, что я до этого рассказал, было о мосте совсем другом. Так вот. На том берегу жила девушка, и никак не могла она выйти замуж. Женихов не было, а на этот берег ей никак было не перейти. Турки мост строить в таком странном месте не хотели, и ей пришлось начать строительство самой. Работала она у своего отца на мельнице и все заработанные деньги вкладывала в камни для строительства... Самое сложное было – успеть построить мост до того, как она станет старухой...

Тут Кучин заметил, что Бродович больше не пишет, а смотрит на него с явным подозрением.

– Бродович, что же вы не пишете? Пишите, пишите! Отличная история, ничем не хуже всех остальных! – и Кучин расхохотался. – Бродович, честное слово, вы как ребенок! Вы что, не знаете, что все эти фольклорные балканские истории придумывают офицеры немецкого Генштаба, которые обшаривают горы под видом ученых-этнографов и лингвистов? А если какая-то история придумана не немцами, то тогда уж англичанами, хотя есть, конечно, разница – у них производством липовых балканских легенд липовыми учеными занимается не Генштаб, а «Форин офис». Вот и вся разница.

Кучин похлопал по спине опешившего Бродовича, оскорбленно-го в лучших чувствах этнографа-любителя, и вскочил на коня – нужно было трогаться дальше.

ПОСЛЕДНИЙ ПЕРЕВАЛ

В большом каменном доме, на втором этаже которого выдавалась вперед пристроенная деревянная веранда, проходило экстренное совещание. После триумфального похода по горам, когда наступавшая армия Зогу не встречала никакого сопротивления и неуклонно продвигалась вперед, в худшем случае наталкиваясь на брошенные свежевырытые окопы и следы поспешного отступления, или, как это было в Лисе, принимая в свои ряды очередные полторы сотни солдат, они наткнулись на закрытый наглухо перевал.

Узкий проход между скалами был укреплен по всем правилам, с оборудованными артиллерийскими позициями и пулеметными гнездами, и никаким численным преимуществом армия Зогу воспользоваться не могла: дорога шириной всего в два осла не позволяла развернуться, а ваялая артиллерийская дуэль с использованием горных пушек ни к чему не привела – дорога выписывала такие крутые повороты, что эффективную стрельбу с их позиций вести было невозможно. Перевал Мурризы был неприступен.

Они вынуждены были остановиться, чтобы оценить сложившуюся ситуацию и спланировать дальнейшие действия. Задержка могла привести к катастрофическим последствиям, учитывая сложности со снабжением да и просто с размещением выросшей численно армии, растянутой в походной колонне на дороге Арбера.

У албанцев перевал Мурризы назывался «шеей», и нужно было срочно решать, что с этой «шеей» делать. Берестовский озабоченно изучал карту, отмечая выявленные огневые точки противника.

– Позиция эта фактически неприступна. По всем канонам военного искусства. Даже если продолжать использовать нашу довольно скудную и древнюю артиллерию, это ни к чему не приведет. Это будет затяжная артиллерийская дуэль, причем у них будет значительное преимущество – они будут стрелять с оборудованных позиций, в то время как мы и пушки не сможем развернуть. А нам нужен прорыв... – он всмотрелся в карту. – Если честно, то я на такой позиции, имея даже не триста, а всего лишь тридцать спартанцев, армию Ксеркса не пропустил бы. Завалил бы ущелье трупами, при наличии достаточного количества боеприпасов для пулеметов и артиллерии. Это неприступная позиция.

Миклашевский поморщился – ему предстояло докладывать о сложившейся ситуации Зогу, остановившемуся на постой в освобожденной накануне деревне Церруйе, и самое неприятное было то, что его доклад обсуждал бы с премьер-министром не только Цено-бей – в сущности, грамотный военный, – но и мнивший себя большим стратегом и знатоком Албании майор Гальярди.

– Перекоп тоже был неприступен.

– Там, позвольте, совсем другое дело было – большевики смогли обойти с тыла через замерзший Сиваш. А здесь каким образом можно обойти? Кругом горы.

– Какие-то обходные дороги есть?

– Здесь одна дорога, и мы на ней стоим – античная дорога Арбера. Это единственный путь к Тиране. В обход? Если пол-Албании пройти, вернуться назад, сделать круг через Буррель и Крую... Невозможно, слишком долго. А здесь даже тропинок нет на скалах, по которым козы могли бы пройти. Неприступные скалы.

Молчавший до этого Улагай нахмурился:

– Непреступных скал не бывает. Деревья растут кое-где, значит, есть за что уцепиться. И при чем тут козы? Зачем нам козы? – и вновь умолк, что-то обдумывая.

– Кроме того, нужно учитывать фактор времени, – продолжал Берестовский, – если штурм позиции затянется, встанет вопрос организации снабжения, они смогут подтянуть резервы, обойти нас, рассечь и запереть в мышеловке. Здесь и отступать некуда.

– Значит, нужно эту «шею» сломать. До Тираны уже рукой подать. Стоит тут пройти, и все – открывается оперативный простор. Дальше гора Дайти, и сверху уже можно будет полюбоваться Тираной. И при желании дать пару предупредительных залпов. Дальше считайте, что дело сделано.

– Что вы предлагаете? Лобовой штурм?

– Это приведет к неприемлемым потерям. Попросту говоря, мы завалим трупам все ущелье, с сомнительными шансами на успех.

Улагай прервал молчание:

– Мы не козы. Тропинки там есть, деревья растут, и не такие уж крутые эти скалы. Среди солдат есть местные, из этих краев? Что, если подняться на гору и обойти перевал?

– Как вы себе это представляете? Там невозможно укрыться, а если у вас не получится скрытное передвижение, то вы покатитесь сверху и будете на белом снегу как мишени в тире. Если бы я командовал обороной, то при наличии пары опытных пулеметчиков и взвода солдат положил бы вас еще до того момента, как вы смогли бы открыть огонь.

– У нас в горах говорят: кто выше, тот и сильнее. Мы будем выше. И потом, я полагаю, вы все-таки не будете руководить у них обороной. А у того, кто там командует, скорее всего, нет вашего опыта и хладнокровия. Пока я буду катиться вниз, попасть в меня невозможно. А когда я докачусь вниз, тогда и посмотрим, кто кого.

Не откладывая в долгий ящик, Улагай набрал роту добровольцев из албанцев-горцев, местных уроженцев, и повел их на штурм заснеженной горы. К нему присоединился и поручик Куракин, пожелавший поучаствовать в настоящем живом деле.

Замысел Улагая удался лишь частично – отряду охотников удалось незаметно забраться на гору, но со спуском всё сразу пошло не так. Невидимые под снегом камни посыпались вниз, увлекая за собой множество мелких снежных лавин, и кончилось тем, что отряд скатился с горы с огромной скоростью, как дети на санках.

Видеть происходившее на горе находившийся на дороге и готовившийся к отчаянному лобовому штурму укреплений отряд не

мог, но все напряженно вслушивались, выжидая момента для наступления. И довольно скоро стало ясно, что ни о какой скрытности и речи быть не может: загрохотали падающие камни, по горам запрыгало эхо от страшного русского мата полковника Улагая, летевшего вниз, что-то кричали спускавшиеся вместе с ним албанцы, а кто-то из них даже умудрялся стрелять на ходу, хотя всем было совершенно ясно, что смысла в такой стрельбе никакого не было. И штурмовой отряд бросился по дороге Арбера прямо на пулеметы, пытаясь хоть таким образом отвлечь силы противника от катившихся вниз по склонам отчаянных добровольцев.

Никаких пулеметных очередей, однако, не последовало. Оборонявшие перевал солдаты, в суеверном ужасе глядя на скользившие с вершины снежные языки лавины, поспешно бежали, бросив оборудованные позиции, и даже офицер, покричав немного и выстрелив в сторону гор из револьвера, счел свой долг в такой ситуации полностью выполненным и тоже бежал вслед за ними, чтобы через некоторое время благополучно сдать вместе со всей командой.

Дорога на Тирану была открыта.

ТРИУМФАЛЬНЫЙ МАРШ БЕЛОГО КАПЕДАНА

После взятия неприступного перевала Мурризы казалось, что дальше серьезных боев уже не предвидится. По данным разведки, правительство Фана Ноли было в полной панике, и оборонять Тирану никто даже и не собирался – военный министр исчез бесследно, деятельность министерства была парализована.

Премьер-министр Зогу со своей личной гвардией обустроился в крупном селе Гури Бард, дожидаясь, пока в Тиране будет установлен порядок, а его отряд, общее командование которым осуществлял теперь Цено-бей, неуклонно продвигался вперед.

Кучин и Бродович курили, любуясь восхитительным видом, открывавшимся между последними отрогами гор. Для этого им пришлось подняться на склон холма в стороне от извилистой дороги. Вдали узкой полоской вдоль горизонта тянулось море; казалось, можно было даже рассмотреть пароходы, стоявшие в Дурресе – «дурацком порту», как его называли добровольцы Русского отряда, поскольку по-итальянски он назывался Дурраццо, и никак иначе майор Гальярди его не называл. Совсем близко, рукой подать, видна уже была Тирана. Через несколько километров они должны были выйти на равнину.

Бродович оглянулся на вереницу лошадей, тащивших внизу по дороге его горные орудия и боеприпасы, и вернулся к занимавшей его теме.

– Мне кажется, что никаких боевых действий больше не будет. Такое ощущение, что впереди нас несется дух генерала Скобелева – так поспешно отступают албанцы. Они явно напуганы и отступают без боя, если не переходят на сторону Зогу.

– Боюсь, что албанцы не знают, кто такой генерал Скобелев. Уж слишком давно это было. Вряд ли у них в школах подвиги генерала Скобелева входят в программу по истории. Я уж не говорю о горцах, которые и в школы-то не все ходят. Но чем-то они напуганы, словно за нами идет целая армия.

Кучин был совершенно прав: не слышали албанцы о подвигах Белого генерала, Ак-Паши, Михаила Скобелева, наводившего страх на турок во время Балканских войн, а если и слышали, то давно забыли. Разве что был где-нибудь в глухом селении старик, воевавший полвека назад в армии Османа Нури-паши, получившего титул «гази» – «Победоносного» – за упорную оборону Плевны, но войну проигравшего, армию сдавшего в плен, открыв тем самым дорогу к Константинополю, и увезенного в далекую холодную Россию в качестве пленника; вот этот старик мог бы рассказать древние легенды о Белом генерале – непобедимом генерале в белом мундире и на белом коне, одолевшем победоносного Османа-Пашу.

Кучин не знал, что гонит албанцев не забытый, умерший уже страх перед Белым генералом незапамятных времен, а новый, живой страх перед Белым капеданом, ведущим в бой пять тысяч непобедимых и безжалостных ледяных воинов, и, что самое интересное, выходило так, что Белым капеданом этим был как раз именно он, ротмистр Кучин. Если бы кто-то рассказал ему об этом, то поражен ротмистр был бы безмерно. Но никто не мог ему этого рассказать, потому что никто не знал об этом, кроме одного человека – полковника Ахмета Мухтара Зоголлы, будущего короля албанцев Зоги Первого. А тот тщательно хранил свою тайну.

Идиллия неожиданно была прервана начавшейся впереди беспорядочной стрельбой. Поспешив обратно, Кучин и Бродович узнали, что авангард отряда попал в засаду у самых последних отрогов гор, в Туяне, и Бродович получил приказ развернуть пушки.

Самое интересное, что вместо обстрела расщелины, в которой окопались устроившие засаду сторонники Фана Ноли, перед Бродовичем была поставлена более сложная задача.

– А что, полковник, вот эта ваша новая пушка, захваченная в Пешкопии, насколько далеко она может бить прицельно? – поинтересовался Берестовский.

– Пушка приличная, практически всю Тирану накрывает.

– Надо положить пару снарядов рядом с военным министерст-

вом, но аккуратно, чтобы здание не повредить, и по возможности без жертв.

– Вы полагаете, это имеет смысл?

– Несомненно. Ничто так не остужает горячие головы, как артиллерийский обстрел с доминирующих высот. Главное, чтобы они убедились в серьезности наших намерений. Даже если министр бежал, там должен был кто-то остаться, кто мог бы отдать приказ о прекращении сопротивления. Начальник Генштаба, любой старший офицер, в конце концов. Нет у нас никакого резона сейчас воевать с теми молодцами, которые окопались в Туяне и героически. Мы их можем мгновенно смести оттуда, но это ни для чего не нужно. Зогу приказал завершить кампанию с минимальными потерями с обеих сторон, а в идеале – и вообще без оных. Они стреляют, мы стреляем, будут потери, а на черта, спрашивается, это всё нужно, если большинство из них завтра прекрасным образом продолжат свою военную службу уже под командованием Зогу? И судя по всему, продолжают ее весьма успешно. Так что постарайтесь, пожалуйста, пристроить пару снарядов максимально аккуратно, но убедительно. А люди Зогу договорятся обо всем остальном. Штурмовать эту расщелину в Туяне нам совершенно не с руки.

Бродович хмыкнул, кивнул и принялся колдовать с картой и артиллерийскими таблицами.

НЕСОСТОЯВШЕЕСЯ СОВЕТСКОЕ ПОЛПРЕДСТВО

В номере «люкс» столичной гостиницы, претендовавшей на европейский шик, полномочный представитель Советского Союза в Албании в ранге посла, прибывший в Тирану только накануне с советской дипломатической миссией, бывший эсер и некогда даже военный министр Временного правительства Сибири, а с недавних пор вполне правоверный большевик Аркадий Краковецкий деловито собирал вещи полпредства. Посольство, не успев открыться, вынуждено было срочно эвакуироваться в Италию.

– Да, Паша, все подтвердилось, это англичане выдвинули Фану Ноли ультиматум – ему было предложено немедленно выставить нас из Тираны, в противном случае они угрожали признать законность действий Зогу, начавшего наступление с сербской территории. Секретарь албанского мининдела сообщил мне это официально.

– Да мы ведь только вчера были официально приняты премьером и советом министров! Вчера! Как же так?

– Это было вчера, Павел Владимирович, а сегодня уже наступило сегодня. Совет министров их в одну секунду через левое плечо

перекинулся. Англичане их напугали до смерти. Телеграмму Литвинову отправим из посольства в Риме, сжигай шифры немедленно. Здесь связи уже не будет, а таскать их с собой становится опасно, мало ли что по дороге в такой обстановке может случиться.

Заместитель полпреда, выполнявший по совместительству обязанности шифровальщика посольства и секретаря партиячейки, член компартии с 1919 года и героический боец времен Гражданской войны, воевавший в отряде под началом Дыбенко, а до этого известный в Швейцарии в эмигрантских анархо-синдикалистских кругах под псевдонимом «Пауль», Павел Стучевский, кивнул и зашелестел своими бумагами.

– Англичане пообещали Фану Ноли приостановить наступление Зогу дипломатическими средствами, – продолжал Краковецкий. – Врут, конечно. Какие там дипломатические средства в горах? Они что, думают, он там, в горах, остановится и на Тирану не пойдет по указке англичан? Фан Ноли – идиот, нашел, кому поверить!

– Это невероятно.

– Поступили сведения, что Зогу взял Пешкопию и Кукес.

– Далеко это?

– Здесь всё недалеко по сибирским меркам. Только через горы перевалить. Два-три дневных перехода для дивизии.

– Так он вот-вот должен тут появиться?

– Полпред Юренев уже предупрежден и ожидает нас в Риме. До Греции нам уже не добраться, единственный путь – через Дуррес морем в Италию.

– Может быть, еще возможно организовать революционное сопротивление зогистам и врангелевцам? Ведь у Фана Ноли все рычаги государственной власти. Армия, жандармерия... В армии семь тысяч штыков, три тысячи жандармерии. А мы могли бы мобилизовать народ, поднять беднейшее крестьянство, городскую бедноту... помочь с организацией вооруженного отпора? Нужно открыть арсеналы и вооружить народ! Пусть это будет хотя бы в рамках буржуазно-демократической революции, если здесь еще не созрели условия для революции социалистической, но не допускать же возвращения этого отъявленного реакционера и феодального крепостника Зогу, да еще во главе врангелевских банд! Эх, мне бы сейчас наш флотский экипаж, я бы и без Дыбенко тут такое бы заварил! Взять арсенал, пустить агитаторов по казармам... Почту, телеграф... Тут через сутки такое бы по всей стране началось! Устроил бы я им учредительное собрание!

Краковецкий, прекрасно помнивший Дыбенко с Железняком и знаменитое: «Караул устал!», – после которого Учредительное собра-

ние разошлось и больше уже никогда не собиралось, хмыкнул. Впрочем, фракция левых эсеров тогда разгон Учредилки вполне подержала, поскольку эсеры и анархисты вошли в состав правительства вместе с большевиками, и лишняя говорильня, где большинство было за буржуазными либералами, им и самим была не нужна.

– Тут и без тебя им врангелевцы учредительное собрание устроят. Фан Ноли струсил. Никакой он не революционер и уж тем более не коммунист, а поп либерального толка, и рассчитывать на него нельзя было. Нельзя попам верить, никаким! Я так и скажу товарищу Чичерину. Фан Ноли верит, что если он сейчас пойдет на уступки англичанам и выгонит нас, это ему поможет! Оппортунизм никого до добра не доводил! Империалисты ему не помогут, феодалы предадут, армия не станет воевать – Зогу никто уже не остановит. Его с горы Дайти вниз врангелевская дивизия в спину подтолкнет. И самого Фана Ноли он прекрасным образом повесит, если тот к нему в руки попадет.

– Да уж, недолгая командировка получилась. Вот и открыли диппредставительство, товарищ полпред...

Краковецкий промышчал что-то невнятное. Оглядел еще раз содержимое сундука.

– Так, всё, закругляемся. Проверь-ка здесь все еще раз – с итальянскими товарищами мы договорились, пароход уходит в Италию, сейчас отправляемся срочно в Дуррес, всё уже готово. В случае крайней необходимости придется поменять внешность, приготовить конспиративные документы, оружие держать наготове. Белые наступают со стороны гор, дорога к морю открыта, так что они не успеют нас догнать.

– К чему такая спешка? Мы все-таки под защитой дипломатического иммунитета. Зогу не посмеет...

– Да брось ты, какой тут иммунитет! Это у нас в Риме иммунитет, а тут... Шлепнут нас врангелевцы, да и вся недолга.

Краковецкий захлопнул окованный железом сундук.

– Ноли нужно немедленно предупредить, премьер-министр подвергается смертельной опасности. И, кажется, сам этого не понимает. И пожалуйста, объясни ты ему поубедительнее. Я боюсь, он пребывает в преступном благодушии относительно своего статуса и возможных последствий. Объясни ему, что такое врангелевцы и чего ему следует ожидать, если он попадет к ним в руки. Это не албанцы, они его сан уважать не будут, это кровавые убийцы, они не посмотрят, что он епископ. Никакие англичане его не спасут. Да и сам Зогу для него ничем не лучше. Всё, доигрался он в политику.

Краковецкий поморщился.

– Фана Ноли никто и ничто уже не спасет. Оборона города не

организована, к уличным боям никто не готов. Армия деморализована. Всё! Финита ля комедия! Ему осталось два-три дня, не больше.

Краковецкий быстро перелистывал документы, паковал, рассовывал по чемоданам, что-то рвал в мелкие клочки, что-то жег в большой закопченной кастрюле.

– Вот они, потерянные три месяца! Сколько мы в Риме впустую просидели, а? Что они, спрашивается, в Наркоминделе делали с июля, получив предложение Фана Ноли? А? Кто-нибудь может мне сказать? Дожидались его личной встречи с Чичериным? Мы тут должны были быть уже в августе, а то и в июле, а не в декабре, это всё бюрократические проволочки, у Чичерина неизвестно какая сволочь в аппарате сидит, это откровенный саботаж, я перед товарищами Кагановичем и Сталиным* вопрос поставлю принципиально и по-партийному! И в Балканскую комиссию! Пусть ЦК и Исполком принципиально разберутся! Это срыв всей нашей работы на Балканах, ликвидация самой перспективной наблюдательной и организационной базы! Это преступный саботаж! Сколько времени потеряно!

Он тревожно прислушался к шуму на улице.

– Быстро, быстро! Заканчивай с шифрами, собирай казну, документы, оружие, грузить всё в машины!

В дверь осторожно постучали.

Краковецкий поправил очки и быстро выхватил револьвер. Кивнул в сторону окна, показал рукой Стучевскому, что его нужно приоткрыть, оценил, каким образом можно будет задвинуть дверь сундуком, прикинул, с какой позиции будет удобнее стрелять. Приготовил гранату, поставил бутыл с керосином на сундук. Стучевский достал маузер и взял под прицел дверь. Под рукой у него лежали две гранаты. Всё это заняло считанные секунды.

Краковецкий бесшумно подошел к двери и прислушался. За дверью кто-то пыхтел и переминался с ноги на ногу.

Стук повторился.

– Синьор Краковецки! Господин посол!

Это был голос хозяина гостиницы. Краковецкий, затаив дыхание, внимательно прислушался. Похоже, тот был один. Краковецкий, подумав, спрятал револьвер в карман.

– Синьор Краковецки! – снова донеслось из коридора.

Краковецкий быстро и бесшумно открыл дверь, испугав стоявшего перед ней хозяина гостиницы. В руках у того были дрожавшие листки бумаги.

* В те годы Каганович и Сталин занимались партийным контролем. Подчиненный наркому иностранных дел Чичерину полпред мог пожаловаться на него только в парторганы.

– Мне сказали, что господа дипломаты съезжают... Конто... Прошу прощения... – забормотал он, мешая итальянские, французские и албанские слова. Тут уже не до вежливости и не до дипломатии. Отступать ему было некуда. Дипломатия, эвакуация, депортация, государственный переворот – это всё замечательно, но кто будет платить за постой? Если эти большевики под шум стрельбы сдернут в Дуррес, то кто покроет убытки? Министерство иностранных дел? Фан Ноли? Зогу? Троцкий? Ну уж нет. Деньги нужно было получить здесь и сейчас, пока большевики еще не вытащили свои вещи на улицу.

Краковецкий кивком головы пригласил хозяина в комнату, выглянул в коридор, прислушался и плотно закрыл дверь.

– Ну что там? Что там? Счет? Сколько?

Выхватил бумагу из руки хозяина.

– Уно моменто, – протянул бумагу Стучевскому, – Пауль, заплати ему. Быстро, быстро!

– Где бумажник? Куда я положил бумажник? Сколько там? Возьми в кассе.

Началась какая-то ненужная суета с поиском бумажника, и Краковецкий, чтобы решить вопрос как можно быстрее, снял бутылку с сундука и откинул крышку. Хозяин покосился на сундук и увидел пачки денег: толстенные восхитительные пачки новеньких сказочно красивых купюр по тысяче лир, и даже если принять во внимание, что лиры подешевели в пять раз за последние пять лет по сравнению со швейцарским франком, всё же в одной пачке было... глаза у него забегали от какой-то напряженной мыслительной работы, но потом он увидел в сундуке ручную гранату, патроны, заметил оттопырившийся карман у Краковецкого, плохо спрятанный маузер Стучевского, почему-то ему вдруг резкошибанул в нос запах керосина от стоявшей рядом с сундуком бутылки, и тревожная озабоченность появилась у него во взгляде, а интерес совершенно испарился. Думать надо было не о деньгах в сундуке, а о том, чтобы гостиницу ему не спалили к чертовой матери сумасшедшие большевики.

Краковецкий, всучив в руки хозяину вытащенные из пачки купюры, нежно, но настойчиво подталкивал его к выходу.

– Грацие, синьор, эвхаристо, фалеминдерит! Прего, пронто, давай, давай, дуй отсюда! Шнель!

Вытолкав хозяина гостиницы в коридор и закрыв за ним дверь, Краковецкий окинул взглядом комнату.

– Так, всё. Выносим, грузимся. Зови всех, пусть тащат в машины и охраняют там. Глаз с сундука не спускать, головой ответят! А ты бегом метнись к епископу и объясни, что ему тоже надо сматываться

как можно быстрее. Да, вот что! Он сам, может быть, и не того, не осознает ситуацию, личность поэтическая... Если разговор не пойдет... Или если враги к нему не пропустят. Так у него есть помощник, секретарь, Сейфула, он на самом деле коммунист, наш человек, надежный, ты ему вкратце всё объясни понятным языком, а уж он разберется, что и как. По-французски он говорит, так что поймете друг друга. Фан Ноли нам еще пригодится, тут на Балканах погода меняется два раза в неделю. Передай ему, что времени у них сутки, максимум двое. И англичанам никаким верить нельзя. Донеси до него, что ты это не от злости говоришь, а констатируешь медицинский факт. Англичанам верить нельзя никогда. Ну вот, кажется, и всё! Вот вам, товарищи, и все дипломатические отношения с независимой Албанией. Финита ля комедия!

РУБАИ ФАНОЛИЯ

Епископа Феофана Стилиана Ноли в Албании именовали просто Фан Ноли, а врангелевцами он и вовсе был превращен в непонятого Фаноли, у которого имя с фамилией слились в одно слово в каком-то балаганном итальянском стиле, так что и не поймешь теперь – то ли имя, то ли фамилия; некоторые же звали его Фанолием, полагая, что Фанолий – это какое-то редкое греческое имя, вроде Феофания.

Епископ Фан Ноли, премьер-министр Албании, сильно нервничал. Что-то нужно было срочно предпринимать. По полученным сведениям, Зогу не только перешел границу во главе дивизии белогвардейцев и сербских наемников, но уже захватил Пешкопию. Непонятно было, что произошло с отрядом, посланным на помощь гарнизону Пешкопии. Наверное, сербские и русские наемники всех уничтожили. Англичане обещали оказать воздействие на Зогу дипломатическими средствами, остановить его дальнейшее продвижение, но область Мата и прилегающие территории северо-западной Албании можно было считать временно потерянными. Зогу наверняка решил укрыться на зиму в своей родовой крепости, как он это делал уже не раз в смутные времена, и выбить его оттуда не представлялось возможным, даже если сербские воинские части вернутся в Сербию. Вставал вопрос о необходимости вступать с ним в переговоры, а делать этого было нельзя, поскольку не может премьер-министр вступать в переговоры с только что осужденным к смерти государственным преступником. Сначала нужно было каким-то образом урегулировать его юридический статус. Похоже, они действительно поспешили с заочным приговором Зогу.

Что-то нужно было делать. Что-то срочно нужно было делать.

Наверное, можно использовать в качестве посредников англичан. Они могут надавить на Пашича и вступить в сношения с Зогу. Пашич должен приказать своей армии вернуться в Сербию, иначе это будет грозить ему серьезнейшими последствиями на международной арене. Это может рассматриваться как сербская агрессия по отношению к Албании, и Лига Наций должна будет принять энергичные меры. Международная общественность, несомненно, будет на его стороне. Как-то нужно урегулировать этот кризис, найти компромисс. Гарри совершенно определенно обещал решить вопрос, тем более что Фан Ноли пошел ему навстречу во всем – и с нефтью, и даже с аграрной реформой, не говоря уже о высылке советского посольства. Гарри, как настоящий джентльмен, несомненно должен понимать, насколько было тяжело для порядочного человека и религиозного деятеля нарушить данное Чичерину слово. Он лично дал полпреду Юреневу свое слово во время встречи в Риме, подтвердив установление дипломатических отношений с Советской Россией, а слово нужно держать. И большевизм тут совершенно ни при чем. Как это всё отвратительно. Надо срочно собрать заседание Совета министров. Срочно. Буквально в ближайшие дни нужно принять самые решительные меры.

Фан Ноли сел за стол и невидящими глазами уставился в окно. Кажется, были предприняты уже всё возможное, включая петиции итальянскому посольству, дипломатические ноты сербскому правительству (надо признать, отклоненные сербами с неприкрытым цинизмом), тайные переговоры с английскими дипломатами, рассылка грозных депеш и отправка эмиссаров в местные префектуры. Что еще можно сделать в этой ситуации?

С другой стороны, похоже, ситуация стабилизировалась. Встреча с итальянским министром в Дурресе прошла успешно; он открыто и без обиняков высказал ему всё, что думает о нарушении сербами принципа невмешательства в дела Албании, который был подтвержден на недавней встрече сербского министра с Муссолини. Итальянцы обещали потребовать от сербов выполнения принятых на себя обязательств. Теперь можно было позволить себе немного поспать. Две последние ночи он спал очень плохо, можно даже сказать, вовсе не спал. Сил уже не было.

Руки его нервно шарили по столу, заваленному ворохом бумаг, и наткнулись на потрепанный томик. Это были «Рубаи» Хайяма. Он рассеянно перелистал страницы и наткнулся на четверостишие, которое переводил накануне.

A di përse këndesi po këndon
Dhe menatë nga gjumi po të zgjon?

Që shkoi një ditë po të lajmëron,
Dhe ti, ckujdesur, fle dhe ëndërron.

Горько усмехнувшись, он взял обрывок какой-то бумажки и переписал последнюю строчку, изменив несколько слов, так что получилось: «а ты все спишь, беспечный идиот». Довольно грубо, но верно.

Ты знаешь, почему петух поет –
Тебя он будит; утро настает.
О том, что день пришел, тебя он извещает,
А ты всё спишь, беспечный идиот.

Покачав головой, он зачеркнул написанное и скомкал обрывок. Нельзя шутить с великими произведениями, это достояние человечества, а в его переводе – достояние албанской культуры.

В этот момент он засомневался: а не возникает ли в последней строчке слишком прямая ассоциация с шекспировским «уснуть и видеть сны»? – Ты спишь и видишь сны. «А ты, беспечный, спишь и видишь сны». Здесь не должно быть прямых сопоставлений – разные эпохи и разные культуры. Он с озабоченным видом взял том Шекспира и перелистал. Нет, все в порядке. У Шекспира фраза разбита – в первом предложении: умереть, уснуть. И после точки: «To sleep, perchance to dream». То есть, есть основания для ассоциации, но нет прямого цитирования. Это тонкая грань, и ему удалось ее не перейти.

Из-за окна донесся какой-то гул, словно с гор сорвалась лавина. Он с беспокойством прислушался. Гул повторился. Затем он стал повторяться регулярными раскатами, словно где-то вдалеке над горами разразилась невиданная гроза. Фан Ноли нахмурился.

Хлопнула дверь, и в кабинет вбежал секретарь, Сейфула Малешова, культурнейший молодой человек, учившийся в Италии на врача и прекрасно разбиравшийся в классической литературе. Данте он, похоже, знал просто наизусть и любил цитировать к месту и не к месту.

– Вы слышите? – Сейфула кивнул в сторону окна.

– Да, да. Что это?

– Зогу перешел через последний перевал – артиллерия стреляет уже с Дайти! В городе началась паника.

Фан Ноли положил том Шекспира и вскочил.

– Что значит – с Дайти? Каким образом? Мне дали гарантии, что... Наш представитель в Женеве уже несколько дней назад передал генеральному секретарю Лиги Наций мое требование собрать Совет

и поставить вопрос о сербском вмешательстве на основе статей 12 и 15 Устава. Это должно было остановить сербов. Кроме того, итальянцы... Нужно немедленно организовать... Где военный министр?

– Организовывать что-то поздно. Нужно бежать немедленно! Это Врангелевская армия. Быстрее, быстрее, собирайте вещи, я уже распорядился по поводу машины. Если честно, мне удалось отбить ваш «Форд» только угрозой применения силы. Эвакуация идет полным ходом, половина правительства уже на пути в Дуррес; кому не удалось найти машину или повозку, уходят пешком.

– Но армия... Нужно организовать оборону столицы!

– Никакой армии нет! Сопротивление прекратилось. С перевала отошли последние боеспособные части, путь на Тирану открыт. Вы понимаете, что такое Врангелевская армия? Тысячи жестоких и безжалостных наемников-белогвардейцев, с опытом самой беспощадной Гражданской войны в истории человечества. Если пытаться оборонять столицу, они огнем сметут всё на своем пути – там семь или восемь тысяч кровавых убийц! Артиллерия стоит на господствующих над городом высотах. Тирана превратится в выжженную пустыню. Господин премьер, ваше преосвященство, Святейший Владыко... батюшка, они вас даже не расстреляют, они вас повесят! А перед этим будут пытаться в застенках врангелевской контрразведки! Уж поверьте мне, я знаю, что это такое!

– Но есть еще время организовать сопротивление, я соберу парламент, сейчас же военного министра... На завтра назначены парламентские выборы... – от волнения Фан Ноли уже не вполне отдавал себе отчет, что он говорит.

– Какие выборы? Времени больше нет. Нет никакого времени. Пять минут на сборы, всё самое ценное с собой – и бегом! Да и военного министра никакого нет уже.

Фан Ноли, оцепенев, стоял какое-то время неподвижно, потом машинально взял в руки том Шекспира. Сейфула даже руками всплеснул.

– Господи, этого еще не хватало! Бросьте вы книжку – и бегом! В такое время! «Быть или не быть» – вот, тоже мне, вопрос. Вы понимаете – судьба революции решается, судьба Албании, ваша собственная судьба, батюшка. А вы Шекспиром развлекаетесь! Посмотрите в окно, вернитесь к реальности!

Сейфула выбежал из комнаты.

Фан Ноли прислушался. Гром за окном стих. Всё, пушки перестали стрелять.

Да, да, срочно. Самое необходимое. Рукописи. Личные вещи. Быстро упаковать чемоданы. Переезды – это дело привычное. Книги.

Деньги. Государственная казна не должна достаться преступнику, нужно временно отступить, чтобы перегруппировать силы, организовать сопротивление и вернуться. Победа демократии в Албании неизбежна, несмотря ни на что. Так. Казначейство. Охрана. Машины. Где Сейфула?

Парламент... нет... Сейчас – в Дуррес, оттуда вместе с правительством временно передислоцироваться морем в Бари и уже там организовать сопротивление и руководить подавлением мятежа. Великие державы обязаны ему помочь.

Фан Ноли наскоро помолился, взял рукопись переводов, бумаги из ящика стола, быстро засунул всё в походный саквояж. Господи, Господи. Подумав, взял со стола том Шекспира, открыл шкаф, провел руками по корешкам книг, задумался, но тут ворвался Сейфула, схватил его за руку, потащил за собой к столу, вынул из руки том Шекспира, схватил саквояж и чуть ли не силой выволок из премьерского кабинета.

Шекспир остался лежать на столе.

Фан Ноли не знал еще, что самый страшный удар ожидает его по пути в Дуррес, когда он вдруг обнаружит, что саквояж с рукописью переводов «Рубай» Омара Хайяма остался в Тиране. Он прикажет повернуть машину обратно в столицу, но сделать это будет не только смертельно опасно, но и попросту невозможно: дорога забита беженцами, лошадьми, повозками. Спасет результат его гигантского многолетнего труда верный Сейфула – в одиночку он вернется в Тирану, отыщет рукопись и успеет на следующее утро вернуться в Дуррес до отхода парохода, задержанного премьер-министром по важным государственным соображениям – несмотря на смертельный риск.

И только получив долгожданную рукопись и прослезившись от радости, только после этого Фан Ноли увидит в иллюминатор, что причал медленно удаляется от парохода, и вдруг отчетливо поймет, что он больше не премьер-министр Албании и никогда больше сюда не вернется.

ТРИУМФ ЛЕГАЛИТЕТА

Если бы епископ Фан Ноли каким-то неведомым чудесным образом оказался в этот день в Тиране, какие горькие размышления заставили бы страдать его тонкую художественную натуру, какие тягостные раздумья о переменчивости народной любви заставили бы его голову поникнуть!

Ведь это те же самые люди, жители Тираны, те же самые, которые буквально несколько дней назад на грандиозном митинге в под-

держку демократии восхищенно слушали его вдохновенные речи и готовы были дать решительный отпор бандам зогистов и наемникам; теперь же они с восторгом встречали входившие в Тирану войска полковника Зогу. Удивительно быстро всё успокоилось в столице: еще вчера стреляли пушки с горы Дайти, в городе царила паника, машины с бегущими сторонниками Фана Ноли прорывались к Дурресу по скверной заснеженной дороге, а сегодня к полудню радостные толпы с флагами в руках кричали «Рофт!», играл духовой оркестр, и даже светило яркое зимнее солнце.

Вчера еще военное министерство, казалось, было полностью парализовано, армия развалена, военный министр бежал, а сегодня выяснилось, что армия в полном порядке, начальник Генерального штаба контролирует ситуацию не хуже сбежавшего военного министра, четко организует работу по размещению прибывающих частей и готовится встречать главнокомандующего. Никаких, конечно, уличных боев, вооруженных столкновений и тем более кровавой резни в черте города не предвиделось.

Колонна вошла в Тирану после полудня: солдаты бодро маршировали, кавалеристы гарцевали, пушки грохотали на колдобинах. Зогу, верхом на белом коне, с достоинством приветствовал горожан.

Фан Ноли вынужден был бы признать, что выглядит это не как агрессия или оккупация города вражескими войсками, а как возвращение армии домой после успешно проведенных маневров. Никаких сербских дивизий никто не видел – не было там никаких сербов, о сербах тут же забыли, хотя вчера еще передавали друг другу самые ужасные слухи о том, что ожидает Тирану после того, как на ее улицы ворвутся орды кровожадных наемников.

Все уже знали, что Зогу строго соблюдает законность, проявляя при этом подлинное великодушие, – он никого не казнил; военных, выполнявших приказы, не преследовал; взятых в плен вооруженных добровольцев разоружал, кормил и отпускал домой. Он вел себя, как заботливый хозяин, вернувшийся после долгой отлучки и наводящий порядок в доме. Были, конечно же, были такие люди, которых он с большим удовольствием повесил бы, но все они сбежали за границу и прятались теперь где-нибудь в Бари или в Риме, или, может быть, даже в Москве. Оставшиеся в Албании готовы были с Зогу сотрудничать и приветствовали триумф «легалитета» – то есть законности, как стали именовать с этого дня широкое зогистское политическое движение, хотя и не оформленное в партию.

Личная гвардия Зогу была усилена офицерами Русского отряда, настороженно оглядывавшими толпу; радостные крики и флаги – это всё хорошо, но мало ли что может прийти в голову притаившимся

врагам. Однако день не был омрачен никакими происшествиями, и всё прошло в высшей степени спокойно. Невероятный рейд Русского отряда подходил к завершению.

Вечером ротмистр Красенский поделился с полковником Берестовским сделанным им открытием:

– Я узнал сегодня удивительную вещь, полковник. Оказывается, Зогу вовсе и не премьер-министр, как мы все были уверены. Оказывается, свергнутого летом премьер-министра зовут Ильяз Вриони, и он сегодня уже вернулся из изгнания. Зогу на правах главнокомандующего особой военной операцией восстановил законность и теперь возвращает прежнее правительство.

– Удивительно, никогда бы не подумал! Впрочем, нас это никаким образом не касается. Контракт с нами заключал именно Зогу как главнокомандующий, на ведение военной кампании; все войска подчиняются именно ему, а как устроена внутренняя политическая жизнь Албании – не имеет к нам никакого отношения. Я даже толком и не выяснил, какой у Албании политический статус, – совершенно точно не республика; так что это дело специалистов – разбираться, кто в стране самый главный, – премьер-министр или кто-то другой.

– Вот я так и не смог толком разобраться – по полученным мной сведениям, Албания является неким принципатом, и главой государства – принц Вильгельм Вид, но реально он правил страной несколько месяцев в далеком четырнадцатом году, потом сбежал и более в Албании не появлялся, хотя до сих пор именуется принцем Албании и формально таковым действительно является. В связи с давним хроническим отсутствием принца в Албании действовало регентство в виде Высшего совета, у которого тоже, насколько я понимаю, реальной власти не было. Тем более, Совет этот был ликвидирован после переворота, осуществленного Ноли. Правительство официально возглавляет премьер-министр Вриони, но и у него власти никакой нет. А власть в руках у Зогу. И понять в этой мешанине совершенно ничего невозможно.

– Даже не утомляйте меня этими юридическими парадоксами. По-моему, с этой политической кашей нужно незамедлительно заканчивать. На мой взгляд, самой эффективной формой государственного устройства является монархия. Или, в качестве альтернативы, – диктатура, вроде большевистской. В самом крайнем случае сгодится президент с диктаторскими полномочиями. Но как оно будет тут устроено в Албании – это совершенно не наше дело. Мы свою задачу выполнили. И вмешиваться в местную политику нам не с руки.

ТРОФЕЙНЫЙ ШЕКСПИР

Кабинет премьер-министра после бегства своего хозяина выглядел довольно непрезентабельно. Весь стол был завален бумагами, среди которых – расшифрованные телеграммы из дипломатических представительств с грифом «хранить», какие-то обрывки бумаг с рукописными неразборчивыми строчками непонятно на каком языке, книги. Зогу осторожно ковырнул пальцем залежи телеграмм, увидел в какой-то из них свое собственное имя, извлек ее из кучи, с интересом прочитал и небрежно бросил обратно. С дипломатами этими еще нужно будет тщательно разбираться, и все эти бюрократические сутробы изучат самым тщательным образом. После чего, разумеется, будут приняты подходящие меры.

Неужели Фан Ноли всё это действительно сам лично читал? Зогу удивленно хмыкнул и сгреб телеграммы в сторону. Под ними обнаружился том Шекспира, на английском языке.

Восхитительно. Нужно было влезать в политику, заниматься интригами, устраивать перевороты, чтобы, заняв премьерский кабинет, сидеть и читать Шекспира по-английски. Святой отец, как известно, считает себя великим поэтом и развлекается переводами классиков на албанский язык. Ну и сидел бы в своей Америке и занимался бы там этим сколько душе угодно! Интересно, что он успел перевести из этой книги?

Сам Зогу читал Шекспира давно, не очень внимательно и исключительно в переводах на немецкий; шекспировский английский был для него трудноват, и никакого удовольствия от чтения в оригинале он получить не мог. Да и вообще – если честно, какой резон вообще читать Шекспира? Шекспира нужно смотреть в театре, а не читать. Но книга была толстая, солидная, в красивом переплете, и понравилась ему. Он перелистал ее и побарабанил пальцами по открытым страницам. Гамлет. Да-да. Как это там?

Sein oder Nichtsein, das ist hier die Frage*

Интересно, какие шекспировские вопросы задает себе сбежавший премьер-неудачник? Каково это – погрузиться в реальную настоящую жизнь, принять участие в битве, борьбе, а потом всё проиграть и вернуться к своим книгам и рукописям, в иллюзорный литературный мир? Хотя, с другой стороны, реализма у него не отберешь – казну успел вывезти святой отец, позаботился о своем правительстве

* В русском переводе «Быть или не быть, вот в чем вопрос». – «Гамлет» У. Шекспир (цитата приведена в пер. Б. Пастернака).

в изгнании. Будет мечтать о реванше, о возвращении, интриговать – пока деньги не кончатся. Нет уж, Албания – это не для мечтателей; здесь будет установлен железный порядок, и никаких шансов на возвращение у беглеца не будет. Зогу захлопнул книгу и, подойдя к окну, закурил.

Und der Rest ist Schweigen*

ПОХМЕЛЬЕ

Новые, только что выстроенные деревянные дома не имеют еще собственного выражения лица, нет у них и своего индивидуального запаха. Пахнет в них влажной деревянной стружкой, полы шевелятся по ночам, стены поскрипывают, а двери или закрываются внатяг, или позволяют холодному ночному воздуху посвистывать в щелях. Неуютно в них, и человек взыскательный, конечно, предпочтет дома старые, обжитые несколькими поколениями, с потемневшими стенами и стоптанными порогами.

В новеньком, только что построенном деревянном здании Офицерского собрания, куда был определен на постой Русский отряд, разместились люди, привычные ко всему, и отсутствие уюта их нисколько не смущало. В качестве триумфаторов, пожинавших плоды заслуженных побед, они могли позволить себе создать свой собственный уют, не считаясь с затратами. Печи топились непрерывно, пожирая огромное количество дров и до последнего закоулка прогревая длинный одноэтажный особняк, а в большом зале Собрания, использовавшемся в качестве столовой, утвердился аромат жареного мяса и крепкого табака, к которому регулярно подмешивался запах мокрой кожи и оружейного масла.

В длинном темном коридоре на Кучина наткнулся озабоченный чем-то поручик Арсентьев. Перед собой он нес сложенную ковшиком ладонь и хмурился, что-то в ней разглядывая.

– Кучин, хочу вас предупредить: ракия при неумеренном потреблении лишает человека разума. То есть неумеренно употребляющий ее не пьянеет, а превращается в живого мертвеца. Он продолжает двигаться, говорить, может даже карты тасовать, но совершенно ничего при этом не соображает! Особенно если мешать ракию с французским шампанским. А наутро даже вспоминать о ней невозможно. Кажется, я начинаю ненавидеть ракию хуже большевиков.

Кучин сочувственно хмыкнул.

* «Дальнейшее – молчание». – «Гамлет» У. Шекспир (цитата приведена в пер. Б.Пастернака).

– Представьте себе только, ротмистр, я вчера проиграл свое подмосковное имение!

Кучин удивился.

– А каким же образом счастливец, выигравший его у вас, сможет им воспользоваться?

– Ну, разумеется, пока там большевики, имением он никаким образом воспользоваться не сможет. Но ведь исчезнут же когда-нибудь большевики, верно?

– Вероятно. Ничто не вечно под луной. И вы ради такого счастья готовы расстаться со своей усадьбой?

– Ну что ж, как говорится, если уж так суждено... Если честно, я думаю, что давно нет там никакой усадьбы, сожгли наверняка ее мужички, а барахло по избам растащили. Не этот вопрос меня сейчас занимает.

– А какой же?

– Гораздо более жизненный вопрос. Вот, взгляните, ротмистр, что это за деньги? Никак понять не могу. Вот, вижу, – это сербские, а вот это, помню, – турецкие пиастры. Ротмистр, я хочу вам заявить совершенно серьезно: у каждой страны должны быть свои собственные деньги. Иначе это не страна. Пускай, хорошо, я согласен, пускай не будет в Албании никакой конституции, от конституций всё равно нет никакой пользы, но свои собственные албанские деньги должны быть! Я официально заявлю об этом премьер-министру при первой же возможности.

Кучин заглянул в ладонь Арсентьева – там лежали совершенно разномастные монеты, имевшие хождение во всех соседних странах и использовавшиеся в Албании в повседневных расчетах.

– Да, да, ротмистр, тут ситуация хуже, чем в Одессе в девятнадцатом году!

– Ну, батенька, это вы загнули. Как бы оно тут ни было, тут всё-таки в ходу настоящая валюта, хоть и довольно разнокалиберная. И серебро, опять же.

– Да? Пожалуй. Да, – Арсентьев глубоко задумался. – Соглашусь. Таких чудес, как «Разменные билеты города Одессы», тут не найдешь.

Он помолчал.

– Да. С другой стороны, одесские билеты были деньгами мифическими, но понятными. А тут... Каким образом нормальный человек может учитывать все эти обменные курсы? Особенно если в лавке насыпают сдачи. Что он там насыпает? Как он это в уме считает? Это же можно лавочника прямиком в цирк-шапито отправлять: человек-арифметическая машина! Чудо человеческого разума! А? Чинизелли бы его с руками оторвал.

Поручик Арсентьев оцепенел, глубоко задумавшись, и Кучин стал осторожно пробираться мимо него по узкому коридору, но загремел катавшимися по полу пустыми бутылками.

– Да! – ожил поручик Арсентьев и поймал Кучина за пуговицу, – прошу заметить, что они очень охотно берут наполеондоры и прочую интересную валюту, лиры итальянские весьма уважают, а вот сдачу выдают непременно всякой балканской дрянью. Как это получается, а? Я готов заподозрить в этом какой-то дурной умысел. Я неправ, а? Скажите честно, Кучин!

Кучин одобрительно похлопал его по плечу и собирался было пойти дальше. Но в тесном коридоре им так и не удалось разойтись бесшумно: Арсентьев наткнулся на пустую бутылку, да так, что та отлетела и с грохотом сбила еще несколько бутылок.

Через мгновение за углом хлопнула дверь и в коридор выскочил капитан Сокуренок с наганом в руке. Был он бос, по полу болтались штрипки от кальсон, вылезавшие из-под брюк. Подтяжки были надеты прямо на исподнюю рубаху. Взгляд его был безумен, и он тревожно кричал в темную пустоту коридора силным голосом:

– Что там? Что? Михеев! Михеев! Ты где? Красные?

Остановился он, только наткнувшись на Кучина, причем ствол нагана уперся Кучину прямо в грудь. Кучин очень плавно, медленным гипнотическим движением отвел кончиком пальца ствол нагана в сторону от себя и только после этого заботливо спросил:

– Голубчик, что с вами? Какие красные? И кто такой Михеев? Мне кажется, нет у нас никакого Михеева.

– Михеев, ну... – Сокуренок поднял глаза и, кажется, только в этот момент заметил Кучина. – Кучин? Что тут? Стреляли?

– Да нет, никто не стрелял, всё спокойно.

– Показалось... Прошу прощения, – взгляд его стал осмысленным, и он несколько обмяк, словно внутри у него отпустили перетянутую пружинку. – Показалось...

– Да нет, всё тихо, – успокоил его Кучин, краем глаза продолжая следить за стволом нагана. – А кто такой Михеев?

– Михеев? – удивился Сокуренок, – какой Михеев? Что Михеев? Откуда вы знаете Михеева?

Сокуренок нахмурился и опустил наган.

– Убили большевики Михеева. Денщик мой. Вы его знали разве?

Кучин сочувственно похлопал Сокуренку по руке, задержал ладонь на нагане и деликатно спустил взведенный курок. Потом нежно вынул наган из его руки и заглянул в барабан.

– Капитан, позволю себе заметить, что у вас в барабане стреляные гильзы. Нехорошо так распускаться. А вдруг тревога? Оружие

нужно держать в порядке. Мы в любой момент можем отправиться в горы, беев разоружать, а тут такое недоразумение.

Сокуренок сморщился – казалось, он вот-вот заплачет.

– Впрочем, это неважно в данный момент, – Кучин присмотрелся к нему, приобнял его за талию и повел за собой. – Сейчас вам непременно нужно выпить граммов пятьдесят, но исключительно чистой водки. Никакого шампанского и прочих суррогатов! И ни в коем случае ни граммом больше!

Кучин кивнул на прощание поручику Арсентьеву, и парочка стала пробираться по коридору, перешагивая через пустые бутылки.

– Кучин! – понеслось им вдогонку, – я ненавижу ракию хуже товарища Троцкого! Можете так ему и передать, если встретите! – и, скривившись от отвращения при воспоминании о вчерашней выпитой ракии, поручик Арсентьев ссыпал разнокалиберные монеты в карман и неуверенной походкой побрел к выходу, на свежий воздух.

ЧЕРНЫЙ БАРОН И ЕГО ПРИЗРАЧНАЯ ДИВИЗИЯ

К кабинету Главнокомандующего Русского Общевоинского Союза генерала Врангеля, прозванного большевиками еще в Гражданскую Черным бароном, быстрым шагом подошел чем-то сильно озабоченный пожилой лысый генерал с обильной, но казавшейся совершенно прозрачной и невесомой, надвое разделенной пушистой белой бородой.

«Черным бароном» генерала Врангеля большевики называли по двум причинам: во-первых, он действительно был бароном, а во-вторых, он часто ходил в черной черкеске с газырями и кинжалом на поясе. Внешность его была настолько выразительна, что большевики сделали его мифическим персонажем, героем карикатур и символом ненавистного царского режима и даже пели о нем в своем знаменитом военном марше «От тайги до британских морей Красная армия всех сильнее».

Пожилый генерал привычно, для проформы, стукнул костяшками пальцев в дверной косяк и, не дожидаясь ответа, быстро вошел. В руках он держал какой-то документ и, не отрывая от текста обеспокоенного взгляда, зажал пальцем какое-то слово, словно боялся, что оно может исчезнуть.

– Петр Николаевич, – начал было он, – вы только послушайте, что пишет фон Лампе из Берлина... Эти проходимцы-кирилловцы вас перед Николай Николаичем прямо бонапартистом каким-то выставляют... – и осекся: генерала за столом не было.

Врангель стоял у окна и смотрел в январскую послеобеденную

мглу. Человек, давно знакомый с Черным Бароном, мгновенно понял бы, что тот взбешен. Он слегка покачивался с пятки на носок и топорщил щеточку коротко остриженных усов. Казалось, он хочет испепелить взглядом тихий захолустный сербский городок Сремски-Карловцы, гостеприимно приютивший у себя его штаб. На самом деле, если бы он мог действительно испепелять взглядом, в первую очередь он уничтожил бы отъезжавший от здания «Стары Школы» большой черный автомобиль. А уже только потом, вместе с ним, и Сремски-Карловцы, до самого основания.

Врангель настолько был выведен из себя, что даже не сразу повернулся к вошедшему генералу. Помедли он еще немного, могло бы показаться, что он нарушает приличия. Генерал, плотнее прижав на листе пойманное слово, оторвался от принесенной бумаги и с беспокойством посмотрел на Врангеля.

– Что, Петр Николаевич? Сербы? – озабоченно спросил генерал.

Врангель не ответил и только пошевелил верхней губой, встопорщив щеточку усов.

– Из Генштаба приезжали? – уточнил генерал.

– Из контрразведки, изволите ли. Они теперь главнее Генштаба. Им даже Александр не указ. Они сами, видите ли, отдают обязывающие распоряжения. И позволяют себе угрожать мне самым неподобающим образом!

– И в чем дело?

– Они требуют от меня отменить приказ, которого я не отдавал, и распустить дивизию, о которой я не имею ни малейшего представления! Это уже переходит всякие границы! Это просто балаган!

– Простите, Петр Николаевич, о какой дивизии идет речь? Я совершенно ничего не понимаю!

– А я? А я – понимаю? По их данным, мы сформировали из русских военнослужащих дивизию силой до пяти тысяч штыков и устроили переворот в Албании. А теперь наша дивизия под руководством албанского премьера Зогу угрожает безопасности Королевства.

– Позвольте, – переспросил совершенно ошеломленный генерал, – какая дивизия? Имеется в виду команда охотников под началом Миклашевского? Так там едва сотня добровольцев наберется, насколько мне известно. Сербы же сами просили нашего содействия в ее формировании. Тем более что с нашей стороны никаких официальных распоряжений не было, это совершенно частная инициатива. Ничего не понимаю...

И генерал в полном недоумении развел руками, отпустив столь тщательно оберегавшееся им на странице слово, которое тут же спряталось в густом тексте.

– И к тому же, при всем желании, откуда мы могли бы взять такие силы? Мобилизационные мероприятия такого масштаба просто невозможно провести в такой срок в нынешних условиях, при всем желании. Это бред какой-то!

– Вот именно, дорогой мой, вот именно! А они считают, что мы чуть ли не в заговор вступили с полковником Зогу и под прикрытием сербской команды Миклашевского уже длительное время готовили тщательно спланированную операцию...

– Позвольте... – изумился генерал.

– ...А это уже ставит под угрозу благожелательное отношение к нам, да и вообще, саму возможность нашего дальнейшего пребывания здесь. И я должен своим приказом распустить несуществующую дивизию. Вы понимаете – официальным приказом! Вот так-то-с!

Какое-то время в комнате царило молчание – собеседники осмысливали ситуацию.

Наконец Врангель потер ладонями череп и, наклонившись с высоты своего роста к собеседнику, распорядился:

– Вот что, Эдуард Владимирович, – подготовьте, будьте любезны, приказ за моей подписью. Ни о каком расформировании никаких воинских частей, разумеется, и речи быть не может, в связи с отсутствием таковых. Нужно сформулировать таким образом: в Албании не прекращается Гражданская война, и в это время некоторым нашим офицерам предлагают поступить в формируемую одной из сторон армию... э-э-э... жандармерию. Ну и, стало быть, исходя из того, что мы находимся в пограничной с Албанией стране, давшей нам приют, я своим приказом категорически воспрещаю господам офицерам... да и всем прочим чинам... подобные предложения принимать. Вплоть до увольнения от службы. Всем. Сколько бы их там ни было – дивизия так дивизия. Пятнадцать человек – так пятнадцать человек.

– Слушаюсь, Петр Николаевич.

– И добавьте там, как положено: участие русских в военных действиях в любом государстве, на любой стороне недопустимо, поскольку может привести к ненужному пролитию русской крови. Да и поставит нас здесь в совершенно невыносимое положение. Совершенно невыносимое.

– Слушаюсь.

Врангель подошел к столу и ударил по нему ладонями.

– Нет, надо скорее переезжать в Париж, к Павлуше Шатилову, – пробормотал он.

– Что, простите? – переспросил генерал.

– Я говорю, это уже просто невозможно становится с этими сербами. Контрразведка у них – высший орган власти, изволите ли

видеть. В Париж нужно перебазироваться, в Париж! И как можно быстрее!

Вечером, не успела еще ремингтонистка поставить точку в тексте продиктованного ей приказа, как пожилой генерал выхватил лист бумаги из пишущей машины и поспешил в кабинет Врангеля.

– Извольте, Петр Николаевич!

Тот взял листок с отпечатанным приказом и, нахмурившись, с пером в руках стал внимательно его читать:

– «По полученным мной сведениям в настоящее время нашим офицерам предлагают поступить в жандармерию, формируемую в Албании.» Да, да, это хорошо! Именно жандармерию, и именно еще только формируемую. То есть ни о каких действующих воинских формированиях речи быть не может. – «Имея в виду, что

1) Албания является пограничной с государством, давшим нам приют;

2) в Албании не прекращаются внутренние волнения, вплоть до гражданской войны, в которой сталкиваются интересы нескольких держав,

категорически воспрещаю господам офицерам и вообще всем чинам, входящим в состав армии или военных организаций, принимать подобного рода предложения. В случае нарушения какого-либо из этих запрещений ПРИКАЗЫВАЮ немедленно представлять мне приказ об увольнении виновного от службы в дисциплинарном порядке.»

Пару раз казалось, что Врангель хочет что-то исправить, и он даже обмакнул перо в чернила, но потом, пожевав губами в раздумье, передумал и продолжил чтение:

– «Вновь подтверждаю, что участие русских как в борьбе государств между собой на той или иной стороне, так и в гражданской борьбе в какой-либо стране, совершенно недопустимо, ибо оно неизбежно отразится на русской эмиграции и осложнит и без того тяжелое положение ее, а кроме того, может привести и к пролитию русской крови русскими же, притом за совершенно чуждые интересы.» – Ну, вот это хорошо.

И он подписал приказ.

ПУШКИ В ПОДДЕРЖКУ ДЕМОКРАТИИ

В последний день января 1925 года в Тиране готовилось праздничное мероприятие – принятие новой конституции, в соответствии с которой Албания становилась республикой. Власть полумифического Вильгельма Вида окончательно упразднялась вместе с регентством, заменявшим отсутствовавшего в стране в последнее десятиле-

тие принца. Принципат и регентство были упразднены, собственно, еще епископом Фаном Ноли, но он их упразднил незаконно, поскольку и сам был незаконным правителем, а вот теперь всё делалось по закону, как положено, в соответствии с принципами легалитета. Всю полноту власти по новой конституции получал президент, и было совершенно ясно, что президентом этим становился Зогу.

Ситуация с премьерством проявилась довольно быстро после триумфального возвращения Зогу в Тирану. Смутивший добровольцев своим неожиданным появлением премьер Вриони, как выяснилось, и до переворота Фана Ноли был премьером всего несколько дней, посаженный в премьерское кресло интригами британского посла в тщетной попытке предотвратить переворот, а после изгнания Фана Ноли именовался премьер-министром меньше недели, добровольно сложив с себя полномочия в пользу Зогу.

Так что Зогу – которого русские добровольцы привыкли уже именовать премьер-министром и были сильно удивлены тем фактом, что на самом деле он всё это время был просто полковником Зогу, пусть даже и в ранге главнокомандующего кампаний по восстановлению законности, – наконец оказался действительно премьер-министром. Теперь же он должен был стать президентом настоящей республики, положив конец странной государственной неопределенности Албании.

На Русский отряд была возложена почетная миссия – артиллерийским салютом приветствовать принятие судьбоносных законов. По распоряжению Зогу весь личный состав должен был принять участие в мероприятиях, и Берестовский несколько дней хлопотал, отдавая распоряжения по отряду.

После того, как Врангель издал свой знаменитый приказ, в Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев немедленно вернулся Миклашевский, и командование Русским отрядом принял Берестовский. Вместе с Миклашевским уехала часть отряда, а оставшиеся решили, что приказ к ним прямого отношения не имеет, поскольку речь в приказе шла о зачислении в жандармерию или армию Албании, а у них был трехмесячный контракт как с военными советниками, и ничто не мешало дожидаться окончания контракта. К тому же среди них были и такие, кому возвращаться совершенно не имело смысла, независимо от нахождения в списках врангелевского Общевоинского Союза, и терять им было нечего.

С утра весь отряд выстроился напротив здания Парламента: всадники гарцевали на конях, пешие стояли в строю, пулеметные команды выкатили пулеметы, Бродович расставил свои пушки.

У Бродовича, однако, возникло какое-то недоумение по поводу отданных распоряжений.

– Господин полковник, а вы действительно полагаете, что даже при стрельбе холостыми зарядами пушки стоит наводить прямо на окна парламента?

– Видите ли в чем дело, голубчик. Перед самым началом салютационной стрельбы вам нужно будет стволы орудий поднять, а пока пусть они так постоят. Наша главная задача – предотвратить возможные инциденты во время важных политических мероприятий, и артиллерия является серьезным аргументом в пользу законности и порядка.

– Постойте, не хотите же вы сказать, что в случае возникновения каких-то непредвиденных ситуаций вы могли бы отдать приказ об артиллерийском обстреле здания Парламента, в котором находятся гражданские лица? Тем более – депутаты?

– Нет, я такого приказа, разумеется, отдать бы не мог. Но вот потенциальные злоумышленники должны думать, что мог бы. Поэтому, Бродович, будьте любезны, поставьте пушки как приказано, и сделайте по возможности зверское лицо.

– Слушаюсь, господин полковник!

Бродович бойко отсалютовал, но, судя по выражению его лица, у него оставались какие-то сомнения, и Берестовский поспешил их развеять:

– Наша задача – сделать так, чтобы ни у какой из политических сил и в мыслях не возникло соблазна использовать вооруженную силу для решения политических задач. Ситуация крайне сложная, я бы даже сказал, переломная. Сегодняшний день должен определить будущее Албании на следующие десятилетия, и важно не допустить попыток вооруженного воздействия на демократический политический процесс. Если кто-то попробует такие попытки предпринять, мы подавим их самым решительным образом, с применением всех имеющихся сил и средств. Ни у кого в этом не должно быть сомнений, поэтому примите самый решительный вид. Насупьте брови, полковник. Суровее. Как можно суровее!

– И каким образом мы узнаем, что все прошло благополучно?

– Очень просто: на балконе появится человек Зогу и махнет платком. Это будет сигналом к началу торжеств. Вы поднимете стволы и отсалютуете как положено, а президент Зогу прибудет в Парламент для завершения процесса.

– А если человек не выйдет на балкон?

– Если человек не выйдет на балкон, а выбежит, петляя, из здания, а по нему при этом будут стрелять из огнестрельного оружия, нам придется принять меры к подавлению вооруженного мятежа. Именно так.

Бродович, кажется, удовлетворился объяснениями Берестовского и вернулся к своим пушкам, причем трудно было понять – нахмурился ли он от того, что так ему было приказано, или какие-то тяжелые раздумья вынудили его к этому.

ЭПОХАЛЬНЫЙ САЛЮТ

Сведущие люди уверяли, что все дворы в центре Тираны переполнены спрятавшимися там русскими солдатами, ожидающими команды на выступление в случае каких-либо беспорядков в столице. Никто бы, конечно, не поверил, что поредевший Русский отряд, выстроившийся перед парламентом, – это всё, что осталось от мифической непобедимой Врангелевской дивизии, за несколько дней сокрушившей армию узурпатора Ноли. В глухих переулках и закрытых внутренних дворах прятались исключительно призраки, но дело они свое знали, лишая противников воли к сопротивлению, и Зогу мог быть спокоен, насколько он вообще мог быть спокоен в сложившейся ситуации.

Перед строем мерзнувших у здания парламента добровольцев суетился британский журналист с восхитительным складным фотоаппаратом «Кодак-Брауни», пытаясь поймать самые выигрышные ракурсы, – ему охотно позировали, принимая бравые и воинственные позы. Каждому хотелось выглядеть максимально выигрышно на страницах европейской печати.

Ротмистр Красенский, изнывавший от безделья и недовольный скверной организацией торжественных мероприятий в целом, из-за чего они торчали уже полдня на улице при полном параде, а конца этому всё еще не предвиделось, упорно приставал к Бродовичу, слышшему социалистом, пытаясь уличить его в симпатиях к Временному правительству и лично Керенскому. Бродович в дискуссию вступал, однако на провокации Красенского не поддавался.

– Ну вот, пускай республика, но пусть будет президент с неограниченными полномочиями, если уж не монарх. А то хуже нет этой вот демократии. Россию погубил не Октябрь, а Февраль, все эти болтуны-демократы. Без них никакой Ленин не смог бы захватить Россию. За полгода разрушили всё, что только можно, довели до катастрофы.

– Нет, позвольте, как можно сравнивать? – вяло возражал Бродович. – Все-таки это вещи несравнимые – большевистская диктатура и пусть даже слабое, но все-таки демократическое правительство.

– Вот именно: лучше уж пусть большевики, чем эти демагоги – адвокаты и писаки. Я, батенька, весь этот либерализм не люблю. Эгалитэ, фратернитэ – это куда-нибудь от меня подальше. Социалисты

и демократы прогадили Россию вчистую. Я Керенского ненавижу хуже всей этой большевистской сволочи. Вот честно скажу: если бы у меня в руках был заряженный маузер, а навстречу по тихой улице шли бы Керенский с Лениным, то я первым на всю катушку нащиповал бы любезного Александра Федоровича, удостоверился бы, что насмерть, и только потом, если бы патроны остались, то выделил бы и Владимиру Ильичу.

– Позвольте, Ленин ведь уже помер?

– Тем лучше, значит, всё досталось бы Керенскому!

Бродович за Керенского вступаться не стал, и разговор о недостатках демократического устройства государства понемногу увял.

Кучин, в свою очередь, тоже обсуждал с поручиком Куракиным преимущества разных политических систем, но настаивал, что вместо республики Зогу должен был сразу провозгласить монархию и объявить себя королем. У Куракина же эта идея вызывала вначале непонимание, главным образом из-за того, что было неясно, как себя должен был именовать в таком случае Ахмет Зогу.

– Вот разговор тогда и зашел об этом – позвольте, говорит он, а как же в таком случае должен именоваться король Албании – король Ахмет Первый? Как-то это странно звучит, не находите, – король Ахмет? Как-то не по-европейски.

– Действительно. Ну, а какие же, позвольте, возможны вариации? Кем, кроме как королем, он может стать? – удивился Кучин. – Принцем? Это уже было, это несерьезно. Князь? Султан Ахмет? Это в Европе-то султан? Бейлербей? Паша? Эмир?

– Нельзя – ни султана, ни пашу. Очень сильный мусульманский, я бы даже сказал – азиатский, – акцент получается, а Зогу стремится превратить страну в европейскую. Тем более, что и христиан в Албании тоже достаточное количество, и католиков, и православных. Если уж монархия, то только королевство.

– Вот именно. А я и говорю – Европа, конечно, Европой, но для Европы Албания – такая же экзотика, как, к примеру, Венгрия. Какая им разница – имя, фамилия? Если нехорошо звучит «король Ахмет», то пусть будет просто: король Зогу!

– Но, позвольте, как-то не принято королевей называть по фамилии, это странно. И как, позвольте, их нумеровать потом? Представьте, у нас были бы императоры – Романов 6-й, Романов 7-й? Ерунда какая-то.

– Э, голубчик. Пока нумеровать нечего, Зогу – он один такой. А когда будет нужда, пронумеруют как-нибудь. Поверьте мне на слово!

Томительное ожидание было внезапно прервано появлением на балконе человека, махнувшего белым платком. Это был сигнал к началу торжеств. Возле пушек засуетился Бродович, строй выров-

нялся, оружие взято наизготовку для церемониальной стрельбы, и вскоре под грохот пушек и выстрелы из всего, что могло стрелять, у парламента появился Зогу – бывший премьер-министр, а теперь уже первый президент независимой демократической республики.

ХРАБРЕЦ МИРАШ, СТРАЖ КОРОЛЕВСКОЙ МАШИНЫ

В открытом кабриолете, несущемся по хорошему новому шоссе, построенному итальянцами, развернувшими бурную деятельность в королевстве Албания, разговаривать не вполне удобно: шум ветра и рев мощного мотора вынуждают повышать голос, фактически перекрикиваться. Но, с другой стороны, невозможно ведь ехать больше часа совершенно молча. Тем более, что новости требуют немедленного обсуждения.

Кучин, хотя и не хотел, из присущей ему скромности, акцентировать свою роль в исторических событиях, всё же не мог умолчать о том, что именно он, как убежденный монархист, еще несколько лет назад, когда они только вошли в Тирану после легендарного похода Русского отряда, высказал идею о том, что все эти выборы и конституции для Албании не годятся, а нужно сразу учреждать королевство. И этим своим убеждением он открыто и принципиально делился с премьер-министром в частных беседах. Вполне логично предположить, что и он таким образом внес свою лепту в судьбоносное решение Ахмета Зогу стать королем Албании. Поручик Куракин, сидевший рядом на пассажирском сидении, слушал его с восхищением.

– А каким образом Зогу стал потомком Скандербега и Александра Македонского?

– Ну, поручик, генеалогия – это дело такое, всегда можно найти каких-нибудь предков, которые были кому-нибудь родственниками. Я не удивлюсь, поручик, если и вы, после тщательного исследования, оказались бы потомком Александра Великого. И, кстати, не вздумайте называть его при албанцах Александром Македонским – не поймут, в лучшем случае. Они совершенно искренне считают его не греческим македонцем, но иллирийцем, а иллирийцы, как известно, были предками албанцев.

Кучин был совершенно прав. Специалисты покопались в архивах, подняли семейные предания и хроники, и выяснилась совершенно блестящая родословная Ахмета Зогу. Нет, никто и раньше не мог отрицать того факта, что он законный князь, властитель своих подданных в области Мати, но оказалось, что он прямой потомок не только Скандербега, но и Александра Великого. Со времен Скандербега линия прослеживалась совершенно четко: начиная с

Зогу Великого, совершавшего свои подвиги в 15-м веке, через Зогу Малого, потом далее через Абдуллу-бея Зогу, погибшего в 17-м веке на войне за независимость, и дальше уже рукой было подать: Ахмет-паша Зогу, которому турки отрубили голову в Охриде, – и уже вот они, прямые предки Ахмета Зогу. Ну, а до Александра Великого уже можно было и не углубляться. Поскольку происхождение Скандербега, или, как его именовали турки, Искандер-бея, от самого Искандера, известного у нас под именем Александра Македонского, никем не оспаривалось, то и доказывать было нечего. Это как в учебнике арифметики: если Ахмет Зогу был потомком Скандербега, а Скандербег был потомком Александра Великого, то всё получалось просто, как дважды два, и оставалось только записать ответ в конце задачи. Q.E.D. Quod Erat Demonstrandum, как писал в свое время Кучин в своей гимназической тетради.

Одна маленькая деталь портила предстоящее торжество: венский музей отказался передать Албании корону Скандербега, которая могла бы окончательно сковать своим железным обручем легитимность возрождающегося королевства. Австрийцы уперлись и не отдавали корону ни за какие деньги. Но, в конце концов, не корона создает королевство, а королевство создает корону и прочие атрибуты монархической власти. Черт с ними, с упрямыми австрийцами.

Машина свернула с нового прекрасного шоссе на проселочную дорогу, скорость резко упала, сзади поднялось огромное облако белой пыли. На каком-то ухабе Кучин чуть не прикусил себе язык, и пришлось пока прекратить обсуждение животрепещущих вопросов создания албанской монархии.

Дом Улагая должен был быть где-то совсем уже недалеко, но въехав в село, Кучин не сразу смог сориентироваться в лабиринте улочек и глухих заборов и поэтому был вынужден остановиться и прибегнуть к помощи возникших словно из-под земли босоногих мальчишек. Те радостно загомонили, перебивая друг друга, и стали махать руками.

– Где дом Улагая? А, дом Кучук-бея! Это там, на холме, вот сюда, сюда!

Они бежали рядом с машиной в полном восторге, ухитряясь на бегу потрогать запыленные хромированные части.

Через некоторое время Кучин притормозил.

– Ну что, поручик, похоже, дальше машина не проедет, нужно немного пешком пройтись.

Куракин оценил расстояние до усадьбы, с подозрением оглядел толпу оборванных сорванцов.

– А что, Александр Васильевич, развинтят они вам мотор. По деревне растащат. Потом деталей с собаками не отыщете.

– Ничего, как-нибудь. Мы с ними договоримся.

– Ну-ну.

Машина остановилась, и летевшее за ней облако пыли догнало ее и окутало, медленно оседая. Кучин помахал рукой, разгоняя пыль, и пригляделся к подбежавшим мальчишкам, с восторгом трогавшим машину. Все они были босые, в рваной одежде, с цыпками на руках. Кучин выбрал одного из них, энергичного, с цепким внимательным взглядом, и подозвал к себе, помахав рукой. Тот настороженно подошел.

– Тебя как зовут?

– Мираш.

– Малыш Мираш?

Это имя само невольно всплыло в памяти Кучина – изучая албанский язык, он читал не только местные газеты, но и немногочисленные имевшиеся в наличии художественные произведения, особыми литературными достоинствами, на его взгляд, не отличавшиеся, – так, что-то в духе Помяловского, бытовые очерки. В только что выпшедшем сборнике в одном из рассказов фигурировал мальчик Мираш – племянник главного героя. Рассказ, впрочем, был интересен с психологической точки зрения – он демонстрировал отношение албанцев к неписаным обычаям, которые значили для них больше, чем официальные государственные законы.

Герой рассказа, лейтенант, был кем-то вроде начальника пограничной стражи (что сразу и привлекло внимание Кучина, служившего в свое время на сербской границе), и ему пришел приказ усилить охрану границы, поскольку некий государственный преступник должен был, по полученным сведениям, попытаться перейти границу где-то в этих местах. Лейтенант отнесся к заданию серьезно и поставил на самом ответственном участке границы собственных сыновей. Однако, придя домой, он обнаружил в гостиной своего дома не только беглого преступника, но и своего кровного врага, которого безуспешно пытался убить вот уже несколько лет. Ружья обоих, как положено, висели на крючках в сенях.

И вот из этого рассказа Кучин с изумлением узнал, что обычай гостеприимства в Албании не только выше официальных уголовных законов, но даже выше закона кровной мести. Герой был вынужден не просто напоить и накормить своих врагов, одного из которых он должен был бы арестовать, а второго убить, но и развлекать их приятной беседой, а потом лично под своей охраной провести через границу беглеца и убедиться, что тот благополучно перебрался за кордон. А чтобы оказать должное уважение своему кровнику, ставшему гостем, он отправил проводить его ночью до дома как раз этого само-

го племянника, Мираша, единственного из числа лиц мужского пола, находившегося в этот момент в доме. Поскольку сам он не мог его проводить – он провожал через границу второго гостя.

Когда Кучин попытался обсудить этот рассказ с кем-то из албанцев, тот даже не понял сути вопроса. А что, спрашивается, этот лейтенант должен был делать? Если они пришли к нему в гости? Здесь и говорить не о чем. Он должен был взять их под свою защиту. Если бы в это время жандармы попытались этого беглеца задержать, то лейтенант обязан был погибнуть, защищая их. Иначе позор. Это было чем-то само собой разумеющимся, не подлежащим обсуждению. Кучин подумал, что русский смог бы понять и принять эти обычаи, хоть и с некоторым усилием, а вот, к примеру, для немца это была бы уже непосильная задача.

Более того, через некоторое время Кучину удалось выяснить, что имелось в виду под словом «позор» применительно к данному случаю. В соответствии с древним неписанным албанским кодексом – «Кануном» – это означало, что нарушивший закон гостеприимства должен был быть убит, его семья – изгнана из деревни, дом – сожжен, а участок перепахан и засыпан солью, чтобы на нем ничего не росло в ближайшие сто лет. Поэтому погибнуть, защищая гостя, даже собственного злейшего врага, для главы семейства было просто самым естественным и рациональным выбором, с минимальными потерями для семьи.

– Я не малыш, я...

– Я пошутил. Ты не малыш. Ты храбрец Мираш. Ты знаешь, кто я? Мираш пожал плечами.

– Ты солдат.

– Правильно. Я солдат. Но я не простой солдат. Я Белый капедан, капедан храбрецов, я страж короля. Машину видишь?

Мираш кивнул, не сводя глаз с Кучина.

– Это машина короля. Теперь посмотри сюда, – Кучин похлопал по новенькой блестящей кобуре, расстегнул ее и показал мальчишке черную тусклую рукоятку потертого боевого револьвера. – Знаешь, что это?

– Оружие.

– Правильно. Хочешь, дам выстрелить из него?

У мальчишки от изумления широко раскрылись глаза, и он даже ничего не ответил на такое заманчивое предложение, настолько невероятным оно ему показалось.

– Так вот, храбрец Мираш. Назначаю тебя стражем королевской машины. Можешь сесть за руль. Можешь погудеть в клаксон. Всем остальным можешь разрешить посидеть на соседнем сиденье, но не

всем сразу, а по одному, по очереди. Кому разрешить, сам решишь. Пусть тоже немного погудят в клаксон, если ты разрешишь. В машине ничего не трогать, никакие ручки не дергать. Ты – капедан. Если ты справишься, я тебе дам выстрелить из револьвера. Ты всё понял?

Мираш молча кивнул, деловито залез в машину, взялся за руль и застыл неподвижно, глядя прямо перед собой. Остальные смотрели на него с изумлением и завистью.

Отойдя от машины на некоторое расстояние, Кучин и Куракин оглянулись: мальчишки галдели, сбившись в кучу возле машины, а Мираш наводил порядок, выстраивая их в очередь.

– Ну что, Алеша, так-таки и растащат машину по кусочкам? Хотите пари?

Куракин в восхищении развел руками:

– Александр Васильевич, вы просто кудесник!

АЛБАНСКИЙ БОРЩ КУЧУК-БЕЯ

Совершенно ясно становилось, что попал Кучук Улагай в Албанию, как патрон в патронник, словно скользнув в специально для него предназначенное место, – потому что где еще в мире мог бы так устроиться Кучук, рядом с горами, столь похожими на его родные горы русского Кавказа, где обычаи были столь похожи на его родные черкесские, и ничего не нужно было объяснять Кучуку ни про законы гостеприимства, ни про священный обычай кровной мести. Все это всосал Кучук с молоком матери, потому что в неписаном черкесском кодексе «Адыгэ Хабзэ» говорилось о том же, о чем и в неписаном албанском «Кануне», только другими словами. А слова, как известно, это воздух – обычай не носят на кончике языка, как слова, его просто соблюдают. Где еще мог спокойно жить мусульманин-суннит Кучук со своей православной женой-казачкой, чтобы это не вызывало, как минимум, недоумения у соседей? А здесь это казалось совершенно естественным и никаких вопросов не вызывало. В Шкодре большинство албанцев были католиками, но и мусульман хватало – и суннитов, и бекташей. Межконфессиональные браки были совсем не редкостью. Более того, известны были и совсем удивительные случаи, когда, к примеру, глава семейства был правверным мусульманином, а все остальное семейство как ни в чем не бывало исповедовало католичество. В турецкие времена такое объяснялось просто: мусульмане не платили дополнительных налогов, а во что верят домочадцы, турецких чиновников не интересовало.

Настоящим албанцем стал, казалось бы, Кучук, и должен был быть абсолютно счастлив, но это только так казалось. Не мог он стать

албанцем по одной простой причине – у него не было семьи. Нет, у него была своя маленькая семья – жена и сестра, но вот настоящей большой семьи – с бабками, тетками, дядьями, племянниками, кунаками, свояками, настоящей черкесской или албанской семьи, в которой только близкой родни считалось больше сотни человек, – такой семьи у него не было. Не был Кучук албанцем, потому что у него не было своего фиса, не было своей родной деревни, с камнями у межи, положенными двести лет назад прапрапрадедом. Он был в Албании безродным, хотя и был по кавказским понятиям дворянином и даже князем. Он был князем, но князем без своих людей, без своего племени. Надо было Кучуку обрести родственников или хотя бы свойственников, и способ для этого был один.

– А что, Кучук, – спросил его Кучин, – почему ты сестру замуж не выдаешь? Нашел бы ей жениха из хорошего албанского рода. Ты человек уважаемый, можно сказать, друг короля. Любой сочтет за честь с тобой породниться. Вот и станешь настоящим албанским беем. – И Кучин хитро посмотрел на Куракина, окаменевшего от этого вопроса.

– Э-э-э, – Кучук нахмурился. – Легко ты рассуждаешь. У них свои обычаи, у нас свои, надо как-то суметь... Я не купец, сестра не товар. Не так всё просто.

И, словно закрывая дискуссию, Кучук хлопнул ладонью по низенькому столу:

– На всё воля Аллаха!

И, повернувшись к Куракину, сменил тему разговора:

– Так что, поручик, вы любите лошадей? Хотите у меня на заводе служить? Александр Васильевич вас рекомендовал наилучшим образом как опытного коневода. Да если честно, я бы вас и без его рекомендаций взял, надежные люди всегда нужны, а мы с вами, если припоминаете, в атаку вместе ходили на перевале.

Куракин скромно потупился. Вылазка действительно была героической, едва ли не легендарной, и забыть о ней было совершенно невозможно.

Кучин встал и, подойдя к окну, залюбовался видом гор.

– Да, хорошо здесь у тебя, Кучук, прямо небольшой персональный рай образовался. Вот честное слово, всего-то ерунды какой-нибудь и не хватает для полного и абсолютного счастья. Печки здесь нету и борща. Вот дай мне настоящего борща со сметанкой и, ей-богу, не надо никакого Парижа. Ну его, Париж, к черту!

Кучук, хитро улыбаясь, кивнул головой в сторону другой комнаты, где, как было слышно, суежилась, накрывая на стол, Людмила Петровна.

– Что ты там говоришь насчет борща? Нет, говоришь, борща? А вот и есть, Людмила Петровна расстаралась по случаю. Пойдем-ка, Александр Васильевич, удивлю я тебя.

И Кучук мгновенно исчез, поманив его за собой движением руки.

Кучин удивленно развел руками, радостно улыбнулся и пошел было за ним, но на полушаге вдруг остановился, глядя в окно на синеющие на горизонте горы. И вдруг острая грусть пронзила его; понял и неожиданно отчетливо, что борщ, приготовленный Людмилой Петровной, несомненно, очень вкусен, но все-таки это не тот борщ, не может тут быть настоящего борща; настоящего борща вообще больше не может быть нигде и никогда, как никогда уже не будет пропавшей бесследно России; и сам он ненастоящий, живой мертвец, давно уже встретивший свою смерть, да застрявший на полпути то ли в рай, то ли в ад, и прижившийся в чужом и непонятном мире, и только не до конца еще растаявшая ледяная корка у него на сердце, принесенная из бескрайних зимних степей, удерживает его от того, чтобы достать верный револьвер и застрелиться немедленно. Да и не пристало живому покойнику стреляться, этим он мог оскорбить свою родную, привычную уже смерть.

Тем более невозможно было стреляться в доме принявшего его друга, жена которого сварила накануне борщ, чтобы к сегодняшнему дню он настоялся и набрал аромат. Борщ, как хорошо известно, нужно есть на следующий день после приготовления, как, впрочем, и щи. И желательно, чтобы эти сутки борщ провел в русской печи, медленно отдающей накопленный жар, чтобы томился он от этого нежного мягкого жара, приобретая ни с чем не сравнимый аромат. Понятно, что во всей Албании невозможно было найти одной-единственной русской печи, но всё же – борщ это борщ! Нельзя стреляться, когда из соседней комнаты доносится запах борща.

Нужно было существовать дальше вместе со своей смертью и не роптать попусту. В сущности, судьба его складывалась просто замечательно по сравнению с судьбами сотен тысяч других выброшенных из нормальной жизни русских людей.

Кучин оживил застывшую было у него на лице улыбку и пошел к вопросительно выглядывавшему из двери Кучуку.

– А что, Кучук, может, у тебя и сметанка найдется?

ВЫСТРЕЛ В ЛУНУ

– Нет, поручик, вы и в самом деле полагаете, что луна вот эта, – Кучин мотнул головой вверх, – она точно такая же, как и петроградская, или, скажем, киевская?

– Ну а какая же? Луна и луна.

Куракин благодушно улыбался – похоже, что плевать ему было на луну, мысли его бродили где-то далеко, время от времени он терял нить беседы, думая о чем-то своем, очень приятном, но Кучин упорно возвращал его к дискуссии.

– Нет, – настаивал на своем Кучин, – если подходить формально, с астрономической, так сказать, точки зрения, то конечно – да. Это то же самое астрономическое тело.

– Ну вот, – развел руками Куракин.

– Но речь идет о другой луне, той луне, которую видит и воспринимает индивид, о луне, пропущенной, так сказать, сквозь органы чувств. И тут оказывается, что албанская луна, в данном случае луна шкодранская, – это совсем другая луна по сравнению даже с родственными ей лунами киевской или ростовской, не говоря уже о луне петербургской. Вот мы с вами, поручик, вышли в албанскую ночь, – и Кучин обвел рукой, показывая собеседнику окружающую их черную ночь, самым ярким источником света в которой была как раз эта луна, – и что же мы видим и ощущаем?

– Что?

– Луну в ночи. Это яркая луна, освещающая темную и очень теплую ночь, полную звуков и запахов. И если в Киеве еще можно увидеть похожую луну, такую же яркую, такой же теплой и темной ночью, хотя запахи там другие, то в Петербурге такой луны не бывает ни при каких обстоятельствах. Там луна совершенно другая – бледная летом и ледяная зимой. А эта луна меня раздражает, порой мне хочется ее просто пристрелить. Какая-то она чужая и недобрая.

– Знаете что, Александр Васильевич, луна луной, но на нашем месте я озабочен бы тем, цела ли еще наша машина и сможем ли мы доехать обратно.

– Машина меня несколько не беспокоит, за нее я совершенно спокоен. А вот с лунной нужно что-то делать.

Кучин оказался прав: машина стояла на своем месте и, более того, похоже было, что чья-то заботливая рука протерла запыленные металлические поверхности, и те ярко блестели в лунном свете. Даже похожие на толстых змей три металлические трубы, выползавшие сбоку из-под корпуса, сверкали серебром. Вокруг никого не было видно.

– Ну что, Александр Васильевич, караул разошелся? Родители по домам разогнали?

– Караул, поручик, не может разойтись сам по себе, без разводящего, – наставительно заметил Кучин, – иначе в армии наступит хаос и разложение. Караул – это основа порядка.

Кучин оказался прав – как только они подошли ближе, сидевший в машине Мираш выскочил и с гордым видом вытянулся возле нее. Весь вечер он выполнял важное задание, командовал деревенскими мальчишками и распоряжался королевской машиной. Он был доволен собой и предвкушал заслуженную награду.

Кучин оценивающе осмотрел с ног до головы храбреца Мираша, удовлетворенно хмыкнул, достал блестящую новенькую монету и торжественно ее вручил.

– Благодарю за службу! Вот! Настоящие албанские деньги! Серебряные! Посмотри, тут на монете величайший воин всех времен, Лека Великий, или Александр Великий. Поэтому и монета называется «лека». Один лек. В Албании теперь всё как надо – есть свой король, свои настоящие деньги, своя армия.

Мираш повертел монету в руке, ловя отблеск луны, чтобы лучше ее рассмотреть. Потом хмыкнул:

– Должно быть, он действительно был великим воином.

Кучин удивился:

– Это ты о чем?

Мираш показал пальцем на изображение:

– Он же голый совсем и без седла на коне. Только поводья и меч. Попробуй-ка без седла на коне повоевать. Даже доспехи, это ладно. Можно и без доспехов. А вот без седла и стремян...

Кучин озадаченно пожал плечами.

– Ну, вообще-то это, так сказать, аллегорическое изображение... Но если задуматься, то действительно...

Он повернулся к Куракину, словно в поисках поддержки, но тот откровенно смеялся над его растерянностью.

– Ладно, ладно, поручик, отправляйтесь в министерство финансов и там смейтесь себе на здоровье. По-моему, вполне на европейском уровне сделано, красиво и со вкусом. Не хуже, чем в Италии.

Кучин взялся за ручку дверцы автомобиля, но Мираш схватил его за рукав и протянул ему монету обратно.

– Не надо!

– Почему не надо? – не понял Кучин.

Мираш пристально посмотрел ему в глаза, потом показал пальцем на кобуру.

– Оружие! Ты обещал.

Кучин повернулся.

– Обещал, значит обещал. Монету оставь. Она твоя, – и принялся расстегивать кобуру. – А вот, кстати, поручик, мое любимое албанское слово: «pushka». Никакой словарь не нужен, всё сразу понятно. Это вам и ружье, и пистолет, и вообще любое оружие. По-моему,

албанские младенцы мужского пола это слово выучивают самым первым, еще в колыбели.

Он отвел Мираша в сторонку и присел на корточки, чтобы тот мог взять в руку пристегнутый длинным ремешком револьвер. Сам он обхватил его руку своей и направил ствол на луну.

– Слушай внимательно, солдат! Ты, конечно, стрелять умеешь, я не сомневаюсь, но все-таки слушай и делай, как я говорю.

Мираш с серьезным видом кивнул.

– Сейчас темно, не видно ни черта, целиться нам не во что, только в луну. Будешь стрелять в луну. Вот смотри: это мушка, ты ее должен видеть так, чтобы она была посередке, вот здесь, понял? В одной руке удержишь?

Мираш кивнул.

– И главное, солдат, запомни: руку держать твердо, чтобы наган не скакал после выстрела, и глаз не замуривать! Луну должен видеть всё время, не сморгни! Ну, с богом!

Кучин взвел курок и отпустил руку мальчика.

Мираш прищурился и даже как-то сморщился от напряжения, руку его водило от тяжести револьвера, но он изо всех сил старался удерживать на мушке луну. Грянул выстрел.

Кучин посмотрел на Мираша: тот стоял, вытаращив глаза. Он не зажмурился во время выстрела. Кучин с некоторым усилием выцарапал револьвер из его сведенной судорогой руки.

В деревне залаяли собаки, где-то зажегся свет.

– Ну вот и молодец, храбрец Мираш! В луну ты попал, по-моему. Будешь воином и героем. Если будет большая война, совершишь много подвигов. Поехали, поручик!

Задумавшись на мгновение, Кучин открыл барабан и вытащил ногтем еще теплую стреляную гильзу.

– Держи! Чувствуешь запах? Это запах войны и подвигов. Оставь себе на память.

Когда машина тронулась с места, оставив в темноте совершенно счастливого Мираша, сжимавшего в руке монету и гильзу, Кучин повернулся к Куракину.

– А ведь на самом деле, поручик, как я полагаю, больших войн в двадцатом веке больше быть не может. И подвигов совершать будет нигде. Наша война была последней большой войной.

– Отчего же вы так думаете?

– Очень просто: никакая большая война невозможна в эпоху боевых отравляющих газов. К чему все наши умения стрелять, управлять артиллерийским огнем, командовать подразделениями, если все великие державы запаслись такими количеством газов, что всё живое

на земле будет гарантированно уничтожено несколько раз. И никакие противогазы не спасут. Химическая наука уничтожает военное искусство и делает бесполезным героизм отдельно взятого человека. Участь любого смельчака в эпоху боевых газов предreshена: мучительная смерть.

– Ну, Александр Васильевич, вы как-то любите всё обобщать, философствовать. На наш век хватит и маленьких войн, домашних, между соседями. Так что место для подвига всегда можно будет найти.

И поручик Куракин вновь вернулся к каким-то своим задушевым мыслям, связанным, похоже, с покинутым им гостеприимным домом Улагая, отчего на лице у него появилась глуповатая блуждающая улыбка. Проблемы применения боевых газов в грядущей мировой войне, похоже, не очень его занимали.

ИНТЕРВЬЮ КАПЕДАНА

Представитель одной из древнейших профессий, связанной с добытанием той информации, которая не лежит на поверхности или даже кем-то умышленно скрывается, в данном случае именовавшийся британским журналистом, был очень доволен беседой с королем Албании Ахметом Зогу Первым. В качестве журналиста он получил из самых первых рук – непосредственно королевских – огромное количество первоклассной информации, интересующей читателей его издания, – о королевской жизни, о ситуации в политической жизни Албании и даже о том, какими видами спорта предпочитает заниматься молодой и энергичный король. Разговаривали они, естественно, по-немецки. Кажется, скоро беседа должна была бы уже и заканчиваться, но у корреспондента оставалась еще пара вопросов – не вполне даже серьезных, но интересовавших его читателей.

Улыбаясь с извиняющимся видом – вот, мол, какие вопросы приходится задавать по прихоти британских читателей, – корреспондент сказал, что его интересует мифологический аспект знаменитого похода Ахмета Зогу на Тирану, в результате которого из страны был изгнан большевистский узурпатор – епископ Феофан Стилиан Ноли.

– Мифологический? – король выразил легкое недоумение.

– Да, да, Ваше Величество, именно мифологический. Как мне известно из разных источников – король, услышав это, приятно улыбнулся, – вы стояли во главе небольшого военного отряда, состоявшего из сотни наемников и нескольких сотен матьянских крестьян.

Корреспондент внимательно посмотрел на короля, но тот никак не выразил своего отношения к этому высказыванию, и корреспондент продолжил:

– Но при этом вам удалось разбить многотысячную регулярную албанскую армию, причем во многих случаях вам просто не оказывали сопротивления. Солдаты в панике отступали, не принимая боя.

Король улыбнулся, слегка развел руками и пожал плечами – бывает, мол, всякое.

– Так вот, меня совершенно всерьез уверяли вполне внушаемые на первый взгляд люди, что на самом деле вы командовали целой армией, или, по меньшей мере, дивизией – пятью тысячами русских солдат, причем мертвых солдат, ледяных солдат, во главе с мифическим Белым капеданом.

Король заинтересовался:

– И что же вам рассказывали об этой мертвой армии?

– Рассказывали, что это непобедимые и бессмертные русские солдаты, закованные в ледяную броню, которую не берут пули. А появление Белого капедана означает неминуемое поражение противника. Появляется он на белом коне или даже пешком, в снежной круговерти, накануне больших сражений. Более того, само его появление может нести смерть. Тот, на кого он посмотрит, останется жив. А вот если он пройдет мимо, не заметив солдата, тот неизбежно погибнет.

– В самом деле? Чрезвычайно интересно.

– Да, это очень интересно, с точки зрения фольклора. Но мы с вами, ваше величество, современные образованные люди и не можем бездумно повторять какие-то сказки. Хотелось бы найти во всем этом рациональное зерно.

– Да, да, несомненно, – согласился с ним король.

– Давайте исходить все-таки из того, что никакого мифического Белого капедана не существует, как не существует и бессмертных ледяных солдат. Признайтесь, ведь это была гениально разработанная и блестяще осуществленная пропагандистская операция с целью подорвать боевой дух суеверных албанских солдат, которые по сути своей – крестьяне из глухих горных деревень, где самые разные суеверия цветут буйным цветом до нашего времени. Нельзя же всерьез обсуждать планирование военных действий с участием мертвых солдат? Скажите, это вы были автором этой грандиозной идеи? Или кто-то из ваших советников? Ведь именно эта пропагандистская акция разложила боевой дух ваших противников и позволила небольшому отряду пройти прямо до Тираны, как раскаленный нож проходит сквозь масло.

Король совершенно явно получал огромное удовольствие от этого разговора. Казалось, еще немного – и он начнет жмуриться, как кот, наевшийся сливок.

– Вы полагаете, мистер Джонс, что Белый капедан – это некий мифический персонаж? И всё, о чем вы говорили, – просто выдумка?

Корреспондент улыбнулся и развел руками. А что еще можно было по этому поводу думать серьезному и совершенно не подверженному пустым суевериям подданному Британской империи?

Король понимающе кивнул головой и пообещал корреспонденту, что очень скоро, буквально в самое ближайшее время, тот получит исчерпывающую информацию по этому мифологическому вопросу. При этом король сделал едва заметный знак указательным пальцем, возле него буквально из ниоткуда мгновенно появился вышколенный слуга и, изогнувшись, почтительно выслушал какие-то распоряжения, негромко отданные прямо в его лакейское ухо. Выслушав, он тут же испарился.

На какое-то время наступила тишина. Король курил и приятно улыбался, ласково поглядывая на корреспондента. Тот улыбался в ответ, не вполне понимая, чего они ждут и о чем вообще идет речь.

Наконец вдали послышались шаги.

Король встал.

Корреспондент мгновенно вскочил и вытянулся в струнку. Понятно, что этикет не позволял корреспонденту продолжать сидеть, если король стоял, но молодцеватость, с которой он совершенно автоматически встал по стойке смирно, явно вызвала одобрение короля.

В зал вошел человек в форме майора албанской армии и строевым шагом направился к королю. Цепким взглядом корреспондент оценил его строевую выправку, на какое-то мгновение задумался, классифицируя регалии у него на груди (некоторые из них имели явно иностранное происхождение), и вновь перевел взгляд на его лицо, составляя по привычке словесный портрет. Это было неприемлемое европейское лицо – майор мог быть и албанцем, скорее, тоском с юга или юго-востока Албании, чем гегом с северных гор, а мог быть и сербом или даже русским. Да кем угодно мог быть человек с таким лицом. Единственное, что вызвало какое-то неприятное ощущение, – майор совершенно не замечал присутствия корреспондента. Естественно, он должен был соблюдать субординацию и придворный этикет и не мог никаким образом реагировать на присутствующих гостей короля без специального на то указания, но корреспондент мог бы поклясться, что даже когда майор смотрел в его сторону, взгляд его на корреспонденте не фокусировался, – майор смотрел сквозь него, как если бы никакого корреспондента тут и вовсе не было. Собственно говоря, никакой этикет не запрещал майору взглянуть мельком на корреспондента; дело было не в этикете. Почему-то корреспонденту стало не по себе, и он с неудовольствием отметил, что по спине прошел легкий холодок.

И тут тренированная память корреспондента вдруг идентифици-

ровала вошедшего; множество образов услужливо пронеслось перед его мысленным взором. Он прежде встречал майора неоднократно и, возможно, смог бы даже найти его на одной из фотографий, которых сделал огромное количество во время частых поездок в Албанию. Да, медаль с лавровым венком, пронзенным мечом, он видел на другой гимнастерке... Черный мальтийский крест с черепом... Майор (тогда еще капитан) возле бронзовой пушки, сразу после завершения легендарного похода на Тирану. Он же возле пулемета, в строю перед Парламентом, принимавшим историческое решение о передаче власти Ахмету Зогу, тогда еще не королю и даже не президенту... Он же... какие-то смутные воспоминания, словно клочки тумана, сорванные ветром с гор в долину, затуманили его взгляд. Он видел его еще раньше. В Югославии? Где? В Белграде? В Дебаре? Ему показалось, что закружилась голова – он бы вспомнил, непременно вспомнил, но этих секунд, пока майор шел к королю, было явно недостаточно.

Майор четко остановился и приготовился рапортовать королю по всей форме, но тот остановил его движением ладони и, взяв за локоть, слегка повернул в сторону корреспондента.

– Мистер Джонс, позвольте вам представить – майор королевской армии Албании Скендер Кучини, он же бывший ротмистр русской Императорской армии Александр Кучин, он же Белый капедан, как его называют в албанских Альпах.

Майор расслабился и посмотрел на корреспондента. Казалось, он только что заметил присутствие в комнате кого-то еще, кроме короля, и был этим открытием удивлен. С равнодушной доброжелательностью он посмотрел в глаза корреспонденту, и какая-то искра узнавания мелькнула у него во взгляде.

Сказать, что корреспондент был изумлен, – не сказать ничего. Он был потрясен, раздавлен – мгновенно рухнули с таким трудом выстроенные аналитические построения, базировавшиеся на кропотливо собранных сведениях. Он только что был совершенно уверен, что разгадал отчаянный блеф короля Зогу, пугавшего соседей выдуманной дивизией русских белогвардейцев, состоящих у него на службе. И вот за какие-то секунды всё изменилось. Совершенно по-другому выстраивался весь стратегический баланс сил на Балканах. На чашках весов, балансировавших между Югославией, Грецией и Италией, вдруг вновь появлялась убранный уже было в пыльный чулан весомая гиря. Если хотя бы часть легенд была правдой, даже если речь шла не о дивизии, а всего лишь о паре батальонов, в политику Foreign Office нужно было срочно вносить серьезные изменения. В одно мгновение мифическое имя обрело плоть – и не только имя Белого капедана, но и имя не менее мифического Кучина, который по добытым в

Югославии с огромным трудом и за большие деньги сведениям возглавлял врангелевскую сверхсекретную службу. Он был уверен, что никакого Белого капедана не существует, а Кучин, если и существует, то прячется от агентов ГПУ где-нибудь на конспиративной квартире в Париже, – потому что он, Джонс, лично обошел всю Сербию, завязал обширные знакомства, но смог собрать только обрывки каких-то фантастических, а порой просто нелепых историй о Кучине. И вот, извольте, – перед ним стоял живой Белый капедан. Более того, он всё время был где-то рядом, практически у него на глазах, но оставался при этом невидимым. Это было невероятно.

Корреспондент очень быстро, практически мгновенно, пришел в себя и, широко улыбаясь, протянул майору руку.

Майор покосился краем глаза на короля и, убедившись, что никаких возражений не последует, протянул руку корреспонденту.

– Мистер Джонс, – представил король гостя, – корреспондент британской газеты.

Корреспонденту показалось, что на лице майора мелькнула легкая ухмылка, но настолько легкая, что утверждать было нельзя. Возможно, ему и показалось.

– Послушайте, майор, – обратился король. – Мы тут с господином Джонсом обсуждали различные геральдические и мифологические проблемы, и я хотел бы, чтобы вы разъяснили некоторые вещи, имеющие отношение к вашим наградам.

Майор изобразил на лице почтительное внимание.

– Что это за знак у вас? – король дотронулся до пронзенного мечом серебряного тернового венца на оранжево-черной ленте.

– Это знак первопоходника, Ваше Величество, участника Ледяного похода генерала Корнилова против большевиков весной 1918 года.

– А почему этот поход называется Ледяным?

– О, это очень просто. Во время ожесточенного сражения в степях Южной России целые сутки лил дождь, и в это время неожиданно ударил мороз, до минус двадцати. И люди, и лошади оказались покрыты ледяным панцирем. Раненых, лежавших в телегах, вечером приходилось вырубать из льда. После боя мы совершили длительный переход по покрытой ледяной коркой степи. Вот поход и назвали «ледяным». Участники этого похода составили костяк Белой Гвардии. Те, кто выжил.

– Скажите, майор, – продолжал любопытствовать король, – а почему у вас вот на этом черном кресте, с виду мальтийском, изображен череп?

– Видите ли, Ваше Величество, это знак того, что я являюсь чер-

ным гусаром Бессмертного Александрийского полка Российской армии.

– То есть вы – бессмертный гусар?

– Так точно, Ваше Величество.

– В том смысле, что вас нельзя убить? Вы неуязвимы?

– Никак нет, Ваше Величество. Меня нельзя убить исключительно в том смысле, что я уже мертв.

– То есть, позвольте, как это? – не выдержал и все-таки изумился корреспондент.

– Я формально мертв с точки зрения моей религии – примерно так же, как и черный монах-затворник, принявший великую схиму, умерший для мира и получивший новое имя. Я – из отпетых гусаров. Я могу погибнуть в любой момент, и для меня не нужно звать православного священника, когда и где бы это ни произошло. Что будет дальше с моим телом, не имеет значения. Между мной и смертью ничего нет, кроме моего временного призрачного существования. Я уже мертв, и потому не могу бояться смерти. В этом смысле я бессмертен.

– Да, да, разумеется, – покивал головой король, похоже, не особенно вникавший в тонкости православных сектантских ритуалов. – А вот у меня еще есть вопрос: вы рассказывали, что ваша армия сражалась в южнорусских степях с большевиками. А какова была в тот момент численность вашей армии?

– В тот момент – около пяти тысяч штыков.

Корреспондент недоумевающе приподнял брови.

– Но почему же вы говорите об армии? Это в лучшем случае дивизия.

– Формально – да. Но нам противостояли большевистские армии полного состава, и мы успешно решали задачи оперативно-стратегического уровня. В этом смысле наше воинское формирование было армией.

Корреспондента мучил еще один вопрос:

– Скажите, а вас действительно называют Белым капеданом? Откуда взялось это имя?

Майор равнодушно пожал плечами:

– Так меня прозвали албанские качаки, когда я командовал отрядом сербской пограничной стражи. Я намертво закрыл мой участок границы, хотя это стоило немалых усилий и большой крови. Меня до сих пор хорошо помнят в горах.

Король приобнял майора за плечи:

– Позвольте, я задам вам еще один вопрос.

– Слушаю, Ваше Величество!

– Вот если бы под вашим командованием, под командованием Белого капедана, было, предположим, пять тысяч ледяных бессмертных солдат, смогли бы вы разбить армию какой-нибудь европейской страны? Не из великих держав, конечно, а скажем, средней, небольшой европейской страны?

Белый капедан не раздумывал ни секунды:

– В этом не может быть ни малейшего сомнения, Ваше Величество, – и, помолчав мгновение, добавил: – И Вам это известно лучше, чем кому бы то ни было.

– Благодарю вас, майор, возвращайтесь к своим обязанностям.

Майор кивнул и, четко повернувшись кругом, пошел к выходу.

Корреспондент едва сдерживался – у него возникло огромное количество разных вопросов, но король совершенно очевидно решил завершить это странное интервью. И Джонс вдогонку Белому капедану задал самый ненужный и бессмысленный в этой ситуации вопрос:

– Майор, но как же тогда получилось...

Майор остановился у двери и посмотрел в его сторону.

– ...как же получилось, что вы все – ледяные солдаты, бессмертные офицеры, героические генералы – все вы оказались разбиты и бежали от большевиков из Крыма? Почему ваша великая Белая армия была рассеяна по Турции и Балканам? Почему она превратилась в великую мертвую армию?

Майор медленно повернулся и заговорил уже по-английски. В словах его прозвучала плохо скрываемая ненависть.

– Нас победили такие же русские солдаты, как и мы, пусть и руководимые большевиками Ленина и Троцкого. И никто другой нас не победил и победить не мог и не может. А вот настоящей помощи от вас, союзников, мы так и не дождались. Вы слишком были заняты подсчетом прибылей и убытков. Да и не нужна вам была наша единая и неделимая Российская империя; вы кидались на отколовшиеся куски нашей земли, тащили их в свою паутину и ждали, когда же Россия развалится окончательно, а в качестве правителей маленькой, обкусанной со всех сторон Москвитии, вас и Ленин с Троцким вполне, похоже, устраивали. Но тут вы просчитались: хоть Ленин и помер, на вас и одного Троцкого хватит, он вам еще покажет мировую революцию, не сомневайтесь. Даже за Ла-Маншем не укроетесь.

И, взяв себя в руки, майор добавил уже совершенно спокойным и даже несколько академическим тоном:

– Кроме того, в тот момент в Крыму у Фрунзе был пятикратный перевес в силах и средствах, а Бог, даже наш русский Бог, любит большие батальоны, особенно зимой, а та зима была настолько лютой, что Сиваш замерз и большевики смогли по льду выйти в тыл

Перекопу. Иначе им и пятикратное превосходство не помогло бы, — и, повернувшись к королю, добавил по-немецки: — Прошу прощения, Ваше Величество, за мою несдержанность.

И, коротко кивнув, вышел.

Король, чрезвычайно довольный произведенным на казавшегося невозмутимым корреспондента впечатлением, похлопал по лежавшей на столе толстой книге:

— Да, да, есть многое, Гораций, в этом мире, что и не снилось нашим мудрецам... Вы приехали из прозаической скучной Европы, а здесь, в Албании, всё не так. Слова старика, по памяти читающего «Канун», в горах важнее написанных в столице законов. Легенды переплетаются с жизнью, а живые люди становятся частью легенд. Здесь многое кажется не тем, что оно на самом деле.

Король оживился и направил палец в корреспондента, словно прицеливаясь:

— А вот признайтесь, мистер Джонс, вы ведь искали моих русских наемников? А? Если честно? Признайтесь — искали? И ведь не нашли никого, верно?

Корреспондент развел руками:

— Помилуйте, Ваше Величество, я, конечно, слышал разного рода легенды и, естественно, проявлял к ним интерес, но...

— Хорошо, хорошо! — король прервал его примиряющим жестом руки. — Не буду просить вас раскрывать тайны творческого процесса. Вместо этого я сам поделюсь своими тайнами. Могу честно сказать, что после неофициального вмешательства великих держав и прямого приказа Врангеля никакие русские добровольцы не могли более оставаться у меня на военной службе. Им нужно было исчезнуть. И чтобы, исчезнув, остаться, им пришлось пережить своего рода метаморфозу. Поэтому вы их и не видели, даже когда смотрели на них в упор. А они повсюду. Кто-то стал королевским пенсионером и сидит сейчас в кафенэ с чашечкой крепкого кофе. А кто-то принял албанское подданство, и вы будете удивлены, если узнаете, кем на самом деле являются многие ваши знакомые. Вот, к примеру, весьма примечательный и уважаемый албанский бей, Кучук-Агай, скакунами которого вы восхищались на скачках, является в своей прошлой жизни русским полковником Улагаем...

Король, интимно понизив голос, продолжал делиться своими тайнами:

— И как вы понимаете, все эти пенсионеры — еще крепкие, в сущности, воины, и если вдруг возникнет необходимость... им нужно только выйти из кафенэ и переодеться. Я, конечно, ежемесячно трачу значительные средства на их содержание, но, как понимаете, они

своих денег стоят. Но мало этого... Я вам открою самую страшную тайну, – король приобнял журналиста и подвел его к окну: – Самые страшные головорезы, самые отборные убийцы, самые элитные ударные части бессмертных русских солдат... – корреспондент затаил дыхание, – ждут моего сигнала в ледяной пещере на горе Томорри! – король показал пальцем на горизонт. – Во-о-он там! Они застыли там под ледяной коркой, но по первому зову они встанут, оживут, скатятся снежной лавиной с горы – и горе тем, кто окажется у них на пути!

Джонсу на долю секунды показалось, что он спит и должен немедленно проснуться. Король, чрезвычайно довольный произведенным впечатлением, скинул маску серьезной таинственности, взхлеб засмеялся и даже хлопнул пару раз ладонью по тому Шекспира, лежавшему на столе.

– Да, да! Так и напишите в вашей статье! Уверен, что ваши читатели обожают балканские легенды. Вы же писали уже о чем-то подобном – герой, вызывающий на поединок мертвеца, слепой всадник на слепом коне... – ну и всё такое. Это тоже достойно эпоса!

Когда корреспондент ушел, оживление и веселье покинули короля, и он долго стоял у окна, непрерывно прикуривая от догоравшей сигареты, и задумчиво смотрел на далекую гору, словно и в самом деле пытался разглядеть – на месте ли еще его ледяные солдаты, спящие в заколдованной пещере.

Санкт-Петербург, 2019

ПЕРСОНАЛИИ

АХМЕТ ЗОГУ – Ахмет Мухтар Бей Зоголлы (1895–1961). Родился в семье феодального землевладельца в албанском регионе Мати, получил образование в Стамбуле, в Галатасарай колледже. В 16 лет вернулся в Албанию и после смерти отца стал правителем области Мати. В годы Первой мировой войны добровольцем воевал на стороне Австро-Венгрии, полковник австрийской армии. В 1919 году вернулся в Албанию, в 26 лет стал министром внутренних дел, в 27 лет – премьер-министром, в тридцать – президентом, в тридцать три – королем. В 1922 году официально изменил турецкое написание своей фамилии Зоголлы на албанское Зогу. По некоторым данным, пережил более полусотни покушений. После оккупации Албании Италией в 1939 году проживал в Англии, Египте и Франции. Скончался во Франции в 1961 году после тяжелой болезни, вызванной, как полагают, тем, что Зогу был заядлым курильщиком.

ФАН НОЛИ – Феофан (Теофан) Стилиан Ноли, при рождении Феофанис Стилиану Мавроматис (1882–1965). Родился в Турции, проживал в Греции, Египте. В 1906 г. переехал в США, в 1907 г. стал первым священником автономной Албанской Православной Церкви в юрисдикции Русской

Православной Церкви, в 1919 г. избран епископом Албанской православной епархии в рамках Североамериканской митрополии РПЦ, в 1923 году стал епископом Албанской автокефальной Православной Церкви в городе Корча, Албания. С 1921 года – депутат албанского парламента, в 1924 году стал премьер-министром Албании. После возвращения Зогу бежал в Италию, пытался создать демократический фронт против диктатуры Зогу. В 1927 году выступил в Москве с речью на Конгрессе «Друзей Советского Союза». Поддерживал связи с СССР, Коминтерном и Коммунистической балканской федерацией. В 1932 г. вернулся в США. Владел 13 иностранными языками, перевел на албанский язык огромное количество классических произведений мировой литературы: Шекспира, Сервантеса, Омара Хайяма, Тютчева, Ибсена, Толстого, Горького. Доктор философии. Скончался в 1965 г. во Флориде.

МАЛЕШОВА СЕЙФУЛА (1900–1971) – политический деятель, активный участник коммунистического движения в Албании; поэт, публицист.

ПАШИЧ НИКОЛА (1845–1926), – политик и дипломат, идеолог «Великой Сербии». Премьер-министр Королевства СХС в 1918, 1920-24, 1924-26 гг.

КРАКОВЕЦКИЙ АРКАДИЙ АНТОНОВИЧ (1884–1937). С 1922 года работал в системе Наркоминдела РСФСР. Был полпредом в Албании. Член РКП (б) с 1922 года. С 1928 года официально работал в ОГПУ, возглавлял особое бюро при секретариате Управления, занимавшееся изготовлением поддельных документов. Арестован в 1937 году по обвинению в шпионаже и участии в террористической диверсионной организации. Расстрелян.

МИКЛАШЕВСКИЙ ИЛЬЯ МИХАЙЛОВИЧ (1877–1961). Родился в Одессе, закончил Императорский Александровский лицей, служил в Кавалергардском полку. Участник Первой мировой войны, полковник, командир дивизиона, награжден многочисленными орденами и Георгиевским оружием. Во время Гражданской войны командовал кавалерийской дивизией. После эвакуации из Крыма – в Галлиполи, затем – в Королевстве СХС, где служил в сербской армии. Позднее переехал во Францию, жил в Ницце. Был членом Союза ревнителей памяти императора Николая II, председателем Объединения Лейб-гвардии Уланского полка.

УЛАГАЙ-КУЧУК КАСПОЛЕТОВИЧ (1892–1953). В 1913 году окончил Елисаветградское кавалерийское училище, участник Первой мировой войны, Гражданской войны. Воевал на Кубани. В эмиграции жил в Болгарии, затем в Сербии. С 1924 по 1939 гг. служил в албанской армии. С 1939 г. – в Югославии. Во время Второй мировой войны командовал Кавказским горским отрядом у генерала Краснова. Глава Мусульманского комитета по освобождению Кавказа. После войны эмигрировал в Чили, работал в Военно-Географическом институте, был атаманом Общеказачьей станицы в Чили.

Александр Вейцман

В РЕ МИНОРЕ

Он вышел из квартиры, где когда-то
смеялись Франц и Грета
над тем, что от Семнадцатой сонаты
остались только лето
и несколько птенцов, что глуховато
пищат про то и это.

Был август. Вдоль дороги, не ведущей
ни к храму, ни к вокзалу,
валялись два кота и пьяный грузчик.
Уже давно светало.
Цыганка рядом, над кофейной гущей
склонившись, не гадала.

Чуть справа, не заботясь о восходе,
могло начаться поле,
но здесь был лишь пустырь, что в эпизоде
с лучом давал лишь волю
тоске, что не видна на небосводе
с нашествием триолей.

Чуть слева, меж бетоном и овалом,
тоннель мог стать туманом,
но был закрыт, и, право, не хватало
слегка обетованной
земли сквозь дымки – той, что проступала
бы за подъемным краном.

Он вышел – и ему могло казаться,
что он во всём виновен,
и что весь день, увиденный им вкратце,
и зыбок, и неровен.
А позади смеялись Грета с Францем,
и где-то был Бетховен.

ФЕВРАЛЬСКАЯ ПОЛНОЧЬ

Камень, с двадцать шестого этажа
летающий вне любой траектории,
попадает в поле зрения ежа,
а дальше совсем простая история
из жизни, не претендующей на взгляд
иной девицы, иного молодца,
из жизни, что никак не закончится,
пока в городе снегопад.

У ежа, казалось, был некогда друг,
не лишенный простого юмора,
но друг его предал, и остался звук
от глухого хохота на сиденьях «убера»,
удаляющихся к полю чудес,
где в прошлом гулял старик Базилио,
а ныне лишь пастораль и идиллия,
а старик, как и звук, постепенно исчез.

Камень летящий застревает, как
принято, меж деревней и городом,
а затем, слегка преображаясь в пустяк,
становится обыкновенным поводом
для того, чтобы и простые словеса
зазвучали женскими рифмами,
пусть без эха, уже ничего не таившими
из попавшегося ежу на глаза.

ИТАЛЬЯНСКАЯ ЗАРИСОВКА

моему сыну

Раскрыв в гостиной жалюзи, увидишь танец кукол,
среди которых папа Карло, снявший скромный угол
на Капри, снова создает из колотых поленьев
страну, не вставшую с коленей.

Заходит солнце, и камин лишен золы и писем,
кошачьим чем-то пахнувших, возможно, чем-то лисьим.
А рядом вьется длинный шарф ценой в единый сольдо,
как будто с шеи Мейерхольда.

Соседка ходит с топором, ища сверчка и крысу.
Из окон – вид на черный вход отеля Парадизо.
Мукою пахнет, что мочой, параболой текущей
над N-ной inferнальной гущей.

Строгай, рубанок! Пой, пила! И стружки – врозь к высотам,
кружитесь над шарманкой всласть и заглушайте ноты,
что превратятся в новый гимн назло жрецам покоя,
чтоб было что петь стоя.

И так получится страна – как сплав гэбни и снега.
И скажет Бог: «Я – Вседержитель, Альфа и Омега».
И будет тьма, и будут сны для каждой божьей твари.
И кто-то не вернется с Капри.

САЛАЗАР 1968

Народ, по слухам, устал, но лидер к рассвету не умер.
Инсультом сраженный, лежит, застряв в продолжительной думе
о том, что неплохо б театрам дать «Фауста» будущим летом,
а сахар изъять из меню как метод борьбы с диабетом.

Народ устал, но привык: как муха, над чашкой летая,
не знает другой мерзлоты, чем Цельсий остывшего чая.
Народ – он мог бы прожить вот так, как живет, и дальше,
не жалуясь детям на дно пока что не выпитой чаши.

А лидер – он мог бы дожить до пули, стремящейся в око;
до яда, что плавится в кофе, когда, прибирая до срока,
в атласном бордовом халате на сцену бы мог Мефистофель
взойти и изречь: «Это был воистину правильный кофе!»

Р. С.

...И этот месяц мог бы стать февральским,
когда десятого,
меняя одиночество на краски
зимы, Ахматова

в надежде, что и в тьму приходят строфы
немногословными
попытками метелью править профиль,
прошла под окнами.

Нью-Йорк

Валерий Скобло

* * *

Знаешь, какой фразой мне хочется завершить
Последний стук сердца в моей груди,
Когда ничего ни поправить, ни сшить:
Самое интересное – впереди.

И не потому, что верю в загробную жизнь –
Это не так... совершенно не так.
Но... ты хоть год во тьме меня продержи,
Ни за что не поверю в посмертный мрак.

Право, нечто, вроде просвета, мелькнет и там,
И в темноте этот проблеск видней.
Я за него всё, что угодно, отдам,
За поворот этот новый... там... за ней.

* * *

Вот что шепчет ночная река
Умершему мотыльку:
«Не торопись... полежи пока,
Ты не влезаешь в строку.

А знаешь, сколько небесных труб
Конец твой могут воспеть!
Твой маленький, неприметный труп,
Твою незаметную смерть.

Для этого надо переложить
Маленький опыт – в большой.
Перетекает малая жизнь
В другую... с большей душой.

Для этого нужно много сил,
Я к устью спешу – не трусь:
Хотя меня никто не просил,
Но я за тобой вернусь.

На океан я гляну мельком,
Приду – ибо я не лгу –

За тобой, маленьким мотыльком,
Лежащим на берегу».

Это река мотыльку поет,
Дорога так далека...
Она отправит его в полет
На крыльях, мертвых пока.

* * *

Крылатою силой Воды и Огня
И Воздуха легкою силой
Тебя заклинаю. Послушай меня...
Земли тяжелой силой бескрылой.

И Лесом шумящим, и Небом над ним,
Растительной силой гремучей.
Послушай... Еще мы тебя охраним
Грозою, и Ливнем, и Тучей.

И Радугой в светлом сиянии дня,
И Звезд среди ночи мерцаньем,
И шелестом Трав... Ты послушай меня:
Поверь мне с моим заклинаньем.

Отсюда прозрачней, ясней и видней,
Что можно заковать Мирозданьем...
Всей краткою силою жизни моей
С любовью ее и страданьем.

* * *

Да, я – часть трудового народа.
Может, даже – не худшая часть.
Это чувство во мне год от года
Укреплялось всегда, не таясь.

Да, я – сын трудового народа.
Ну, не лучший, наверное, из них.
К мыслям этим... подобного рода
Негативный оттенок возник

У властей со времен Хаммурапи
До теперешних всяких властей.
Любят в дурке, на зоне, этапе
Безответных и сырых детей.

Как им пасынок люб одинокий
Вне связующих нитей... корней...
Щедры сыпали длинные сроки –
С ним, таким, управляться верней.

И поэтому мне так понятна
Страсть запачкать всех в общей вине,
Эти белые... черные пятна
В историческом их полотне.

Даже будь я цыган или немец,
А евреем и так был всегда,
Не страдал бы, что я отщепенец...
Муравейник... ватага... орда.

* * *

Не терзаюсь всесилием тьмы,
Неохватностью разумом мрака.
Даже лучшие в мире умы
Отступали... А я-то уж всяко

Этот мнимый и страшный тупик
Не пытаюсь рассматривать в споре.
Что уж мне обсуждать? – Я старик,
Мне откроется истина вскоре.

Но уйду, эту тайну храня.
Не поведать о ней эсэмэской...
Так что вы уж простите меня
По причине достаточно веской.

Отдаляются дом и друзья.
Так должно быть...

в конечном-то счете.

Укрепляется стойкость моя
Лишь в страданиях духа и плоти.

Нет, не верует в силу клинка
 Ненадежный и шаткий мой разум –
 Только в то, что не сломлен пока
 И ничем никому не обязан.

* * *

Господь, сделай меня Твоей армии рядовым,
 Спали этот мир небесным огнем... развей, как дым,
 Но что-нибудь сделай, ибо Твое молчание
 Приводит меня и прочих других в отчаянье.

В этом нет мудрости, смысл особый не заключен...
 Я хочу быть замком, что Ты отпер Своим ключом.
 Запер зренье и слух – Тебе доверяюсь слепо....
 И верую я, потому что это нелепо.

В это начали верить две тысячи лет назад,
 Благими намереньями... дальше что-то про ад,
 Но тут всё зависит от глубины прочтения...
 Мир так переполнен мерзостью запустения.

Подумай те, первые, что это всё на века, –
 Да своими руками распяли бы чудака,
 Что явился и обнадежил алчущих сдуру,
 Забыв про презренную тварную их натуру.

Прав был великий Дарвин: именно что от макак.
 Посмотри на их игры, как мы похожи и как
 Преуспели в развитии самых мерзких качеств...
 Но это – отвлекшись от всяких мелких чудачеств,

Что раз в столетие случается с кем-то из нас,
 Типа того, что он и под пытками не предаст,
 Добровольно взойдя на костер вместо другого...
 Это помимо идеи единого Бога.

Господи, ты ведаешь, насколько я уязвим,
 Отошли в толпу рассуждающих про ихний Крым,
 Соглашусь, среди них распоследнего хуже я...
 Но и там не вложи в мои руки оружия.

* * *

Край света, за которым, не ведаем, тьма ли
Или новый... конечный, как и эта строка.
Собственно, нас и сюда-то не очень звали,
И взашей нас отсюда, надеемся мы, не гонят пока.

Новый свет... со своим небом, концом и краем,
И где всё поднимать придется с начала... с нуля.
Это знание неподъемно... а что мы знаем?
Может, наше явление туда, как прибытие короля,

Обнесшего свое королевство стеною
И сбежавшего, остановив дыхание в груди...
Оставившего гаснущий свет за спиною
И встречающего разгорающийся – там... впереди.

Санкт-Петербург

Игорь Померанцев

Аптекарский сад

* * *

Я знал его неплохо, можно сказать хорошо.
В мою аптеку он заходил часто.
Всегда брал экстракт корней одуванчика
(«печень надо чистить каждый день, как зубы»),
аспирин («от моей любимой мерцательной аритмии!»),
пачку темно-красного боярышника
(«для бодрости»).

Он относился к клиентам,
которых я называл про себя «реакционными романтиками».
Любил вспоминать, как мать в детстве
ставила ему горчичники на пятки,
и тогда-то он понял, что душа и вправду в пятке.
Еще с любовью говорил о кислородных подушках
(«прежде были пузатые цвета хаки, а теперь синие и плоские,
как постельные подушки»),
жалел, что не испытал на себе силу пиявок
и зелья из шпанской мушки,
рододендрона ржавого,
сушеной крови крота и летучей мыши.

После он куда-то исчез, и когда появился, я едва узнал его:
тусклые глаза, серая кожа, лыжная шапка на голове.
Он вяло поздоровался и протянул мне рецепт.
Я взглянул на рецепт и сразу всё понял.
Больше я его не видел.

* * *

Вы находитесь здесь:
в этой точке книги.
На карте легко найти
несколько могил моих близких.
Для этого надо полистать другую книгу –
«Смерть в лучшем смысле этого слова».
Есть на карте и мой маршрут в аптеку,
куда я захожу не реже раза в неделю.

Старость на карте изображена
в образе пригоршни пиллюль:
морщинистая ладонь и разноцветные таблетки
разной формы и величины.
Вон там, на краю, нарисована картинка:
это я в аптеке разговариваю с провизором.
Он знает меня куда лучше,
чем жена и сын.
Практически он знает обо мне всё.
Ну почти всё.
Кое-что я от него скрываю.
Афродизиаки –
порошок из бородавчатого гриба
или экстракт яичек кенгуру –
я покупаю в другой аптеке,
точнее в разных,
чтоб у меня была хоть одна тайна.
С виду карта моей жизни
выглядит как иллюстрация на форзаце
приключенческого романа,
но наполовину свёрнутая.
Там, в свёрнутом рулоне,
есть стрелка, ведущая к зарытому кладу
т. е. к могиле с датами моей жизни и смерти.
Даже мне не под силу развернуть рулон.
Пока.

* * *

В Праге у меня есть любимая аптека –
при монастыре Св. Агнессы.
Рядом течет Влтава.
Ветерок уносит вниз по реке
городской смрад.
В аптечном саду монастыря свое хозяйство:
белладонна, полынь, арника.
Однажды в июне 1712 года
я зашел в аптеку за белой
для гниющего зуба.
Передо мной стоял старик лет сорока.

Он в голос спросил
порошковую серу для окуривания.
Монах принес.
Что-то меня насторожило,
сам не знаю что.
Разве мог я знать,
что через месяц
грянет чума и унесет жизни
тысяч пражан, трех десятков тысяч!
Но старик-то знал, готовился:
иначе зачем пришел к Св. Агнессе за серой?

* * *

Лекарство от птахокардии? Без рецепта?
Но какой птах завелся в вашей грудной клетке?
Голубь? Тогда лечитесь Хлебниковым:
«Он прилетел, осенне-зябкий.
Он у товарищей в опале».
Ворон? Ну, сами знаете.
Лучше по-английски.
Нет, не Эдгара По.
Это уже каменный век фармацевтики.
Одну столовую ложку Теда Хьюза.
Ваш приятель его переводил на русский?
«Ворон, раскорячившись и опустив голову,
роется в приморском мусоре
в поисках недоеденного мороженого»*.
Приятель умер? Ему не помогло?
Но у вас другая околосердечная сумка.
И, пожалуйста, осторожней с аортой.
Один из ваших отошел в вечность
от ее разрыва.
Подозреваете, что стервятник?
Тогда Шевченко:
«А на спину
Стерв'ятник сів і хижим дзьобом
Довбе в потилицю щосили...»
Да, вы знаете побочный эффект лечения?
Утрата голоса.

Куда же вы? Еще зайдете?
 Съек-съек-съек!
 Цы-цы-цы-сссы!
 Пьяк, пьяк, пьяк!
 Ку-ку! Ку-ку!
 Прынь!

* Crow spraddled head-down in the beach-garbage, / guzzling a dropped ice-cream. (*Ted Hughes*. Crow and the Birds. Русский перевод А. Парщикова)

* * *

Повезло!
 В антикварной лавке купил уринометр.
 Настоящий, старинный:
 реторту из чистейшего стекла
 с узким горлом.
 Вспомнил, как бабушка
 собирала мою мочу натошак,
 взбалтывала, ждала,
 когда урина уляжется, и долго рассматривала,
 причмокивая, на просвет.
 – Хороша! А цвет – аккурат пшеничная солома.
 А букет – чик-в-чик цветики степные!
 Вот что значит микояновский паёк!
 Как бы обрадовалась бабушка покупке.
 Жаль, Богу душу отдала. Или черту?

* * *

«Аптекарь! Эй, аптекарь!» – кричит Ромео
 и просит яду на пятьдесят дукатов.
 Аптекарь у Шекспира – бедняк из бедняков.
 Но это вздор! Аптекарей страшились, хотя и почитали.
 Их выбирали в муниципальные советы,
 процентщики охотно ссужали их деньгами.
 Если город захватывали оккупанты,
 то аптекари представлялись от имени землячества,
 и часто от них зависела судьба заложников.
 Кем был Ромео? Курьером эликсира смерти?
 Заложником любви?

Аптекарь! Ты получил бы «Оскара»
за роль второго плана.
Но! Одумайся и вышвырни щенка!
Клянусь Асклепием,
за мной не заржавеет!

* * *

Старая проститутка (diobolaris)
собирает травы для травника.
Больше она ни на что не годится.
Травник заплатит ей один медный асс.
Она собирает и бормочет названия трав
на языке, который очень скоро –
спустя четыре-пять столетий –
испустит дух:
belladonna, artemisia, arnica.
Она не знает, что вносит посильный вклад
в развитие фармакологии.
В это же время в Риме
аптекарь Гален лечит раны гладиаторов.
Он экспериментирует над ними,
как над морскими свинками или белыми мышами.
Да, старая проститутка, Гален
и окровавленные гладиаторы
стоят у истоков
современной фитотерапии
да и всей фармацевтики,
стоят, как бронзовые памятники
эпохе разложения
рабовладельческого строя.

* * *

Незадолго до ухода
она начала путать таблетки,
забывать какую, когда,
и я купил семь коробочек
на каждый день недели,
и на каждой написал название дня:
читать она не разучилась.
Надо сказать, помогло –

в краткосрочном плане.
Да, в краткосрочном.
А коробочки я сохранил:
ПОНЕДЕЛЬНИК, ВТОРНИК и т. д.

* * *

Не знаю, можно ли назвать его аптекарем,
но фабрика по производству лекарств
в пригороде Буэнос-Айреса у него была.
Во время войны особую слабость он питал к близнецам:
сшивал их и расшивал, отрезал пальцы на руках и ногах,
карие глаза менял на голубые нордические.
Справедливости ради надо сказать,
что карликами и монголоидами он тоже не пренебрегал.
Но лично меня больше всего волнует
его интерес к близнецам.
Да, у меня это личное, можно сказать семейное.
Справедливости ради надо сказать,
что в Магаданской области
тоже проводили подобные эксперименты,
правда, на взрослых.
Но снова-таки: ну какой он аптекарь?
Так, уже после войны производил лекарства
в пригороде Буэнос-Айреса:
помогал кому-то, спасал, облегчал.

* * *

После тяжелой и продолжительной
выкарабкался.
Что помогло? Лыжная шапка?
Я ее и в жару не снимал.
Св. Агнесса?
Но она католичка.
Зелье из шпанской мушки?
Зашел в свою аптеку.
Спросил молоденькую аптекаршу,
когда будет господин провизор.
С кем мне еще поговорить
о сушеной крови крота и летучей мыши?
Она отвела глаза и сказала:
— Вы больше его не увидите.

Прага

Валерий Черешня

* * *

Все стихи рождены влюбленьем,
не любовью,
заблуждением, блужданьем, теченьем,
пустословьем,

легкой вязью теней от ветки
закопной
на стене твоей комнатной клетки
в час бессонный,

гулким паводком памяти взбухшей,
вкось несущим
сор событий бывшего протухший
вместе с сущим.

Как случилось двух сред столкновение,
преломление
темной тяжести дня – в просветление,
в пенье?

Эта улица, сгрудив дома,
вдруг очнулась,
это облако бликом ума
лба коснулось,

это патокой света залив
гладь залива
луч под тучей блеснул, озарив
выгиб ивы,

это фокусник-ум лёгким взмахом
сделал близким
всё, что брату ослу нашептал и наахал
брат Ассизский.

* * *

Живешь, живешь, и обжигаешься
вдруг ужасом, что не живешь,
а потихоньку умираешься
и полегоньку исчезаешься, —
не человек уже, а дрожь.

Выходишь в парк и утешаешься,
что вроде бы еще живешь,
пока глазами упираешься
и уткой с лёту погружаешься
в пруда сверкающую брошь.

Пока наощупь разбираешься
между «живешь» и «не живешь»,
скукоживаешься, смеркаешься,
закатным отсветом теряешься,
дня позолоченного грош.

СВЕТ

Памяти А. Рихтера

Эта голая графика:
светотени наброшенный плед,
на столе фотография
человека, которого нет.

Свет полощется, плачется,
бликов льет дребедень,
утыкается в рамочку,
превращается в тень.

Тонким лучиком трогает
книги, вещи, пальто,
всё на подлинность пробует,
всё — не то.

И уходит из комнаты,
на прощанье, в углу,
узкой красною кромкою
резанув по столу.

А в ночном ее опыте
непонятней всего,
как ей быть, этой комнате,
как ей быть без него.

ОДЕССА, БУЛЬВАР, 60-е

Весной по паре каждой твари
витают в пухлых облаках,
цветут каштаны на бульваре
и осыпают сладкий прах,
в окне – страданье Страдивари
у Яши Хейфеца в руках.

Скамейки вытерты до лоска.
Отрада местным острякам –
незагорелая полоска
мелькает у сидящих дам,
и сразу – сотрясение мозга
гуляющим холостякам.

Какой-то яд кишенья жизни
подмешан в воздуха отвар,
весенний парикмахер спрыснет
пульверизатором бульвар:
вдохнешь поглубже – сердце стиснет
и в голове веселый жар.

У знаменитейшего спуска
(коляска катит малыша),
застыв во мне, цепочкой узкой
проходят люди не спеша,
их, словно вымерших этрусков,
лишь словом можно воскрешать.

И вот, ты слышишь дрожь мотора
кабинки на шестнадцать мест,
и плавный ход фуникулера,
когда он трос змеинный ест,
и голос лиственного хора,
раскинувшегося окрест.

И вот, ты бродишь деловито
от Пушкина до Ришелье
аллеей, тенью перевитой
каштанов в свадебном белье,
пока над морем Афродита
рядится в звездное кольцо.

А ночь накроет черной крышкой
деревья с выкриком ветвей,
прожектора косые вспышки...
В той скороварке детских дней
душа перекипит с излишком,
чтобы на жизнь хватило ей.

ЧЕРНО-БЕЛАЯ ФОТОГРАФИЯ

Личинки света отложил
мгновенья светозарный рой,
и ветер кроны превратил
в танцовщиц с солнечной искрой.

Брусчатки кукурузный срез
уводит вдаль зернистый хлам,
и тень от дома, как порез,
грудь улиц режет пополам.

Вот человек бежит в бистро
в плаще, застывшем на весу,
ему на плечи так пестро
свет сыплет перхоть сквозь листву.

Какое счастье этот день,
он так заладился с утра:
от крыш немного набекрень
до черно-белого нутра.

И вспоминается седой
Париж в прозрачном неглиже,
умытый светом, как водой,
на фотографиях Атже.

ОТТИСК

Две дамы переходят мостик,
два чемодана резво катят,
их отраженья нежно мокнут
в полупрозрачных платьях,

их речь дробится в переулках,
осколки – колки.
Венецианские прогулки,
пустые толки.

Венецианское плутанье,
куда ни ткнишь – уткнешься в воду,
в ее зеленое дыханье,
в ее свободу,

в ее податливое лоно,
изрезанное дном гондолы,
качающее блики сонно
у стен скуолы.

На что ленивый день потрачен?
На ветерка седую прядку,
на взгляды гондольера-мачо
в десятку.

Вот он, легко играя тростью
весла, проскальзывает мостик,
чью арку переходят дамы...

В твоем зрачке застынет оттиск
в венецианской раме.

* * *

В холодный, ветреный, весенний день
вода Фонтанки пахнет смертью,
тленом,
на катышках волны колышет тень
моста и обрастает шерстью –
пенной.

Водоворотов гнущее литьё
и чаек обнаглевших свора
с ором
летит в закатное кровавое питьё
над Троицким собором –
хором.

Взгляд упирается в гранит береговой,
шалея от его изгиба,
либо
ты сам становишься играющей водой,
с причудами прилива
и отлива.

И всё надеешься, что в этом жизнесе
подарят страсть слепую,
строчку,
с которыми не страшно будет мне
донашивать земную
оболочку.

Санкт-Петербург

Полина Барскова

СРОК

Марья-искусница лет сорока
Смотрит как вьется пылает строка
Ядом исходит себя пожирая
Адские переживая срока –
Адские сроки, сезоны, вершки.
Если б Артюр не отринул стишки
Может быть так и кривлялся б по свету,
Гостя надеясь для сладкой кишки,
Если б стишки не сбежали Рембо,
Может быть черной гангрены бобо
Не отхватило бы не охватило –
Как-нибудь справились бы, ничего:
Ах, половина земного пути
Как половчее тебя перейти
Словно огромную бурю лужу
Там где трамвайные делятся пути
Возле детсада – бензина полна
Как же сверкала манила она
Как завораживала отражала
Как на волну набегала волна
Смрада и знания.
О «мастерство» – как пародируешь ты «естество» –
Если бы молодость знала про это,
С дряхлостью шибче вступала б в родство:
Вот и приехали – сорок теперь
мне: обладая палитрой потерь,
Что пожелаешь тебе нарисую,
Лишь моему неумению поверь!
Верь, что теперь мне гораздо страшней
спать в темноте под охраной шершней –
неугасаемых воспоминаний –
Неисцелимых графитных стержней.
Ап! И уже шевелятся во мне,
Скалятся милые лица в огне
Щас понадежней тебя зарифмую
Ты понадежней послужишь мене:

Нет ничего, что бы я не смогла
В области той, где комочками мгла
Рвется залезть под мое одеяло
Тянется тенью бежит от угла
Только того не могу одного
Что уж конечно желанней всего:
Жить не любуясь в заветное слово –
Мертвое не изводя H_2O
На воскрешение, Боже, чего?
На повторение, Боже, чего?
Снова и снова: слова и слова
Только лишь ими жила и жива
Только лишь имя
Губами пустыми
полными пепла
Совсем вне тепла
Глажу упорным своим языком
Словно как в детстве
Тот мартовский ком
Рыхлый уже обреченного снега –
Скоро растает и встанет цветком.

К БОЛЕЗНИ

Нонне

Дай тебе почитаю записки Блока,
Чтоб смеясь заблела «плехоплехо!»,
Чтоб, как в юности быстро, сгорели стекла
По-над Карповкой,
Чтобы насела блекло
Ночь, чтоб клетот его –
(на какой странице?)
Где жидки, Вымаменька, акробатки?
Где выводят смертные колесницы
Загравители будущего?
Тымой сладкий! –
Разложения запах – ему лишь внятен,
Потому что чуток, а также
Жуток:
Воспитатель зол
Наблюдатель пятен
Выводитель шуток:

Ходит бродит бедный как мышь по норке
Всадник бледный скорбит о корке
О чернилами мазаной черной дырке,
Сквозь которую видит иную эру,
Обоняет, вящий, иную серу
Словно Дива спешащая на премьеру:
Первым он почувал
И первым замер:
Так в больничке очередь первый номер!
У него зажат был в изящной
лапке,
Безупречной, шептали актрисы, лепки:
в Лупанарий! хрипел он, пока не помер:
К Пряжке / Карповке,
к Пятилетке / Летке.

СЕМЬЯ БЕГСТВО В ЕГИПЕТ

Т. П.

О как они ненавидят друг друга в этой пустыне
Как неизбывно и безнадежно
Как тяготятся привычками:
Мария дергает носом как кроль
Розовым вечно предпростуженным –
Как жемчужина
Речная дешевая
Иосиф откашливается в конце предложений
Как будто смеётся
Но поверьте нам он не смеётся
Не до смеха ему
С тех пор как явилась весть
И стало понятно
Что как многоголовое чудовище они связаны:
Затхлыми яслями
Болтовней волхвов
Тяжестью блестящую
Дешевизной их ненужных даров
Ее провалинкой рта
Морщинистым лицом, пытающимся отвернуться от креста
Смотреть куда угодно

Да хоть вдаль
В пустыню
Темный холодный песок:
В семье это счастье – не быть собой
Не знать себя
Следовать за другим
Утешаться малыми приступами брезгливости раздражения
Мечтой о бегстве
Ирод зияет вдали как тяжелое грязное облако
Или как злодей в фильме Сергея Иосифовича Параджанова
(угадывается автопортретное сходство)
Ослик уныло трюхает
Глаза его желты губы напряжены
Мария хныкает тихо тоненько
Притворяется?
Иосиф оглядывается
Нежеланная жалость к жене и чужому ребенку пронзает его
Звезда вот-вот вылупится
Наглая благоуханная
Как первый весенний цветок.

РЕЧЕВКА

Как холодный июнь в пионерском лагере:
Вся палата ночью писается от дождя
Утром простыни вывешивают на всеобщий позор
(а вы говорите Ротко), за памяtnичком вождя,
Перед кустом сирени, который сам себе царь.
С каждой гроздьёю, закушенной, занесенной,
Как ночная мечта –
о злом пионервожатом,
Все три смены на тебя не взглянувшем,
Как письмо родителям отчаянно неотправленное,
Затерянное почтой духов,
...заблудившееся в совершенно законченном минувшем.
Когда я рассказываю об этом дочери,
Становится ясно, что непереводаимо ничто:
Ни златокудрий младенец Ульянов,
Ни слова «столовка», «речевка», –
Время, прошедшее, через иронии решето
Доходит до новых холодным светом: неточно, нечетко.

Вот именно: викторианские фотографии духов, –
Шарлатанство, а может, напротив, нагая весть,
навроде письма родителям:
«Заберите ж меня отсюда!»
Призрак ежится на дагерротипе, как набухшая небом гроздь,
Не признание, но не отрицание чуда.

2019

Геннадий Кацов

Метробусы. Стансы к городскому трансу*

МЕТРО. «ОКЕЙ!»

В вагоне сабвея напротив меня сидел человек лет семидесяти. Из престарелых хиппи, которых в Америке все еще пруд пруди.

Типичный представитель «flower power» – «власти цветов»: растрепанный, поседевший хайер; шузы, немало впитавшие от добра и зла; джинсы, ровесники своему хозяину; и «психоделическая» рубашка кричащих тонов, чтобы, на случай чего, можно было прятаться в буйных тропиках среди разноцветных попугаев.

На рубашку была надета темная вельветовая куртка: шел гнусный декабрьский дождь, а поскольку зонтик иметь не обязательно, то вода стекала с куртки прямоком на пол вагона.

Такой себе чувак, чудик, чудесник, «дитя цветов» из хрестоматийного слогана «мир, дружба, жвачка».

Он и жевал увлеченно бутерброд от сети закусовых Subway, и ничего вокруг его не интересовало. Разве что на каждое объявление по вагону о следующей станции чувак громко отвечал «окей!».

Остановки на маршруте, как вы знаете, заранее записаны актерским голосом. В нашем случае текст наговорила актриса. К примеру, женский голос произносил: «Следующая остановка – Кингс Хайвей».

Хипарь поддерживал своим «окей». Без эмоций, но убедительно.

Поезд подходил к станции «Кингс Хайвей». Двери открывались, выходили пассажиры.

Голос по селектору объявлял: «Следующая остановка – Авеню М». Хиппи, забив рот бутербродом, хрипло выплевывал «окей», и продолжал добывать сэндвич дальше.

Удивляла скоординированность их действий: женский голос предупреждал о следующей станции – звучало «окей» – после чего машинист поезда отпускал тормоз и смело двигался вперед.

Складывалось впечатление, что если что-то в этой цепочке не

* Журнальный вариант.

сработает, поезд дальше не пойдет. Причем и голосу, и машинисту следовало, видимо, всякий раз свои слово и дело согласовывать с уплетающим бутерброд.

Хиппи в абсолютном пофигизме проводил досуг от одной станции к другой, но на голос отзывался так, будто от быстроты его реакции зависела длина вечернего косяка.

А теперь представьте всю степень моего ужаса, когда я увидел, что за две станции до той, на которой мне надо было выходить, сосед напротив засобирился сваливать и решительно всё для этого предпринимал. Он положил остаток бутерброда на пустующее рядом сидение, вытер пальцы о джинсы, высморкался на пол вагона, и когда двери открылись, выбрался на платформу, не оставив мне никаких инструкций.

В вагоне, кроме меня, в противоположном углу сидела, уткнувшись в айфон, молодая китайка; неподалеку от нее – обдолбленный рэпом, вооруженный дорогими наушниками Beats афроамериканец.

Похоже, порядок остановок на маршруте им был до лампочки.

И когда приятный женский голос объявил название следующей станции, я сообразил – а что еще оставалось делать? – срочно ответить «окей», стараясь подражать хриплому голосу покинувшего пост хипаря.

Вы не представляете: трюк сработал. Машинист, сделав паузу и, видимо, убедившись в правильности моих голосовых обертонов, закрыл двери вагона, отпустил тормоз и нажал на газ.

На следующей остановке женский голос объявил станцию, на которой мне предстояло выходить, – и опять все прошло без нерво-трепки: я согласовал название хриплым «окей», машинист исполнил свою часть общего дела, и мы благополучно добрались до нужной мне станции.

Пребывая в эйфории, что так всё гладко получилось, я покинул вагон.

И как только оказался на платформе, меня охватила паника. И до сих пор не покидает.

Как они там, в кабине, без меня? Кто подхватит эстафету и будет вести ребят от станции к станции? Сможет ли он так же безупречно похрипывать, произнося «окей», чтобы составу не выбиться из графика?

Все-таки это огромная ответственность, и я не уверен, всякий ли способен заменить нас с хиппи на этом посту.

Я заменить хиппи смог.

АВТОБУС. ЛЮБОВНИКИ

Поначалу ничего не предвещало скандала, тем более – кровавой драки.

Мало ли кто и с какими целями заходит в маршрутный автобус. Кто спрашивает.

Эти двое – один крупный, грузный, другой поменьше и посуше – вели себя в рамках приличий, сперва ничем не выделяясь среди остальных пассажиров.

Они оплатили свой проезд и уселись на передние пластмассовые кресла.

Тихо и никого не задевая.

Надо сказать, что в автобусах городского маршрута пассажиры ведут себя иначе, нежели в сабвее. В подземных вагонах, где до машиниста-оператора не добраться, могут и бомжи прекрасно прожить сутками, и хулиганы в любое время дня и ночи нападать на попутчиков. Может и случайная психопатка беспричинно закатить истерику, а нестерпимо громкие школьники готовы парами-тройками метаться по проходу, сбивая по пути всё, что попадется перед ними и вокруг.

Если проанализировать проезд по типам общественного транспорта, то у пассажиров автобуса сдерживающих факторов больше, чем у их коллег из сабвея.

В автобус заходят только с передней двери; водитель при этом осуществляет что-то вроде face control – наружного досмотра. Однажды я видел, как дверь закрылась перед спитым или передозированным молодым человеком, которого так ломало и трясло, что он был не в состоянии встать на ступеньку.

А в сабвей он бы худо-бедно попал и, возможно, пребывал бы там до глубоких своих седи.

Не располагает компактный салон автобуса к нарушению правил общественного поведения. Бывали случаи, когда я наблюдал тихо помешанных пассажиров. Не без того. Они никому не причиняли зла, лишь периодически командуя на воображаемом поле битвы: взмахивали руками, негромко отдавали приказы адъютантам и уверенно тыкали пальцами в сторону вражеской кавалерии.

Попутчиков не трогали, выходили на нужной остановке, и все о них тут же забывали.

Эти двое заняли сразу три пустовавших строенных кресла – в переднем отсеке городских нью-йоркских автобусов вдоль прохода, по обе от него стороны, сиаемскими тройками стоят строенные кресла, непосредственно за кабиной водителя и напротив.

Пара мужчин лет сорока-сорока пяти расположилась напротив

водительской кабины. Тот, что похудей, помоложе и поспортивней, был и одет построжее (черные узкие джинсы, черные остроносые, на высоких каблуках туфли с оловянными застежками, темно-коричневая ковбойка и – в тон – черная кожаная мотоциклетная куртка на молниях).

К бледному лицу прилагались закрученные по краям, аспидного цвета усы. Они шли в комплекте с такими же крашеными прямыми волосами, спадающими до плеч.

Серьга в правом ухе, пирсинг на верхней губе и в обеих ноздрях.

Наколки с картинками, узорами и надписями латиницей на шее, запястье, тыльной стороне ладони намекали на то, что таких тату по всему телу может быть сколько угодно.

Второй был полным, рыхлым, с крупными залысинами. Круглый анфас оливково-желтого оттенка, пивной бездонный живот, плотные ноги и крупные руки учтивого продавца из мясного отдела гастронома.

Одежда на нем служила наглядным примером того, что эклектика – это, прежде всего, эстетика, если к ней со знанием дела подойти эстету: семи цветов радуги рубаша с короткими рукавами не по сезону, распахнутый желтый пуховик, бутылочного цвета джинсы и низкие красные сапоги на каблуках. Ансамбль значимо дополнял шелковый гофрированный шарф в разноцветный горошек.

Мелкий взял в свою руку лапу рыхлого.

Рыхлый обнял мелкого сверху за плечи. И они вzasос поцеловались. От наслаждения живот рыхлого задрожал и вошел в ритм известного турецкого танца, а усы мелкого встали дыбом.

Это был классический французский поцелуй глубокого языкового бурения: языки мужчин сплетались, умело скользили по краям губ, цокали от нахлынувшей необоримой страсти.

Они хотели испить, как писали бы романтики, один другого до дна.

По крайней мере, до нижнего белья.

И ниже нижнего белья, поскольку воля хозяйская, никто не помешает.

Пассажиры вокруг с едва скрываемой злобой начали усиленно смотреть в окна. В воздухе не повисла, а повесилась, казалось, тишина, как перед психическим срывом кого-либо из присутствующих; при этом те, кто всегда увлечен собственными мобильниками, сейчас с какой-то особой преданностью пялились в них, не отрывая глаз.

Уже через минуту нельзя было понять, сидели мужчины или лежали на трех креслах. Если раньше я писал о тихо помешанных в автобусах, то эти оказались буйными. Их ноги, руки, затылки, уши, губы, шеи, торсы, бедра срослись в единый – не ком даже, а некий акт-процесс

удовлетворения желаний. Они сопели, чмокали, перешептывались, активно потели, бурно ласкали друг друга и похотливо целовались.

Весь мой опыт пребывания в московском андерграунде в 1980-х, а затем – пятнадцатилетний – проживания в центре Манхэттена и походов по самым вызывающе модным клубам, подготовил меня ко всяким неожиданностям. Меня вряд ли можно удивить экстравагантной одеждой, отсутствием общепринятых манер или половым высокохудожественным актом – публичным, постановочным и беспощадным.

Но маргинальное поведение всё еще раздражает. Рабочий, что называется, полдень, в автобусе – старики, женщины и дети: в таком порядке обычно говорят о жертвах геноцида, репрессий или терактов, но они и стали жертвами в городском автобусе.

Ведь до следующей остановки из него не выйти, в отличие от сабвея, где вы можете перейти в любое время в соседний вагон. Они и были жертвами насилия, ведь насилие – не обязательно надругательство над телом. Быть соучастником сцены, которую вы не хотите наблюдать и слушать, однако вынуждены стать ее невольным свидетелем, – это насилие над вашими чувствами и желаниями. Есть не только sex abuse, но и, что общеизвестно, smell abuse, visual abuse, emotional abuse и прочее.

Другое дело, что в наше политкорректное время, когда только Верховный суд США оказался в состоянии защитить религиозного, верующего в своего христианского Бога, кондитера, который отказал в изготовлении свадебного торта паре молодоженов-гомосексуалистов, мало кто захочет влезать в историю с парой сексуально озабоченных в автобусе мужчин, делая им замечание.

Тем более в Нью-Йорке, где уже не наказывают тех, кто опорожняет мочевой пузырь в общественных местах. Мол, делай что и как хочешь, пока твои действия не считаются уголовными.

Одна из мам, сидевших неподалеку от увлеченной пары, развернула маленького мальчика лицом к окну и, облокотившись на спинку переднего сидения, села так, чтобы полностью перекрыть своей фигурой боковой обзор сыну.

Как-то в манхэттенском кафе «Энивей», в котором в середине 1990-х я был одним из совладельцев, выступал художник-акционист и перформансист Александр Бренер. Тот самый, который в те же примерно годы вышел на Лобное место перед Кремлем, надев боксерские перчатки и выкрикивая: «Ельцин, выходи!»

Бренер читал с листа эротический текст. При этом расстегнув ширинку и засунув сверху руку в штаны, показывал оттуда кончик большого пальца. Палец – вполне крупного, кстати, размера – то высовывался из ширинки, то обратно в нее залезал.

Эстетический посыл этой акции был понятен.

Какую вместо пальца хотел бы акционист показывать часть тела, тоже не казалось присутствующим загадкой. Было ясно, что Бренер провоцировал зал, пытаясь его шокировать, завести, вывести из себя.

На то он и акционист, чтобы подстрекать публику на любого рода реакции. Ради этого публика и пришла. Билеты покупала, инвестировала самое дорогое, что у нее есть, – время, в просмотр перформанса, после которого кто-то будет плевать, а кого-то будет трясти от восторга.

В автобусе же, как настаивала в свое время супер-группа «Queen», the show must go on – и хоть умри!

Автобус отошел от остановки на перекрестке двух авеню – Coney Island и U. Партнеры по здоровому сексу уже расстегнули брюки и самозабвенно возбуждались, поглаживая, не при детях будь сказано, гениталии. Нетрудно было предположить, чем закончатся их ласки к ближайшей остановке – авеню Т.

Внезапно, едва отъехав от авеню U, автобус остановился. Как раз напротив турецкого ресторана с остроумным и запоминающимся названием east@bull, что при внимательном прочтении означало «Истамбул». Похоже, местные турки решили поразить бруклинцев своим креативным мышлением.

Дверь кабины водителя резко распахнулась. Из нее выскочил разъяренный латиноамериканского типа крепкий мужик с обезумевшим взглядом и покрасневшим от негодования лицом. Он что-то выкрикивал, но поначалу слов было не разобрать.

Он сделал несколько шагов по направлению к рыхлому и с силой заехал кулаком ему по носу. Тут же, развернувшись, одним ударом снес мелкого с кресла, и тот улетел, визжа, в проход.

Водитель бил рыхлого двумя руками с такой скоростью, что тот не успевал защищаться. У него не было никакой возможности подняться с сидения под градом ударов, то есть он пробовал встать, неповоротливо и что-то извиняющимся тоном проговаривая, но нападавший ударами отправлял его обратно, в уют пластмассового кресла.

Из носа рыхлого фонтаном била кровь. Скорей всего, водитель сломал ему перегородку.

Кровь брызнула на желтый пуховик и рубашку, пестрый шарф мгновенно набух алым соком, а рыхлый продолжал получать удары в челюсть, в нос, в лоб, в горло. Создавалось впечатление, что слетевший с катушек водитель его на наших глазах убьет. Сейчас, на этом месте, далеко не отходя от своей водительской кабины.

И здесь я услышал не только о его намерениях, но и о причине столь дикой вспышки гнева.

Водитель прокричал: «Я убью тебя!»

И добавил, поначалу необъяснимо для посторонних, мужское имя – то ли Рамон, то ли Рауль.

Сходу было не разобрать.

Он назвал рыхлого по имени.

Уже несколько пассажиров бросились к водителю, пытаясь оттащить его от свесившего голову на грудь полуживого Рауля или Рамона, а водитель продолжал, сопротивляясь и рыдая, у него текли по щекам слезы, вопить: «Я убью тебя, Рамон! Я убью тебя, Рамон! Я убью тебя, Рамон!»

Всё еще было не понять, Рамон или Рауль, но суть происходящего быстро прояснялась, как буквы, нанесенные на бумагу синтетическими чернилами. Водитель и Рамон-Рауль не только знали друг друга – они-то и были любовниками. А сцену в автобусе заговорщики разыграли между собой, чтобы по какому-то поводу досадить водителю и вызвать чувство ревности.

Подождали автобус на маршруте, сели напротив главного зрителя.

Дальше всё пошло как по маслу.

Задумали поставить спектакль, но, похоже, переиграли. То ли перестарались, то ли действительно увлеклись, будучи мужчинами южными, горячими, страстными.

При таком остром чувстве ревности оставалось только удивляться, как водитель не разнес на куски весь автобус со всеми его пассажирами.

Я мог ошибаться, и едва прояснившийся сюжет мог бы стать исключительно продуктом моей фантазии. Однако мелкий, пробежав по проходу, бросился на безумного водителя с кулаками, выкрикивая: «Ты его убил! Ты убил его, подонок! Он любит тебя, а ты его убил! Идиот!»

Моя догадка подтвердилась.

Потом, когда медики выносили из автобуса Рамона-Рауля, и рука его театрально свесилась с носилок, а полицейские выводили из автобуса в наручниках водителя и мелкого усача, всё еще нервно размахивавшего над верхней губой кровавую юшку, один из полицейских заметил другому: «Дебилы! Не выношу латиноамериканских сериалов».

Замечание неполиткорректное, варварское, но верное.

Латиноамериканские сериалы изобретают по таким жизненным сценариям, от которых в реальности становится тошно. Я их не смотрю, но такое ощущение могу предсказать.

Хотя возможен и другой вариант: жизнь реализует такие латиноамериканские сериалы, от которых – только жуть и тоска. Причем

они могут настигнуть вас одновременно в одном, отдельно взятом североамериканском маршрутном городском автобусе.

Который с утра до ночи мирно колесит по дорогам Бруклина.

МЕТРО. ТЕРАКТ

«О, боже! Я не хочу умирать! Я не хочу умирать!!!»

Средних лет афроамериканка истошно вопила: *O, my god! I don't wanna die, I don't wanna die!* – и если бы не она, вряд ли в вагоне обратили внимание на этот неприметный пакет.

В том месте, где он обнаружился, сидела – до выхода на предыдущей остановке сабвея, – мусульманка в никабе. Черная с головы до пят молчаливая фигура с парой выглядывавших сквозь прорези глаз.

Рядом с мусульманкой стояла коляска, в которой спал ребенок, сразу вспомнилось мне, и вышла она минуту назад из вагона, толкая коляску перед собой.

Дверь за ней закрылась, поезд плавно отошел от станции, после чего почти сразу заорала на фальцете афроамериканка, сидевшая напротив того места, которое покинула женщина в никабе.

На опустевшем сидении остался непрозрачный пластиковый пакет. В нем что-то находилось, выпирая углами наружу.

Я уверен, паника бы не возникла, не начни женщина безумно визжать, указывая в ужасе рукой в сторону пакета.

Да, само собой, *see something – say something*, как уже много лет нас, пассажиров и пешеходов, предупреждают повсюду городские плакаты и спецслужбы, – но не биться же в истерике с выпученными от страха глазами, когда этот самый «самсинг» вдруг перед тобой возник.

А если это не террористический «самсинг», а мирный?

Без взрывчатки, в чем я был почти уверен.

Правда, мелькнуло далекое воспоминание, заученная текстовка для экзамена по гражданской обороне: при взрыве одного килограмма тротила происходит разрыв внутренних органов и возможен смертельный исход, если вы находитесь на расстоянии от 1 до 3,5 метров. А если вам повезло оказаться на расстоянии до 15 метров от места взрыва – гарантированы травмы и контузия.

Конечно, там ни слова не было сказано о том, как разрывает взрывной волной борта вагона, как скоро могут задымиться загоревшиеся обшивка и изоляционные материалы. Как, в конце концов, выбраться из него, вставшего во время перегона, полыхающего и с выдуваемыми в мрачный туннель клубами дыма?

Естественно, как тем выбраться, кому повезет после взрыва уцелеть.

Такая чертовщина полезла в голову в считанные мгновения,

поскольку пассажиры бросились от пакета врассыпную, оказавшись по оба конца вагона. Мозг отказывался воспринимать все происходящее всерьез, но инстинкт самосохранения подсказывал, что лучше держаться от опасного пакета подальше.

И сделать это, по возможности, стремительней и центробежней.

В левом конце вагона дверь оказалась незапертой, и человек пятнадцать пытались одновременно протиснуться в узкий дверной проем. Давка, крики, невыносимые последние аккорды борьбы за жизнь.

Сильные отталкивали слабых. Кто-то пытался успокоить страсти, но его не слышали.

Пакет продолжал угрожать с пустого сидения.

Я с моим счастьем оказался в противоположном конце вагона. Дверь в соседний вагон была заперта.

Нас, похоже, обреченных, если рассматривать обстановку как боевую, столпилось тоже около пятнадцати человек. И до пакета – тут уже начинаешь верить в нумерологию и гематрию – было не больше пятнадцати метров.

То есть на части не разорвет, но контузит и покалечит прилично.

Чушь какая-то. В обычный – в подземке. Умереть от теракта?!

Весь этот бред усугублялся еще и тем, что психопатка, заметившая пакет первой, оказалась именно в нашей команде смертников, и тряслась в рыданиях, поминая бога и дьявола с частотой проклятий в ее адрес со стороны окружающих.

С одной стороны, чокнутую просили заткнуться, но с другой – кое-кто уже звонил по мобильнику в попытке связаться с родными для последнего «love you!» перед уходом на тот свет.

Дверь не открывалась. Связь не работала.

Всё это лишь усиливало панику.

Бежать было некуда. Я зажмурил глаза, поддавшись общему настроению – слаб человек, – и приготовился к худшему.

В это время в пакете сухо щелкнуло – и раздался оглушающий, разрывающий барабанные перепонки грохот.

Взрывная волна выгнула и вырвала вертикальные хромированные поручни, которые мгновенно вышибли стекла, или сама взрывная волна стекла и вышибла, отрывая по пути кресла и выворачивая наизнанку пол листом мебиуса. А за всем этим из чернильной клубящейся глубины вырвались языки пламени.

Удушающий дым сгустался, заполняя преисподнюю и выдавливая вместе с собой воздух в раскоряченные двери и в полые оконные проемы.

Воздуха категорически не хватало.

Свет потух. Запахло паленой пластмассой, резиной, гарью и концом жизни.

Верней, всё было категорически не так.

Я открыл глаза.

В это время отбросил рваное, грязное ватное одеяло лежавший под ним мужичок.

Всю дорогу он хрипло и громко распевал какие-то маршевые песни, похоже, предназначенные для строевой подготовки, периодически поднимая край одеяла и оттуда выглядывая. На нем была вязаная красная шапочка, из-под которой выползал наружу безумный мутный взгляд. Вытянув ноги, мужичок занимал всю скамью, параллельную проходу, и чувствовал себя по-домашнему уютно, как и прочие городские бомжи, алкоголики и наркоманы, прятавшиеся от январских морозов в вагонах подземки.

Когда толпа с шумом разбежалась в противоположные от пакета стороны, мужичок высунул красную шапочку с таким же красным носом из-под одеяла и удивленно за локальным переселением народов наблюдал.

В какой-то момент он вытащил руку и, не отрывая взгляда от ломившихся в распахнутую дверь в конце вагона, сделал несколько глотков из открытой пивной банки.

Расплескал пиво по седой щетине подбородка и на выцветшую фуфайку, но одним пятном больше, одним меньше – кто считает.

После чего, оказавшись наедине с пакетом в освободившемся от пассажиров центре вагона, мужичок сбросил на пол одеяло.

Огляделся по сторонам. Не находя причин для беспокойства, он опустил с пластмассовой скамьи ноги в повисавших на своем веку светло-грязно-без-шнурков высоких ботинках.

Не спеша поднялся.

Поставил почти пустую пивную банку на сидение. Сделал шаг к лежащему в трех-четырех метрах от него пакету и стиснул его правой рукой.

Истеричка подавилась своим последним криком.

Те, кому еще не оторвали голову в битве за взятие открытой настежь двери, застыли в неестественных позах и тарасились в глупину вагона, показывая чудеса левитации. А окажись президент какой-нибудь кавказской страны в нашем углу, он бы машинально начал жевать собственный галстук.

За неимением президента и галстука, рядом со мной стоявший молодой человек стал нервно колупаться в носу. Крайне нервно и очень активно. Было бы противно на это смотреть, захоти я отвлечься от того, что происходило в эти секунды с бесстрашным мужичком.

Он взял пакет.

Героически открыл его.

Опустил голову, пытаясь разглядеть содержимое.

Затем, недовольный результатом, вывалил все составные части взрывчатого вещества, как и положено хозяину дома, на сидение.

Частью взрывчатого вещества оказался пустой бумажный стакан с пластиковой крышкой и торчащей сквозь нее трубочкой. Остальными частями были смятая коробка от, видимо, халяльной, жареной куриной четверти из KFC, салфетки, белые пластмассовые ложка и вилка с ножом и прозрачный куб с остатками овощного салата на дне.

Короче, мужичку поживиться оказалось нечем.

Он еще раз посмотрел по сторонам.

Ничего не пытаясь изменить, в который раз убедился в том, что вокруг полно сумасшедших, и вернулся на скамейку, под родное мягое одеяло.

Накрыл им голову.

Надо думать, мгновенно уснул.

Поезд подошел к станции. Вагон очистился буквально в секунду. Надо или не надо было сходить на этой станции, но вышли все.

Выжившие, сконфуженные, не контуженные, еще не до конца осознавшие, что в пакете ничего угрожающего их судьбам не было.

Я покинул вагон. Двери за мной закрылись.

Мне захотелось оглянуться.

Вагон был пустым и на первый взгляд безлюдным. Безучастным в своем запрограммированном вперед движении по рельсам.

Вдоль скамейки под одеялом лежал безумный спаситель нескольких десятков заурядных психов, рассредоточивавшихся сейчас по платформе сабвея – молча и незаметно.

Стирая воспоминания о произошедшем как можно скорей.

Мне показалось, что невольный наш спаситель поднял руку над одеялом и помахал мне на прощание.

«А не пошел бы ты к черту!» – выкрикнул я про себя.

Было бы хорошо, если бы он меня не услышал.

МЕТРО. ЧАС ПИК

В Манхэттене все дороги к метро ведут под землю. В Лондоне подземка так честно и называется – Underground.

Уже в Бруклине, Бронксе, Квинсе поезда выходят на поверхность, но метро в Нью-Йорке – это повсюду subway, то есть дорога с приставкой «саб», как и в случае с подводной лодкой: sub-marine.

А дальше, попав под землю, равно, как и под воду, вы должны быть готовы к тому, что там – другой мир, с неведомыми простран-

ствами, запасом кислорода и странным освещением, о чем нас давно предупреждали Орфей с Данте.

Мир алогичный, и к этому надо быть всегда готовым.

Я возвращался в час пик домой.

В перегруженном вагоне, через одного пассажира от меня, сидела девушка лет двадцати, увлеченно читая книгу. Уже одно это выделяло ее среди прочих, поскольку сегодня читают, в основном, с экрана мобильного, а остальные слушают музыку, надев наушники и закрыв устало глаза.

Обладательнице книги досталось что-то комическое. Время от времени она радостно фыркала и громко всхлипывала, при этом книга подлетала вверх, затем читательница начинала так искренне хохотать, будто рядом сидящий скучный тип с бородкой щекотал ей подмышки.

Хохотала она заразительно. «Аа-хахаха-ха-хаха!», – закатывалась девушка на весь вагон. Соседи начинали улыбаться, напротив парень с подругой – строить смешные рожи, а старушенция, уже засыпавшая через проход, резко распахивала оба глаза и, таращась на источник смеха, попискивала забавными «хихи-хихихи!», поддерживая читательницу почти в терцию.

Понятно, вся эта история развлекала пассажиров вагона. Они как-то возбужденней стали тереться друг о друга, и всех, кто стоял и сидел, прыскающая от смеха девушка просто вынуждала отбросить свои банальные мысли о природе зла вокруг и улыбаться, как минимум.

Ехавшая с мамой девочка-подросток лет двенадцати определенно была счастлива такому развлечению. Она заливисто «гигикала» так, что вагон уже раскачивался от смеха, теперь не фрагментарно звучащего из разных его углов и почти со всех сидений.

Мне стало любопытно, что же девушка читает.

Поскольку книга периодически взлетала с ее колен, то увидеть обложку удалось без напряжения. Это оказался писатель второй половины XX века Джером Сэлинджер с его короткими, как было напечатано по-английски, Short Stories, рассказами.

Насколько я помню, ничего такого в мистическом творчестве Сэлинджера, чтобы захлебываться да изнемогать от хохота, не было в помине. Так можно дойти и до рассказов Чехова, а затем перейти к его же «Степи», чтобы совсем умереть от безостановочного смеха.

Сэлинджер – мастер символических, с затаенным смыслом рассказов и открытых (пусть читатель сам додумает) финалов, но эти истории не могли стать причиной такой активной читательской реакции. В них был точный язык рассказчика, понимающего философию и сатиру жизни. Были меткие неожиданные определения, нестан-

дартные придурки-герои, стилистический блеск, загадочно переплетенные сюжетные ходы, построенные на цветовой гамме санскритской поэтики и оптике дзен-буддизма...

Но чтобы от всего этого богатства, основанного на восточных мифологиях, ржать и валиться с сидения в вагоне сабвея? Чтобы, простите, вот так уписываться от хохота, так прыскать, уморяя себя неудержимым пырсканьем,— поводов для этого в писателе Сэлинджере было явно недостаточно.

Другое дело, что я ничего в Сэлинджере, возможно, не понимал, и отраженные в его «Девяти рассказах» «девять чувств» драхманической поэзии затмили, видимо, ироническое письмо, некую балаганно-юродческую фактуру изложения, в которую так глубоко въехала двадцатилетняя американская читательница.

Вероятно, в свое время я как-то не так писателя Сэлинджера прочитал.

Старушка вытирала слезы, накатившие от смеха. Парень с девушкой катались по своим сидениям, восторгаясь хохотушкой напротив, а двенадцатилетняя девочка уже всю икала, так ей было от всего этого весело. Даже скучный тип с бородкой, которого можно было подозревать в щекотании подмышек, повеселел, иронически о чем-то своем улыбаясь.

Я не мог поверить, что причиной такого мини-карнавала могли стать блистательные, но вовсе не убойные, говоря о комическом, рассказы писателя Сэлинджера.

И тут девушка, продолжая прыскать и давиться, встала со своего места. Ей надо было выходить на следующей остановке, до которой оставалось не больше минуты.

Она держала книгу в левой руке.

Она закрыла книгу и направлялась к выходу из вагона.

На обложке книги, снизу вверх, ярко горели крупные литеры «Короткие рассказы».

А над ними — имя автора: Вуди Аллен.

Есть такие книжные издания, когда два автора или два романа, два сборника стихотворений или рассказов выходят под одной обложкой. У таких книг нет привычных начала и конца, а есть только начала по краям, при этом концы сходятся в середине книги.

В нашем случае, в зависимости от того, с какой — задней или передней обложки вы возьмете книгу в руки, — у вас получится либо Сэлинджер, либо Вуди Аллен. Последний — тоже американский писатель, наш современник, и уж точно юморист — с нередко мистическим иудейским акцентом. Чемпион яркой репризы, мастер анекдота и виртуозно написанных смешных рассказов и сценариев.

Само собой, под настроение и при обостренном чувстве юмора, от Аллена можно ухохатываться и вести себя, задыхаясь от смеха, неадекватно. В общественных местах, под землей, под водой, да хоть на Северном полюсе и в глубинах далекого космоса.

А писатель Сэлинджер здесь не при чем.

Скажем мягче и не так категорично: может быть, не при чем.

Ведь в условиях подземки, на определенном расстоянии от поверхности земли, всё возможно.

Сабвей, как я себя и предупреждал, – это особый, парадоксальный мир.

МЕТРО. ВРЕМЯ ЛАНЧА

Лучше бы мне было не просыпаться.

После таких слов необходимо дать пояснения. Иначе выходит, что остальные, видите ли, просыпаются безо всякой задней мысли, а я, по какой-то уникальной причине, оказываюсь перед выбором из двух возможностей.

В дальнейшем будут раскрыты и причины, и их последствия.

Пока же я заснул в вагоне сабвея, следовавшего из Манхэттена в Бруклин. Это мне никогда, практически, не удастся в маршрутном автобусе, зато в сабвее, под монотонный стук колес о стыки рельсов, при приглушенном свете, веки опускаются сами, дыхание становится равномерным, спокойствие мягким коконом облегает расслабленное тело – и всё, ты в объятиях Морфея-Кашпировского.

Ничего тебя не интересует, кроме черного квадрата под веками, на котором, как на темном экране, возникают абстрактные цветные полосы и прочие бессмысленные супрематические объекты.

Субъект же спит. Его сон чуток и недолог, в большинстве случаев – ровным счетом до следующей остановки.

На этот раз до следующей остановки я не дотянул. Неопределенный внешний раздражитель заставил раскрыть глаза и осмотреться вокруг.

Первое, что я ощутил – общую наэлектризованность в мчащемся с приличной скоростью вагоне. Соседка слева от меня, средних лет белая женщина, в левой руке державшая зеркальце, а правой наносившая косметику на ресницы и брови, недовольно фыркала и возмущенно раздувала ноздри; крупная афроамериканка справа от меня отвлеклась от чтения книги и картинно зажимала нос двумя пальцами.

Напротив нас сидела девушка восточной наружности. Скорее всего, японка.

Прожив в нью-джерсийском Палисайд Парке десять лет, я научил-

ся отличать японцев от китайцев, тем более от корейцев, с вероятностью попадания 60-70 процентов.

Тайну не раскрою. Это непростая тема и разговор сейчас не об этом.

На девушке было светлое трикотажное пальто с ярким растительным орнаментом на лацканах. Лицо казалось гладким, без морщин, что для японцев норма, а взгляд, очевидно, благодаря узкому разрезу глаз, был слабо сфокусирован.

На правую руку была надета белая лайковая перчатка. Так неудачно, словно девушка надела перчатку с левой руки. По крайней мере, руке в перчатке было тесно и неудобно, и она лежала, вывернувшись вверх ладонью, на правом колене.

На левом находилась коробка из тонкого пенопласта с открытой штампованной крышкой.

В коробке шевелились розовые черви и какие-то пиявки в пурпурной масляной подливке, от которой, видимо, и разносилась убийственная вонь по всему вагону.

В отличие от пассажиров городского автобуса, в городском метро едят часто, с аппетитом, выбрав блюда нередко самые пахучие.

Как широко распространенные, так и экзотические. Хотя, какой-нибудь банальный гамбургер с луком не обязательно уступит прочесночному шедевру вьетнамской кухни, а мексиканский буррито с резким перцем халапеньо (jalapeño) в виде гарнира не готов отдать пальму первенства креольскому супу гамбо с поражающим всё живое калифорнийским перцем рипер (reaper).

Распространенная в сабвее практика – выложить съестное на колени и уплетать за обе щеки, не обращая внимания на соседей. Японка брала левой рукой в лайковой белой перчатке извивающегося червяка и, опустив его в густой соус, отправляла в изящный рот.

Ее губы были выкрашены ярко-рубиновой помадой.

Вслед за червяком, без лишних эмоций, экономными движениями она брала жирную пиявку, привычно вымачивала ее в соусе, и посылала в аккуратный ротик.

Те, кто сидел с японкой рядом, освободили места справа и слева.

Коробка с беспозвоночными деликатесами распространяла такое зловоние, о каком могли только мечтать изобретатели химического оружия. Невыносимое амбре, казалось, уничтожит всех, кто не надел противогаза, но таких в вагоне было подавляющее большинство.

Точней, никого в противогазе не оказалось вообще, так что сто процентная смертность пассажиров была гарантирована.

За исключением поглощавшей червей с постоянством пневмати-

ческого молотка, самой японки. Она молча отправляла еду, не пережевывая, в пищевод.

Пища была органической, полезной для организма, но настолько острой, что у японки текли слезы. Они смешивались с черной тушью, которая грязными ручейками стекала по щекам к подбородку. Почти по цитате из романа «Лови момент» Сола Беллоу: «...и беспомощность, и запах непролитых слез».

Это если считать, что и запах есть, и слезы уже пролиты.

Поезд из подземки выбрался на Манхэттенский мост и остановился. Похоже, жить оставалось недолго.

То, что произошло дальше, описать нетрудно, но перенести было невыносимо. Японка схватила двумя пальцами очередную пиявку, поднесла руку в перчатке к губам – и в этот момент ее голова развернулась ровно на сто восемьдесят градусов, лицом к окну.

Тело не шелохнулось, не сдвинулось ни на миллиметр.

Колени, грудь, плечи – всё оставалось на месте. Плюс голова, обращенная к зрителям затылком.

Рука продолжила движение, послав слизкую тварь в то место, где у гурманки прежде находился рот, и вдавливая в черные густые волосы японки маслянистое тело с поперечными перетяжками.

Ее пальцы разжались.

Пиявка выпала. Беспомощно шевеля присосками, покатилась по светлomu пальто и тяжело шмякнулась на пол вагона.

Это был кошмар, в который можно поверить только в состоянии наркотического трипа либо белой горячки. Люди верещали так, будто их завели в газовую камеру, но при этом каждому черная тень орла еще выклевывала печень.

Внутри летального группового шока раздались крики, в череде которых настойчиво выделялось: «Он! Он! Вот он!»

В дальнем углу вагона высокорослый мужчина удерживал парня студенческого возраста и тряс его, пытаясь выбить из молодого человека душу. Студента мотало из стороны в сторону, как бельевую веревку под порывами ветра.

В руке он держал что-то вроде мобильного телефона, но без экрана. Когда устройство у него отобрали, на передней панели можно было увидеть всего несколько кнопок, при полном отсутствии буквенной и цифровой клавиатуры.

Это был миниатюрный пульт дистанционного управления.

Студент заикался, ничего не мог объяснить и был напуган, понимая, что осатаневшая толпа сейчас его разорвет. Не знаю, отменяли ли в Америке суд Линча, но вряд ли кто мог бы гарантировать в этот момент студенту неприкосновенность и его безопасность.

На следующий день, когда в городских таблоидах «Нью-Йорк Пост» и «Дэйли Ньюс» появились сенсационные статьи по поводу всего произошедшего, я обнаружил, что стал участником культурно-научного эксперимента, за который группе экспериментаторов, надеюсь, можно будет предъявить коллективный иск.

Организаторами этого шокинга оказались несколько компаний. Одна из них занимается разработкой секс-роботов третьего поколения, которых, вслед за поколением роботов Affetto, созданных японцами и похожих на настоящих детей, не отличить от взрослых, половозрелых сапиенсов. Они умеют моргать, открывать рот, достоверно двигать руками и передвигаться по-человечески. Поэтому основной проблемой было, не обращая на себя лишнего внимания, протащить японку-робота в вагон и усадить в правильном положении.

Еще одной задачей было всё сделать так, чтобы при дневном свете нельзя было распознать на ее лице отсутствие мимики, то есть увидеть в ней куклу. Поэтому было решено развернуть лицо от зрителей в сторону окна, едва поезд выйдет из туннеля к дневному свету.

Второй компанией оказалась группа художников, работающих в жанре шокинга. Они заявляют, что подобными акциями исследуют поведение человека в шокирующих условиях, которые усиливают и без того нелегкое пребывание горожан в урбанистическом пейзаже.

Они снимают скрытой камерой реакции подопытной группы в нестандартной обстановке.

Они фиксируют стресс, погружающий в массовый психоз по всему спектру органов чувств.

Здесь очевиден расчет на скрытые в современном человеке архетипы и фобии, архаическую мистику, актуальные мифы. На веру в искусственный интеллект и разумных гуманоидов, в последствия многолетних культурных влияний на массовые эстетику и психику обывателей — от трансценденций Гилберта и Джорджа до попыток Марины Абрамович и Улая создать коллективное существо, называемое «другое»...

Мне с ними все понятно. И станет еще понятней, если по решению суда пострадавшие получают от этих исследовательских групп компенсации за пережитые психические травмы.

Непонятно одно.

Японка методично поедала червей. Это вводило зрителей в состояние шока, а ученые и художники в реальном времени замечательно сей феномен исследовали.

Но из глаз робота текли настоящие слезы.

От перца в соусе японка начала плакать, но возможно ли это у робота?

Никто из исследователей не сказал, что именно так и было задумано экспериментом. Наоборот: вызывающе отвратительное питание должно была отвлечь взгляды от технического несовершенства черт японки, от искусственной мимики.

Окружающие, пораженные зловонием и тошнотворным видом еды, в последнюю очередь обращали внимание на то, что перед ними – лицо не-человека.

А слезы, вытекающие из узких глаз, как раз могли привести к обратному: к сосредоточенности взглядов на кукольном лице, что устроителям было абсолютно не нужно.

Робот плакал сам по себе, и это не было учтено разработчиками программы.

Не было.

И если задаться вопросом о душе и теле в таком ракурсе: «Что же в нас плачет: тело или душа?», – то в случае с роботом – а ведь плачет, думаю, душа, – она, как оказалось, есть.

У нашей японки-робота душа плакала.

МЕТРО. ПАРАНДЖИ И НИКАБЫ

Я не в первый раз попадаю в такую неприятную обстановку.

Несколько лет назад мы с женой были в Лондоне.

Лето, жара, конец июля.

После посещения Букингемского дворца зашли в Гайд-парк. Неподалеку от входа – симпатичная, с виду, кафешка, тихая, тенистая.

И далеко ходить не надо, поскольку уже и жажда замучила, и перекусить нам, туристам, пора.

Входим внутрь. Помещение просторное, интерьер умиротворяющий, свет от высоких окон мягкий.

Прочные деревянные столы с удобными креслами.

Ни на что больше мы не успели обратить внимания. Это как если бы внезапно, пробив стену, в кафе на скорости въехал грузовик: здесь опасно! надо выбираться отсюда как можно быстрее!

Такие же тревожные мысли возникли, едва мы огляделись по сторонам.

В зале находились, уж не помню – в безмолвии ли, несколько десятков женщин с детьми. Поскольку на всех были надеты никабы, то не могло быть полной уверенности, сколько среди них женщин, а сколько детей. Да, и нет ли среди них, под никабами, мужчин – тоже вопрос, хотя с этого места уже начинает паниковать моя обывательская паранойя.

Никаб – это мусульманский женский головной убор, закрывающий лицо, с узкой прорезью для глаз.

В кафе сидели несколько десятков посетителей и подозрительно, создавалось ощущение, смотрели на вошедших сквозь узкие прорезы. На некоторые фигуры была надета паранджа, то есть прорезы были затянuty мелкой сеткой, чтобы еще и глаз не было видно.

Всё это представлялось не менее дискомфортным, нежели случайно попасть в похоронную процессию: ты не видел людей, только их грузные бесформенные фигуры, с головы до пят, от мала до велика одетые в черное.

И все они молчаливо разглядывали тебя, словно ты бесстыдно возник перед ними, в чем мать родила.

Нечто подобное я испытал, войдя сегодня в вагон сабвея. Поезд следовал из Манхэттена в Бруклин, и в этот полуденный час в нем оказалось необычно много пассажиров. Они заняли почти все места и плотно стояли в проходе, так что, оказавшись в центре вагона, мне уже никуда отсюда было не деться.

Я обнаружил себя в окружении тридцати, не меньше, женщин, сидевших в никабах, паранджах и бурках. В застывших позах они расположились впереди и сзади меня, как справа, так и слева по ходу движения. Часть из них смотрела в мобильные телефоны, часть – на пассажиров, внимательно изучая их, как мне представлялось, из-под прорезей в черной легкой ткани.

Они ничем не угрожали, но исходило от этой группы чувство, явно мною накрученное, опасности, как от любого «чужого», чьих намерений ты не знаешь и чье лицо от тебя скрывают. Как от любого «другого», в традициях которого может оказаться всё, что угодно, не исключая и побития камнями до смерти, а то и канныализма до самой тонкой обглоданной косточки.

Последнее в условиях проезда в сабвее вряд ли, но в наше время я бы не удивился, достань любая из этих женщин нож, пистолет, автомат из-под широкого платья, или небольшой бульдозер в известном жанре «бульдозерного теракта».

Свалить от них в толпе не представлялось возможным: по проходу – не протиснуться, да и совсем уже отдаться собственным страхам и фобиям казалось унизительным и недостойным.

Я стоял, наблюдая сверху черные головы, подрагивавшие в ритм движению поезда. Будто в потоке черной воды, двумя течениям обогнувшей тебя спереди и сзади. Ощущение не из приятных.

В это время поезд подошел к очередной станции, двери раскрылись, и в вагон протиснулась женщина предпенсионного возраста, в коричневом пальто, платке цвета кофе с молоком, с телефоном в правой руке. Женщина была небольшого роста, но такая деловая, что ее энергии хватило бы не на одну баскетбольную команду.

Она продвинулась к освободившемуся месту, села в гуще женщин-мусульманок и продолжила беседу по мобильнику.

Из всех находившихся в вагоне ее выделяло то, что говорила она по громкой видеосвязи, поставив телефон на режим speaker. Женщина периодически отвлекалась, копаясь в собственной объемной сумке, но продолжала что-то обсуждать на весь вагон, держа телефон перед собой. При этом прослушать прямую речь ее собеседницы можно было, не напрягаясь.

Поезд вышел из туннеля на поверхность и пошел по Бруклину. Мобильная связь была стабильной.

Женщина разговаривала во весь голос, похоже, по-узбекски. В Бруклине проживает огромное количество узбеков. Причем, если лет тридцать-сорок назад в США иммигрировали, в основном, евреи (религиозное меньшинство в Узбекистане) из Бухары, размещаясь в Нью-Йорке в районе Квинс, то последние лет двадцать в США приезжают этнические узбеки из Ташкента, Самарканда и других, преимущественно мусульманских, городов, кишлаков и аулов. И заселяют, квартал за кварталом, Бруклин.

Однако узбекскую женщину можно узнать не только по узбекскому языку. То ли это такой национальный проект, то ли срабатывает принцип «всё свое ношу с собой», но женщины из Узбекистана предпенсионного возраста, бывают и моложе, – это верхняя челюсть в золотых зубах. Нередко и нижняя, но у нашей любительницы публично пообщаться сбережения в единственно надежной форме были упрятаны в верхней челюсти.

Понять, о чем узбечки, любясь друг другом, говорили ушераздираще по телефону, было нельзя, не зная узбекского. И если поначалу в диалоге улавливались имена Зухра и Фархунда, с явной неприязнью к последней и более-менее сносным отношением к Зухре, то затем обсуждение перешло в какие-то таинственные сферы. Это могло оказаться всем, чем угодно: от способов приготовления шурпы и лагмана, до, с равной вероятностью, потенциальной возможности восстановления американской военной базы в Карши-Ханабад.

Несколько человек, мирно спавших в отдалении, проснулись от звучного разговора и возмущенно делились мнением по этому поводу с соседями. «Форменное безобразие!» – поддержала одного из возмущившихся соседка-азиатка, а афроамериканка рядом, выйдя из тяжелой задумчивости, обреченно вздохнула, не к месту помянув христианского бога.

Я заметил, что женщины в черном начали проявлять странную активность.

Они о чем-то перешептывались, подавали знаки друг другу, сигнализировали руками заговорщицам через проход.

До теракта оставалось несколько минут.

Телефонная связь работала отлично. Подруги-узбечки от военной базы, похоже, опять вернулись к лагману.

В этот момент все женщины в никабах, паранджах, бурках и абайях, нажали несколько раз на сенсорные экраны мобильных – и в вагоне на полную телефонную мощь зазвучала арабская музыка; дюжина мусульманок созвонились со своими товарками и, поставив собеседниц на speaker, принародно погрузились в громкий треп, перебивая музыку в силу своих возможностей, а самая в группе находчивая подняла над головой телефон с видео, на которое тайком была записана голосистая узбечка.

Это был класс! Браво-брависсимо! Невероятный триумф слаженной команды и остроумного, в духе капуста, коллектива над одинокой волчицей, нарушившей общественный порядок. Если хотите, одинокой верблюдицей или среднеазиатской адской коброй.

Представительница солнечного Узбекистана выпучила глаза, поначалу ничего не соображая, пытаясь прорваться к голосу на противоположном конце трубки сквозь какофонию звуков, а пассажиры в это время торжествовали и поздравляли друг друга. Было бы шампанское – открыли бы тут же бутылки, и пробки с бешеной скоростью вылетали бы из них вместе с брызгами шампанского и празднично бились в потолок.

Какие замечательные, все-таки, эти мусульманки, кто бы мог подумать. Да и узбечка, смутившаяся, в конце концов, и осознавшая, по-моему, что была неправа, тоже замечательная.

Попутчики улыбались, понимающе перемигивались и были счастливы.

А что еще в дороге нужно? Тем более, когда страхи сами по себе, при встрече с реальностью, вдруг начинают выглядеть балаганными страшилками.

Конечно, всегда бы так. Теперь ехать было весело и, не поверите, даже приятно – со всеми этими черными никабами и паранджами вместе.

Всем желаю хорошего дня!

АВТОБУС. КИТАЕЦ – СОБИРАТЕЛЬ БАНОК И БУТЫЛОК

С позднего субботнего вечера шел отвратительный, мрачный январский дождь.

Ночью я выглянул в окно – перед глазами маячило что-то вроде мокрой фрески (а la prima) с мексиканскими мотивами, вполне в блоковском духе: «Ночь, курица, фонарь ацтеков...»

К одиннадцати утра воскресенья температура воздуха поднялась до 48 градусов по Фаренгейту. Лил дождь.

А в ночь с воскресенья на понедельник пространство обледенело. Температура к рассвету упала до 7 градусов по Фаренгейту. За одни сутки рухнула на сорок один градусный пункт, как это четко сформулировали бы на фондовой бирже.

Выйдя утром из подъезда на улицу, то есть по пути на работу, я очутился в царстве Снежной королевы.

Стекольная промышленность ударно за ночь потрудилась, покрыв ломким хрусталем не только дороги и тротуары с припаркованными к ним машинами, но и целиком многоэтажные дома с невысокими жилищами по соседству. А также остеклив металлические ящики, в которых были упрятаны утренние газеты и столбы линий электропередач с прозрачными проводами, которые провисли над черными пластиковыми мешками с мусором. Мешки были огромные и, словно покрытые смальтой, отражали окружающее оцепенение.

Белой глазурью окоченели дождевые ручьи у бордюров и чугунных решеток над дорожными стоками.

Будь я мальчиком Каем и не опаздывай в этот час на работу, непременно стал бы выкладывать из ледяных кубиков простые и понятные слова. К примеру, имя и фамилию моего шефа, благодаря которому я сейчас тащился к остановке, боясь поскользнуться и грохнуться посреди дороги на пятую опорную точку.

Транспортное средство долго ждать не пришлось, что уже само по себе было неплохим началом очень холодного зимнего дня. Водитель осторожно вел автобус по обледеневшей трассе, которую еще не успели посыпать, условно говоря, «солью».

На остановке «Avenue U» в салон вошли двое: девушка, потирая покрасневший от мороза нос, и высокий молодой человек в форме водителей городского транспорта и с рюкзаком за спиной.

Я сталкивался с этим уже не раз: пересменка. Водителя, чья смена начинается, подбирает на заранее обговоренной остановке напарник, который смену заканчивает. Они меняются местами, всё это продолжается несколько минут от силы, после чего завершивший свой рабочий день водитель покидает автобус, а заступивший на вахту отпускает тормоз и продолжает движение по маршруту.

Водители попрощались друг с другом. Осторожно приспособиваясь к опасному дорожному покрытию, водитель повернул влево руль и вывел автобус на дорожную полосу авеню Coney Island.

При этом автобус забуксовал, его слегка повело по сторонам, и водитель сбавил газ.

Мне надо было выходить на следующей остановке, ровно через

один квартал после предыдущей. Я прошел вдоль салона и остановился у широкого лобового стекла.

На светофоре зажегся красный свет.

Едва заступив на смену, водитель как-то неуверенно нажал на тормоз. При нормальных условиях автобус остановился бы точно перед пешеходным переходом, но сейчас передние колеса заскользили, въехав на «зебру».

По ней, толкая впереди себя тележку, бессрочно одолженную у супермаркета Net Cost, пересекал дорогу пожилой китаец.

Он съезился от холода и ничего постороннего не замечал.

Тележка китайца была забита прозрачными огромными пакетами, наполненными пустыми пластиковыми бутылками и жестяными банками из-под «соды» и пива.

Проволочная корзина в тележке была плотно запакована, а над ее поверхностью, на полтора метра примерно, возвышались пакеты, перевязанные вдоль и поперек тонкой бечевкой. Конструкция не казалась устойчивой, но поскольку было безветренно, то у китайца появилась возможность довести товар до пункта приема утиля.

Сдача бутылок и банок в США, на мой взгляд, это тот самый «мартышкин труд», который имеет аналог и в английском – monkey business. Иными словами, работа, не дающая практического результата.

Правильней сказать: то, что можно считать результатом – совсем уже копейки. Если когда-нибудь опускаться на социальное дно, то это последнее, чем я хотел бы заниматься.

Судите сами: пустая жестяная банка из-под пива стоит пять центов. Чтобы заработать доллар, вам нужно собрать, где и как угодно, двадцать таких банок.

Двести пустых банок принесут вам десять долларов, а тысяча банок – аж пятьдесят долларов. А если одной купюрой, то с портретом президента США и героя Гражданской войны Улисса Гранта.

Я не в курсе, сколько стоит пустая пластиковая бутылка емкостью 500 грамм, но в торговой сети BJ's в Нью-Йорке вы можете приобрести упаковку из 40 бутылочек Poland Water за восемь долларов плюс два доллара депозита за тару. Вам намекают, что вы можете себе вернуть два доллара, сдав когда-нибудь пустые бутылки из этой упаковки.

Таким образом, разделив два доллара на сорок бутылок, мы получим те же пять центов за бутылку.

На десять долларов, сдав двести пустых бутылок, вы можете приобрести 40 бутылок заполненных. Ни на бутылку больше.

Есть, безусловно, масса других вариантов, кроме покупки буты-

лок с водой в BJ's, но десять долларов – совсем немного при нынешней экономике, а времени для сбора двухсот бутылок требуется немало.

Хотя, если нечем больше заняться, то такой «манки бизнес» – путь к успеху.

В тележке китайца и над ней было, навскидку, банок и бутылок долларов на двести. Несметное богатство, труд многих дней и ночей.

Не ищите в моих словах иронии: всякий труд почетен, и я отношусь к любому труду с уважением.

Итак, китаец толкает тележку впереди себя. Большая площадь парусности, скверная остойчивость. Центр тяжести сооружения расположен гораздо выше рекомендуемых норм.

Всё бы ничего, но в какой-то момент в эту тележку въезжает автобус.

Не то, чтобы въезжает – едва касается горячим лбом, но этого оказалось достаточно, чтобы тележка повалилась набок и все сметные сокровища начали из нее с облегчением высыпаться.

Думаю, Расскажи я водителю в этот момент смешной тематический анекдот, он бы его не понял и не рассмеялся.

Анекдот такой:

– Ты ночью высыпaeшьсЯ?

– Куда высыпaeюсь?

– Понятно...

Верхние пакеты, падая на дорогу с высоты полутора метров, бесшумно разрываются, и из них выкатываются разноцветные жестяные банки и пластиковые бутылки.

Это был праздник для сетчатки глаза и триумф пуантилизма: зеленый Heineken, фиолетовый Foster, алло-охровая Stella Artois, снежно-невинный Buckler, цвета пера от черного лебедя Wittinger, золотистый Holsten, ультрамариновый Carlsberg, металлических оттенков Coor's Light, нежно-голубой Lowenbrau, чудный бело-пунцовый Beck's, с сюжетными картинками Tuborg, янтарная Corona, красный с вертикальной надписью Budweiser, яркие революционные Coca-Cola, салатных оттенков Sprite, игривые 7 Up...

Калейдоскоп из множества радужных стеклышек и жестяных деталек – в поисках своего неповторимого узора, единственного и мгновенного орнамента.

Бутылки и банки заскользили по авеню Coney Island, как по катку, заполняя ее до пересечения с авеню W. Затем – дальше, до авеню X, Y и Z; рассыпались дребезжащей лавиной вдоль эстакады, нависшей над хайвеем Belt Parkway, и потекли, минуя обе авеню –

Neptune и Brighton Beach – к промерзшему серому океану, поперек которого ветер гнал рваные тучи.

В этом потоке белыми лебедями, с богатым внутренним содержанием, плыли прозрачные пакеты, выпавшие непосредственно из корзины тележки и не лопнувшие при ударе о дорогу.

Они торжественно, выстроившись цепочкой, следовали по течению.

Они возвышались над лязгающим в розницу карнавалом, напоминая ювелирные шедевры-изделия в драгоценном окладе.

Далеко впереди автобуса, что значит – оставив его далеко позади, – искрящаяся самоцветная лава вливалась в Атлантический океан, сказочно инкрустируя озябшую от ледяной воды поверхность нью-йоркской гавани.

Водителю и мне это напоминало декоративные наряды героев и фон полотен австрийского символиста Густава Климта.

Хотя склонялся я больше к китайскому акварелисту Ли Цину. К одной его картине, написанной плоскими кистями в мазковой технике: структурные мазки, которые передают яркое и жесткое солнечное освещение и вибрацию света. Дивная, завораживающая акварель, настолько красочная, что невозможно было подозревать о таком количестве существующих цветов и оттенков.

Я посмотрел сквозь лобовое стекло автобуса на китайца. Он стоял потерянный и беспредельно раздосадованный произошедшим.

Он был фактически убит утекшими безвозвратно в океан его 200 долларами.

Мы пересеклись взглядами. Отвели глаза и пересеклись взглядами еще раз.

Я почувствовал, что и он видит явившуюся нам пеструю панораму не работой гениального Густава Климта, а акварельным шедевром мастера Ли Цина.

– Похоже на Климта, – произнес негромко водитель, ни к кому не обращаясь.

– По мне, – не поворачивая головы и глядя в лобовое стекло, сказал я, – это, скорее, акварель Ли Цина.

Вероятно, мне показалось, но китаец бросил короткий взгляд снаружи в салон автобуса.

В мою сторону.

И утвердительно кивнул головой.

МЕТРО. «ПОЭЗИЯ В ДВИЖЕНИИ»

Согласно Гиппарху, гермы устанавливались на дорогах из Афин с указателями расстояний и популярными сентенциями.

В проекте Poetry in Motion, задуманном И. Бродским в начале 1990-х, когда он был избран поэтом-лауреатом Библиотеки Конгресса, поэтические цитаты поэтов хороших и разных были развешены в вагончиках сабвея. Помню, на плакатах – Сильвия Платт, Фрост, Элиот, Уитмен, По, Эмерсон, Оден...

Одна цитата одного автора, тиражируемая на весь вагон, местах в тридцати, причем в разных форматах: прямоугольниками под потолком, крупными и мелкими квадратами – на стенах. Такой супрематизм в движении...

Если ответствовать перед древними греками, получается, что гермы с популярными сентенциями не столько поджидали путников на дорогах, сколько в наше время отправлялись вместе с ними в путь.

По всей метро-карте.

И подземное царство превращалось в подобие библиотеки.

Ведь недаром гермы великих поэтов и мыслителей со времен Праксителя, когда они не представляли больше Бога (Гермеса), выставлялись в виллах и библиотеках.

Похоже, время действительно следует по спирали. И иногда замыкается в кольцо.

АВТОБУС. МАРШРУТНЫЙ САНТА

По утрам к месту работы я добирюсь автобусом минут десять, не больше.

Располагается наша телестудия на первом этаже двухэтажного дома. Все последние дни на втором этаже проходят детские новогодние утренники, устраиваемые русско-американским радио. Поэтому я ничуть не удивился явлению Санты Клауса в автобусе моего маршрута.

Поскольку Рождество уже прошло, то, конечно, это был не Санта, а Дед Мороз, строго по графику посетивший Бруклин перед встречей Нового года. В таком случае легко было предположить, что Дед Мороз едет в столь ранний час на детский утренник – на второй этаж нашего здания.

Дедушка выглядел моложаво, даже чересчур для восьми утра: румяные щеки, с лукавым прищуром взгляд, полная энтузиазма борода, казавшаяся настоящей, равно как и белые кустистые брови.

Точь-в-точь, как на всех новогодних открытках. При этом выправка франта, актера со стажем, знающего себе и своему ежегодному подвигу цену.

И – ясное дело – алый кафтан размером «три четверти», высокий посох и мешок с подарками за плечами.

Дедушке было, судя по фигуре и повадкам, не больше пятидеся-

ти, максимум шестьдесят. Он легко запрыгнул в автобус и устроился на одном из пустых сидений впереди.

Добродушно улыбался. Смотрел по сторонам.

Я вспомнил, как в детстве ждал появления Деда Мороза, и когда он вдруг возникал перед новогодней елкой с приветствиями, – это было чудом.

Рядом с ним всегда приплясывала задорная Снегурочка, но сегодня ни Снегурочки, ни веры, естественно, в Деда Мороза не было, а скорее было желание спросить, является ли он членом профсоюза и почему, по известной анекдотической традиции, всё еще не пьян.

Другое дело – оказавшиеся в автобусе два мальчика-мексиканца. Им было лет по пять-шесть, то есть тот самый возраст, когда протяжно выкрикивают Деда Мороза, веря, что он сейчас откроет дверь и войдет в квартиру.

Мальчики смотрели на дедушку, не отрываясь. Их взгляды переместились с лица дедушки на его мешок с подарками – и оцепенели.

Мальчики пытались представить, что в мешке находится. Они, это было видно со стороны, до конца не верили, в какую невероятную сказку попали.

Молниеносно пройдя сквозь лобовое стекло, декабрьский ветер занес в салон автобуса паузу.

Недолгую, но интригующую и мучительную.

Пауза длилась секунд пять, хотя показалась вечностью. Наконец, Дед Мороз улыбнулся шире обычного, произнес какую-то абракадабру, снял со спины мешок и полез в него сразу двумя руками.

Тут уже надо было смотреть не только за мальчиками, но и за их мамой. В далекой Мексике нечасто они сталкивались с живыми Дедами-Сантами-Морозами-Клаусами, и, зачарованная волшебством в формате обычного автобуса, мексиканская мама не представляла, чего ей от этого праздника ожидать.

Она ерзала на своем сидении, пока мальчики застыли, открыв рты.

Дед Мороз вынул из мешка две небольшие коробки, упакованные в разноцветную бумагу и перевязанные красно-желто-голубыми ленточками.

Каждый мальчик получил по подарку.

Попробуйте после этого сказать, что Санта Клаусы с Дедами Морозами – это вымысел, герои сказочных сюжетов, которых в реальной жизни не бывает.

Бывают. В бруклинских автобусах, по дороге в детский сад, если слушаться маму и, не капризничая, встать с постели рано утром.

Среди пассажиров кто-то восторженно зааплодировал, водитель

громко прошептал в микрофон: «It's very nice, buddy!», – а мексиканская мама едва не расплакалась.

Автобус подъехал к нашей остановке.

Нам с Дедом Морозом пора было выходить.

Я вышел первым и направился к месту работы.

Дед Мороз шел сзади.

Я поднялся на крыльцо и достал ключ от входной двери.

У меня не было сомнений, что Дед Мороз идет следом за мной.

Вообще, это здорово было – подарить мальчикам подарки. Такой сказочный жест останется в их памяти на всю жизнь.

Это было замечательно.

Я повернулся, чтобы сказать об этом Деду Морозу.

И обомлел. Передо мной стояли деревянные сани с семью рога-
тыми красавцами-оленьями в упряжке.

В санях сидел улыбающийся Дед Мороз и радостно махал мне
рукой.

«Может, он действительно Санта Клаус? – подумал я. – Ведь
рождественский экипаж, вожак оленей Рудольф – это в североамери-
канской традиции, а Дед Мороз со Снегурочкой приходят обычно
сами, на своих двоих».

Вам долго это читать, но в моей голове весь сравнительный ана-
лиз промчался за один миг.

Вроде бы взрослый, умудренный опытом человек, а всё еще
верит в Деда Мороза! Очнись, протри глаза, плюнь в асфальт и отой-
ди, наконец, (дед-морозов-не-бывает) от елки.

В твоём-то возрасте!

Я внимательно всмотрелся, не протирая глаз.

Передо мной был борт экскурсионного автобуса. Автобус стоял
за вереницей машин, ожидавших впереди «зеленого» на светофоре, и
оказался как раз напротив входа в наше здание.

На борт автобуса была на всю длину наклеена гигантская цвет-
ная картинка с Сантой в оленьей упряжке. Она была настолько
мастерски выполнена, что и сани, и олени, и возничий казались
настоящими.

Упряжка медленно сдвинулась с места и покатилась по дороге.
Впереди, на перекрестке, включился «зеленый».

Я огляделся по сторонам – и нигде моего Деда Мороза не увидел.
Скорее всего, пока я открывал входную дверь, а потом стоял, удивля-
ясь чуду, он вошел в здание банка Chase, что в тридцати метрах от
нашего здания, по соседству.

Еще раз я посмотрел вокруг.

Тот самый Дед Мороз из маршрутного автобуса исчез. И в то же

время, он ехал, помахивая мне с борта автобуса, а олени уже пересекали перекресток.

Может быть, Деда Мороза действительно не было.

И, возможно, действительно его нет.

АВТОБУС. ВОДИТЕЛЬ 1

По утрам я добираюсь на работу бруклинским маршрутным автобусом № 68. Поскольку в одно и то же, практически, время, то уже знаком с несколькими водителями, чье водительское расписание совпадает с моим, пассажирским.

Один из них – неприветливый, то есть никогда не здоровается и не улыбается, белый, благообразный мужик лет 40-50-ти. Он обычно останавливает автобус метрах в десяти-пятнадцати от остановки, едва переехав перекресток, и потенциальным пассажирам приходится эти метры идти к автобусной двери.

Такое впечатление, что эта картина (бывает ведь и под дождем с ветром) вызывает у него искренне садистское наслаждение.

Сегодня опять попался этот замечательный водитель. В автобусе было мало народа. Я сел напротив водительской кабины и мог таким образом наблюдать, что водитель там делает и чем он занят.

Именно занят, поскольку «неприветливый» держал в левой руке помятый листок бумаги, в правой – ручку, и что-то в листок записывал.

Он подъезжал к очередной остановке, открывал переднюю и заднюю двери и, не замечая, что из автобуса уже все вышли, а в автобус давно вошли, продолжал сидеть несколько минут, вдумчиво поглядывая в боковое стекло и периодически внося какие-то значки во всё более измятый листок.

Это не ускоряло продвижение автобуса во времени. На одной из остановок он простоял минут пять, пропустив свой «зеленый» на светофоре.

У меня начало закрадываться подозрение.

Оно усиливалось от остановки к остановке. Водитель индифферентно посматривал на остановки в стекло, затем в полутрансе вносил свои каракули в листок, после чего закрывал двери и следовал далее.

Я встал с сидения перед моей остановкой, прошел вперед, к кабине водителя, и застыл вместе с автобусом на нашем «красном».

У меня была минута, не больше, увидеть и понять.

На лист бумаги неряшливым, корявым почерком были нанесены на английском языке два катрена, что для современной нерифмованной англоязычной поэзии явление не частое. Я не смог разобрать, была ли там рифма, но с первого взгляда было похоже на ритмиче-

ский текст, с длинной строкой и четкой строфикой. Какие-то слова были зачеркнуты, над ними – вписаны другие.

Передо мной сидел американский поэт в минуты вдохновения – и никакие прозаические силы вдоль автобусного маршрута не могли бы его остановить. Он был весь в поэтическом труде, раздраженно принимая во внимание, что между остановками ничего в листок вписать не удастся.

Это опасно для дорожного движения.

Я решил не спрашивать, поэтический ли это отрывок, над которым бьется водитель, – мало ли, на расстоянии трудно было различить, но это могла быть и докладная начальству, которая со стороны выглядела двумя поэтическими четырехстрочниками.

Все-таки, 1-2% такой вероятности исключать было нельзя.

Я вышел из автобуса. Оглянулся: поэт срочно вносил что-то в скомканную бумажку, не обращая внимания на раскрытые двери.

Мой приятель, позже прочитав этот текст, заметил, что в фильме Джима Джармуша «Патерсон», главный герой – водитель нью-джерсийского автобуса, по совместительству поэт, и пишет поэтические тексты на маршруте.

Я ничего об этом фильме не знал до встречи с реальным водителем-поэтом.

Возможно, когда-нибудь мне хватит решимости и, несмотря на его недоброжелательность, я поинтересуюсь, пишет ли он стихи?

Быть поэтом в Америке – дело частное, никакого пафоса в этом нет, и многие рассматривают такое увлечение как хобби, наряду с другими известными хобби, вроде коллекционирования бейсбольных карточек или старых комиксов.

Но поскольку это дело частное, то в частную жизнь лезть в США не принято. Так что вопрос постороннему человеку, еще и обслуживающему вас на маршруте водителю: «Не поэт ли вы?» – связан с риском, и неизвестно еще, чем кончится.

Может потом запросто проехать мимо твоей остановки.

МЕТРО. МУЗЫКАНТЫ

К этому надо быть всегда готовым, даже в самом недолгом путешествии.

В любое время суток и года.

На улице, в подземных переходах, на станциях метро и в его вагонах нас ждут музыканты. Они тянут к нам свои смычки, раструбы духовых инструментов, грифы гитар, слава богу – не крышки роялей.

Они исполняют привычные хиты из классики, джаза или рока, и

вы никуда от них не скроетесь. В данном месте, с этими попутчиками, в это время.

Впопыхах и мимоходом.

Мы должны быть готовы к тому, что среди них окажутся одаренные скрипачи, выдающиеся кларнетисты, виртуозные виолончелисты – в случае, если невероятно повезет.

Один на тысячи музыкантов, раз в сотни лет.

Сейчас мне не повезло, и беда нашла меня в сабвее, в вагоне, следовавшем в манхэттенский Мидтаун из Южного Бруклина.

Молодой человек играл «Oblivion» Астора Пьяццоллы.

Он уселся на невысоком раскладном стульчике, раскрыв перед собой черный футляр с фиолетовой внутренней отделкой. На ее фоне призывно выделялись беспорядочно набросанные долларовые бумажки.

И он играл на виолончели популярнейшее танго умершего почти тридцать лет назад аргентинского композитора. Отчего композитор должен бы извиваться и переворачиваться в гробу, как пойманный каннибалами аргентинец, которого зажаривают на вертеле.

Не представляю, как там Пьяццолла, но я себя таким бледнолицым в эти минуты ощущал. Лучше бы людоеды съели меня сырым, как японские сушими: виолончелист фальшивил и сбивался с темпа.

Он доказывал своей игрой, что незаученные в детстве гаммы и арпеджио приводят невинных слушателей к убийству исполнителей, а за недостаточное в музыкальной школе внимание к этюдам Шредера, Доцауэра, Куммера, Вернера, Поппера, Ли надо запрещать в зрелом возрасте подходить к инструменту ближе, чем на двести шагов.

За такое вибрато и за такую работу смычком я готов был звонить в полицию с требованием вывести из вагона разбушевавшегося садиста.

В чем я оказался не одинок: пара-тройка пассажиров обреченно оглядывались по сторонам в поисках затычек, которые можно вставить в уши, а в нескольких метрах от меня симпатичный китаец, сжимая ручку синего виолончельного футляра до немоты в пальцах, едва не падал в обморок. Ему, лучшему выпускнику, допустим, нью-йоркской консерватории The Juilliard School, победителю конкурса Чайковского и, естественно, Международного конкурса имени королевы Елизаветы в Бельгии, было тяжелее некуда.

С его абсолютным слухом – хоть выходи из вагона в разбитое окно, не дожидаясь остановки поезда.

Да, я забыл сказать, что исполнитель периодически поправлял очки, сбиваясь с ритма. И забрасывал растопыренными пальцами модный чуб на макушку, поскольку волосы падали на глаза, мешая

играть. В такие миги он забывал тональность и не сразу в нее попадал, возвращаясь к инструменту.

Ни удовольствия, ни катарсиса.

Эстетического наслаждения это никому не доставляло. Как он представлял себе благодарность зрителей, выраженную в чаевых, при таком скверном владении виолончелью?

Фальшивя и поправляя очки, музыкант пропустил станцию. Он самозабвенно продолжал играть, пока зрители в вагоне закипали от возмущения.

Оставалось недоумевать, как пассажиры такое терпят и еще не забили музыканта ногами.

Крепкий парень, сидевший неподалеку от виолончели, по виду не боксер, но уж точно десятиборец – а они тоже бьют больно, – готов был взорваться, сжимая перед грядущей потасовкой кулаки.

Атмосфера, как описывают репортеры скандальные ситуации в полицейской хронике, накопилась до предела.

Вспоминаю случай, один из немногих, когда уличный музыкант меня действительно порадовал, но это было давно, больше двадцати пяти лет назад.

Да и не был он уличным музыкантом.

В Нью-Йорк в начале 1990-х приехал джазмен Аркадий, которого в Москве звали по отчеству – Петрович. Петрович играл на тубе в группе «Три О» вместе с Аркадием Шилклопером, одним из немногих в мире, если не единственным, исполнявшим джаз на валторне. И с Сергеем Летовым, который освоил, по-моему, все духовые инструменты, а когда их запас, в смысле разнообразия, исчерпался, он отрезал от полых алюминиевых трубок в каркасе раскладушки куски разной длины, просверлил в них отверстия и произвел на свет флейты, свистульки, дудочки и сопилки неконвенциональных конструкций.

С Петровичем я познакомился в Москве зимой 1984 года.

В Студии музыкальной импровизации при Дворце культуры «Москворечье» должен был пройти джаз-концерт, на который меня пригласил Летов. При подходе к ДК мы встретили бородатого крепыша, которого Летов представил как Петровича.

Петрович бодро тащил в матерчатом чехле тяжелую тубу. Она почти совпадала с его ростом.

Мы познакомились, пожали друг другу руки.

Петрович сделал несколько шагов, поскользнулся рядом с обледеневшей водосточной трубой и, падая, сел на тубу всем своим весом. После чего выпалил с явным немецким акцентом: «Кайзер!»

В советские годы приобрести инструмент западного производ-

ства было невероятно сложно, и стоило это немало. Туба Петровича была не новой, зато фирмы Meister Franz Kaiser. В убогом СССР – большой раритет.

Петрович раскрыл чехол: клапаны вдавились, конические и цилиндрические трубки были смяты, мундштук загнулся, по кривой отвернувшись от главной трубы. «Кайзер!» – растеряв весь словарь русского языка, по-немецки шептал Петрович с интервалом секунд в тридцать.

Сцена была трагической, реплики актера – безумны и тем ужасны.

Так что натерпелся он от жизни всякого, закалился и был большим пофигистом.

В Нью-Йорке Петрович решил подработать уличным музыкантом.

Туба – это массивный медный духовой музыкальный инструмент с самым низким звуком по регистру. Я где-то читал, что если ее распрямить, получится трубка длиной шесть метров.

Туба отлично звучит в симфоническом и джаз-оркестре, привычный инструмент во время парадов и похорон. Мне в голову не приходило, что туба может быть солирующим инструментом, вроде скрипки или, возьмем ближе, контрабаса.

Был конец апреля, дни стояли прозрачные и теплые. Самое время для музыканта получить, в долларовом эквиваленте, по заслугам.

Петрович сообщил мне, что собирается в обеденный перерыв поиграть на углу Шестой авеню и 53-й улицы в Манхэттене. Рядом с Музеем современного искусства (МоМА). Расчет был на то, что любители культуры не обойдут маэстро стороной, оценят его творческий потенциал, а также необычный для улицы, богатый и глубокий звук тубы.

В то же время, клерки и работники многочисленных офисов подтянутся из близстоящих небоскребов.

Идея развлечь людей, себя показать и на этом заработать, казалась удачной.

В час дня я шел по Шестой авеню, спускаясь от 56-й улицы к 53-й. Примерно за квартал уже были слышны басовые, сочные одиночные звуки: «Ба! Бу! Бу-бу! Бу! Ба-ба-бу!» Конечно, не Сен-Санс и не Дебюсси, хотя по напряжению и мощи совпадало если не с Вагнером, то с асфальтоукладчиком.

Я подошел к перекрестку. Никакого скопления обожателей, ноль внимающих с восторгом народных масс. Петрович дул в мундштук, тубу нельзя было издали заметить, но – ни одного человека поблизости.

Напротив: пешеходы перебегали на другую сторону улицы, а клерки, в огромном количестве освободившие небоскребы в обеденный час, группировались на периферии, подальше от авансцены, заполненной Петровичем и сверкающим на солнце медным корпусом солирующего инструмента.

Я подошел к маэстро.

Перед ним стояла коробка, в которой не было ни цента. Чтобы подыграть, я небрежно бросил в ее картонную пустоту два доллара.

И тут подошел полицейский.

Не обращая на меня внимания, он поинтересовался, что Петрович делает на этом углу.

В те дни Петрович не очень уверенно говорил по-английски. Он ответил, что по профессии музыкант и что ему нравится Америка. Что зовут его Аркадий, приехал он из далекой Москвы, а Россия и США – дружба.

Полицейский с интересом изучал лицо Петровича. Затем перешел на плотную фигуру музыканта: цветная безрукавка, шорты со ста карманами, на голых ногах – матерчатые топ-сайдеры, дальние родственники индейским мокасинам.

Это был нью-йоркский коп, повидавший на своем веку самых разных музыкантов. Хоть из далекой Антарктиды.

Он не попросил у Петровича автограф.

Он даже не поинтересовался, кто из легендарных джазменов оказал на него наибольшее влияние.

Он сказал Петровичу, что в полицию поступило несколько звонков из соседних домов с жалобами на шум. Он показал на опустевшую улицу и сообщил, что звуками тубы Петрович разогнал всех, кто обычно выходит на ланч, сидит с сэндвичами на парапетах вдоль тротуара или прогуливается от перекрестка до музея и обратно.

И если Петрович, пригрозил коп, не исчезнет в течение 30 секунд вместе со своим пылесосом, то на него наденут наручники. Последнее я лаконично перевел Петровичу: «Надо валить. Срочно!»

Дважды повторять не пришлось.

У меня сложилось впечатление, что Петрович мог исчезнуть так мгновенно лишь в одном случае: если бы он одним движением засунул тубу в свой брючный карман.

Об этом весело вспоминать. И это не сотрется из памяти.

А что останется от вагонного исполнения танго Пьяццоллы?

Что еще, кроме раздражения?

Одуревший от бездарного исполнения, профи-китаец внезапно бросает воинственный клич и с невероятной скоростью раскрывает футляр.

Вынимает из него виолончель.

Он в волнении что-то выкрикивает по-китайски в сторону опостылевшего всем музыканта. Устанавливает между ногами инструмент, берет в правую руку смычок.

Сообщает громко, через весь вагон: «Смотри, как надо!» – и раздаются первые ноты танго «Oblivion».

И это было божественно.

Печальная, задумчивая мелодия. «Забвение» – так переводится шедевр Пьяццоллы, и слушатель забывает о себе.

Исчезает окружающее, нет ни прошлого, ни настоящего.

Какой же мастер был этот китаец!

Замедленный, словно при пробуждении, низкий голос виолончели наполнял вагон сабвея, как некогда нектаром наполняли свои чаши греческие боги на пиру, расслабляясь между тостами.

Я прикрыл глаза, входя в тягучий завораживающий ритм.

Боже, до чего отвратительным было предыдущее исполнение!

Как это можно было столько терпеть?!

Мне показалось, будто появился второй голос. Слабый, но уверенно взявший начальные ноты аргентинского танго.

Первый голос ушел вперед, он уже подходил ко второй части «Oblivion», однако заслышав робкое, словно дальнее эхо, начало пьесы, вернулся и подхватил его – бережно, нащупывая схожую пластику с явившимися из забвения звуками, со своим неожиданным партером.

В вагоне сабвея играли две прекрасные виолончели.

Подняв веки, я обнаружил, что справа от меня сидел китаец, подпевая себе, как на известном видео виолончелист Стефан Хаузер при исполнении того же «Oblivion», а слева сабвейный горе-музыкант вдохновенно, мастерски составлял с китайцем дуэт, ничуть ему не уступая.

Оба стереофонически, мощно звучали, подойдя ко второй части танго, к ее быстрой и экспрессивной теме. По контрасту с мелодией первой части, она не оставляла слушателям шансов оторваться от темпа, требующего полной отдачи, от мелодического рисунка, в который каждый сидевший в вагоне, без их на то согласия, оказался теперь вписан.

Играли два музыканта от Бога, вдохновленных Музыкой, – и без этого струнного концерта теперь дышать было бы невозможно.

Согласитесь, они умело разыграли зрителей, устроив нечто вроде клоунады под известным девизом «музыканты шутят». Сказочная задумка, повторяя сюжет о бедном утенке, ставшем красавцем-лебедем, сработала: по-моему, все облегченно, счастливо вздохнули,

поняв, что «слабак-любитель» оказался высочайшим профессионалом – и в мире добавилось красоты, которая его спасет.

Это было незабываемое исполнение «Oblivion» виолончельным дуэтом. Трудно поверить, но здесь, в вагоне метро, на одном из переездов быстро мчавшегося поезда, мы стали свидетелями чуда, такого неземного, высшего – за пределами зла и добра, за гранью реальности, ее рутины и тяготы рабочего дня.

Поезд подходил к очередной станции.

Музыканты вложили инструменты в футляры, предварительно освободив их от брошенных щедрыми попутчиками долларов.

Двери вагона раскрылись.

Не дав музыкантам его покинуть, в вагон вошел великий композитор и исполнитель Астор Пьяццолла.

С привычной озабоченностью на лице. С аргентинским бандонеоном на широком ремне через плечо.

Что-то подобное случилось последний раз с Иисусом из Вифлеема: после смерти он явился двум путникам по дороге в Эммаус и, поужинав с ними, исчез навсегда. До него был восставший из мертвых Лазарь из Вифании, но таких воскресших в мировой истории – раз-два и обчелся.

Пьяццолла торжественно поклонился выходящим из вагона музыкантам. Они в ответ кивнули так, словно были представлены друг другу раньше.

Пьяццолла сел на ближайшее от входа сидение.

Виолончелисты вышли. Двери вагона закрылись.

Пьяццолла поставил инструмент на колени. Бросил на пол зимнюю шапку перед собой. Привычно, со значением оглядел присутствующих – и, склонив над бандонеоном голову, протяжно, чувственно начал свой «Oblivion».

Боже, сам Пьяццолла – для нас.

Первые ноты были сыграны потрясающе, знакомо, мастерски, но дальше последовали сбой темпа и примитивные непопадания по клавишам.

Я помню авторское исполнение на первом диске «Oblivion», в первой из четырех представленных в записи версий – A1 Oblivion (Bandoneon Solista). Это было великолепно. Это навсегда осталось праздником.

Хотя Пьяццоллу можно было понять: одно дело – запись, которая разоидется миллионными тиражами, здесь хорошо бы постараться; а другое – за 15-20 долларов наличными развлекать скучающих пассажиров вагона. С какой стати напрягаться и лезть из кожи вон.

Вероятно, Пьяццолла был прав. Тем более, коли ты – бывший

покойник, и никто не гарантирует, что пребудешь на творческом взлете и в отличной форме.

Но стоит ли воскресать, чтобы так мазать по клавишам?

Я присмотрелся: на Пьяццолле были его фирменные усы, как положено.

Остальное, строго говоря, не соответствовало. Ни бакенбардов, ни острого взгляда мелких глаз, ни ямочки на подбородке. Напротив: оттопыренные уши, низкий лоб, лысый череп с пучком волос сверху и пятью сальными прядями поперек. Толстые гладковыбритые щеки.

Кроме усов, по остальным внешним признакам это не мог быть Пьяццолла. Правда, спустя 27 лет после смерти, мало ли как человек мог бы выглядеть?

Зорче приглядевшись, я распознал в его руках не бандонеон, а баян. Тот самый баян, на котором деревенские самоучки играют на российских свадьбах и на проводах покойника.

А когда «пьяццолла» перешел после «Oblivion» на «Очи черные», ситуация прояснилась окончательно.

Не «забвение» – «затмение» наступило после резкой смены двух виолончелистов на одного баяниста. Только в таком состоянии можно было принять за Пьяццоллу пятидесятишестилетнего Аркадия Рябчука, приехавшего в Нью-Йорк из Каменец-Подольска и в сабвее подрабатывавшего игрой на баяне известной фирмы Scandalli.

Аркадий, а мы с ним разговорились, недавно по слуху подобрал «Oblivion». Это танго принимают лучше всего, рассказывал Аркадий, на втором месте «Очи черные», потом – «Дунайские волны» и «Прощание славянки». Еще неплохо идет «Пусть бегут неуклюже пешеходы по лужам».

– Помню по музыкальной школе, – ответственно заявил Рябчук, словно давая интервью популярному музыкальному журналу Billboard.

Через остановку Рябчук собрал из ушанки доллары с монетками в жменю и попрощался со мной, извинившись, что дальше не поедет.

– Перейду на встречную ветку, – пояснил баянист. – Самое рабочее время.

Покидая вагон, он обернулся.

– Так как фамилия автора?

– Пьяццолла, – напомнил я. – Астор, с ударением на первый слог. Пьяццолла – на второй.

– Попробую запомнить, – Аркадий Рябчук махнул рукой и исчез на платформе среди бурлящего пассажиропотока.

Некоторое время спустя я обнаружил, что, готовя статью для воскресного «Нью-Йорк Таймс» о музыкантах, проводящих часть

жизни в сабвее, журналист газеты взял интервью у одного «русского иммигранта», играющего на инструменте, похожем на бандонеон.

Музыкант рассказал, что в детстве обучился музыке, потому что полюбил «Oblivion» Астора Пьяццоллы и подобрал танго по слуху.

– Астор Пьяццолла изменил мою жизнь, – рассказал свою трогательную историю баянист в воскресной секции «Город» газеты «Нью-Йорк Таймс».

Все-таки запомнил имя и фамилию. Не с первого раза, но запомнил правильно.

АВТОБУС. ДВОЕ ПАССАЖИРОВ

Впереди меня в автобусе ехала пожилая женщина лет семидесяти. Она сидела в инвалидном кресле и, глядя в боковое окно, громко что-то рассказывала. Предложения были отрывистыми, между ними – небольшие паузы. Хотя говорила она по-русски, мне трудно было понять, о чем идет речь: какие-то оборванные фразы, словно к кому-то обращенные, короткие вопросы, рассчитанные на чьи-то уши, и неожиданные реплики, похоже, брошенные в никуда.

Мы давно уже не удивляемся, увидев говорящего с самим собой прохожего или жестикулирующего в автомобиле одинокого водителя – в наше время айфонов собеседники живут на небесах, и всё общение легко умещается между запятой наушника и миниатюрной точкой микрофона.

Женщина с кем-то беседовала, и не мое было дело, о чем.

Собственно, я заинтересовался ею только после того, как сидящий через проход мужчина лет пятидесяти начал говорить, вроде сам с собой, по-английски.

Если присмотреться, выглядело это странно: женщина говорила по-русски, а в паузах мужчина отвечал ей на отличном английском сиплым, пропитым голосом. Вообще, смотрелся он, прости Господи: небрит был дня три, седая щетина переползала со щек к острому кадыку, который подергивался, когда мужчина поднимал ко рту коричневый бумажный пакет и отпивал оттуда. Точнее, отпивал из бутылки, которая пряталась в пакете.

Было полвосьмого утра, будний день. Вид унылого ханыги описывать не имеет смысла. Он был из тех потасканных жизнью, опустившихся пропащих неудачников, которых в любой стране мира хоть отбавляй. Он периодически отхлебывал какую-то невыносимую бурду из пакета, морщился, громко кашлял и шумно дышал от утреннего напряжения. Вытирал время от времени рукой губы, а руку – о синюю осеннюю плащевку, помятую и не чищенную годами.

Да, он отвечал женщине в инвалидной коляске. Поначалу я поду-

мал, что друг напротив друга сидят два сумасшедших со своими, наполненными событиями, переносными желтыми домами, но прислушавшись понял, что стал свидетелем беседы. Женщина излагала свою историю, связанную со вчерашним и предстоящим походами к врачу, а спитой собеседник уверял ее, что всё не так плохо. И ей будет лучше, если она последует совету врача.

Вдруг он перешел с английского на русский. Он говорил с американским легким акцентом, но речь его, несмотря на ханыжный прокуренный голос, была ровной, правильной, литературной. Видимо, вырос он в Штатах, при этом родители всё сделали для того, чтобы русский язык он не забыл.

Он прохрипел: «Все будет хорошо, ты поверь и не волнуйся».

– Ну, как же мне не волноваться, – ответила женщина, глядя в окно. – Все-таки, какая-никакая, а операция.

– Ты не переживай, это ни к чему, – сказал он и отпил в очередной раз. Вытер ладонью мокрые губы и заросший седой щетиной подбородок. – Ты, мама, не порти нервы зря.

Это был ее сын.

Она что-то ему ответила, продолжая бессмысленный, в общем-то, разговор, но я уже не слышал, что она ответила, и что он ответил ей.

Это были мать и сын. Она не смотрела в его сторону, она продолжала говорить, глядя в окно, а он, вновь перейдя на английский, всё ближе подбирался ко дну бутылки – это было видно по всё круче закидываемому, почти вертикально, жилистому горлу.

Я подумал вот о чем: когда-то он был маленький, ее замечательный умный мальчик. Он рос, ее надежда и радость, она говорила дома с ним по-русски, заставляла переписывать в тетрадку из книжки русских сказок по страничке ежедневно.

Он рос, закончил школу.

Мы ведь покинули ту самую страну ради детей, чтобы им в Америке жилось лучше, свободней, чтобы в обществе многих возможностей они не упустили свой шанс. Не правда ли?

И вот он сидит утром в автобусе, через проход.

На нужной остановке он выкатит из автобуса ее инвалидную коляску и повезет к врачу. Он отвратительно пахнет и, начав пить с раннего утра, нередко путает русский с английским, хотя на обоих языках говорит прекрасно, а по-русски – с едва уловимым акцентом. Возможно, он еще и наркоша. Эта беда в таких судьбах, как у него, обычно ходит с алкоголизмом рядом.

Женщина продолжает рассказывать о своих тревогах по поводу предстоящей операции. Она делится с сыном своими страхами, поскольку с кем еще поделиться?

И она никогда не говорит ему о самой главной своей тревоге, о самом ужасающем своем несчастье. Никогда, ни слова.

Она смотрит в широкое автобусное окно. Оглядываться ей для этого не надо: она знает, что сын всё мельче делает глоток за глотком, а значит, бухло в бутылке заканчивается.

И скоро им выходить.

Еще три-четыре осталось автобусных остановки.

МЕТРО. МЕКСИКАНЦЫ

За тридцать лет жизни в Нью-Йорке я могу вспомнить несколько блэкаутов.

В 2003 году я жил в Манхэттене. Раскаленным, душным днем 14 августа не стало электричества во всех пяти городских районах. Во всей, как потом оказалось, северо-восточной и центральной частях США и в Канаде.

Как затем энергетики объяснили миру, в далеком Кливленде замкнуло провода электросети, выключилась местная электростанция, что привело к веерному отключению еще более ста станций в разных регионах по стране. В результате – около 40 миллионов американцев плюс 10 миллионов канадцев остались без света.

Рассказывают, что в подобной же ситуации в июле 1977 года Нью-Йорк начали разворовывать банды мародеров, преступники бросились убивать, насиловать, грабить, и в течение дня-двух город был отдан на растерзание бандитам и хулиганам, при этом полиция мало что могла сделать.

В 2003 году не наблюдалось ничего подобного. Никто не стрелял, не бил стекла машин и магазинов. Напротив, из мелких лавочек миролюбивые владельцы выносили бутылки с водой и раздавали их желающим бесплатно. В гастрономах всё, что лежало в холодильниках, продавали за центы, а из скоропортящегося на прилавках – отдавали даром.

Кондиционеры отдыхали, лифты не работали. На двадцатый этаж к себе домой я поднимался по лестнице. И вечером наблюдал редкое неприродное явление: Эмпайр-стейт-билдинг, всегда нарядно подсвеченный, мрачно возвышался своим легендарным шпилем среди других каменных глыб манхэттенских небоскребов, в которых не горели окна.

Зрелище впечатляло.

Во время урагана Сэнди в 2012 году Эмпайр также не был освещен, электричества не было во многих городских районах, но тогда я жил уже в Нью-Джерси, через реку Гудзон от Манхэттена. Ночью из беспросветной тьмы лишенных света нью-джерсийских городков,

черный силуэт Манхэттена смотрелся, как покинутый пассажирами и командой гигантский круизный лайнер.

Вообще-то, жуть.

Короче, я был готов к тому, что силы зла внезапно могут вырубить электричество, и силам добра предстоит маяться часами в потемках. Но когда в सबसे потух свет и вагон с лязгающим визгом стал тормозить, раскидывая пассажиров по сидениям и углам, — это меня застало врасплох.

Где-то продолжался ничего плохого не предвещавший январский день 2019 года.

Секунд через тридцать ужасающего скрежета и серебристо-голубых искр, снаружи осветивших окна вагона, поезд застыл памятником самому себе в обесточенной кишке туннеля.

Извне не доносилось ни звука. Если не считать нескольких охающих пассажиров, то и внутри вагона народ безмолвствовал.

Кто-то произнес негромко: «Shit», заполняя паузу.

Замолчал, но пауза осталась.

Первое впечатление — присутствующие оказались в братской могиле, либо в грандиозном гробу, выход из которого в упор, что называется, не виден.

Исчезла сотовая связь. Пассажиры, похоже, впали в такой глубокий шок, что никому в голову не приходило осветить крошечный мрак фонариком, работающим в мобильнике от батарейки.

Приглушенно-розовый аварийный светильник горел в глубине вагона. Глаз постепенно привыкал к окружающему безразличию и стал обнаруживать контуры соседей. Кое-кто перешептывался друг с другом, изредка раздавались невнятные шорохи и легкие поскрипывания, но в основном все молчали. От машиниста никаких объяснений не поступало: селекторная связь, как и всё остальное, не работала.

Если одним пафосным предложением — то установилась давящая тишина в разверзшейся со всех сторон непроглядной бездне.

Никто по чужим карманам, похоже, не шарил и к посторонним не приставал. Может, для ада такое этикетное поведение единственно возможно, поскольку куда уже хуже.

Я представил, что попал внутрь известного захоронения терракотовой китайской армии. Восемь тысяч, в полтора человеческого роста, терракотовых воинов окружили меня в пешем строю. Часть воинов неподвижно сидела на высоченных терракотовых лошадях.

Мавзолей императора Цинь Шихуанди в Сиане переместился под землю на Манхэттене. Таким образом, император добился, чего хотел, а именно — после смерти в потустороннем мире его сопровождает армия.

В нью-йоркской, в нашем случае, подземке, где давно привыкли к странностям и чудесам, глиняные пассажиры вряд ли вызовут удивление.

После чего я подумал, что будь вокруг мумии, это могло бы ушедших под землю ньюйоркцев заинтересовать. Если (помните страшилку из детства?) «в черном черном городе, в черном черном доме, в черной черной квартире, в черной черной комнате, черный черный человек...» – черного человека поменять на черную мумию, а интерьер черного дома – на антураж черного сабвея, то это действительно будет страшно.

Ассоциация с мумиями оказалась неприятной. Я сам не понимал, зачем развиваю такой сюжет, будучи узником подземелья.

Все это пронеслось мгновенно, вроде мыслей о былом – словно перед тем, как увидеть тот самый свет в конце туннеля.

Так же, как свет мгновенно потух, так он мгновенно и вспыхнул.

Внутри вагона что-то ухнуло, ожило стуком мотора, заставило задрожать черный пол.

Свет горел. Свет освещал.

Свет – да был!

Неподалеку от меня, на сидениях, обращенных парами друг к другу, сидели четверо мексиканцев.

Компактные, квадратные, с плоскими лицами.

Их джинсы были заляпаны краской, их грубые ботинки – покрыты многолетней пылью. Похоже, это были строители, из тех, кого нанимают на подсобные работы за наличные.

Свет торжественно освещал вагон, который, дернувшись так, как обычно разминают, засидевшись, ноги, резко сорвался с места и двинул вперед.

Мексиканцы вынули из своих рюкзачков каждый по бутылке какой-то бурды, со смазанной этикеткой, в небольшой стеклотаре грамм по двести.

Они свернули с резьбы жестяные пробки и, подняв бутылки, чокнулись. Один, видать, бригадир, произнес что-то вроде «за жизнь!», и они понесли горлышки к раскрытым ртам.

Их лица светились радостью, глаза наполнились слезами счастья.

Они вряд ли попадали в своей нынешней жизни в блэкаут, но – дети древней цивилизации, знавшей взлеты и падения, ристалища и капища, мавзолеи ацтеков и некрополи майя – они понимали, что такое умереть и что значит после этого воскреснуть.

Они побывали в царстве мертвых. Чего и представить не могли, когда какое-то время назад пересекали американскую границу.

Они всегда верили в то, что молитвы выведут их из царства, коли угораздит в него попасть, а великие предки вернут их к жизни.

Они вернулись, воскресли в этот ничем не примечательный рабочий день едва наступившего 2019 года.

И за это надо было немедленно выпить, несмотря на всех окружающих гринго, которых заодно они также вернули из девяти кругов Миктлана. Или Шибалбы, если иметь дело с потомками майя.

В любом случае, древняя цивилизация.

Опыт тысячелетий и проверенная веками мифология.

Испытанная на прочность, устоявшаяся культура общения с живым миром и мертвым.

И, естественно, древняя алкоголическая культура. Само собой.

Brindemos por eso. Salud!

АВТОБУС. ВОДИТЕЛЬ 2

Сегодня утром, выйдя на перекресток к остановке, я увидел подъезжающий автобус, до которого было от того места, где я находился, как до созвездия Альфа Центавры. Хорошо, могу ошибаться: как до Кассиопеи. Что гораздо ближе, но вряд ли поможет.

Дело в том, что мне еще предстояло перейти через дорогу к автобусу. «Зеленый» едва зажегся, и застоявшиеся перед светофором машины нервными табунами рванули навстречу друг другу.

Перейти дорогу было бы самоубийством.

Автобус урчал напротив и готовился отвалить от остановки. Шансов у меня не было никаких.

Я безнадежно помахал водителю рукой, то есть это был такой жест отчаяния, который ни меня, ни транспортный поток, ни бруклинского водилу с его размытыми представлениями о расстояниях до прекрасных галактик ни к чему не обязывал.

То, что произошло дальше, я могу объяснить исключительно феноменальным влиянием поэзии на наш земной быт.

Итак, автобус выворачивает от тротуара на вторую полосу. Черт водителя я пока не вижу, но догадываюсь, что он наблюдает за мной, хотя еще не уверен, готов ли меня подобрать.

И внезапно, отъехав от остановки, он жмет на педаль тормоза.

Иными словами, вопрос о том, есть ли провидение, иные миры с их воздействием на нашу Ойкумену, в конце концов – где он, недоступный звону злата Божий суд, который все мысли и дела знает наперед? – этот вопрос отпал сам собой.

Всё это однозначно есть, и я рекомендую обратить внимание на то, как развивались события дальше.

Водитель остановился под тупым углом ко второй дорожной поло-

се так, что его стали сзади объезжать машины. И принялся меня ждать.

Это в Бруклине, в половине восьмого утра в понедельник!

К этому моменту транспортный поток иссяк, так что перебежать дорогу оказалось делом техники. Возможно, от изумления метров тридцать дорожного покрытия я одолел одним грациозным прыжком, но поскольку никто этого не зафиксировал, настаивать на рекордном результате не буду.

Я вошел в салон автобуса – и обомлел. В кресле водителя сидел тот самый американский поэт, о котором я уже писал.

Я писал о том, что мужчина он недружелюбный, манеры хамские, никогда с пассажирами не здоровается, но я как-то поймал его на том, что он вводил на остановках в измятый клочок бумаги поэтические строфы. Там даже было два катрена, с характерными для черновиков зачеркиваниями и расстановкой слов поверх строки.

Именно этот потрясающий воображение водитель минуту назад ждал, пока я, рядовой пассажир, доберусь через дорогу до автобуса. Хотя он мог бы этого не делать, уже от остановки отъехал.

Понятно, поэт не догадывался, что мне известно о его вдохновениях, накатывающих во время перерывов в движении. И, безусловно, он ничего не знал обо мне и моих вдохновениях, которые, бывает, посещают меня и в автобусах.

Но я-то был в курсе, что мы – коллеги по поэтическому цеху, и такой вот поэтический жест водителя-поэта дорогого стоил.

Это у русских поэтов, по известному стихотворению, при встречах возникают всякие неприятности с рукоприкладством, а у американских, выходит, – приятное уважение, искренняя забота и чувство интуиции даже в тех случаях, когда визави не догадывается о том, что имеет дело с одним из пишущих.

Человеческий пример для подражания. Не какое-нибудь там «есть одиночество среди уединенья», а гимн поэтическому братству, триумф поэзии без границ.

Интересно было бы узнать, что этот поэт-водитель сочиняет? Уже второй раз себе обещаю у него поинтересоваться, но и на этот раз постеснялся.

Хотя, обещанного три раза ждут.

АВТОБУС. СУМАСШЕДШИЙ

То, что бруклинский автобус посетил очередной городской сумасшедший, было видно сразу.

Высокий худой пассажир неопределенного возраста, небритый и невыспавшийся, заплатил метро-картой за проезд и, шевеля рука-

ми, губами, плечами, направился вглубь салона. Короткая демисезонная куртка топорщилась на нем, годами не чищенная; затянутые в массивные черные ботсы штаны цвета хаки пузырились на коленях и трагикомически провисали сзади.

Он цепко охватил ладонью вертикальную стойку, продолжая негромко смеяться.

В автобусе было полно народа. Раннее утро, рабочий день.

Дядя иногда переходил на залиvistый смех, после чего возвращался к своему монотонному «гы-гы-гы гы-гы» – и было понятно, что ему есть, чем скрасить одиночество в любой обстановке.

Я представляю, он импровизировал на тему о том, как на Финляндском вокзале Ленин взбирается на броневилок и обращается к революционному народу: «Товагищи, габочие и кгестьяне, – выкрикивает Ленин в толпу, специально подбирая слова со звуком «р», чтобы выходило смешнее, – бгатья и сестгы! Геволуция, о котогой...», – и так далее. Просто с ума можно сойти от смеха. Или запорожцы пишут письмо турецкому султану: «Слышишь, султан, – сочиняют запорожцы, а художник Илья Репин пишет за ними, повторяя слово в слово, – мы тебе, султан, глаз на ж@пу натянем и порвем ее на фашистские знаки!» – пишут запорожцы.

Ржать над этим в автобусе можно до слез.

А, к примеру, я – Иоганн Петер Эккерман и записываю разговоры с Гёте в его последние годы жизни. И я записываю, допустим, такое: «Знаешь ли, Иоганн Вольфганг фон, – что само по себе уже смешно, – ты редкий идиот, – записываю я, Эккерман, хихикая себе под нос, – ты прыщ на теле мировой поэзии, – умираю я со смеху, представляя в маршрутном автобусе такую эккермановскую запись, – да ты, Гёте, философичный олух царя небесного». И заливаюсь в общественном транспорте от неожиданной радости.

Это всё равно, как если бы в переписке с убийцей собственного сына и узурпатором Иваном Грозным его эпистолярный визави князь Андрей Курбский настроил бы: «Ведь ты, Иван IV Васильевич, отпетый придурок и ипохондрик ходячий!» Так бы и написал, а в автобусе на эту тему было бы от души посмеяться.

В таком или другом каком потешном духе веселил себя сумасшедший дядя, когда место рядом с ним освободилось, юный отличник иешивы в кипе поднялся с сиденья, и дядя сел на его место.

Он тут же достал из грязного рюкзака, висевшего за спиной, шахматную доску, раскрыл ее на коленях и замер над разгадкой трудного шахматного этюда.

Точно в такой последовательности: достал, раскрыл и замер. Не

расставляя на доске шахматные фигуры, которые к ней, по случаю, не прилагались.

Сидел, мучительно уставившись в пустую шахматную доску. Не отвлекаясь.

В глубокой гроссмейстерской изоляции.

Даже смеяться бросил.

На следующей остановке двери автобуса раскрылись и, среди прочих, в салон вошла юная особа того самого возраста, когда официально спиртное в Нью-Йорке еще нельзя, а всё остальное можно.

Она держала два доллара двумя купюрами и 75 центов тремя американскими квотерами. Девушка обратилась к попутчикам с просьбой разменять доллары на мелочь. Водитель дал ей возможность пройти в салон и закрыл за ней двери.

В бруклинских автобусах всего два способа оплаты проезда (он стоит \$2.75): либо метро-картой, которая покупается в соответствующих автоматах на станциях сабвея, либо наличными, но не денежными банкнотами, а монетами любого номинала. Кассовый аппарат, находящийся рядом с креслом водителя, иначе не принимает.

Я нашел в карманах квотер, несколько никелей и даймов. Всё, что было. Сердобольная старушка, чернокожая и с огромными золотыми круглыми серьгами, вытащила из кошелька какую-то мелочь; стоявший рядом с ней парень-азиат добавил пару квотеров и с десятком центов. Индус, оказавшийся к девушке спиной, бодро развернулся и протянул центов двадцать разными монетами.

Остальные, рядом сидевшие и стоявшие, просьбу девушки игнорировали.

Собранного не хватало до необходимой суммы в два доллара мелочью.

Ситуация становилась критической. Автобус неумолимо приближался к следующей остановке. Если девушка не наберет искомого \$2.75, разменяв сейчас же два доллара, то будет вынуждена покинуть транспорт, поскольку не в состоянии расплатиться за проезд. Абсурд, конечно: деньги у нее есть, но оплатить проезд она не может.

Неожиданно сумасшедший вынырнул из своей задумчивости, отвел голову от шахматной доски и, поковавшись во внутреннем кармане куртки, вытащил метро-карту.

— Вот, возьми.

Мне этот простой ход не пришел в голову: не собирать по сусекам два доллара мелочью, а одолжить девушке метро-карту.

Проще простого.

Девушка схватила метро-карту и протянула дяде два бумажных доллара и семьдесят пять центов.

– Это пустяки, – отклонив руку с деньгами, твердо сказал сумасшедший. – Не о чем говорить!

Спасенная удивленно подняла брови, но спорить не стала. Пробила в кассовом аппарате карту, вернула ее дяде.

– Так возьми у водителя трансфер, – резонно посоветовал гротесмистер.

Он меня уже пугал своими рассудочными верными заявлениями и слегка командным тоном.

Трансфер берут те, кто заплатил за проезд не метро-картой, а деньгами, и в дальнейшем рассчитывают пересесть на автобус другого маршрута. С трансфером, то есть с разовой картой, им не надо будет платить еще раз.

Девушка вернулась с прямоугольной картонкой и протянула ее доброму сумасшедшему. Похоже, она была не в курсе всех этих метро-карт, трансферов и возможности не платить в случае пересадки.

– Это тебе, – сказал дядя, возвращаясь к шахматной задаче. – Мне не нужно, у меня метро-карта есть.

Короче, вариант библейской притчи о добром самаритянине.

Я всматривался в его черты, осознавая, что ничего в нем не понимаю. Что в нем есть Бог и мне перед ним, то есть дядей, да и Богом, неудобно.

Вероятно, такого и называют «божьим человеком», а я, навесив на него всяких дурацких воображаемых историй, оскорбил его и унизил, тем самым унизив и оскорбив себя.

Одним словом, достоевщина.

Мне захотелось как-то сгладить свою вину, которой, вероятно, и не было, хотя, по моим ощущениям, она все-таки была.

Я подошел к дяде, взял двумя пальцами пешку с пустой доски и переставил ее с Е2 на Е4. Пусть у меня будут белые фигуры, и я начинаю первым.

Дядя поднял на меня благодарный взгляд.

Притормозил его над моей головой, словно обнаружил там любопытный вариант контргамбита Нимцовича, и по-детски, безмятежно улыбнулся, показав редкие желтые зубы.

Затем обеими руками крепко прижал уши к голове.

Сосредоточился. Окинул взглядом шахматную доску.

Он смотрел на нее не отрываясь и плавно передвигал одну руку вниз. После чего оперся подбородком на кулак правой руки, напоминающая мыслителя в известной скульптуре Родена.

Мыслитель пошел пешкой е7-е5.

И продолжил подозрительно следить за пустой доской.

Я решил разыграть дебют хорошо знакомой мне «испанской партии». На мой ход конем Kg1-f3, мыслитель, после недолгой паузы, хрестоматийно ответил ходом черного коня Kb8-c6.

Мы оба понимали, что у меня нет другого выхода, кроме как пойти слоном Cf1-b5, после чего для обоих игроков открывались самые разные перспективы.

Мне привиделось, соперник решился ходом коня Kc6-d4 на защиту Берда, когда черные идут на сдвоение пешек по линии d. Хотя рука дяди тряслась от волнения, и его ответом могло быть продвижение пешки f7-f5 из гамбита Яниша, либо ход пешкой d7-d6, тем самым разыгрывая защиту Стейница.

Эта защита надежная, но пассивная.

Правда, я больше всего опасался, что мы уйдем в Берлинский эндшпиль, который до конца не помнил.

Человек предполагает, а Бог располагает.

Дядя предпринял, мне показалось, ход слоном Cf8-b4, очевидно, задумав часто применяемый вариант Алапина – это продолжение не ставит белым больших проблем в развитии инициативы.

После чего дядя посмотрел на меня безумными от счастья глазами и объявил мат. На четвертом ходу, едва начав партию.

То есть вы поймите: мы только начали разыгрывать дебют, а этот сумасшедший уже объявил мне шах и мат.

Он ударил в возбуждении кулаком по пустой доске и торжественно прокричал на весь автобус *checkmate*, что означало полное мое поражение.

Бред собачий!

В мои намерения изначально входило по-человечески его подержать, посочувствовать, доставить минуты радости, разделить его одиночество среди окружающих, в массе своей безразличных к нему людей. Как-то показать, что есть те, кто оценил его бескорыстную помощь девушке с двумя долларами по одной купюре каждая, кто видит его добрую душу, кто готов показать ему, что в жизни не всё так скверно, плохо, беспросветно, неудобно. Неудобно в давно не стиранной одежде, зимним морозным утром, в автобусе, в котором едешь непонятно куда, к кому и зачем.

И на всё это он ставит мне мат самым возмутительным образом, еще и радуясь своей наглости, своему хамству, своей дьявольской хитрости.

– Спасибо за всё хорошее! – только и смог я произнести.

Разочарованно повернулся к нему спиной.

Вышел через заднюю дверь автобуса, который, к счастью, остановился в это время на остановке.

Зачем мне всё это было нужно? Какого черта я влез в это дерьмо, вместо благодарности получив оплеухи сразу по обеим щекам! В конце концов, кто он такой, этот дядя в автобусе, чтобы тратить на него время и, в итоге, так расстраиваться.

Я проклинал всё на свете, настроение было испорчено.

Забыть, плюнуть и растереть. Послать куда подальше, будто ни дяди не было, ни этой глупой шахматной партии.

Ничего такого будто не было в помине.

Хотя если в конце рассказа сейчас вы поинтересуетесь: «А был ли сумасшедший?» – я всё сделаю для того, чтобы уйти от ответа.

МЕТРО. ЗАПАХИ

Стою в проходе вагона сабвея.

Смотрю в нескончаемую стену туннеля.

Скучаю.

Мимо проскальзывает девушка, усаживается на сидение неподалеку от меня: стойкий запах цветочных духов, в мочке уха – круглое миниатюрное зеркальце, в другом ухе – подвеска в форме сердечка, в носу между элегантными ноздрями – крошечный кулон, лак на ногтях отвечает модным тенденциям нейл-арта, по лицу – уверенными мазками, штрихами и лессировкой косметика вдоль и поперек (светло-красная помада, тени и карандаш для век, туш для ресниц, румяна, консилеры, пудра и тональные основы).

Впечатление такое, будто раскрыл дамскую сумочку.

ТРАНСПОРТ. НАД МЕТРО И ПО СОСЕДСТВУ С АВТОБУСАМИ

Интересно, как бы вы поступили на моем месте?

Еду на своем Nissan «Murano» сегодня ранним утром по Вестсайд-хайвею. Транспорта почти нет, солнце светит, небо голубое. Манхэттен еще толком не проснулся.

Останавливаюсь на «красном». Передо мной всего одна машина, справа и слева еще несколько.

Стою на красном на 23-й улице и от нечего делать пялюсь в салон той, которая впереди.

Там никого, кроме водителя.

Водитель, судя по слабому отражению в зеркале заднего вида и по боковому левому, парень лет до тридцати. Смуглый, с небольшой бородой.

И вот он, стоя передо мной на красном, достает светло-серую маску из плотной ткани или трикотажа. Из тех, которые с прорезью. Их надевают грабители перед тем, как по-голливудски войти в вестибюль банка.

Он натягивает маску на лицо. Смотрит спокойно в зеркало, разглаживает ткань. Выверенным движением попадает серединой прорези на переносицу. Я всё это вижу.

Теперь я могу наблюдать белое, мертвенное лицо водителя-манекена.

А поверх прорези в маске, манекен надевает черные блестящие очки.

И мы оба замираем, каждый в своей машине.

О его намерениях можно только догадываться, хотя догадки эти – не из мира прекрасного. Первое, что мне приходит в голову: рядом с водителем, на переднем сидении, лежит печально известная полуавтоматическая винтовка AR-15. Он выходит с ней из машины, расстреливает всех, сидящих в попутных машинах, то есть меня и соседей справа и слева. После чего садится в свою темно-синюю «тойоту» и нагоняет машины на следующем светофоре.

И там расстреливает всех, кто в это замечательное майское утро выехал из дома пораньше.

И так далее, пока его не убьют полицейские где-нибудь в районе Граунд-зиро, выставив заслон из полицейских машин поперек дороги.

Есть, безусловно, вариант, что он не будет расстреливать нас на месте, а его цель – свернуть с хайвея налево, въехать в город и начать давить людей на тротуарах. Однако в такое раннее время пешеходов на тротуарах на Вест-сайте почти нет.

Конечно, он может свернуть налево и направить машину прямо к банку – банков в Манхэттене сколько угодно, грабь – не хочу! Но, опять-таки, в семь утра все банки, сколько бы их в Манхэттене ни было, закрыты.

Значит, остается первый ужасающий сценарий.

И пока всё еще горит «красный», надо что-то срочно предпринимать. Успеть до того, как он выйдет в маске из машины и направит на меня полуавтомат.

То есть надо действовать на опережение: выскочить на трассу, резко открыть его водительскую дверь, выволочь «манекен» на дорогу, сбить с ног, навалиться, сдавить так, чтобы он не мог шевельнуться, пока водители из соседних машин не придут на помощь.

С другой стороны, а если это какой-нибудь дебиловатый клоун, это такой его клоунский костюм, и он заранее подготовился, поскольку спешит на детский утренник? Такой себе утренник для нынешних дошкольников, которых после фильмов ужасов уже ничем не проймешь.

И – если это клоун – то не столько я буду скручивать преступника в бараний рог, сколько меня скрутят прибывшие по звонку полицей-

ские, и мало мне потом, возможно, на несколько лет вперед, не покажется.

Только какой может быть детский утренник в семь утра в среду? И никакого взрослого корпоратива при участии ряженных бандитов и проституток также быть не может.

В семь утра.

Значит, все-таки... Надо резко открыть дверь и нестись к «тойоте», которая всё еще стоит на «красном». Действовать решительно, отчаянно, борясь за жизнь, которая может закончиться еще до того, как загорится на светофоре «зеленый».

Звонить в полицию сейчас, в эти секунды? Как они успеют мне помочь? А выскочить из машины и бежать поперек хайвея куда подальше – не имеет смысла. Если «манекен» сейчас выйдет с полуавтоматической AR-15 наперевес, то прошьет мою спину сверху донизу.

Добежать до ближайшего здания и скрыться за его углом я не успеваю.

Так безысходность рождает героев.

Или все-таки позвонить 911, ничего не предпринимая и надеясь на лучшее?

Как бы вы поступили на моем месте?

ДО АВТОБУСОВ. В ФИАКРАХ

Оноре де Бальзак писал Ганской, что вид фиакров с опущенными штормками на улицах убеждал его: «...несмотря ни на что, в Париже еще сохранились бешеные страсти».

Известная «сцена в фиакре» из романа Флобера «Госпожа Бовари» о том же – фиакры, четырехколесные двухместные конные экипажи, нередко нанимались не как транспортное средство для езды по городу, а для адюльтера и любовных свиданий.

И сразу ближе и понятней становится Париж XIX века.

Век спустя, на другом краю земли, послевоенное поколение американцев, как известно, было зачато на задних сиденьях четырехдверных «Бьюиков» и «Шевроле». На безлюдных стоянках, на парковке drive-in автомобильного кинотеатра, в кюветах и на обочинах хайвеев.

Ничто не ново под солнцем.

Да и под луной, считали американцы.

И были в этом с французами времен Бальзака едва ли не современники.

А то, что разделяло их столетие, только доказывает правоту известного правила из технической механики: «Была бы пара, а момент найдется».

Нью-Йорк

Гари Лайт

ПОЛУСТАНОК FOREST GLEN

Один и тот же сон мне повторяться стал:
Мне снится, будто я от поезда отстал.

Юрий Левитанский

На этом полустанке – круглый год –
то недолет, то вовсе гололед.
Пребудут Оден, Эко, Пастернак,
благой порыв, и даже тайный знак.

Претит банальных ожиданий череда,
когда звучит немислимое – «да»,
или обыденный набор из полумер –
когда причастен, и вмещен в размер.

На этом полустанке – мокрый снег,
и жаркий август замедляют бег.
На вход и выход – несколько секунд,
как будто за флажки, в астральный бунт

Платформа, только в прозе эшафот,
когда конец главы диктует кот,
а в будни – полустанок Forest Glen –
вполне закономерный феномен.

На этом полустанке, как в кино,
ни выбора, ни права не дано,
парит в необретенной тишине –
виденье улицы в угаданной стране.

Ни в чем не уличаем, не гоним,
здесь нет покоя в слове рахамим*,
случайным утешением стихи
летят по ветру, будто мотыльки.

На этом полустанке – всякий раз
есть нечто, отвлекающее глаз,
и в странном ощущении дано,
не завещать, но верить всё равно.

С улыбкой глядя в уходящие огни,
тех поездов, что вовсе не пришли,
светлой любви сбывается волна,
сна повторенье компенсируя сполна.

* милосердие (*иврит*)

* * *

Абсурд воскресных дней, как в марте, до весны
из сводок новостей в туманы восприятий.
Когда и Водолей пустые видит сны –
непрощенных гостей в них гасит отражатель.
Так осложнений тень по кругу, от винта,
а недуг или ложь, не важно, и не вольно,
в уборе набекрень – под игом Калита,
на ложе из рогож, в руинах колокольни.
Космическая пыль укроет недодел,
сокрытие улик привычно в этом мире,
но истинная быть, любовь – сплетенье тел,
так с шепота на крик срывались менестрели.
И чтобы не сказал курящий на ветру,
нелепо под Москвой застреленный парнишка
в пылающих глазах, из танков поутру
сквозь восемьдесят лет под Иловайском слышно.
Открытое окно в ненужную весну,
которая придет не сразу, но сквозь стену,
ее изобразит, как правило, взгрустнув
художник-идиот, мастак по гобеленам.
Абсурд воскресных дней способен учудить,
и не таких чудес нелепые оттенки.
Подальше от людей, судьбу не торопить.
Уместней через лес, чем у кирпичной стенки.
Но светел горизонт, и приговор зиме
скостили до уже отбытого по сроку,
для аномальных зон, Тарковскому вполне
достаточно клише, и мыслей мизантропа.
Абсурд воскресных дней в переходной период
рискует чередой не принятых решений,
быть просто рядом с ней, и мартовский восход,
прозрачный и родной дарует утешение.

LADISPOLI IV – ПРЕДОТЛЁТНЫЕ ДНИ

Предотлетные дни, всё Тирренское море в штормах.
 У ладиспольских улиц штрихи ленинградских окраин.
 Хоть два слова, прошу, – оброни, в тишине образуется страх,
 я шагаю сутулясь, туда, где беседуют Авель и Каин.
 Серо-черный песок, гребень сине-зеленой волны,
 а вчера в Колизее мы гладили уличных кошек...
 Ты по Via Aurelia, резко и наискосок зачеркнула все сны,
 словно миф о Персее, бесценною ношей...
 Веллингтон от Тбилиси, почти в параллели – на крае земли,
 равно как и от Киева, ветры Чикаго нисколько не ближе.
 Направление выси, в отрочестве раннем, решали не мы,
 ну давай, семилетним зигзагом,
 увидимся летом в безлюдном Париже...
 Жаль, что это похоже на прозу из ранних набросков
 в эскизах Дали,
 нас с тобой научили этруски не быть, как другие.
 Сколько будет морозов, и сколько нездешней любви,
 тщетных писем по-русски, где нет адресатов доныне.
 Предотлетные дни – так похожи во все времена,
 мы с тобою друг – друга еще не узнали ни разу,
 «мы», уже не «они», и «наверное», больше не «да»,
 так ладиспольской фугой, не сказанной замерла фраза

* * *

*В апреле нынешнего года киевская улица Ивана Кудри
 переименована и названа именем американского сенатора
 Джона Маккейна...*

На улице Маккейна всё те же тополя,
 грузинская кофейня в тридцатых номерах,
 в названии неуместном несовпадений мгла,
 здесь мироточит детство сквозь воздух и слова...
 есть школа возле дома, где начинался бой –
 такая идиома мерещилась в застои,
 есть стадион – доныне известный атрибут;
 те окна, что родные, мелькнуть не преминут.

На улице Маккейна, я – пришлый гражданин,
 и всякий раз в смятении, здесь исчезает грим.

При каждом воплощении, приходом в детский двор
даруется прощение за прежний nevermore.
Порой с друзьями детства шаманим за столом,
прочь позы и кокетство, нам с ними есть о чем...
Бывает не до смеха – настали времена,
я из страны уехал, их – бросила страна.

На улице Маккейна – особый микрокосм, –
печаль благоговейна, смешон апофеоз...
Грань умиротворения, когда кругом Печерск,
планетное включение – ручья Седоны плеск.
Здесь на Ивана Кудри – то, чего нет нигде,
смолкает марш бравурный, изъяны в правоте.
весть на пересечении того, чему не быть,
вход в то предназначение, которым дорожить.

От аризонских прерий, в долины красных гор,
отсветов и мистерий, вьетнамских снов и пор,
афганских катаклизмов и югославских войн,
на улице, сквозь призму от бойни городской...
На улице Маккейна, шаг призраков ночных –
подпольных отречений, облавы резкий крик...
На улице тревожен апрель и в наши дни,
вот только невозможно быть прошлому сродни.

* * *

Улетай поскорее из этих озерных краев,
здесь – у прерий, свой терпкий,
любовью пропитанный нрав.
Исчезая, забудь анаграммы несказанных слов
столь поверхностной лепки
и полузабытых октав.

Улетай, если сможешь, и больше не нужно сюда
ни этюдом, ни рифмой случайной,
ни взглядом, ни сном.
От таких возвращений приходит беда в города
вслед аккордам мелодий прощальных
в чудном одеянье простом.

Улетай, у нелётной погоды – свои времена,
а покуда безветренно, тихо и солнечно
лайнер спокойно взлетит.
Под крылом неизменно останется та же страна,
от рассвета до ласковой полночи –
город невольно простит.

Улетай без сомнений, про всё в одночасье решив,
в сослагательной лексике
вечно таится коварный изъян.
Когда в детстве однажды ломаются карандаши
по классической сказочной версии –
это жестокий и тонкий обман.

Улетай – тебя встретят, обнимут, предложат постель,
турбулентность – всего лишь прелюдия
лучших и светлых времен.
Время вылечит всех расставаний навязчивый хмель,
ну а если случайно забудет,
то есть камертон...

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Порой предсказания не стоят и ломаного гроша,
так было всегда, но кто ж этот грош ломает. –
Так после любви загадочен вдруг ландшафт,
по сути – реальности нет, только чай остывает.
Тут как склонить – сослагательно или нет, –
память не пишет фрагменты, а только в целом.
В лете нулей, между двойками был просвет,
закат и рассвет рифмовались по контурам тела.
На подсознание осталась загадка ее плечей,
она не исчезла, не вышла в астрал и не постарела,
просто, вернув «...как-то в осень...» брелок ключей,
осталась эскизом, наброском, сделанным мелом.

Чикаго

Валерий Брайнин-Пассек

* * *

Запах свежего белья
чистый, жесткий, ломкий —
из постылого жилья
на вчерашний тротуар
выбегает обормот,
и чужой души потемки
на мгновенье потрясет
солнечный удар.

Всё, что он придумать смог, —
розовая скука.
Обормотов любит Бог,
хоть и порет иногда.
Пользы много, спору нет,
но несладкая наука —
нежной розги алый след,
в супе лебеда.

Тяжек жернов на плечах,
горек хлеб полынный,
кто другой уже зачах
или скурвился давно,
лишь блаженный фаворит
жив слабейшей половиной,
и в ночи его горит
вечное окно.

Фантастически вкусна
жизнь на переломе,
заикается весна,
как на первом randevu,
безболезнен переход
к долгожданной смерти, кроме
лихорадки, что трясет
юную траву.

* * *

Погоды тихой баловень и дамб
угодник, чуден пятистопный ямб.
И верно – редкой рыбе подфартило
доплыть до середины без цезур,
когда для развлечения местных дур
рыбак подьемлет вялое ветрило.

Мы предаем, когда хотим любить,
и вместо ямба к нам готов прибыть
кривой уродец, колченогий дактиль.
Он имитатор страсти, он пошляк,
он грубый фельетонщик, но никак
не разобраться, кто же здесь предатель.

Любви-злодейке, дальнему пути,
казенным нарам вышел срок почти,
но боязно увидеть там, за вышкой
широкую страну лесов, полей
и рек. Неволя может быть милей,
чем комсомолка с книжкой под мышкой.

О, кто так безутешно одинок,
что, даже видя, заглотнул крючок,
себя позволил вышвырнуть на берег?
Почто лежит покорно на траве?
Почто в его безмозглой голове
туман канад, австралий и америк?

Еще не запаршивел старый пруд –
здесь дохнут караси, сазаны мрут,
однако не спешат на сковородки.
Сюда не проникает грязный дождь,
а грозный тамада и красный вождь
здесь ни усов не кажут, ни бородки.

Плюнь мне в глаза, и я плевок утру.
Я промотался на чужом пиру,
прокуковал, пробегался по шлюхам,
себя прошляпил. Нынче на току
тетёрку за собой не увлеку,
глухарь-бетховен с абсолютным слухом.

Мы любим тех, кого хотим предать.
Ты, нежность, в темноте, как вечный тать,
приходишь. Ты – находка осязания,
фосфоресцирующий след лица,
честнейшая улыбка подлеца,
ленивая, зеленая, сазанья.

Здесь у тебя уловок – пруд пруди:
Вот розовый живот, а вот груди
серебряное вздутие, вот кроткий
золотошвейный глаз. И невдомек
глядящему, на что дерзнет крючок,
губу минуя и дойдя до глотки.

* * *

Из детства, из дешевых литографий,
из школьных биографий, эпитафий,
из глупых анекдотов, умных книг
у нас у всех, прошедших через это,
похожий образ первого поэта
и времени поэтава возник.

Но, заглянув в себя, в волшебный ящик
воображения – ненастоящий
за кадром обнаружим реквизит:
там тишина музейная, густая,
там по стене, минувшее листая,
киношный лучик весело скользит.

Там скрипки онемевшие резвятся,
там баритон безмолвно держит ля,
там с люстры от неслышимых оваций
грозят сорваться гроздь хрусталя,
беззвучно ветер вымпелы полощет,
бесшумно волны бьются о гранит,
войска в молчанье занимают площадь,
на Черной речке выстрел не гремит.

В полярной тишине музейных комнат
одни стихи, что учены давно,
о жизни непридуманной напомним,
озвучат безголосое кино.

* * *

Карточный домик на тонких бумажных опорах,
плачущий комик, тряпиц окровавленных ворох,
что-то еще? – да, вчера лишь рожденное слово,
через плечо озираясь, исчезнуть готово.

Минули сроки, глушцу отведенные снова:
жест недалекий, небрежность движенья слепого –
и полегли в пограничье тузы и шестерки,
выпали дни – о, как нынче романсы жестоки!

Если б не эта, не эта, не эта попытка,
если б не лето, не глупое счастье избытка,
мне б никогда не дойти до такого паденья,
где и следа не найти от былого паренья.

* * *

Слова, улетающие в пустоту,
в разрежённый воздух зимнего дня,
за протоптанную секундантом черту –
возьмите с собой меня.

Бесконечна дуэль с двойником моим –
бильярд без шаров такая стрельба,
из стволов безопасный тянется дым
и подмигивает судьба.

Юный автор роняет на снег лепаж,
тихонько руку на грудь кладет,
и время, затеявшее ералаш,
устремляется наоборот.

Если выигрыш выпал – из молока
возвращаются пули в горячий ствол,
чтоб затем разлететься наверняка
и веером лечь на стол.

И приходит флеш, но делаешь вид,
что по меньшей мере каре пришло,

над трубой морозный дымок стоит
и уже почти рассвело.

Юный автор дописывает листок
и к мазурке спешит, и велит запрягать,
время движется вспять, и его исток –
время, идущее вспять.

Не поставить точки, не вызвать врача,
не ответить тому, кто плевал и пинал,
многоточие – вот начало начал,
кульминация и финал.

* * *

Фальшивый сваровски лежит на витрине,
а подлинный к луже примерз.
Кровянка на ранке казалась доныне
нестрашной – что клюквенный морс.
И в каждом ребенке тот утренник звонкий,
на барышне юбка в просвет,
и ломкий сваровски, негромкий, неброский,
и гаги серебряный след*.

Вот так и бывает, что жизнь убывает –
вот так, и вот так, и вот так.
Нас тут настигают, нас тут убивают,
а там не спасемся никак.
Мы видим всё ту же хрустальную лужу
и льдинки-пластинки, и свет –
его мы в туннеле едва разглядели,
в туннеле, которого нет.

* Гаги – беговые коньки. Гага – конёк.

Вл. Яськов

Ошибки совести

* * *

когда наступает расплата
в шестнадцатый день октября
пылают на шкуре заплаты
и шапки на воре горят

и сами собою собою
бесцветные мысли шуршат
о том как готовится к бою
и к сдаче готова душа

когда надвигается осень
а следом за нею зима
о как мы прощения просим
о как же мы сходим с ума

и беглый порядок наводим
расшатанным нервам своим
и выключив свет не уходим
и в темной прихожей стоим

тогда начинается то что
уже не нуждается в нас
затерянных в собственном прошлом
уволенных в вечный запас

закат проступает по капле
сквозь день что еще не погас
и входит вертялява как чаплин
причина отсутствия нас

ПРОСЬБА

свечению страницы под утро наступит предел
как пóд вечер — пенью синицы
что днем не дослушал, что ночью ты не доглядел
к полудню приснится

над белой как снег пустотой воспарит снегирем
затеплится нежно и ало
певучая мысль: мы с тобою вот так же умрем
как ночь догорала

так странно застать себя спящим в нетесном строю
как в бе(г)лую ночь перед боем:
так старые трубы должно быть во сне издают
короткие резкие взвои

рассвет всепрощающ но ты обессилен и глух
к красотам его скуповатым, –
пусть где-то уже собирается с духом петух
окликнуть пернатых...

...но ты еще спишь нераздельный со всем что в ночи
из глины и веры лепилось
и мрак за окном протыкают не копья – лучи
надежды на милость

ХОЛОДНО

...в посадке, куда ни одна...

Б. П.

не то чтобы ужас но трепет травы
но ветра усилие но веток брезгливость
но строки Ахматовой и Петровых –
о как же когда-то растрогать могли вас

а нынче и вымол(в)ить слово – слабó
не то что в объятия (в)пасть, точно в ересь
ни равенств, ни братств, ни гражданских свобод...
во всём, что на свете держало, изверясь

вы в мимо грядущее маленький шаг
не то что решиться – замыслить не в силах
а будни захватанным прошлым кишат
о где ж эта страсть что на волю просилась?!

затекшее сердце стучит не попад
как пьяный во тьме: бормоча, спотыкаясь
и мягко по трупам идет снегопад
хрустящей травы не топча не касаясь

* * *

всё книги, да скука, да бедность, да стыд
да мелких забот деспотия
вот так бытие превращается в быт
и смысл не утрачен, но просто избыт
умолкли витии

кому они надобны – эти твои
попытки, увертки, резоны?
ведь Тот, кто над всем этим молча стоит
ты знаешь, навряд ли на слух отличит
тебя от Назона

и все-таки в ночь ускользает строка
как змий не мудра но лукава
и ты продолжаешь валять дурака –
как Тот, кто взирает на нас свысока
...что правильно, право

как будто не страшен грядущий цейтнот
и жизнь прожита не напрасно
как будто забытое чувство вот-вот
как зимнее солнце без боли взойдет
над всем, что погасло

DUM SPIRO

все слова повыбило, как градом
зеленя
ты наверно счастлива что рядом
нет меня
ты должна быть счастлива: день прожит
без помех
и ничей тебя не потревожит
плач ли смех
тишина гармония в природе
день-деньской
ничего с тобой не происходит
с вот такой
равнодушно дневное светило
вниз глядит

ты меня на волю отпустила
из груди
вычеркнула, сумрачно ликуя
как строку...
...всё равно надежда и такую
я тебя небрежно зарифмую
сберегу

ПРОЩАНИЕ

точно тлеет во тьме уголек и белеют халаты
долгожданный уже недалек палача и расплаты
«голова моя ждет топора да зеленого лавра»
что возьмешь ты с того школяра? молока с бакалавра

не отсудишь за давностью лет ничего кроме блуда
то ли саднит тавро на челе, то ли в мыслях полуда
то ль полундрою бредит моряк на тифозной кровати
чтоб окрасить листву ноября, нашей крови не хватит

мир вовне, как разграбленный склеп, смотрит в прошлое слепо
поцелуй на морозном стекле, веры попранной слепок
до рассвета века и века, во вселенной ни звука
ах зачем эта жизнь коротка и любовь близорука

ЗАПИСКА

слишком долго везло
отвыкай понимать с полуслова
потому что нельзя
я запомнил число:
я домой возвращался восьмого
точно по льду скользя

хоть залейся теперь
можно пиво а можно текилу
можно просто лежать...
где-то ухнула дверь
где-то — полкилограмма тротила
мне на всё наплевать

жизнь длинна — от нее
устают даже быстрые души
и понятно ежу
что не просто гниет —
отменен и подробно разрушен
мир где молча лежу

ну и что? — скажешь ты
ну и что... ну и что в самом деле
просто истина в том
чтоб являться как штык
чтоб сидеть по ночам у постели
чтобы помнить потом

и когда надо мной
так же плотный осядет суглинок
я очнусь — и вздохну
что в планете одной
мы с тобою — две горстки пылинок
обратились в одну

Харьков

Олег Дозморов

* * *

Пелось в песне: птицы не поют,
и цветы не пахнут натуральные,
и луна здесь не блестит.
Поют, оказалось, словно ненормальные.

Уязвленных, оскорбленных нас
родины своей несовершенствами
отвели шутя в специальный класс,
где общаются одними жестами.

Заглушай, четвертая волна, стыд
предательств песней очумелою,
горечь эту сладко пей до дна, бей,
как куклу, правду пустотелую.

Я швырну окурок в океан,
хоть и не курю, пройду по палубе,
посмотрю, как стелется туман,
как в тумане птица вторит жалобе.

* * *

Они давали мне последний шанс
купить приставку, закачать программу,
воспользоваться скидкой тотчас –
проигнорировал, ушел в отказ
и пару раз упомянул их маму.

Я, неудачник и позор семьи,
десятки шансов в жизни просохатил:
понюхать розу, выпить на свои,
сломать строку, пнуть дверь в военкомате,
признаться однокласснице в любви.

Я в третьем классе струсил во дворе.
В шестом забил на секцию хоккея.
На выпускном не станцевал с Р. Е.
и с этим запоздал стихотворе...
Что наша жизнь – кредиты да ИКЕЯ.

Теперь сижу, взираю на купон,
держу в уме вишлист своих предательств,
на шапке жаждал оторвать помпон,
сыграть в рулетку, не надеть гандон,
строку сломать, уйти от обязательств.

* * *

Г. К.

И у меня он есть – помощник
голосовой. Он ябеда и полуношник,
дурак, герой.

То крик, то вой, то шорох, шепот,
то мот, то жмот, то в рот воды,
то пря и ропот, то речь ведет.

* * *

– Ты знаешь Постоногова? – Отнюдь.
– Тебя бы познакомить. – Познакомить?
Считалось всеми, на него похож я.
А я и знать не знал, кто он и что.

Я и теперь не знаю. Странно, правда?
Вам говорят, что вы похожи так,
что мать родная вас не отличила б.
А вы в ответ мычите. Кто такой

счастливый этот Постоногов? Где
его найти? И почему он, дьявол,
похож так на меня? Он человек?
А может, биоробот, убежавший

из их какой-то тайной мастерской,
где биороботов приводят в чувство.
О, почему я должен это думать?
О, где же ты, прекрасный Постоногов?

Мне без тебя ни счастья нет, ни жизни.

* * *

Куда пропало слово «маргарин»?
Кому мешало слово «рубероид»?
Ты доживешь, курилка, до седин,
и раздражение рот тебе откроет:

фрилансер от поэзии, я тот,
кто сам себя поставил под раздачу,
моля удачу, я смеюсь и плачу,
бесценных слов сквалыга, скряга, жмот.

Лондон

Сергей Шабалин

* * *

Скоро тридцать лет как нет железного занавеса. С ним и ностальгии...
Эту байку, как точильщик лезвие, мастерски затачивают гиды – от литературы журналистища, лезвие блестит и не случайно. Вопреки холодности артистствующих вне орбиты магии и тайны...

Верю, ностальгия не досадует детям нефтяного олигарха. На работу приходит ненужность от недуга – верная припарка. Взял билет назло погоде ветреной и в иллюминаторе, спросонья, разглядел разметки Шереметьево... Надоело? Снова на Гудзоне.

Только всезависящим от доллара и на службу ежедневно чешущим авиауколы не дарованы; терапия неба не обещана... Впрочем, в возвращении нет отдушины тем, кого еще в России вылечили – столь прицельно наплевали в душу им, что они английский в Пскове выучили.

И меня на родине не гладили, подливая в водку морс кисельный... Били кулаком – чтоб помнил ссадины. Били словом, что еще больнее. Но бывали и другие встречи – годные стать началом жизни, вдохновения... В общем, каюсь в личном неумении вычеркнуть из списка слово «родина».

За бугром сквозило счастьем фартучным и фабрично-выкроенным. Мне же

выдавали родину по карточкам
в жизни, проходившей на манеже.
Где бывали и с рапирой выпады
и бега от хищников измученных
дрессировкой – злая карта выпала.
Я уж и забыл о вере в лучшее...

Удалась ли жизнь? Нет, наверное –
врать себе – провальная затея.
Но держу в руках цепочку медную,
ту, что ты оставила в постели.
Ты идешь навстречу легкой поступью
сквозь снежинки на ресницах тающие.
А за поворотом – девяностые
и железный занавес не пал еще...

ВОСПОМИНАНИЯ. ДОКУМЕНТЫ

Воспоминания об архиепископе Феофане Полтавском

Событий и испытаний, которыми была наполнена жизнь Владыки Феофана Полтавского, с лихвой хватило бы на несколько жизней. Он прошел путь от студента до ректора Санкт-Петербургской Духовной академии, в которой подвизался на трех поприщах: научно-академическом, пастырско-священническом и монашеско-аскетическом. Был свидетелем, а часто и прямым участником, всех значимых событий в непростой истории России. Он был «совестью» последнего российского императора, участником возвышения Григория Распутина при дворе – а затем непримиримым борцом с ним. Он был одним из основателей Русской Православной Зарубежной Церкви и бескомпромиссным борцом за ее чистоту. Уже напечатана большая часть его писем, воспоминания о нем. Данное воспоминание, оставленное двумя женицами – подвижницами и помощницами Владыки – А. В. Пороховой-Ахонен и М. В. Федченко – является еще одним «пазлом», из которых складывается картина жизни как Феофана Полтавского, так и всей российской действительности начала прошлого века. Текст содержится в архиве монастыря РПЦЗ в Джорданвилле, США. Печатается по современной орфографии.

Юрий Сандулов

ВОСПОМИНАНИЯ, БИОГРАФИЯ И ПРАВДА О ЖИЗНИ ВЛАДЫКИ ФЕОФАНА ПОЛТАВСКОГО

Чувство долга, справедливости, также как и глубокого уважения к покойному Владыке Феофану Полтавскому, заставляет меня, слыша клевету, несправедливые суждения о нем, записать правду о его жизни, пользуясь воспоминаниями о нем семьи Вальконен (Пороховых), которые знали его по Петербургу, когда он был ректором Духовной академии при Александро-Невской лавре, [а также] воспоминаниями его верного и преданного воспитанника В. И. Матвейченко.

Владыку я знала по Полтаве, где мой муж командовал 9-й Арт[иллерийской] бригадой, с которой ушел на войну и был убит 27-го авг[уста] того же года (1914. – Ю. С.), – и по Лубнам Полтавской губ[ернии], где был наш хутор в 6-ти верстах от Лубенского Спасо-

Преображенского монастыря, в который Владыко приезжал служить и отдыхать.

БИОГРАФИЯ

Владыка Феофан родился в 1872 г. в Петербургской губернии, где отец его, о. Димитрий Бистров (Быстров по-русски. – *Ю. С.*), был сельским священником. Родители его были люди небогатые, отдали сына в Духовную школу при Александро-Невской лавре.

Жизнь в школе была очень тяжелой, кормили плохо, и Владыка был худым и слабым ребенком, но учился очень хорошо.

По окончании школы был переведен в семинарию, где условия жизни были гораздо лучше и кормили хорошо. Окончил первым, так же, как и Духовную академию, по окончании которой был оставлен в Академии и получил кафедру Библейской истории и был назначен ректором Духовной академии.

Владыка был знатоком древнееврейского, санскритского, греческого и других древних языков. Некоторые его труды, так же, как и магистерская диссертация, получили известность за границей. Диссертация была об Именах Божьих.

Государь пожелал сделать его своим духовником, так же, как и всей семьи.

В 1903 году состоялось открытие мощей Преподобного Серафима Саровского, были большие торжества, на которых был Государь с Императрицей, Великие князья и масса народу.

Женой Великого князя Петра Николаевича, Мелицей Николаевной, был представлен Императрице Распутин – как прозорливый, набожный старец-аскет. Распутин начал свою карьеру служкой у отца Иоанна Кронштадского, сопровождал его всюду, приезжал с ним также во Дворец Вел[икого] кн[язя] Петра Николаевича.

После смерти о. Иоанна Кроншт[адского] Мелица Николаевна заинтересовалась этим человеком, вероятно, видя его религиозность и проникательность, которые произвели на нее сильное впечатление, а так как обе сестры-черногорки были спиритками, то Распутин являлся для них как бы медиумом; может быть также общность интересов сыграла для их сближения известную роль. Пример: в Спале, где была царская охота, на которой был Государь с Наследником и вся Царская семья, Наследник упал, прыгая из лодки, ушибся, и у него сделалось подкожное кровоизлияние, от которого он очень страдал.

В[еликая] кн[ягиня] Мелица Николаевна предложила Государыне вызвать Распутина помолиться у кровати больного. Распутин приехал, встал на колени у кровати больного Наследника, заставил и

других сделать то же и долго молился; боли понемногу прекратились, и Наследник быстро поправился.

Второй раз был уже во время войны. Наследник с Государем был в Ставке. Выходя из вагона, упал и сильно расшибся. Кровь хлынула из носа и ушей. Наследника, истекающего кровью, подняли, положили на простыню, которую подвязали к автомобилю, и в висячем положении привезли в Царское Село, где его ждали все светила медицинской науки. Наследник был белый как снег. Доктора осмотрели и решили, что только операцией можно остановить кровь, вставив пленки кроличьи в нос, и спасти Наследника. Начали готовить всё необходимое для операции.

В дежурную комнату собрались все высшее чины Двора, камер-фрау, фрейлины, с волнением ожидающие результата и боясь рокового исхода.

Императрица вызвала Распутина. Приехал Распутин и сейчас же прошел в комнату больного Наследника. Встал на колени, велел также всем присутствующим сделать то же и долго и усердно молился, упорно глядя на Наследника.

К общей радости, кровь постепенно переставала течь, скоро и совсем прекратилась. Профессор Федоров, присутствовавший в комнате, осмотрел больного и удостоверился, что кровоизлияние совсем прекратилось и операция не нужна.

Пр[офессор] Федоров, выйдя в дежурную комнату, развел руками и сказал: «Я не верю в чудеса, но тут я останавливаюсь; чудо это или гипноз, магнетизм, я не берусь судить». Это я пишу со слов одной придворной дамы, камер-фрау Императрицы М. Ф. Герингер*, которая находилась при ней со дня ее приезда в Россию и до самого конца их царствования, имея право, даже когда Они были в ссылке, делать их поручения, получать их письма и писать им.

Государыня исключительно хорошо относилась к М. Ф. Герингер и ценила ее, несмотря на то, что М[ария] Ф[едоровна] не была знакома с Распутиным, так же, как и вся ее семья, и осуждала его непристойное поведение вне дворца.

Государыня, видя чудесное спасение сына, считала его (Распутина. – *Ю. С.*) как бы святым, веря в силу его молитвы.

Государыня была очень набожной; часто в Царском Селе, одеваясь просто с платочком на голове, она шла к ранней обедне в церковь

* Мария Федоровна Герингер (урожденная Аделунг), камер-фрау императрицы Александры Федоровны. Ее дед, ген. Ф. П. фон Аделунг (1768–1843) – русский историк, философ, библиограф, член-корреспондент Петербургской Академии наук, был воспитателем имп. Александра II. (*Ред.*)

Знамения Божьей Матери, горячо молилась, плакала, стоя незамеченной между простыми людьми. Государыня читала много духовных книг, знала все творения Столпов Церкви. Императрица, настроенная мистически, религиозно, неудивительно, что видела в Распутине человека скромного, религиозного, праведника, два раза спасшего ее сына.

Насколько скромно было поведение Р[аспутина] во дворце, настолько оно было неблагопристойно вне дворца. Одна высокопоставленная дама (Имп[ератрица] М[ария] Ф[едоровна]. – *Авт.*), митрополит С[анкт-]П[етербургский] и всё высшее духовенство начали просить Владыку Феофана Полт[авского] (как духовника Государя) обличить Распутина перед Государем. Владыка Феофан попросил священника Медведя* собрать нужный материал для обличения и испросил аудиенцию у Государя. Всё время, пока Владыка обличал Распутина на приеме у Государя, Государыня молчала, но присутствовавшая Вырубова всё время говорила: «Это неверно, это неправда».

При прощании Государь крепко пожал руку и поблагодарил, а Государыня сказала: «Про всех Святых всегда плохо говорили при их жизни и гнали их».

Приехав домой, у Владыки сделался частичный паралич, но скоро прошел. Имп[ератрица] М[ария] Ф[едоровна] позвонила Владыке по его возвращению домой и поблагодарила¹.

Через несколько дней Владыка попал в опалу – всё высшее духовенство отвернулось от него. Сначала Владыку послали в Крым, но по приезде туда царской семьи перевели в Астрахань².

Все волнения переутомили слабое здоровье, а полученная малярия требовала других климатических условий. Владыка просил перевести его в другую епархию. Владыке была предложена Полтавская, куда Владыка и переехал на место Архиепископа Назария.

Владыку народ везде любил и чтил его высокое смирение и религиозность. Когда Владыка уезжал из Астрахани, народ плакал, провожая его, и стоял на коленях, когда Владыка благословлял его.

Приехав в Полтаву, как монах строгий, скромный, он упразднил

* Роман Иванович Медведь, свящ. (1874–1937). С Владыкой Феофаном Быстрым дружил со студенческих лет. В 1918 г. был назначен настоятелем храма Василия Блаженного вместо расстрелянного в сентябре того же года протоиерея Иоанна Восторгова. В 1919 г. организовал Братство ревнителей православия. В 1931–1936 гг. – в ГУЛАге. В июле 1937 г. избежал нового ареста как лежащий тяжелобольной. Скончался в сентябре того же года, похоронен в Малоярославле. Прославлен в 2000 г. в лике священноисповедника. (*Ред.*)

в архиерейском доме всё, что нашел лишним, и главное внимание сосредоточил на богослужении, духовной дисциплине служащих и на хорах.

При нем было два хора, один Архиерейский, состоявший из 9 человек, а другой Соборный – 45 человек. От регента Владыка требовал безукоризненной постановки хора духовного. Благодаря этой тройственной постановке, богослужения всегда происходили полностью с благоговением, что давало молящимся большое духовное настроение и подъем веры.

Когда Владыка говорил, церковь была настолько полна, что пройти ближе, чтобы слушать, было почти невозможно; его проповеди все ждали с нетерпением и благоговением. Владыко утром и вечером всегда присутствовал на богослужении и часто сам служил.

По епархии Владыка не ездил, но приемы у него были всегда большие, утомительные, приходило много бедных и никто не уходил с пустой рукой. Часто после больших приемов различных лиц, дел и большой корреспонденции Владыка чувствовал себя усталым, расстроенным и нервным; лицо было болезненно желтое, строго сосредоточенное; глаза проницательные, умные.

У Владыки был духовный дар предвидения будущего: напр[имер], будучи мальчиком 7 л[ет], он видел сон, что стоит на лобном месте и отец, проходя, кадил ему; этот сон утром он рассказал матери; отец, сидевший в соседней комнате, слышал и сказал: «Вот еще появился новый Иосиф», – но сон сбылся, когда Владыку посвящали в епископа, от Александро-Невской лавры: он стоял, как полагается, на лобной месте, и отец служил и, проходя, кадил ему.

Владыка был большим аскетом и большую часть времени проводил в своем кабинете, часто с закрытой дверью. Много писал, по Богословию у него были большие труды, часть которых пришлось сжечь при наступлении большевиков, так как взять все труды с собой при отъезде из России было невозможно.

Обстановка в его кабинете была самая простая: в углу стояла железная кровать с досками вместо матраца, на которой Владыко спал, но очень мало. В комнате было много икон, у которых он долго и часто молился со свечой в руке, несмотря на зажженные лампады. Стол у него был простой, и ел он очень мало. Редко выходил в сад подышать свежим воздухом. Когда сильно переутомлялся, уезжал на несколько дней в Лубенский Спасо-Преобр[аженский] монастырь.

В 1917 г. Владыка должен был ехать в Москву на Собор, что исполнил неохотно, т. к. чувствовал, что духовенство в большинстве случаев настроено против него; этот Собор был важным избранием Патриарха во главе Русской Православной Церкви; происходил [он]

в довольно удручающей обстановке начинавшегося большевистского переворота³.

Во время войны Владыка отдал весь архиерейский дом полностью под лазарет, а сам жил у ректора Духовной семинарии. Во время Гетмана* Владыка снова занял часть дома, а другую заняли немцы.

Когда Петлюра взял власть, то потребовал, чтобы Владыка отслужил благодарственный молебен на площади Успенского собора в Полтаве. Владыка, конечно, отказался и был арестован, но скоро выпущен⁴. Когда были введены выборные начала⁵, Владыке пришлось тоже много перенести от некоторых духовных лиц.

Когда большевики пришли (первый раз), Владыка был тоже арестован чекистами, его воспитанник В[асилий] И[ванович] М[атвейченко]**, видя, что увозят Владыку, бежал за лошадьми до самой ЧеКа и стоял у дверей, пока Владыку допрашивали, не обращая внимания на грозные окрики стражи.

Владыку отпустили, и они вернулись домой; всё с Божьей помощью прошло благополучно. Когда армия Деникина, выгнав большевиков из Полтавы, заняла город, но не удержалась, и пришлось через несколько месяцев отступать, Владыка вместе с иеромонахом Иоасафом***, В[асилием] И[вановичем] и губернатором выехали в Крым. В[асилий] И[ванович] заболел тифом и остался в Симферополе, а Владыка с иеромонахом Иоасафом поехали в Херсонский монастырь около Феодосии, на берегу Черного моря. Денег у них не было, и накануне Св. Пасхи даже нечем было разговеться. Иер[омонах] Иоасаф спросил Владыку: «Что же нам делать, Владыко?» «Надо помолиться, — ответил Вл[ады]ка. — Бог и поможет.» Они шли по берегу моря, был сильный ветер, волны на море, одна волна выбросила дельфина большого к ногам иер[омонаха] Иоасафа, он быстро подхватил его, взвалил на плечи, пошел на базар, где и продал его. Радостно накупив всё, что нужно для разговения, он вернулся к Владыке. «Велика Ваша вера, Владыко, теперь нам есть чем разговеться».

Из Крыма Вл[ады]ка эвакуировался в Константинополь, затем в Сербию и Белград, где очень бедствовал⁶. Семья Вальконен

* Скоропадский Павел Петрович (1873–1943), генерал-лейтенант Императорской армии; гетман Всея Украины с 29 апреля по 14 декабря 1918 года. В эмиграции — в Германии. Был смертельно контужен при бомбардировке англо-американской авиацией. Скончался в больнице Меттенского монастыря. Похоронен в Оберстдорфе. (Ред.)

** Василий Иванович Матвейченко — певчий. Сведений нет.

*** Речь идет о будущем архиепископе Иоасафе (Иван Васильевич Скородумов, 1888–1955), епископ РПЦЗ, архиепископ Буэнос-Айресский и Аргентинский. (Ред.)

(Пороховы*), знавшие Вл[ады]ку еще по Петербургу, сначала помогала ему посылкой денег, а потом дала ему возможность переехать к ним во Францию. Послали визу и денег на дорогу генералу Архангельскому** с просьбой посадить Владыку на поезд, идущий без пересадки из Софии в Париж (*simpl. exp.*), таким образом Владыка хорошо доехал до Парижа, где Вальконен встретил его на вокзале. Владыка выглядел ужасно, был сильно болен. Позвали доктора и начали усердно лечить. Находясь в хороших условиях и с помощью лекарств и заботливого ухода, Владыка быстро поправился.

Но и здесь у Владыки не было душевного покоя, враги не оставляли его и распространяли о нем ложные слухи, говорили даже, что он ненормален. К Владыке, когда он уже был в Кламаре, пришли два профессора из Парижской Духовной академии и просили их принять. Владыка принял; в разговоре они задавали Владыке самые трудные богословские вопросы, прося объяснений. Владыка спокойно отвечал, объяснял им и долго беседовал с ними. Уходя, они сказали Ф. В. Вальконен, провожавшему их: «Какой светлый ум у Владыки и какие глубокие познания. Как можно говорить об его ненормальности!» Все козни врагов рассеивались понемногу. Когда Владыка говорил, можно было часами его слушать.

Много клеветы и несправедливых суждений распускали о нем его недоброжелатели, но Владыка всё это принимал с кротостью и смирением, никогда не оправдывался и не опровергал ложных нападок, говоря: «Господь знает, а люди поймут потом, что были неправы».

В Кламаре жил митр[ополит] Серафим (Карлов[ацкий]), который пригласил Владыку служить, но у Владыки не было облачений. Митрополит Серафим вывез много облачений и церковной утвари из Финляндии, где он раньше служил, часть он продал в Англии, а другое привез в Париж. Ф. В. Вальк[онен] купил у него одно облачение, митру и нужную церковную утварь, тогда Владыка мог служить в церкви. Когда Владыка говорил проповедь, церковь была полна наро-

* Пороховы Федор Васильевич (1871–1936) и Лидия Николаевна (урожд. Герингер. 1877–1939). В эмиграции использовали другие имена – Вальконен Герман и Ольга. Похоронены в местечке Мон (Мознес), рядом с г. Амбуаз (Mosnes, Amboise), Франция.

** Алексей Петрович Архангельский (1872–1959), генерал-лейтенант. Начальник Главного штаба (1917–1918). В эмиграции в Бельгии. В 1944 Советское правительство потребовало от Бельгии выдачи ген. Архангельского, но бельгийские власти отказали. После войны проделал большую работу по восстановлению РОБС, в январе 1957 по состоянию здоровья передал должность председателя генерал-майору фон Лампе. С 27 января 1957 – почетный член РОБС. Похоронен в Брюсселе. (Ред.)

ду; когда же начинал говорить митр[ополит] Серафим*, большая часть молящихся уходила, что очень не нравилось митрополиту Серафиму. Перед Успением митр[ополит] Серафим пригласил Владыку служить, а сам уехал в другое место и увез весь хор. При таких, конечно, условиях Вл[ады]ка не мог служить и был очень огорчен. Видя, как расстроен Вл[ады]ка, Вальконен предложили ему служить дома, Вл[ады]ка очень обрадовался, но нужны все церковные книги, церк[овный] хор и регент; с Божией помощью всё наладилось быстро. Лидия Николаевна с племянницей Анастасией Васильевной (Ахонен)** объездила все книжные магазины Парижа и не нашли, но один еврей сказал им, чтобы они поехали в Сергиевское Подворье, что там Н. Осоргин*** продает церковные книги; они поехали сейчас же и купили, обиходные им дал Ник[олай] Петр[ович] Афонский****. Составили из своих друзей хор – нашли регента, и уже на Успение могли служить всенощную и обедню, а после обедни Вл[ады]ка отслужил благодарственный молебен и сказал: «И здесь козни врагов не подействовали». После этого каждый праздник и воскресение были службы, но и тут митр[ополит] Серафим постарался сделать неприятность, заявив полиции, что Владыка организовал приход. Полиция пришла, спросила у хозяина, который категорически заявил, что это неправда и что служат они только для себя.

В 1935 г. начал болеть Ф[едор] В[асильевич], доктора посоветовали переехать в деревню, я нашла им дом в Мознесе в 14 кил[ометрах] от меня, куда они и переехали в апреле 1936 г. Скоро умер Ф[едор]

* Митрополит Серафим (Лукьянов Александр Иванович. 1879–1959). С 1927 г. – в РПЦЗ, архиепископ Западноευропейский при Знаменской церкви в Париже; в 1945 г. присоединился к Московскому Патриархату, с 1946 г., после смерти митр. Евлогия, – Патриарший экзарх Западной Европы. (Ред.)

** Анастасия Васильевна Порохова-Ахонен, дочь убитого большевиками старшего брата Ф. В. Порохова – Василия Васильевича Порохова. После смерти Л. Н. Пороховой за Владыкой ухаживала Анастасия Васильевна. (Ред.)

*** Осоргин Николай Михайлович (1924–2015), профессор Свято-Сергиевского богословского института в Париже и регент церкви преп. Сергия Радонежского с 1950 г., сменив на этом посту отца, М. М. Осоргина. Вся его жизнь, от рождения, была связана со Свято-Сергиевским подворьем. (Ред.)

**** Афонский Николай Петрович (1892–1971). Участник Белого движения. В эмиграции работал в канцелярии митр. Евлогия, был регентом русской церкви в Висбадене, затем – регентом собора св. Александра Невского в Париже, где организовал Митрополичий хор. В 1947 г. переехал в США. Был регентом хора Синодального кафедрального Покровского собора в Нью-Йорке. Похоронен на Русском кладбище. (Ред.)

В[асильевич]. Владыка сам хоронил его на деревенском кладбище. Жизнь в деревне шла тихо, спокойно, часто они ходили все втроем на кладбище и служили панихиду. Кладбище было 1½ кил[ометра] от Мознеса. В 1938 г. заболел Вл[ады]ка, сделался паралич всей правой стороны. Вл[ады]ка начал поправляться, но внезапная смерть Лидии Николаевны от кровоизлияния в мозг ухудшила сразу его здоровье. Вл[ады]ка остался один с племянницей, которой трудно было ухаживать за больным, поднимать, сажать его. Вл[ады]ка захотел переехать, и 25-го авг[уста] 1939 г. его перевезли ко мне.

1-го сент[ября] началась война, но в деревне всё было спокойно, не было еще военных действий. Здоровье Вл[ады]ки всё ухудшалось, и 6/11 1940 Вла[ды]ка тихо скончался, причастившись запасными дарами, в полной памяти. Вл[ады]ка что-то говорил, но понять было трудно, кроме последней фразы: «Читайте отходную». Я начала читать, когда кончила в 3 ч. ночи, Вл[ады]ка благословил и тихо скончался. Когда я читала, Вл[ады]ка благословил А[настасию] В[асильевну].

Мы были только вдвоем; утром вызвали священника из Тура (со Стар[ого] Афона), отслужили первую панихиду; о. Варнава дал телеграмму митр[ополисту] Евлогию: как хоронить митр[ополита]? Евлогий ответил: как простого инока – и что приехать не может. Даже и после смерти митр[ополит] Евлогий плохо относился, чувствуя, верно, свою вину, что нарушил «слово», данное им Вл[ады]ке. Владыка глубоко скорбел о церковной смуте, начавшейся за границей после Карловацкого Собора*, и старался вразумить некоторых высших иерархов в необходимости и целесообразности канонической ликвидации общецерковной смуты во имя церковного блага на началах христианской любви и правды. Но всё было напрасно, произошел разлад Церквей и, как следствие, раздел верующих. Главная причина несогласия на Соборе

1) Не отходить от Карл[овацкого] Соб[ора]

состояла в том, что митрополит Евлогий считал, что вверенное ему управление Зап[адно]-Европейской епархией с благословением Патр[иарха] Московского Тихона должно остаться без изменений до восстановления нормальных сношений с Россией. Арх[иерейский] Синод в Карловцах считал себя высшей церковной инстанцией и был недоволен, что митр[ополит] Евл[огий] испросил подтверждения своего заведывания епархией, как бы игнорируя власти Синода. Во

* Карловацкий Собор – собрание русского зарубежного духовенства и мирян 21 ноября – 2 декабря 1921 г. в г. Сремски-Карловцы (Сербия). Официально именовался «Русское Заграничное Церковное Собрание», а с 1 декабря 1921 г. – «Русский Всеамериканский Церковный Собор». Сыграл важную роль в создании РПЦЗ. (Ред.)

главе Синода стоял Киевский митрополит Антоний; недоразумение между митрополитами приняло катастрофический характер и довело до разделения церквей, т. е. одни церкви были за митр[ополи]та Евлогия, главным образом Париж, а другие отделились от него. Во время споров митр[ополи]т Евлогий навестил Владыку, долго беседовал с ним и дал ему «слово» не отходить от Карл[овацко]го Соб[ора], но приехав в Париж, под давлением некоторых левых организаций забыл «слово» и отошел от Карл[овацко]го Соб[ора]⁷.

Вл[ады]ка, видя смуту, происходившую в приходах, отказался от всякого активного участия в церковных делах, тем более знал, что митр[ополи]т Антоний относился к нему скорее враждебно. Митр[ополи]т Антоний за границей написал книгу «Об искуплении». Вл[ады]ка нашел ее неправильной и написал свой труд «Об искуплении на основании Св. Отцов». Митр[ополи]т Антоний был очень недоволен и не скрывал своего раздражения против Вл[ады]ки. Вл[ады]ка, видя это, предпочел жить отшельником, много писал по богословию⁸.

Приехал на похороны и Василий Иванович Матвейченко, всё время бывший при Вл[ады]ке в Полтаве еще мальчиком – певчим.

Вечером служили Парастас, днем и ночью читали по очереди псалтырь. На 3-й день похоронили Вл[ады]ку на нашем деревенском кладбище. Хоронили мы в[четвер]ом; все искренне любили и уважали Вл[ады]ку. Как в семье Вальконен (Пороховых) Вл[ады]ка жил, окруженный самыми внимательными заботами, искренним уважением и любовью, и так и до конца мы старались предупредить каждое его желание. Мир его праху⁹.

Я считала своим долгом написать мои воспоминания и правду о жизни Владыки Феофана Полтавском.

Я хочу верить, что люди, которые будут читать мои воспоминания, поверят мне, и Вл[ады]ка хоть и по смерти будет оправдан от лжи и клеветы, испортившей его жизнь.

М. В. Федченко*, А. В. Ахонен

37 Limeray. France

* Мария Васильевна Федченко (?–1972), бывшая полтавская помещица, знавшая Владыку по Полтаве и Санкт-Петербургу, предложила архиепископу Феофану и Ахонен переехать к ней в Лимерэ. 1 сентября 1939 они переехали. Собственность М. В. Федченко составляли три пещеры, пригодные для жилья: в первой была келья Владыки, во второй устроена церковь, где он служил, в третьей жила А. В. Ахонен. Справа от пещер стоял дом М. В. Федченко, где жил Владыка. Улица так и называлась – «Лисьи норы». (Ред.)

* * *

Глубокоуважаемый и дорогой Владыко*,

Посылаю Вам воспоминания и биографию о Владыке Феофане. Простите, что так плохо написала – у меня сейчас тоже грипп, и я еле дописала. А[настасия] В[ладимировна] больна тоже: грудь, сердце и ноги едва ходят. Помолитесь за нас, пожалуйста. Будем ждать от Вас письма, а пока просим Вашего благословения и Ваших Святых молитв.

Искренно уважающие Вас А. В. Ахонен, М. В. Федченко

Поправлюсь – напишу еще.

Я бы очень хотела, чтобы архиепископ Виталий** прочел эти воспоминания; не найдете ли Вы возможным, чтобы кто-нибудь переписал и послал Владыке Виталию.

*Архиепископ Аверкий (Александр Павлович Таушев. 1906–1976), архиепископ Сиракузский и Троицкий, с 1960 г. настоятель Свято-Троицкого монастыря в Джорданвилле, США, ректор Свято-Троицкой семинарии при монастыре. Богослов, духовный писатель. (Ред.)

** Архиепископ Виталий (Василий Иванович Максименко. 1873–1960), епископ РПЦЗ, архиепископ Восточно-Американский и Джерзейситский. (Ред.)

ПРИМЕЧАНИЯ

Публикатор выражает искреннюю благодарность Андрею Любимову, Джорданвилль, за информацию об архиве Владыки Аверкия.

1. Многие исследователи считают, что митрополит Феофан сыграл решающую роль в приезде Г. Распутина в Санкт-Петербург и что он ответственен за то, что Царская семья оказалась под влиянием Распутина. Но неоспорим тот факт, что на протяжении жизни взгляды митрополита Феофана на личность Распутина менялись несколько раз, зачастую – до кардинально противоположных.

2. В бытность епископом Таврическим и Симферопольским он отслужил в Александро-Невском соборе Симферополя литургию с приданием анафеме Льва Толстого. Это событие было описано К. А. Треневым в повести «Владыка» в 1912 году. Во времена, когда архимандрит Феофан был инспектором Санкт-Петербургской Духовной академии, К. А. Тренев был студентом Духовной академии.

3. Его имя было выставлено на Московском Церковном Соборе 1917–1918 гг. в числе кандидатов на Патриарха. Также, как епархиальный архиерей, он принимал участие в работе Поместного Собора Всероссийской Православной Церкви 1917–1918 гг., на котором занял непримиримую позицию по отношению к «обновленцам». Выступал он и против «модернизма профессоров»; для него это была борьба между догмой и ересью. На этих позициях

он останется до конца жизни. «Братство Святой Софии» существовало в Петрограде с 1919 года. Возобновило работу в эмиграции в 1923 году в Праге. Устав софиологов был утвержден митрополитом Евлогием. Среди учредителей были известные богословы того времени, такие как С. Булгаков, В. Зеньковский, Г. Вернадский, П. Новгородцев и другие. До конца жизни Феофан выступал с критикой «светских богословов нового времени» и УМСА, считая, что на их взгляды оказал влияние протестантизм.

4. В Полтаве архиепископу Феофану пришлось столкнуться с украинскими «самостийниками» и петлюровцами. Вот как описывает события тех дней схимонах Епифаний (А. А. Чернов) в книге «Жизнь Святителя. Феофан Полтавский и Переяславский. 1874–1940»: «Захватив власть в Киеве в свои руки, Петлюра и его сторонники потребовали от полтавского архиерея отслужить торжественную панихиду по бывшем гетмане Украины Иване Мазепе, любимце царя Петра, но в Полтавском бою предательски изменившем царю и перешедшем на сторону врагов – шведов – и за это преданном Российской Православной Церковью анафеме. На требование петлюровцев архиепископ ответил: – Я не могу своею властью, не имею никакого права это сделать хотя бы уже потому, что бывший гетман Иван Мазепа предан Церковью анафеме за свое предательство. И я, архиепископ полтавский, этой анафемы отменить не могу. Ей уже более двухсот лет. И эта анафема наложена Высшим Управлением Церкви Российской того времени. – Так это же сделали москали в Синоде! – Нет! Вы глубоко ошибаетесь. Тогда Синода еще не было, но не было и Патриарха. А Церковь управлялась Местоблюстителем Патриаршего Престола. А этим Местоблюстителем как раз был митрополит Стефан Яворский, уроженец Западной Украины. Да и вообще, Царь Петр приближал к себе как раз украинцев как более ученых. Таковы митрополит Феодосий Яновский, митрополит Феофан Прокопович и другие... За этот мужественный отказ совершить противозаконное и антиканоническое действие самостийники заключили архиепископа Феофана в тюрьму, откуда он вышел, когда самостийные власти сбежали из Полтавы при наступлении Добровольческой армии».

5. Главные расхождения с митрополитом Евлогием Владыка Феофан изложил в письме к архиепископу Иоасафу: «Они признают Советскую власть за ‘богооткровенную’, а мы за власть Антихриста. Мы признаем ИМКА масонской организацией на основании подавляющих документальных данных. Они считают эту организацию христианской. Они называют себя ‘тихоновцами’, мы – кафоликами, православными. Они признают величайшим для себя авторитетом Патриарха Тихона и потому принимают даже его ошибки. Мы тоже благоговейно чтим Патриарха Тихона, но не принимаем его ошибок». В 1925 году Собор поручил Владыке Феофану сделать доклад об усилившемся влиянии масонства и подготовить проект обращения к зарубежной пастве по этому поводу. (Владыка Феофан был членом зарубежного Синода до 1931 года).

6. Основные расхождения архиепископа Феофана Полтавского с митрополитом Антонием (Храповицким) изложены в его Записке (от 1932.П 16/29) «Незаконмерные действия Владыки Антония»:

«– Патриарх Тихон и Заграничные Соборы не признавали и не признают автокефалии Польской Православной Церкви. Митрополит Антоний признал ее.

– Заграничные Соборы осудили введение нового стиля в Финляндской Православной Церкви. Митрополит Антоний сначала благословил введение нового стиля там, а затем осудил, каковым поведением своим много способствовал появлению церковной смуты в Финляндской Православной Церкви.

– И прежняя Русская Церковная власть, и Заграничные Соборы не признавали ‘схизмы’ Болгарской Церкви относительно Греческой. Митрополит Антоний упорно признает ее.

– Заграничные Соборы постановили не вмешиваться в дела Карпато-Русской и Чешской Православных Церквей в Чехословакии, а предоставить дело устройства этих Церквей, до восстановления нормальной жизни в России, Сербской Церковной власти. Митрополит Антоний неоднократным вмешательством в эти дела грубо нарушал постановления Соборов, восстановив этим против себя и чешское правительство, и, отчасти, Сербскую Церковную Власть.

– Соборами осуждено так называемое ‘Христианское движение среди молодых людей’ (УМСА) как вредное для русского юношества. Митрополит Антоний неоднократно благословлял это ‘движение’ как в высшей степени полезное.

– Осужден Соборами и Богословский Институт в Париже, самочинно устроенный митрополитом Евлогием. Митрополит Антоний благословил учреждение этого института и даже читал там лекции.

– Соборами постановлено административно отделиться от митрополита Сергия за его соглашение с советской властью и прекратить с ним всякое общение. Митрополит Антоний, невзирая на это постановление, находится с митрополитом Сергием в общении.

– Под влиянием сделанных возражений митрополит Антоний взял было обратно свой ‘Катехизис’, введенный им в учебное употребление вместо ‘Катехизиса’ митрополита Филарета. Но, как обнаружилось вскоре, сделал это неискренне и с чрезвычайной настойчивостью продолжает распространять свое неправильное учение об Искуплении и многие другие неправильные учения, заключающиеся в его ‘Катехизисе’.

– На одном из Соборов он доказывал полную допустимость для христианина и для иерарха состоять членом масонской организации до восемнадцатой степени масонства».

7. Митрополит Антоний в 1917 году опубликовал статью «Догмат Искупления», в 1926 году эта статья вошла в сборник, составителем высту-

пил также митрополит Антоний, затем книга была переиздана в Сремских Карловцах. Владыка Феофан выступил с резкой критикой книги, опубликовав свой труд «Об искуплении на основании Святых Отцов». Он считал, что митрополит Антоний не имел права излагать свои личные взгляды, в том числе и в «Катехизисе», поскольку они противоречили, по его мнению, учению Церкви. Также он критиковал митрополита Антония за его «политическое» участие, в нарушение Соборного решения, на стороне одной из партий – «Кирилловское движение». По его мнению, его (Антония) участие внесло серьезный раздор в зарубежное православие, вылившееся затем в борьбу с митрополитом Евлогием. В 1926 году митрополиты Евлогий и Платон демонстративно покинут Архиерейский Собор. В этом споре многие архиереи были на стороне Владыки Феофана, но не осмелились выступить против митрополита Антония.

8. Владыка Феофан скончался на 66 году жизни и был похоронен на общественном кладбище в местечке Лимерэ, могила № 432. В 2016 году Архиерейский Синод РПЦЗ поддержал просьбу Московской Патриархии о перенесении останков архиепископа Феофана из Франции в Санкт-Петербург.

Публикация, примечания – Ю. Сандулов

Человек, которому не снились сны

Письма Ивана Елагина Ираиде Легкой

Со стихами Ольги Анстей и Ивана Елагина я познакомилась в лагере для «перемещенных лиц» в Шляйсхайме, ходила на их выступления, покупала сборники. Познакомилась с ними самими уже в Нью-Йорке. Прочитав мое стихотворение «Холодно сегодня домам», Иван Елагин сказал: «Вам – можно». Стал дарить сборники. Мы подружились на всю жизнь. Публикуемые ниже письма охватывают период 1960–1970-х гг. К сожалению, Иван Елагин не ставил даты на своих письмах; конверты же за эти долгие десятилетия были утеряны. Атрибуция писем сделана по содержанию. Письма хранятся в моем личном архиве.

Ираида Легкая

ПИСЬМО 1

[1963]¹

(написано от руки)

Повелительница Почт и Телеграфов!

Вот Вам Ваш конверт, дабы могли Вы сохранить его для потомства. В адресе отсутствует город и штат, и всё же почта не осмелилась Вас послушаться.

Стихи мне нравятся, но не всё в них ровно. «Этот город фонтанов»² цельная и сильная вещь, хотя, вероятно, Вы сознательно не ставите запятых, считая их устарелыми пережитками в поэзии. «Ржавый карниз балкона» был бы хорош, если бы четкими были строчки «Пустая пивная банка по самому быстрому склону глазами руками губами». Тут нужна какая-то ниточка, связующая ассоциация с телефонным звонком. Эти строчки не отбрасывают тени, не дают толчка чему-то. Но если это стихотворение страдает сомнамбулической неопределенностью, то в стихах «Ночью тянутся неузнаваемо», наоборот, всё слишком логично, как будто писал их какой-то Елагин, человек, которому не снятся сны. Тут первые четыре строки живут отдельной жизнью, словно последние пять строчек написаны при каких-то иных обстоятельствах.

В стихах «Незаметно проходит лето» сделайте что-нибудь с

последним четверостишием. Надо очень кокетливо их читать, чтобы они не звучали прозаично.

«Зеркало говорит» напоминает Вашу другую вещь об отъезде и разводе, она, скорее, фрагмент к чему-то, а не отдельное стихотворение.

Вот Вам строгий дядя наговорил целый ворох глубоких истин. Как только дядя выпустит книгу – пришлет. Будете издавать сборник – назовите «Обида», хорошее название и в Вашей тональности, в Вашем поэтическом ключе.

Всех удач в пути!

Иван

1. Датировано по письму № 6, на котором стоит дата и содержание которого связано с письмом № 1.

2. Цитируется по сб. «Подземная река». – «Посев», 1999.

Этот город фонтанов
И веселой воды
Завтра встану рано
Поднимусь как дым
Потянусь над парком
Покачаюсь на ветках
Завтра будет жарко
Уже не весна а лето
Уже не весна а всё же
Ловлю глазами и кожей
Всех на тебя похожих
И нет на тебя похожих

ПИСЬМО 2

[1963]

(От руки)

Дорогая Ира,

После разговора решил послать Вам это интервью. М. б. оно поможет в переговорах с властью имущими. Посылаю стихи, которые, как мне показалось, понравились Вам.

Еще раз спасибо за хлопоты и доброжелательство.

Жму руку

Ваш И. Елагин

*Ире*¹

У вас в глазах то робость,
То озорство, то страсть,
У вас глаза, как пропасть,
Где так легко пропасть.

Они у вас туманны
И чуть блестят они.
У вас глаза – капканы,
Ловушки, западни.

Там вспыхивает шатко
И прячется скользя,²
Решимость и оглядка,
И можно и нельзя,

Открытость и рисовка,
Отчаянье и блажь,
Глаза, как маскировка,
Глаза, как камуфляж,

Как лунных два осколка,
Как дымных два цветка,
У вас глаза – двустволка,
Что бьет наверняка,

У вас глаза бездонней
Всех омутов и рек,
У вас глаза – погоня,
У вас глаза – побег,

И собственному сердцу
Я говорил не раз,
Что мне не отвертеться
От ваших дымных глаз,

В них темный ветер риска,
В них сам себе я снюсь,
Когда-нибудь я низко
Над ними наклонюсь.

И. Елагин

1. Опубликовано без посвящения в НЖ, 1963, № 71. На копии И. Легкой стоит посвящение.

2. Первоначальное «И гаснет ускользя» зачеркнуто, от руки вставлено «И прячется скользя».

ПИСЬМО 3

[1960-е]
(от руки)

Дорогая Ира!

Мне нравятся стихи¹ – в них логические связи крепче, чем обычно в Ваших стихах. Мне нравится косвенно отраженный Мандельштам, иронически переосмысленная евангельская мысль. Но мне недоступно понимание «предвечернего страха» в «эту зимнюю ночь» да еще когда «солнце стекает с массивов казенных зданий». Если это отрывочные впечатления от разных часов дня, то это не очень убедительно, т. к. утверждение «в эту зимнюю ночь» зачеркивает закат с «предвечерним страхом [sic!]». Что я хочу сказать: четкость рисунка при расплывчатом времени возможна, если бы не утверждение «в ЭТУ зимнюю ночь», делающее ночь фактом настоящего времени, но что тогда делать с «солнце стекает»?

Наверное, я кажусь Вам халдеем или, по меньшей мере, ненавистником искусства.

Ваш И. Елагин

1. Стихотворение Ираиды Легкой «Вашингтонский пейзаж».

ПИСЬМО 4

20 августа [1960-е]
(от руки)

Дорогая Ира,

Писал Вам из Казип Код'а. Надеюсь, до Вас дошла моя открытка. Теперь я вновь в Нью-Йорке. «Мосты» вышли без Ваших стихов, что привело меня в ярость. Но Вы не должны опускать руки – у Вас свой голос, и Вы не имеете право его глушить.

Мы с Володей Юрасовым¹ решили собрать несколько молодых литераторов 29 сентября у него на квартире (отель «Concord», 130 East 40 St, Apt. 9A). Пожалуйста, за несколько дней до этого позвоните мне в Н.Р. Слово для того, чтобы окончательно условиться о часе встречи.

Хотел я обойти Ваш вопрос о «захудалом стихотворении», но по-видимому, надо на земле на прямой вопрос отвечать прямым ответом:

нет, не написал. Тяжело было. Пишу о том, что проходит мимо, а это прошло насквозь!

Жму руку Вам, Ваш Иван

1. Владимир Юрасов (1914–1996), писатель второй волны эмиграции, работал на радио «Свобода».

ПИСЬМО 5

[1963, конец ноября]¹

(от руки)

Дорогая Ира,

О каком Брюгеле идет речь? Может быть, о том, имя которого по-русски принято писать Брейгель (живописец 16-го века)? Не зная рисунка, очень трудно судить о стихах, но отсутствие точек и запятых еще более усложняет понимание. Кому в путь пора? Гусям? Камнем века – образ, звучащий не вполне ясно, особенно, если это «Бегство в Египет» – тема вне времен. Века – это всё-таки единицы времени.

«На окраине недостроенной неспокойно

Ветер резкий и ветки лезут»¹

Свежее начало, но затем всё напутано. Чего не смоем дождь? Что тут делает г-н Каин? Какой многозначительный смысл, помимо звукового сходства в словах «скользко сколькo».

«Обедов время и пророчеств» – всё понятно, кроме одного – зачем это написано. Скользишь по словам, и не запомнить, о чем речь. Темы нет. Есть отмахивание от темы. Только не говорите – «я так и хотела». Все слишком лично, расплывчато. Есть грань, после которой личное перестает быть общечеловеческим и не может быть передано краской, словом, звуком или камнем, хотя стихи и есть перевод с неповторимо-личного на общечеловеческий язык. «39 градусов» – всё предельно ясно, а темы опять нет. Осколок темы. То же самое относится к «Покачиваясь на грани».

«Черные молнии голых веток» – самое законченное из всех этих стихов. Есть некая завершенность пейзажа. Похоже на дневник. Очень хорошо. Было бы еще лучше со знаками препинания. В последней вещи что-то важное из ассоциативных звеньев опущено. Павлиньи хвосты (из моих неопубликованных – «и шеи сизых голубей цветут, как лужи нефтяные») требуют како[й]-то точки над «і». Но конец – «...из-под самых ног фонтан скамейка и деревья выросли» – очень свеж.

Мне хотелось бы занять у Вас чемодан в качестве осеняющей

музы, да боюсь, что от столкновения моей головы с Вашим чемоданом родятся, примерно, такие стихи:

С верхней полки чемодан
Сверзился на лысину.
Мне язык затем и дан, сны,
Чтоб его я высунул.

От удара синяки
И мозги расквашены,
Лихо дуют сквозняки
Из затыльной скважены!

Но теперь мне нипочем
Запятые с точками, –
Я стихи пишу плечом,
Пятками и почками.

Мной теперь кольцо в носу
С восхищеньем носится,
И отныне я несу
Только околесицу!

Вот как. С наступающим праздником.

Иван

(Приписано от руки:)

P. S. Знаю, что *затылочной*...

1. По воспоминаниям И. Легкой (личная беседа со мной. – М. А.), Елагин ошибся, стихотворение было написано в связи с убийством президента Джона Кеннеди (1963). Отсюда возникал образ Каина как первого убийцы. Согласно этому и было атрибутировано письмо.

ПИСЬМО 6

1 декабря 1963 г.

Нью-Йорк (датировано автором. Письмо отпечатано на машинке)

Милая Ира,

Теперь, когда мы вернулись к тиканью часов из той области ужаса, в которой мы все побывали¹, я могу взяться за письмо к Вам.

К скрипту, как выяснилось, я ничего не могу добавить². Не умею

говорить о стихах. Получилось полстраницы стихотворения в прозе. – Жанр сей ненавижу с детства. По-видимому, мне писать о себе и своей кухне невыносимо трудно. Как легко ругать или хвалить чужие стихи! Благословенное занятие! За оное я и собираюсь приняться. Но всё-таки полстраницы посылаю Вам в надежде, что при помощи ножиц и воображения Вам легко будет что-нибудь смонтировать.

Перевод «Jazzonia» интересен³. Может быть, хотя я не уверен, лучше

«Сияющее древо,
Реки серебристы
В Харлемском кабаре
Игра шести джазистов»

или: Играют шесть джазистов

Опять-таки не уверен, но мое отношение к смыслу требует:

«Не была Клеопатра опасною
Золотой королевою?»⁴

«В автобусе» – прекрасная вещь. Строчку «А на бутылке корова» я бы заменил «На этикетке – корова». Спорны последние строчки. Я не против того, чтобы в балладный лад врывалась некая игривость. Но в «Не пью молока нарочно и без него здоровая» недостаточная игривость для противопоставления балладному строю всей вещи. Тут какая-то несоразмерность.

О «Ветренной весне». Мне не нравится соседство булок и уток, как будто две строчки зашпилены английской булавкой вместо рифмы.

Я против «не ворчи». Ворчать уместно мужу. Если муж – тогда ритуал к чему? А ежели не муж, то уместнее рычать, чем ворчать. Так-то. Помните конец «Дара» Набокова, о ключах⁵?

Стихи «Ржавый карниз балкона», «Этот город фонтанов», «И вот бросаю последний», «Ночью тянуться неизвестно» Вы мне посылали раньше, и я уже Вам писал о них.

«Ты в темноте протягиваешь руки» не вызывает возражений. Не уверен, что слово «несытые» на месте. «Несытость» – дело не до конца осуществленной близости. Разъединенность, туман тоски – координаты одиночества, сиротливости, но не «несытости». «Теплее тела» – хорошо. Последние две строки следует читать с выражением наивного недоумения. «Тигр уже убит» – тоже хорошо, но «в клочки» рвут, взрыть в клочки нельзя. Вообще лучше убрать «на взрытой в клочки», тем более, что дальше «взрывая подонки сна», хоть одно «рыть», а другое «взорвать», эти звуки и смыслы слов мешают друг другу.

Вот и все. Вы – поэт настоящий.
Ваш Иван

1. Речь идет об убийстве президента Джона Кеннеди 22 ноября 1963 года.
2. Текст скрипта, написанного Елагиным для «Голоса Америки», не найден. В 1963 г. Ираида Легкая взяла у Елагина интервью для «Голоса Америки».
3. Перевод стихотворения американского поэта Langston Hughes (1902–1967). Строки:

In a Harlem cabaret
Six long-headed jazzers play.
A dancing girl whose eyes are bold
Lifts high a dress of silken gold.

4. Строки того же стихотворения: «Was Cleopatra gorgeous / In a gown of gold?»
5. Очевидно, Елагин имеет в виду следующие строки: «...у них теперь был свой ключ, еще один неприятный факт его новой жизни, в которой он терял не только жизнь, но и самостоятельность». («Дар». В. Набоков)

ПИСЬМО 7

[1963]

(отпечатано на машинке)

Милая Ируша,

Случилось что-то дикое. Я получил Ваше письмо со стихами. Прочел стихи и пришел в тихое бешенство. Такого Вы там накрутили, что моя читательская квалификация оказалась недостаточной. Помню, что клялся всыпать Вам за каждое слово в отдельности. Увы, у Вас есть свой покровитель-бесенок, который так запропастил Ваши стихи, что я их ищу уже несколько дней и найти не могу. Таким образом подробная и обоснованная экзекуция отменяется.

Жаль, что Владимир Федорович¹ не сообщил мне, что он думает о моем скрипте. Я даже не знаю, подошло ли то, что я писал, или нет. Ваша поощрительная фраза всё же не вносит полной ясности. Я мог бы писать о фильмах (я говорил об этом с Барминым²), но для этого нужно, чтобы «Голос Америки» обратился по-английски с письменной просьбой, скажем, по этим двум адресам:

1. American Foreign Language Press, 260 Fifth Ave. New York, N.Y.
2. All American Press, 1270 6th Ave. New York, N.Y.

Просьба состоит в том, чтобы эти организации занесли меня в свой список людей, приглашаемых на просмотры американских и импортных фильмов и посылали мне приглашения по адресу:

I. Elagin, 610 West 139 St. Apt. 5D, New York 31, N.Y.

Им это плевое дело, а мне это даст возможность быть всё время в курсе фильмовых новинок. Эти приглашения, иногда, я получаю в Н.Р.Слове. Но в Н.Р.Слово посылаются приглашения сравнительно редко и из них только некоторые попадают в мои руки.

Буду очень признателен, если Владимир Федорович найдет минуту времени позвонить мне в Н.Р.С.

Привет от всех моих, включая кота Сашку. Он очень хороший человек.

Ваш Иван

1. Мансветов Владимир Федорович (1909–1974), поэт, критик, журналист. С родителями эмигрировал в Чехословакию в 1922 г. Был членом «Скита поэтов». В 1940 г. переехал в США. С 1947 г. – редактор «Голоса Америки».

2. Бармин Александр Григорьевич (1899–1987), советский дипломат, «невозвращенец» (1937). С 1940 г. жил в США. С 1953 г. руководил Русской службой радиостанции «Голос Америки». С 1964 г. – ответственный по делам СССР при Информационном агентстве США.

ПИСЬМО 8

[1968]

(отпечатано на машинке)

Милая Ира,

Последний месяц готовился к семинару¹. Моя тема – Эдгар По в литературном наследстве Блока. Материала мало. Пришлось сидеть в библиотеке. После рабочего дня всё это очень утомительно. Наконец собрался Вам ответить. Начну со стихов, присланных мне.

Заранее предупреждаю, что чувствую себя «мелким преступником – лысым писателем»². Преступление мое налицо – каюсь. СТИХОТВОРЕНИЙ Я НЕ ПОНИМАЮ³.

С первой строки не понимаю. Можно выучить наизусть. Но как можно *изучить* наизусть? Что это за взрывы машин? Почему паломник хром? Каждая строка живет сама по себе. Но я не улавливаю связи между ними. Это всё очень личные ассоциативные связи. Но в искусстве личное отдают другим. По Вашей доверенности я ничего не могу получить!

«Руки мои растрепались по ветру плакатов» хорошие стихи, но не ясно, от чьего имени написаны, – от имени жертвы (Кости мои согревает конголезское солнце. Не успели спасти правительственные солдаты) или от имени людоеда (И я думал не выдержу лопну тут

же). Вы должны решить, с кем Вы. Может быть, у Вас раздвоение личности?

О шагах слепого хорошо. Но не ясно почему, услышав шаги слепого, надо прекратить чтение стихов и запеть? Может быть, в этом сермяжная правда. Или это папуасский обычай?

Теперь перехожу к стихам, посланным Лиле⁴.

Одиночества ночи тихи. Просто, по-ахматовски. В этом их сила и слабость.

Болтаюсь почти без дела. Хорошо. Я бы выбрал один мел, а молоко убрал⁵. ЭТО РАЗНАЯ БЕЛИЗНА. ОДНА СУХАЯ, ДРУГАЯ МОКРАЯ. ОДНА ЛАКОВАЯ, А ДРУГАЯ ШЕРШАВАЯ. Краски лучше брать однородные. Либо акварель, либо масло. Но не мешать.

Голубосерые (помните Мандельштам: «такой пустой, такой восьмой» – тоже о трамвае). Хорошие стихи, хоть и трудно понять, о чем речь: о цветах, о людях, о улицах, о стеклах?

Слушая, как дышит твоя кожа. Не понимаю. Что означает слово «словно», поставленное в конце?

Я брожу среди твоих улыбок. Это стихотворение могло быть очень хорошим, если бы не «треплет волосами». Треплет что? Мне трудно воспринять такую форму – треплет – чем – волосами. У вас запятых нет, а заковычек много.

Ну, вот Вам мои скушные и трезвые придирики.

Куда Вас повысили? В высшие сферы?

(от руки) Ваш (подпись)

1. Иван Елагин учился в Columbia University и в New York University.

2. Строка из стихотворения Ираиды Легкой.

3. Стихи, о которых пишет Елагин, вошли в сб. «Попутный ветер» (Вашингтон, 1968).

4. Лиля Матвеева – дочь Ивана Елагина от брака с Ольгой Анстей.

5. Цикл из 3-х стихотворений:

...Не унывай, садись в трамвай.

О. Мандельштам

1

Одиночества ночи тихи
Сию на тебя в обиде
Пишу без конца стихи
Которых ты не увидишь
И знаю за чашкой чая
Ночной за немытым столом
Ты вдруг заскучаешь
И не сразу поймешь о ком

2

Болтаюсь почти без дела
Или почти без тела
(очертаний своих не успело
Тело или просто не сумело найти)
Раньше в таких случаях
Писали про облака
Белей молока и мела
Что мне сегодня делать?

3

Я брожу среди твоих улыбок
(есть и у шипов цветы)
Если оступиться по ошибке
Вдруг упасть
И вдруг не схватишь ты
Ветер удивления и страха
Треплет волосами непокрытыми
Холодно от ветра
Ахают
Дамы над стихами и открытками
Песнями и сплетнями
Заранее
Превращая жизнь в воспоминания

ПИСЬМО 9

[1968/69]

(от руки)

Милая Ира!

Спасибо за стихи Ваши и Поплавского. Получили книгу Фроста¹? Поплавский оставил странное впечатление. Его книга «Флаги»² мне казалась более зрелой. В этой книге много очень литературного, мертвого. Я не пишу. Работаю в газете днем, а вечером делаю перевод, зарабатываю себе на университет³. В Вашем конверте, в письме, нашел 2 почтовые марки, – что это, намек на мое халатное отношение к корреспонденции? Ко мне надо иметь снисхождение, я бедный. Шлите стихи. Ничего, кроме стихов, не остается.

Ваш Иван

1. Роберт Фрост (1874–1963). Речь может идти о книгах *Interviews with Robert Frost*

(Holt, Rinehart & Winston, 1966; Cape, 1967) или *The Poetry of Robert Frost* (Holt Rinehart & Winston, 1969).

2. Борис Поплавский (1903–1935), поэт, прозаик первой волны эмиграции, Франция. Сборник «Флаги» вышел в Париже в 1931 году. См. также стихотворные сборники «Снежный час» (1936), «В венке из воска» (1938). В письме речь может идти о парижском издании сборника «Дирижабль неизвестного направления» (1965).

3. Перевод эпической поэмы Стивена В. Бене «Тело Джона Брауна», сделанный Елагиным, был засчитан ему в New York University в 1969 году как научная работа на степень доктора филологических наук (Ph. D. in Slavic Languages).

ПИСЬМО 10

[1969]

(от руки)

Дорогая Ируша!

Спасибо за книгу¹. Стихи настоящие, многое в них дышит первозданным словом. Критиковать не буду – поклялся. Моя критика по Вашему – людоедская. Одно замечу в плане языка: оглавление бывает там, где есть главы, а в книге стихов принято помещать содержание.

У меня тоже готова книга на 60 страниц², но хочу подождать. Не люблю своих книг меньше 100 стр.

Мы только что вернулись из Вермонта³, где я, впервые, читал курс (семинар) по поэзии.

Еще раз спасибо.

Ваш Иван

1. В 1968 году вышел из печати первый стихотворный сборник Ираиды Легкой («Попутный ветер», Вашингтон: Издательство «Виктор Камкин», 1968).

2. Судя по всему, речь идет о будущем сборнике «Дракон на крыше». – Роквилл: Victor Kamkin Inc. 1973. – 160 с.

3. В 1969 г. Елагин был приглашен в качестве visiting poet-lecturer читать лекции в летней Русской школе в Middlebury College.

ПИСЬМО 11

[1969]

(отпечатано на машинке)

Дорогая Ира,

Очень меня порадовало Ваше письмо. Действительно Вы стали тихой душкой, даже меня похвалили. О чуде ошарашенном¹ Вы метко заметили. Удивление и недоумение меня очень притягивают в смысле поэзы...

Спасибо за добрую весть и ленту с записью. Первый раз я занялся, не без стыда, саморекламой. Дело в том, что скоро начальство решит о моей постоянной работе в университете². Очень важно для благоприятного решения всякого рода «публизити», в деканате на это обращают большое внимание. Я попросил Таню Фесенко³ написать в Н.Р. Слово о том, что Голос Америки будет 4 раза передавать мои стихи. Каюсь. Жизнь и забота о семье заставляют смиряться и делать то, что претит уму и сердцу.

Жаль, что всегда наши встречи в коридорах и на лестницах. Так и не поговорили. Впрочем, так, может быть, и лучше. После встреч наспех остается тревожная напряженность, а людской разговор часто выливается в чеховские монологи при формальной видимости диалога.

Ваша Мария Магдалина⁴ трудна. Очень «приватны» ассоциации, есть строчка (Одиночества змея), взятая напрокат из чужого обихода, не Ваша строчка. Честно признаюсь, мне трудно без точек и запятых, не знаю как интонировать. У Вас и так смысловые связи зыбки, а тут без знаков совсем не знаешь, «что куда и кому». Мне кажется, что эта вещь двух планов. Один «безоблачно грешный», а другой искупительный, неосознанный. Впрочем, у Вас всё так зыбко, что найденные слова сразу бледнеют и смысл ускользает.

Если в Вашингтоне найдется для меня еще публика, я могу дать совершенно новую программу, читать другие стихи.

Жму руку
Ваш Иван

P. S. 20-го апреля, наверное, поеду в Нью-Йорк на неделю.

1. Предположительно – стихотворение Ивана Елагина «В осеннем сквере...»: «Стою беспомощно-осенний, / Совсем рассеянный чудак...» – НЖ, 1972, № 109.

2. В 1970 Елагин был принят на работу в Питтсбургский университет.

3. Фесенко Татьяна Павловна (1915–1995), поэтесса второй волны.

4. Стихотворение Ираиды Легкой «Что ты знаешь о полете плоти в летней тишине...»

ПИСЬМО 12

[конец 1969 – нач. 1970]¹
(отпечатано на машинке)

Дорогая Ира,
Спасибо за заботы. Очень Ваше письмо грустное. Вы ошибаете-

тесь – у Вас есть читатель. Но художник выражает не только свое интимное, но и близкое другим. Когда это близкое не затемнено сугубо личным – я тоже Ваш читатель.

На Западе я знаю только В. Маркова¹, Н. Моршена² и художника, моего друга Сергея Бонгарта³. Ниже даю адреса. Жаль, если Вы оставите Вашингтон, до Тихого океана далеко⁴...

Вот адреса:

(вписано от руки)

Sergei Bongart

533 W. Rustic Road

Santa Monica, Calif. 90402

Tel. Gl 9-1143

VI. Markov

303 S. Wastgate

Los Angeles, Calif.

Адрес Моршена можно узнать у Маркова.

Посылаю Вам рецензию на «Попутный ветер»⁵. Коротко, но разумно. Обо мне была в этом журнале совершенно идиотская рецензия. Вам повезло, хотя он явно не Ваш читатель. Не признает, но идиотских мыслей не высказывает. Жму руку и желаю того же, что и себе, – творческой радости.

Ваш Иван

1. В. Марков (1920–2013), литературовед, поэт, переводчик, историк русского модернизма; специалист по В. Хлебникову. Вторая волна эмиграции. В США с 1949 г. Преподавал в Университете Калифорнии в Лос-Анджелесе (UCLA).

2. Н. Моршен (Н. Н. Марченко. 1917–2001), поэт. Вторая волна эмиграции; в США с 1950 г. Преподавал в Школе военных переводчиков в Монтерее, Калифорния. Широко использовал палиндром, верлибр, моностих.

3. С. Бонгарт (1918–1985), известный русско-американский художник; поэт. Вторая волна эмиграции. В США с 1948 г. Основал собственную Школу живописи в шт. Калифорния и Айдахо.

4. В конце 1969 года Ираида Легкая, работавшая на радиостанции «Голос Америки», получила новое назначение в Лос-Анджелес, в тихоокеанское отделение Г.А.

5. Речь идет о рецензии Семена Карлинского (1924–2009) – профессора-слависта, литературоведа, историка, заведующего кафедрой славянских языков и литературы Калифорнийского университета Беркли. – НЖ, 1969, № 94. Елагин упоминает рецензию Г. Глинки на сборник «Косой полет» (1967). – НЖ, 1967, № 88.

ПИСЬМО 13

[1970/71]

(от руки)

Дорогая эмансипированная Ируша, пардон, Ираида!

Вспоминаю с радостью Вас, Вашего лохмача¹, Ваш визит к Наташе² и Ваше лукавство. Последнее – часть Вашей женственности, к счастью не до самого конца эмансипированной.

Жду ответа на вопрос: выступаете ли Вы со стихами в конце декабря в Чикаго?

Мой новый адрес³:

I. Elagin

1715 Murdoch St.

Pittsburg, PA 15217

Телефон: (412) 421-6020

Целую. Ваш Иван

1. Речь идет о сыне Ираиды Легкой.

2. Наталия Кушнир-Латтер – переводчик, представитель второй волны эмиграции.

3. В 1970 году Иван Елагин, защитив диссертацию, стал профессором Питтсбургского университета, преподавал русскую литературу. В связи с этим изменился его адрес.

ПИСЬМО 14

[около 1970]

(от руки)

Дорогая Ируша,

На всякий случай сообщаю мое расписание. Прилетаю в Лос-Анджелес 11-го в 6 ч. веч. Clermont College 11-го в 8 ч. веч.

State University San Francisco [sic!] 12-го (приписка) в 9 часов утра
UCLA 13-го 3 [нрбр] 4 pm

Русская организация в Л. Ан. 14-го

Stanford Univer. 16-го Русский центр – 4 pm

Отлет, вероятно, 19-го или 20, т. к. 24 мы переезжаем в новый дом (купили, заняв, где можно), а 25 у меня уже ничего не вышло. Подробности можете узнать у Сергея Бонгарта. Его телефон GL 9-1143

До скорой встречи

Ваш – И. Елагин

ПИСЬМО 15

[1972, январь или чуть позднее]
(от руки)

Дорогая Ируша!

Спасибо за письмо. Мой итог¹: 4 ребра сломано, порвана связка колена, вывих плеча (оторвалась ключица). В плече у меня еще железная скоба, соединяющая ключицу с суставом. Предстоит еще маленькая операция. У жены шов от носа до макушки, сломано 6 ребер. Хуже всех сестра жены. Она еще в больнице, но ее перевезли в Германию, где она постоянно живет. Говорят, что скоро она сядет, а через несколько недель начнет ходить. У нашего Сережки² не оказалось даже царапины. Машина «сошла с ума», мы полностью потеряли управление на скорости 60-65 миль в час.

Моррисон³ обращался ко мне тоже, но я, к сожалению, не могу дать ему разрешение, пока не выяснится вопрос об английском, вернее, американском издании моих стихов. Такая возможность открылась, но осуществится ли не знаю⁴.

Рад, что Вы наслаждаетесь Калифорнией⁵, мне казалось, что жизнь там трудна и опасна. Видимо, кому как. Евтушенко два раза навестил меня, когда был в Питтсбурге. Он намного интереснее и умнее вблизи, когда он на сцене – много наигранного и лишнего.

Желаю Вам всех благ. Жму руку.

Ваш И. Елагин

1. 31 декабря 1971 года Елагин вместе с семьей попал в автокатастрофу, около месяца лежал в больнице.

2. Сын Елагина от второго брака, с И. И. Даннгейзер. Сына Елагин назвал Сергеем в честь своего друга художника Сергея Бонгарта.

3. Morrison Robert Hay (1915–2004), австралийский поэт, составитель сборников этнической поэзии в Австралии и США, в том числе – «America's Russian Poets» (1975).

4. В 1973 г. вышел сборник Ивана Елагина «Дракон на крыше» (Нью-Йорк).

5. Ираида Легкая в это время работала в «Голосе Америки» в Калифорнии.

ПИСЬМО 16

[1972]
(от руки)

Дорогая Ира!

Приехал из Вудмонта, где гостил неделю у Толи¹ и нашел Ваше

письмо. Спасибо за память. Всё у нас уже утряслось, хотя, вероятно, будем до конца наших дней помнить об аварии².

У нас перемен нет. Уччу балбесов³ и очень мало пишу. В Вермонте поймал рыбу – 12 фунтов! Горжусь, как не гордился стихами. В Питтсбурге работает Poetic Forum, м.б. когда-нибудь заглянете? Тут выступают все поэтические мировые знаменитости, с этой эстрады выступал в свое время даже Диккенс! (хотя он прозаик).

Еще раз спасибо за письмо.

Мои шлют привет. Ваш И. Елагин

1. Сапронов Анатолий Константинович (1922–?) – филолог и шахматист, друг Елагина. В эмиграции жил в Югославии, после войны эмигрировал в США. Жил в шт. Коннектикут. Преподавал русский язык в Йельском и Колумбийском университетах. Партнер Елагина по шахматам.

2. 31 декабря 1971 года Елагин вместе с семьей попал в автокатастрофу.

3. Речь идет о педагогической деятельности Елагина в Университете Питтсбурга, а также – в Русской школе при Middlebury College, шт. Вермонт.

ПИСЬМО 17

[Около 1973/74]
(от руки)

Дорогие Ируша и Борис¹!

Посылаю на всякий случай рекламу о моем выступлении в Калифорнии, в надежде, что м.б. и вы будете в эти дни в Калифорнии и мы повидаемся.

У нас трудные дни – умерла мать жены², я полу-инвалид – ветер (57 миль в час) поднял меня и ударил о камни³. Повреждены связки колена. Так что выступать буду, вероятно, сидя.

Всех вам благ и радостей.

Ваш И. Елагин

1. Борис Сергеевич Пушкарев – архитектор, муж Ираиды Легкой (с 1973), сын известного в эмиграции историка и общественного деятеля С. Г. Пушкарева (Прага). Родился в Праге. С 1947 года – член НТСРС (позднее НТС). С 1980 г. – член Совета НТС, с 1990 – председатель организации. В США с 1949 года.

2. Речь идет о второй жене Елагина – И. И. Даннгейзер (Ёла). Брак заключен в 1958 году.

3. Об этом эпизоде в жизни Елагина сведений собрать не удалось.

Елена Дубровина

Об альманахе «Встречи»

В Россию – ветром – строчки занесет...

Игорь Чиннов

Ровно год назад умерла поэтесса второй волны эмиграции Валентина Алексеевна Синкевич (29 сентября 1926 – 25 июня 2018), не дожив всего три месяца и четыре дня до своего 93-летия. Я помню, как через несколько дней после Валиной кончины мы приехали к ней домой. Валя жила в небольшом и очень уютном домике на окраине Филадельфии, на тихой зеленой улице. В нем прожила она в эмиграции большую часть жизни. Казалось, что здесь было всё, как и раньше, – на стенах висели картины Владимира Шаталова – «Анюта», «Детство Бориса», Валин портрет, а также акварели ее первого мужа, художника Михаила Качуровского, работы ее друзей Владимира Шаталова и Сергея Голлербаха, а вдоль стен – полки с ее любимыми книгами, множество книг... но не было Вали, хотя в воздухе еще было ее дыхание, ее невидимое присутствие. Мебель уже почти всю вывезли, внук выносил коробки; давила какая-то опустошенность, будто кто-то пытался вместе с этими коробками вынести из дома память о Вале. На единственно оставшемся журнальном столике были разбросаны в беспорядке красочные номера альманаха «Встречи», так ярко напомнившие нам, что здесь она не только жила, но и творила поэзию, что здесь она не только писала стихи, но и отбирала для своего ежегодника – чужие; здесь мы часто собирались и «стихи читали друг другу». Целая эпоха – жизнь одного человека, так тесно связанная с жизнью каждого из нас, кто знал Валентину Алексеевну.

«Поэзия пропитывает душу, как вода губку», – говорила на одном из собраний «Зеленой лампы» Зинаида Гиппиус. И дальше она высказывает мысль, что разговор о поэзии – это всегда разговор о человеческой душе, и ни одна душа без поэзии обойтись не может, просто одну она пропитывает больше, другую меньше. «Поэзию можно из жизни выхолощивать – мол, кому она сейчас нужна? А можно, наоборот, приносить ее в жизнь, давать ей место в жизни, пропитывать ею жизнь», – продолжает свою мысль Гиппиус.

То есть, следуя за рассуждениями З. Гиппиус, можно сказать, что

поэзия – это не только часть нашей души, но и часть нашей жизни, и вопрос заключается в том, можем ли мы без нее прожить? Кому она сейчас нужна? И нужна ли вообще?

Валентина Алексеевна жить без поэзии не могла и своей любовью заражала и нас, начинающих тогда поэтов, зарубежных «первопроходцев» третьей волны эмиграции.

Если проследить историю русской зарубежной литературы, то нужно отметить, что интерес к поэзии не повышался, а понижался – процесс, завершающий каждую эмиграцию. С конца 1920-х годов в Париже выходили журналы, которые являлись отражением литературной жизни того периода. Первая волна эмиграции дала такие поэтические имена, как Георгий Иванов, Владислав Ходасевич, Ирина Одоевцева, Георгий Адамович, Борис Поплавский, Владимир Смоленский, Юрий Мандельштам и многие, многие другие – более 200 имен.

После войны литературная жизнь на время затихает, литературный центр из Парижа перемещается в Нью-Йорк. Появляются новые поэты, беженцы из России, так называемая «вторая волна». Стали известны имена Ивана Елагина, Ольги Анстей, Николая Моршена, и позже – Валентины Синкевич, Ивана Буркина, Сергея Бонгарта, Ираиды Легкой, Олега Ильинского и других. Однако печататься поэтам было негде, отдельного поэтического издания не было.

Стихотворение, прочитанное поэтом в кругу друзей или на поэтическом вечере, имеет короткую жизнь:

Концерт окончен: налево, кругом!

По домам, по домам!

– А где же он, дом?!

Эти строки из стихотворения Бориса Филиппова можно вполне отнести к стихам, прочитанным, но ненапечатанным. Они – мгновения, которые могут запечатлеться в памяти слушателя, а могут пройти незамеченными или остаться забытыми. Стихотворение напечатанное – имеет жизнь. К нему можно возвращаться, как возвращаемся мы к любимому музыкальному произведению. Стихотворение обретает свой дом, в который можно всегда вернуться.

Таким домом для поэтов-эмигрантов стал поэтический и художественный альманах-ежегодник «Встречи», раньше называвшийся «Перекрестки», который приютил не только бездомных поэтов, но и «беспризорных» художников всех волн эмиграции. Благодаря энтузиазму небольшой группы зарубежных русских поэтов и художников, он дал художественным произведениям «крышу над головой», а их

авторам поэтическое вдохновение, стимул писать и долгую, может быть, даже бессмертную жизнь их произведениям. А читателю? Снова вспомним слова Гиппиус о том, что ни одна человеческая душа без поэзии обойтись не может. И сколько бы, наверное, не выхланивали мы ее из нашей жизни, она всё равно нужна нам, как музыка, песня, вспышка памяти, как сама жизнь:

В колкой памяти
в ночной пустыне
голос нежный расцветающий и жесткий...
Ираида Легкая

В моей комнате на полке стоят изящно изданные книжечки, каждая иного цвета – от ярко-оранжевого до густого зеленого, – красочные цветовые спектры, которые как бы перекликаются с многогранной цветовой гаммой поэтической тематики альманаха «Встречи». Изящно изданный сборник (обложка Вл. Шаталова), последние номера – с цветными репродукциями, радует глаз своей нарядностью и праздничностью. Читая сборники, мы как бы погружаемся в скрябинский спектр цветомузыки, от басов до чистых высоких нот, подчиняющихся красоте своих поэтических звуков, погружаемся во внутренний мир самого поэта, который вдруг приоткрывает нам завесу своей тайны. И, отдаваясь тайнописи поэзии, мы отрешаемся от повседневности, очарованные голосом поэта, красотой его художественных красок, глубиной его эмоции и всеподчиняющей силой поэзии:

Орган звучал.
Надгробия штрихи –
Рождения и смерти знаки.
И кем-то брошенные маки.
И пыль на золоте строки.
Павел Бабич

В 2007 году вышел последний – тридцатый – юбилейный номер журнала, – событие в поэтической эмигрантской жизни. В юбилей обычно вспоминают жизнь именинника, начиная с его рождения.

«Встречи» были любимым детищем Вали, ее жизнью. «Много дней сижу над книгами, / читая чужие стихи, бормоча чужие слова», – писала Валентина Синкевич в одном из своих стихотворений.

Сначала альманах назывался «Перекрёстки» и возник он в 1977 году в Филадельфии. На титульном листе стояло: «Нью-Йорк –

Филадельфия – Сан-Франциско», и было в нем чуть больше 70 страниц. Под этим названием он издавался до 1983 года. Первая редакционная коллегия состояла из шести человек, Валентина была одним из членов редколлегии. Главного редактора не было. Тоненькая оранжевая книжечка в 64 страницы включала стихи поэтов первой и второй эмиграции, таких как Игорь Чиннов, Ольга Анстей, Иван Елагин, Лидия Алексеева, Дмитрий Кленовский, Николай Моршен и др. – всего 14 поэтов и репродукции двух, хорошо известных в эмиграции художников – Сергея Голлербаха и Владимира Шаталова, членов американской Национальной академии дизайна. В 1983 году Валентина Алексеевна стала главным редактором журнала, сменился состав редакционной коллегии и название – «Встречи».

Со временем журнал разрастался. С 1978 года в ежегоднике стали появляться поэты третьей волны. Энтузиазм Вали и ее любовь к поэзии передались и членам редколлегии, в которую входили представители всех трех волн эмиграции, людей различных не только по возрасту, но и по творческому направлению. Мне посчастливилось быть членом редколлегии почти десять лет. Редакционная коллегия альманаха значительно пополнялась новыми именами. Были представлены: Рене Герра (Франция), Рина Левинзон (Израиль), Дмитрий Бобышев и Вадим Крейд (США) и другие. Авторы присылали свои стихи из всех стран мира: из Франции – Зинаида Шаховская и Даниил Сольжев, из Германии – Ирина Сабурова, из Бразилии – Валерий Перелешин, из Канады – Бахыт Кенжеев, из Израиля – Елена Иоффе, Лия Владимирова... География Америки особенно широка – Нью-Йорк, Филадельфия, Бостон, Миннеаполис, Вашингтон и т. д. «Встречи» приютили в то время под своей гостеприимной крышей более 165 поэтов всех волн русского рассеяния.

К сожалению, из поэтов первой волны эмиграции к тому времени в живых оставались только Нона Белавина и Игорь Чиннов, за год до этого скончался последний русский парижанин – художник и поэт – Даниил Соложев. Постепенно мы стали терять поэтов и художников второй волны.

Время бежало, бежало, бежало...

Нас уже будто совсем не бывало...

Валентина Синкевич

Самым молодым из этого поколения было уже за шестьдесят. Среди печатающих свои стихи – В. Синкевич, В. Шаталов, О. Ильинский, Н. Моршен, И. Бушман и др. Традицией журнала было почитать память ушедших коллег. Так в журнале были опубликованы последние

стихи Ирины Одоевцевой, Сергея Бонгарта, Лидии Алексеевой, Ивана Елагина, Бориса Филиппова, Михаила Крепса и других поэтов.

Первая рецензия на «Встречи» появилась в газете «Новое русское слово», главным редактором которой был Андрей Седых (наст. фам. Яков Цвибак). «Альманах-ежегодник 'Встречи' за 1984 год не только символизировал встречи трех волн нашей эмиграции, но и знаменовал собой также свидание поэзии с изобразительным искусством», – пишет автор этой рецензии Зоя Викторовна Трифунович.

В рецензии на «Встречи» 1988 года Иосифа Коссинского, напечатанной в НРС (где он безжалостно «косил» всех поэтов подряд), он все-таки писал: «Ежегодник радует многими поэтическими находками, на его страницах поэты Русского Зарубежья говорят то и так, что и как никем и никогда до них не было сказано, – сокровищница русской, первой на свете, поэзии продолжает обогащаться».

Были в альманахе два интересных раздела: «Зарубежное наследие» и «Гости из России». В «Зарубежном наследии» напечатаны стихи Бориса Поплавского, Георгия Иванова, Лидии Алексеевой, Ивана Савина, Арсения Несмелова, Ильи Голенищева-Кутузова, Бориса Волкова и других. Журнал гордился и некоторыми интересными открытиями. Так, впервые за рубежом были напечатаны стихи Владимира Войновича. С любезного разрешения вдовы Марка Шагала были напечатаны стихотворение и рисунок Шагала из коллекции Владимира Одинокова, друга и коллеги художника, автора и члена редколлегии альманаха, бывшего художника-декоратора театра Метрополитен Опера, часто выполнявшего декорации по эскизам Марка Шагала. Есть в журнале и стихи Нобелевского лауреата, польского поэта Чеслова Милоша в переводе Михаила Крепса.

На страницах «Встреч» появлялись имена не только известных поэтов, но и художников – Николая Бенуа, жившего в Италии и работавшего в оперном театре «La Scala», Владимира Одинокова, Марка Шагала, Эрнста Неизвестного, Сергея Голлербаха, Владимира Шаталова, братьев Лазухиных, Сергея Бонгарта и др. Интересно отметить, что некоторые художники Зарубежья были и поэтами. Среди них – В. Шаталов, С. Бонгарт, М. Качуровский, Д. Соложев, А. Туровский, Т. Мамонова и др.

Поэты, приславшие свои стихи в альманах, были самых разных поколений, разных течений и поэтических направлений. Этот факт отметила и Зоя Трифунович в своей рецензии на «Встречи»: «Независимо от возраста и принадлежности к той или иной эмигрантской волне, поэты 'Встреч' затрагивают одинаково волнующие всех темы: здесь и воспоминания о прошлом, и любовь, дружба, разлука, и ожидание перехода из этого мира в мир иной, и его осмысле-

ние...» И действительно, листая страницы альманаха, мы находим в поэзии новых авторов те же темы, которые были затронуты еще поэтами первой волны эмиграции: Бог, смерть, любовь и, конечно же, ностальгические мотивы.

Для Валентины Алексеевны альманах «Встречи» был самой главной и ответственной частью ее жизни. Она часто приезжала ко мне с Владимиром Шаталовым отбирать присланные стихи, просматривать почту, обсуждать содержание следующего номера. Разбирать с Валею почту всегда было интересно. Мой кухонный стол был завален письмами и стихами, и мы, как дети, попавшие в магазин игрушек, отбирали из всего присланного лучшее. Когда попадались стихи нового автора, Валентина чувствовала себя первооткрывателем и радовалась как девочка. Так, я помню, как была счастлива она, получив в 1984 году два прекрасных стихотворения от 20-летнего бостонского поэта Яна Кандрора: «Я вернулся в свой город» и «...годы всё катятся», но, к Валиному огорчению, вскоре он перестал писать по-русски и больше стихов не присылал. Как-то в 1984 году в одной из нью-йоркских газет она прочитала стихи Павла Бабича. Я помню, как взволнованно цитировала Валентина мне по телефону его стихи.

Вечер бубнит, аукает – ночь ли не отзовется...
Посвистом, постуком, шорохом всхлипывает и смеется,
В голос, негромко, шепотом. Вяжет по скосам тени,
В черную гладь реки падая на колени.

Он стал одним из ее любимых поэтов. Особое впечатление произвела на Валентину судьба Павла, сына репрессированного, в Советском Союзе принимавшего участие в диссидентском движении и вынужденного иммигрировать под давлением КГБ. Во «Встречах» появлялись впервые стихи поэтов, имена которых вскоре стали известными, среди них: Бахыт Кенжеев, Ирина Машинская, Рина Левинзон, Лия Владимировна, Инна Близнецова, а также уже известных поэтов – Вадима Крейда, Дмитрия Бобышева, Виктора Урина, Ирины Ратушинской и многих других.

В конце 1980 г. Валентина узнает от поэта и литературоведа Вадима Крейда о трагической судьбе поэта первой волны эмиграции Бориса Волкова, погибшего под колесами автомобиля в 1950 году. Она едет в Калифорнию, находит его забытые стихи и привозит их в Филадельфию.

Стихи Бориса Волкова были напечатаны не только в редактируемом Валею альманахе «Встречи», но и во многих вышедших сейчас в

России антологиях. Появляются ее собственные стихи, навеянные судьбой поэта.

Я по следам иду тяжелой Вашей были,
навстречу мне бегут автомобили,
и в доме русском спит иконостас...
Вы в этом городе, наверное, любили.
Но в этом городе поэта в Вас никто не спас.

И хотя в сборнике встречаются поэты разные, но всех их объединяет одно – любовь к русскому слову, желание сохранить красоту русской речи, уберечь ее на чужой земле:

Не отпускайте меня дальше степного огня,
дальше дыма и памяти, и дальше звука
речи... Дальше ведь нет меня,
а есть одно только слово: Разлука.

Валентина Синкевич

Тема России, тема ностальгии особенно болит в стихах поэтов первой и второй волн эмиграции. У поэтов первой волны тема России – это тема внутреннего переживания, осмысления, памяти. Их стихи – монолог одинокого человека, ищущего ответа внутри самого себя. У поэтов второй волны ностальгическая тема звучит приглушеннее, – скорее тема войны сочтена живой раной:

Еще и сегодня убийственно густо
От взрывов стоит над планетою дым.

Иван Елагин

Но со временем тема войны затихает и обостреннее звучат теперь ностальгические мотивы.

В Пенсильвании
Лист колдовской
Кружит, позванивая
Русской тоской.

Иван Елагин

У поэтов третьей волны эмиграции ностальгическая тема почти совсем пропадает. Так пишет поэт третьей волны Бахыт Кенжеев:

Что значит «эмиграция»? Отъезд,
попытка к бегству из родимых мест
на берега немилые, другие,
в объятия – есть слово – ностальгии?
Ни в коем разе! Всё наоборот.
Представьте выход к солнцу из тумана...

Однако остаются воспоминания о детстве, об оставленных друзьях, о первых стихотворных строчках.

Поэзия – это всегда ступок, концентрация чувств и переживаний поэта. Это размышления о жизни и смерти, о любви и смысле нашего земного существования. Поэзия не разрешает вопросов о жизни, она только приглашает читателя к раздумью.

Я знаю – недолго осталось жить,
когда оборвутся стропы,
и губы мои перестанут шептать
свои и чужие строки,
когда не ворвутся ни слезы, ни смех
в мое опустевшее тело.
И я навсегда позабуду тех,
кого я любить хотела.

Елена Иоффе

Материал в журнал поступал самый разнообразный. Часто Вале приходилось вести длинную переписку с авторами, настаивавшими на своей гениальности; к сожалению, были и поэты «обратной гениальности». Особенно остался в памяти покойный поэт Александр Ростовский, который забрасывал Валю не только письмами, но и стихами. Говоря его же словами, у поэта был «туман в душе, туман в глазах и в голове туман». Так, например, в одном из писем он утверждал, что слова «Дездемона» в русском языке не существует – он пересмотрел все словари русского языка. Уверенный в своей непризнанной гениальности, рассуждая о том, какое место он займет в поэтической иерархии, Ростовский писал:

Уйдите завистники слова,
Несчастные пни и трусы!
Кто знает, которого снова
Положат из нас на весы...

Когда Валентина уставала, она всегда с улыбкой цитировала

строчку из стихотворения Александра Ростовского: «душа, как стоптанный башмак, совсем лишилась воспринять». Впрочем, среди совершенно немыслимого словоблудия у него появлялись иногда и хорошие поэтические строчки. Валентина говорила, что у него есть какое-то «образное мышление», а значит, он хотя бы в душе – поэт.

Сначала альманах был сугубо эмигрантским изданием, но постепенно стали появляться и поэты из России. «Встречи» были единственным домом для эмигрантских поэтов, а его гостеприимная хозяйка – наставницей и учителем. Она была терпелива, доброжелательна, охотно отвечала на многочисленные телефонные звонки. Круг друзей рос – от поэтов и прозаиков первой и второй волн до новоприбывшей третьей волны. Поэты были для Вали самыми дорогими друзьями. Валентина в то время писала о своей жизни:

Есть друзья, есть книги, и дом не заброшен,
стихотворения пишутся, издается журнал
на языке, который называется Russian.
Кто предвидел, предчувствовал, знал?

Валентине Алексеевне удалось подписать на «Встречи» ведущие университеты Америки, чем она всегда очень гордилась. В этом помогали многочисленные друзья.

К сожалению, в 2007 году альманах «Встречи» прекратил свое существование. Многие его старые номера стали сейчас библиографической редкостью. Печатать журнал в Америке стало слишком дорого, последним ударом стало повышение цен почты США на книжные посылки через океан, – скромная пенсия Валентины не выдержала этого испытания. Ведь все финансовые расходы на альманах несла она одна.

В 1992 году Валентина Синкевич издала антологию поэтов второй волны эмиграции «Берега», которая является важным документом, отражающим судьбы и творческий путь поэтов послевоенного поколения русской диаспоры.

Более 100 лет существует русская зарубежная поэзия. Альманах «Встречи» продолжал ее традиции, давал поэтам возможность печататься, возможность писать и находить своего читателя. В связи с распадом Советского Союза читательская аудитория намного расширилась, в России повысился интерес к русской зарубежной литературе. И надо сказать, что каждый новый выход альманаха был радостью не только для поэтов, его авторов, но и для многочисленных читателей. И если мы вернемся к словам З. Гиппиус о том, что поэзию можно не только выхланивать из жизни, но и привносить ее

в жизнь, пропитывать ею душу, — я думаю, «Встречи» полностью эту задачу выполнили.

Надежда Мандельштам в своих воспоминаниях писала: «В мире всегда необходим дружеский глаз и слух, хорошая насмешка, живой спор. В одиночку увидеть огонек и найти к нему дорогу гораздо труднее, чем со спутником и друзьями». Гостеприимно раскрывал двери своего дома альманах «Встречи» для друзей — поэтов и художников, в каком бы уголке нашего огромного поэтического мира они ни находились, чтобы поделиться своим творчеством с читателями. Имя Валентины Алексеевны Синкевич — доброго наставника поэтов Русского Зарубежья — мы будем всегда вспоминать с благодарностью. Валентина прожила трудную жизнь, но она ушла из жизни умиротворенной, так как задачу свою на этой земле она выполнила.

Филадельфия

«Всегда Ваша – Валентина Синкевич»

Письма Валентины Синкевич Павлу Бабичу

1

16/XI/84

Дорогие Павел и Джемма!

Посылаю Вам чек на 385 долл. И адрес еврейского клуба в Бруклине¹.

Подборку Ваших стихов, Павел, пошлю в НРС² на следующей неделе – наверное, в конце ее. Сейчас занята сверх головы службой, всевозможными делами – и, конечно же, распространением нашего альманаха³. Это работа сложная и не совсем благодарная. Но кому-то нужно ее делать.

Желаю успеха в Вашем «бизнесе».

Валентина Синкевич

1. Клуб русских писателей в Бруклине, где В. А. Синкевич часто выступала в те годы.

2. Старейшая русскоязычная газета «Новое русское слово». Издавалась в Нью-Йорке в 1910–2010 гг.

3. Поэтический альманах «Встречи», издаваемый Валентиной Синкевич с 1982 по 2014 гг.

2

Понедельник 11 марта [1985]

Дорогой Павел,

Вот марки, кот. были у меня в доме. Я еще спрашиваю у знакомых. Дайте мне только время – и я пришлю альбом для марок.

Сейчас я вся в хлопотах – завтра приезжает ко мне Рина Левинзон¹ – ее нужно встретить, принять. И познакомиться – мы с ней только переписывались.

Желаю Джемме скорее выбраться из госпиталя. Знаю, Вам тяжело без нее – одному с детьми. Передайте ей мои самые сердечные пожелания скорого выздоровления.

Ваши стихи будут украшением нашего сборника. В этот раз

дадим хорошую – т. е. большую подборку Ваших замечательных стихотворений.

Всего Вам доброго –

Ваша

Валентина Синкевич

1. Рина Левинзон (1932), израильская поэтесса, друг Валентины Синкевич и постоянный автор альманаха «Встречи».

3

28/III/85

Дорогие Джемма и Павел,

Что вы оба думаете о Кенжееве¹?

Мне хотелось бы достать его адрес и попросить подборку для «Встреч».

Дружески обнимаю вас –

Валентина

P. S. Судя по содержанию стихов – Кенжеев Ваш земляк.

1. Бахыт Кенжеев (1950), известный русский поэт. По национальности – казах. В 1982 году иммигрировал в Канаду, с 2006 года живет в Нью-Йорке.

4

15/V/85

Дорогие Джемма и Павел,

Посылаю рецензию требовательного Косинского¹ и марка для Левы².

Через неделю, так говорит печатник, получу вторые гранки моего сборника³. И сразу же он примется за «Встречи».

Поговорила с Дудиным⁴. Летом, Павел, ничего не выйдет. М. б. осенью получите приглашение начитать стихи для радиостанции «Свобода». Они там больше занимаются политикой – чем стихами. С «Голосом Америки» у меня связи слабые.

Желаю Вам всего доброго.

Ваша Валентина

P. S. В Филадельфии могут быть расовые беспорядки. То, что произошло⁵, – ужасно!

1. Косинский Иосиф, журналист, работал в «Новом русском слове». Известны 2 рецен-

зии И. Косинского – от 27 ноября 1987 в НРС « В поисках точного слова» и «Альманах 'Встречи'. Год 1988» в НРС указанного года.

2. Сын П. Бабича.

3. *Валентина Синкевич*. Цветенье трав. – Филадельфия, 1985.

4. Рюрик Дудин – настоящая фамилия Роман Днепров (1910–1995) – представитель 2-й волны эмиграции. Работал на радио «Свобода».

5. Здесь, видимо, идет речь о том, что филладельфийская полиция 13 мая 1985 года сбросила с вертолета бомбу на дом в черном районе западной части города, где находилась община христианского неолуддитского негритянского движения «Move». Погибло 11 человек, среди них – 5 детей; пострадало 65 домов. После этого в городе начались беспорядки.

5

29/VIII/85

Дорогие Павел и Джемма,

Внимательно прочла я машинопись сборника¹. Он выйдет очень хорошим! Поздравляю!

Свои маленькие (очень незначительные заметки) я вложила в первый экз. копии.

Мне кажется, что нужно показать материал и Ефимову², и Поповскому³. Обоих попросить о выпуске сборника. (Ефимов ведь сейчас Ваш сосед).

Позвоню Вам по приезде из Калифорнии.

Всего доброго –

Ваша Валентина Синкевич

P. S. Если не найдете лучшего кандидата – я отвезу материал Поповскому.

1. Единственная книга стихов Павла Бабича «Низкое небо» вышла в 1996 году.

2. Игорь Ефимов (1937), русско-американский писатель, философ, публицист; издатель. В 1981 г. основал изд-во «Эрмитаж».

3. Марк Поповский (1922–2004), писатель, журналист, правозащитник. Был вице-президентом организации «Писатели в изгнании» американского ПЕН-клуба.

6

12/II/86

Дорогой Павел,

Стихи Ваши не исчезают бесследно. Кто-то их читает, отмечает, проявляет к ним интерес. Прилагаю доказательство.

Проф. Смит¹ хорошо говорит по-русски, пишет очень формалистические разборы русской зарубежной поэзии. Давно выписывает наш альманах. Переводил он стихи Галича на английский. Автор нескольких книг – из них две о поэзии.

Спасибо за выступление.

Сердечный привет Джемме.

Ваша – В. С.

Р. С. Снова очень болела моя Ташка².

1. Джеральд Смит (Gerald S. Smith), профессор University of Oxford. Автор известных книг по русской культуре и литературе, среди них – *Contemporary Russian Poetry: A Bilingual Anthology* (1993), *D. S. Mirsky: A Russian-English Life, 1890–1939* (2000). В архиве также содержится письмо от проф. Смита Валентине Синкевич:

384-2 W8 Avenue

Vancouver BG

Canada V6R 1Z4

February 6, 1986

Dear Valentina Sinkevich,

Many thanks for your letter of some months ago, with information about Pavel Babich; and thank you very much for the 1985 *Vstrechi*, very elegantly produced as usual and full of things I look forward to reading.

I have just returned from England; I was elected Professor of Russian and Fellow of New College, Oxford, from 1 October 1986. I shall be at the Vancouver address until the end of June, probably, then in Maine for a bit. From October my address will be as follows:

Professor G.S.Smith

New College Oxford

United Kingdom.

Naturally, I'm delighted, but am faced now with changing my life around. My wife will continue to teach here, but she has leave for 1986-7.

I enclose a cheque for the 1985 issue, and look forward to the 1986!

Wish best wishes,

Yours truly,

Gerald Smith

(Уважаемая Валентина Синкевич, большое спасибо за письмо, присланное несколько месяцев тому назад, с информацией о Павле Бабице, и огромное спасибо за «Встречи» за 1985 год, – как обычно, весьма элегантно изданных и полных вещей, которые я предполагаю прочитать. Я только что вернулся из Англии; я был назначен профессором русского языка в Оксфорде, с 1 октября 1986. Я буду по адресу в Ванкувере, возможно, до конца июня, затем в Мейне ненадолго. С октября мой адрес будет (указан адрес). Я просто счастлив, хотя столкнулся с тем, что моя жизнь перевернулась. Моя жена продолжит преподавать здесь же, но она переедет в течение 1986-7 гг.

Вкладываю чек за номер 1985-го года и ожидаю номер за 1986! Всех благ, Ваш искренне – Джеральд Смит)

2. Ташка – собака Валентины Синкевич. В доме у В. А. Синкевич всегда жили животные, которых она подбирала на улице.

7

4/V/86

Привет, дорогие Джемма и Павел,

Чем-то мне этот сборник Кублановского¹ понравился. Есть в нем своя – особенная тяжеловесность и своя ностальгическая нота.

Пришлю «Мир» (журнал)² со стихотворением Павла из «Встреч».

Журнал – ох! Редакторы его печатают уж очень по-своему, делаю в статьях свои параграфы – неизвестно по каким ориентирам.

Обнимаю дружески –

Валентина С.

1. Юрий Кублановский (1947), поэт, публицист, критик. В 1982 году вынужден был эмигрировать, вернулся в Россию в годы Перестройки. Живет в Москве.

2. «Мир» – журнал и газета под таким названием издавались в Филадельфии. Гл. редакторы и издатели – Иосиф и Светлана Винокуровы. Иосиф Винокуров был вице-президентом Американской ассоциации евреев из бывшего СССР.

8

12/II/87

Милые и дорогие Джемма и Павел,

Посылаю вам газету «Мир» со стихами Олеси¹. У нас на вечере было довольно много народу – около сотни, несмотря на плохую погоду. Из этого заключаю, что наш альманах здесь любят. На следующее чтение обязательно попрошу приехать – несколько человек спрашивали о Вас, Павел. Я Вам не звонила, зная, что в ту погоду – да еще в такую даль – Вы бы не выбрались.

Насчет Цеха поэтов в Париже – грех, конечно же, не мой. Редактор «Мира» понятия не имеет, где был гумилевский Цех поэтов. Что поделаешь! И в Вашем, Павел, стихотворении сбит ритм и смысл словом «меня» вместо «мною». Да!

У нас снова траур – ушел навсегда Иван Елагин². Могу сказать, что уходил он с большим человеческим достоинством – терпеливо,

не ропща. Я разговаривала с ним еще в четверг вечером – до пятницы он был в Филадельфии. В воскресенье утром он умер в Питтсбурге. Дочка его³ рассказала, что в субботу он разыскал сам книжечку стихов поэта Ивана Савина⁴, – я хотела дать стихи его во «Встречах» в разделе «Из зарубежного поэтического наследия». Книжку он дал в руки дочери, чтобы она послала мне. За день до смерти не забыл о моей просьбе. Следующий номер «Встреч» мы посвятим его памяти, напечатаем стихи, кот. он лично мне дал для этого номера – включая четверостишие, специально написанное для посмертной публикации⁵. Сначала он хотел дать его в НРС, а потом передумал и дал мне. Очень грустно терять таких людей, как Ржевский⁶ и Елагин.

Дорогие Джемма и Павел, – у меня к вам большая просьба, – а именно: Агния С. Ржевская⁷ попросила меня сделать предварительную подписку на книгу ее мужа – сборник литературоведческих статей Л. Д. Я обращаюсь ко всем своим знакомым с просьбой поддержать это хорошее дело. Книга будет стоить \$15.00. Если можно, пришлите мне чек, выписанный на имя Agnes Rzhevsky. Здесь большое значение имеет моральная поддержка – то, что люди не забыли Л. Д. Вдова его только этим и живет. Первые чеки уже начинают приходить. Скоро я вышлю ей первую партию чеков.

Желаю Вам всего доброго.

Искренне Ваша Валентина.

Забавную статейку написал обо мне Б. Филиппов⁸. Прилагаю и ее – посмеетесь.

(Дописано красными чернилами)

Павел, у Вас будет великолепная подборка в следующем номере «Встреч». Спасибо за нее!

1. Александра Бабич – старшая дочь Павла и Джеммы Бабич. «Олеся Бабич» – так она подписывала свои стихи, написанные по-русски.

2. Иван Елагин (Матвеев, 1918–1987), один из крупнейших поэтов Зарубежья. Представитель второй волны эмиграции. Скончался от рака.

3. Елена Матвеева – дочь Ивана Елагина, поэтесса.

4. Речь идет об Иване Савине (Саволайнен, 1899–1927), поэте первой волны эмиграции, жившем в Финляндии. Савин выпустил при жизни единственный сборник «Ладонка» (1926). Его вдова жила в Нью-Джерси. Валентина Синкевич поддерживала с ней дружеские отношения. В библиотеке В. Синкевич было 2 книги «Ладонки», полученные, очевидно, от вдовы Савина и от Елагина.

5. Здесь имеется в виду четверостишие Ивана Елагина:

Здесь чудо всё: и небо, и земля,
И звездное шуршание мгновений.

И только чудом смерть назвать нельзя –
Нет в мире ничего обыкновенней.

6. Леонид Ржевский (Суражевский, 1903–1986), писатель, литературовед, профессор New York University.

7. Агния Сергеевна Ржевская (Шишкова, 1923–1998), жена Леонида Ржевского.

8. Борис Филиппов (Филистинский, 1905–1991), литературовед, издатель, писатель.

9

27/II/87

Дорогие Джемма и Павел,

Спасибо за отклик на предварительную подписку. Покуда мне никто не отказал – просила из 50 человек. Но вообще скоро начнут от меня шарахаться: собирала на литфонд, затем продавала наш сборник, а сейчас потрошу людей на книгу Л.Д.¹ С другой стороны – каждое из этих дел – нужное, каждое для кого-то важное.

Павел, клянусь, что в следующий раз буду приглашать на все вечера «Встреч». Вы ведь у нас почетный автор. И стихи Ваши уже замечены. Прилагаю веское доказательство: автор рецензии на «Встречи» – израильтянин, не знающий о Вас ничего, кроме Ваших стихов. И они ему – явно – нравятся.

Позвоню в один из вечеров.

Всего Вам доброго

Валентина С.

P. S. Еще раз хочу сказать, что не пригласила Вас, Павел, п.ч. уверена была, что Вы не приехали бы. Уж очень далеко. Но ведь Вы – наш замечательный энтузиаст! Спасибо за это!

1. Л. Д. Ржевский. К вершинам творческого слова. Литературоведческие статьи и отклики. – Norwich, 1990.

10

15/5/87

Мои дорогие Джемма и Павел,

От всей души поздравляю Вас с новым домом¹ – теперь вы уже пустили корни, уже можно сказать, что вы дома.

Идет лето – у нас душно, жарко, а в Вермонте оно хорошее. И воздух – не чета нашему. Сделали вы благое дело для детей. И для себя, конечно.

Видела Вашу подборку стихов, Павел, в Альманахе Клуба писате-

лей. Она очень хорошая! Впрочем – ничего в этом нет нового. Как всегда. А сам альманах – не на высоте. И по материалу, и напечатано плохо. Мой сборник рассыпается². Обложка с какими-то змеями, серая, совсем не нарядная. С меня они содрали по 12 дол. за страницу – получила я за 24 дол. один авторский экземпляр. Так мы со своими авторами не поступаем. Здесь, конечно, я говорю не о деньгах, а о принципе.

Сейчас я сажусь писать статью (некролог и рецензию на две книги) о И. Елагине для «Граней». Только что кончила рецензию на книгу П. Муравьева³ – он наш добрый знакомый – о знакомых писать вообще трудно, но в наших условиях это неизбежно. Ничего не поделаешь. Небольшой некролог о Елагине потом для «Посева».

Материал уже у наборщика (это я о «Встречах»). Думаю послать печатнику в начале июля – к октябрю сборник должен выйти. Мне кажется, этот номер будет одним из самых лучших – даже самый лучший. Есть новые авторы, и самое главное – есть хорошие стихи. Миша Крепс⁴ написал очень интересное стихотворение о Цербере. Вдохновила его моя покойная Ташка, посему стихотворение он посвятил мне. На мой взгляд, оно лучшее из всего, что он до сих пор написал.

Володя благодарит за посвящение – стихотворение прекрасное⁵. (приписка к письму)

Набор «Встреч» делаем у Винокурова (неразборчиво).

1. Речь идет о доме в Вермонте.

2. *Валентина Синкевич*. Здесь я живу. – 1988 (мягкая обложка работы В. Шаталова). Издательством «Мир», печатавшим сборник, на последней странице поставлена дата выхода «1988». Очевидно, что книга была выпущена в 1987-м.

3. П. А. Муравьев (1922–2009), писатель, художник, инженер. Первая волна эмиграции. Автор романов «Время и день» (1974), «Полнос Лорда» (1990), сб. рассказов «Тень Дон Кихота» и «Звезды над Смоленском» (1986).

4. Михаил Крепс (1940–1994), поэт. Жил в Бостоне. В конце декабря 1994 г. на смерть М. Крепса П. Бабич написал стихотворение «Памяти Михаила Крепса».

5. В 1986 г. Павел Бабич посвятил В. Шаталову стихотворение «Старое полотно».

Дорогие Джемма и Павел,

Последние недели были такими, что я не помню, посылала ли вам «Встречи».

После удаления почки Володя¹ упал и поломал себе бедро. Снова серьезная операция – вставили чашечку бедра. Чуть только стал поправляться от этой операции, как нога стала болеть и опухать:

нашли закупорку вены. Снова пришлось лечь в больницу. Сейчас, как будто, дело идет на поправку (тьфу! тьфу!). Даст Бог – это всё.

В этом году нет сил устраивать вечер «Встреч» – подождем до следующего года.

Всего вам доброго – особенно хорошего здоровья.

Ваша – Валентина С.

1. Владимир Шаталов (1917–2002), художник, академик Национальной академии дизайна. Близкий друг В. Синкевич.

12

20/III/90

Дорогие Павел и Джема,

Спасибо огромное за стихи для «Встреч». Павел, все три стихотворения прекрасны – они настоящая поэзия, – притом особенно Ваша. Ваше очень русское чувство слова, идущее от души к природе. Я бы только убрала многоточие после слова «горек» перед строчкой «напрямик от Большой...»

Лена Дубровина¹ была тронута эпитафией и тем, что заметили ее отсутствие. Обещала написать, каялась, что не поблагодарила за чудесную вазочку. У нее период молчания – стихов почти не пишет, те, что изредка напишутся, – немного ниже ее уровня. Посему и на этот раз она решила ничего не печатать. Такое бывает со всеми.

Весь материал уже полностью собран на следующий номер. Боюсь, что перебрала, т. к. стихи приходили, когда Володя был болен, и я, если подборки были удовлетворительными при беглом прочтении, обещала печатать. Теперь придется кое-кого потеснить, ничего не поделаешь. Но к Вам, Павел, сие отношения не имеет. Ваши стихи – украшение альманаха, и для них законы не писаны.

Володя потихоньку поправляется. Ходит по улицам с палкой, а дома без нее. Но за руль сесть еще, конечно, боится. Уже начинает заметно набирать вес – за время болезни он потерял фунтов 25. До лета должен принимать лекарства против сгущения крови – ее проверяют каждую неделю.

Дружески обнимаю вас обоих.

Павел, пожалуйста, пишите стихи, не умолкайте. «Встречи» не могут терять хороших авторов.

Ваша Валентина.

Р. С. Читала Ваши стихи Володе и Лене Д. – оба в искреннем восторге.

(приписка) Павел, Вы у нас певец Вермонта. Природу его страстно

любил и Киплинг, написавший там свою замечательную «Книгу джунглей». Жалею, что этим летом не смогу приехать в Норвич².

1. Елена Дубровина, поэт, переводчик, исследователь литературы Русского Зарубежья. Здесь речь идет о стихотворении П. Бабича «Над Вермонтом на север гуси...» (1988-89) с эпиграфом из стихотворения «Вот и кончен полет» Е. Дубровиной.

2. Русская летняя школа в Норвиче, шт. Вермонт. Основана в 1960-м году преподавательницей Middlebury College Марианной Полторацкой, закрылась в 2000 г.

13

27/X/90

Дорогой Павел,

Ваши стихи – украшение сборника. От них в восторге и Вера Зубарева¹, недавно приехавшая из России поэтесса. Она выделила Вас из всех участников этого выпуска.

Присылайте стихи на следующий номер, кот. уже весь собран. Держу для Вас место, а поэты напирают буйно.

Как Вы поживаете? Как здоровье?

Я только что вернулась из Калифорнии, где пробыла целый месяц и откуда привезла бездомного щенка – он лопает книги, грызет мебель, съел чек – «встречная» подписка, но очаровательный песик пудельного происхождения – вряд ли чистокровный – для меня это не имеет значения.

Может быть, весной соберемся сделать вечер «Встреч». Обязательно напишу Вам.

Миша К.² уехал из Филадельфии, увы. Последнее время редко мне звонил, был очень занят.

Володя поправляется и даже настроение делается лучше.

Сердечный привет от нас обоих Вам и Джемме.

Ваша Валентина С.

1. Вера Зубарева – поэт, писатель, литературовед, автор 18 книг поэзии, прозы и литературной критики на русском и английском языках. Живет в Филадельфии.

2. Миша Каганович, врач-психиатр, библиофил.

14

29/XI/90

Дорогие Джемма и Павел,

Спасибо за стихи для «Встреч» – стихи очень хорошие! Вы, Павел, я всегда утверждала – поэт милостью Божией.

Отклик на Вас и на «Встречи» мне понравился. Если можно, пошлите экз. сестре и экз. Вашему рецензенту. Попросите его написать отклик на этот номер.

Я уже послала копию вырезки Филиппову (он, бедняга, смертельно болен – рак) и отошлю копию Рине Левинзон – пусть порадуется.

Жаль, что этот номер, в общем очень сильный, хромает на обе ноги благодаря опечаткам – моя вина, конечно. Постараюсь подтянуться – вернее, печатать маленькими дозами. Авось – поможет.

Дружески обнимаю Вас обоих.

Ваша Валентина Синкевич

15

3/XII/91

Дорогие Павел и Джемма,

Вот и наш очередной выпуск «Встреч» – до какой-то степени – «юбилейный». Если считать от «Перекрестков»¹, с 1977 г., то нам 15 лет!

Посылаю вам и рецензию Лии Владимировой² (немного восторженную, но от всего сердца). Другая была в последнем номере «Нового Журнала» (№ 183). Рецензия В. Дмитриева³, молодого профессора из Оклахомы, – он пространно говорил о Леде, Акакии Акакиевиче Башмачкине и поэтах «Встреч». Нечто вдохновенно-странное под названием «Смутные воспоминания Леды».

Жаль, что опоздали со стихами на 1991 год. Пожалуйста, шлите на следующий номер.

Как вы всеживаете? Как здоровье – душевное и физическое? Пишутся ли стихи?

Я вся еще в работе над антологией поэтов второй эмиграции⁴. Почему-то идет туго, с различными перебоями – наборщик у нас с хорошей машиной (компьютер и лазерный принтер) и с плохой головой. Много с ним проблем. Но, кажется, дело всё-таки подходит к концу.

Была я в России: в Москве, Киеве и в своем маленьком городке Черниговской обл[асти]⁵ – жила в нем 10 дней, встречаясь с бывшими своими подругами, с коллегами и учениками моего отца⁶, преподававшего математику в десятилетке. Принимали меня очень хорошо. Но стояла между нами преграда – мои 50 лет за границы, их куда не денешь: отвыкла я от той жизни и люди отвыкли от меня, я для них не реальна (далее – синими чернилами с пояснением: *исписалась ручка, взяла другую.* – Ю. С.), хотя мы старались это скрыть.

Всего вам доброго. Жду стихи.
Ваша Валентина С.

1. «Перекрестки» – альманах поэзии (1977–1982), издавался в Филадельфии. Редакционная коллегия: И. Буркин, С. Голлербах, И. Легкая, Б. Пушкарев, В. Синкевич. Альманах «Встречи» В. Синкевич считала преемником «Перекрестков».
2. Лия Владимировна (Юлия Хромченко, 1938), израильская поэтесса. Была постоянным автором альманаха «Встречи».
3. В. Дмитриев (1946), филолог. В США с 1981 г. Преподавал в Университете Оклахомы.
4. Антология поэзии второй волны эмиграции «Берега» (Сост. В. Синкевич. 1992).
5. Остер – город в Черниговской обл. Украины. Туда переехала семья В. Синкевич, спасаясь от сталинских репрессий. Оттуда же Валентину Синкевич во время войны накануне шестнадцатилетия угнали на работы в Германию.
6. Отец В. Синкевич – Алексей Николаевич – был сыном священника. По образованию юрист, но считая, что в сталинском государстве юрист не может оставаться честным человеком, стал работать в общеобразовательной школе математиком (по воспоминаниям В. Синкевич). Погиб во время войны.

16

20/XII/91

Дорогие Джемма и Павел,

Посылаю вам статью В. Дмитриева из Н.Ж. (хочу знать ваше мнение). Автор – бывший ленинградец, с тремя высшими образованиями – два института там и докторская степень здесь (по Бальмонту).

Шлю и рецензию Лии Владимировой – она прислала мне копию оригинала, думаю, что НРС не напечатает ее рецензии. Наверное, Лия расстроится, увидя свое детище в таком сокращенном варианте. Со многими сокращениями НРС лично я – согласна, но название у Лии гораздо удачнее. «И снова – ‘Встречи’» – звучит как насмешка. «Новая встреча со ‘Встречами’», по-моему, гораздо удачнее.

На следующий номер «Встреч» приходит слабенький материал – жду стихи Павла Бабича, чтобы поднять уровень следующего выпуска.

Заканчиваю работу над антологией поэтов второй эмиграции¹. Книга будет интересной – пришлю, когда выйдет из печати.

Привет от Вл. Мих².

Будьте все здоровы –

Ваша Валентина Синкевич

(приписка) С Рождеством Христовым!

1. Антология «Берега» (1992).

2. В. М. Шаталов.

11/1/92

(на бланке готическими буквами: From Valentina Sinkevich)

Дорогой Павел,

Спасибо за стихи – все они замечательные! Будут украшением «Встреч». И хорошо, что прислали, – у нас в следующем номере много серости. Да еще (по моей вине) придется печатать классика. В Нью-Йорке появился поэт Александр Пушкин¹ – потомок. Злые языки уверяли, что он Александр Сергеевич и жена у него Наталья Николаевна. Оказывается – нет: он – Александр Александрович, о жене не знаю ничего. Я долго крепилась, но наконец написала ему, попросила прислать подборку для «Встреч». Он и прислал! Словом – какой век – такой и Пушкин. Но печатать нужно, раз я сама пригласила.

Дорогая Джемма, спасибо за чтение рецензии Вашего земляка – ленинградца Дмитриева. Кое-кто его называет гениальным, а кое-кто спрашивает, из какого сумасшедшего дома его выпустили.

Очень хорошую книжечку стихов прислала Рина Левинзон. Она молодец. Я даже отложила все дела и написала рецензию на ее сборник.

Всего вам доброго в Новом году. Привет от филаделфийских друзей.

Ваша – Валентина Синкевич

Р. S. Легкомысленную эту бумагу (FromValentina – etc.) мне сделала Лена² на компьютере. Жалко ее выбросить и не совсем удобно посылать – даже друзьям. Но Леночка сочиняла этакую «орнаментическую» «от щирого сердца», как говаривали в моем родном городке – Остре, Черниговской обл.

1. Александр А. Пушкин, поэт. Потомок Пушкиных. Эмигрировал в США в 1990-е. Живет в Нью-Йорке.

2. Елена Дубровина.

1 мая, 1995

Дорогие Павел и Джемма!

Вот антология¹, о кот. мы с вами недавно говорили. Первый и четвертый том еще в печати.

Игорь² обещал устроить встречу с участием Павла. Сейчас у него летний перерыв, а осенью он снова возьмется за дело. Буду очень рада принять вас обоих у себя. У меня есть где переночевать, несмотря на мой собачник.

Дружески обнимаю –
Ваша Валентина Синкевич

1. «Строфы века» – антология русской поэзии XX века (1995). Составитель – Евгений Евтушенко, науч. ред. издания – Евгений Витковский. Валентина Алексеевна оказала бесценную помощь в составлении антологии, в консультациях по поэзии второй волны эмиграции.

2. Игорь Михалевич-Каплан (1943), поэт, прозаик, переводчик. В США с 1979 г. Был издателем и главным редактором литературного ежегодника «Побережье» (1992–2012).

19

3/3/95

Дорогой Павел,

Только что получила весточку из Москвы, что вот-вот выйдет из печати Евтушенковская огромная антология русской поэзии¹, включившая много авторов из «Встреч». Большинство поэтов представлено в ней одним стихотворением, у Вас – «Корнет Оболенский». От души поздравляю! У меня тоже одно стихотворение, но какое – мой корреспондент не помнит².

Сердечный привет Джемме.

Ваша Валентина Синкевич

(приписка) буду держать Вас в курсе Евтушенковской антологии.

1. «Строфы века».

2. В антологию включено стихотворение «Единожды» (с. 709).

20

23/X/95

Дорогие Павел и Джемма!

Спасибо за еще одну прекрасную подборку для «Встреч». Наш ежегодник читают в Москве, чему свидетельство Ваш «Корнет Оболенский».

Шлю Вам указатель имен «Строф века». Некоторая небрежность заметна даже по списку имен: у кого-то есть отчества, а у кого-то нет; Найман у них помещен перед Надеждиной. А в самой книге – вообще хаос. И все-таки, хорошо, что такая антология вышла. В ней более 800 поэтов!

В середине ноября получу для Вас крейдовскую антологию¹ – она самая серьезная, но включает только первую и вторую эмиграцию. Кто-то привез из Москвы в Филадельфию несколько экземпля-

ров на продажу. Я заказала через Игоря два экземпляра: один для Вас и один для него. Увижу Игоря 8-го ноября и, надеюсь, что антология будет уже у него.

А наши «Встречи» выйдут с опозданием из-за оплошности печатника.

Желаю Вам удачи со «Строфами века». Мне хотелось бы иметь хотя бы содержание книги. Крейд говорил, что сам редактор (Евтушенко) отвалил себе 10 страниц и 11 дал своему напарнику Вознесенскому. Словом – своя рука – владыка.

Большой привет от Лены Дубровиной.

Ваша Валентина Синкевич

Р. С. Говорят, что в Москве «Строфы века» стоят 50 долл., а на рубли – миллионы.

1. Вадим Крейд. Вернуться в Россию стихами. Антология. — 1995.

21

27/X/95

Дорогой Павел,

Шлю Вам книжечку стихов бедного Миши Крепса¹. Ему не повезло и посмертно: сборник издан плохо. Каким-то образом у наборщиков слезли направо многие названия стихотворений и звездочки, правый уклон получился и у посвящений, а «мое» посвящение очутилось над названием. И на корешке книги нет имени автора, и составители не поместили стихотворение «Космос, Петербург, плечо», а ведь оно ключевое, так названа книга. Но – ничего, есть сборник и на том спасибо.

Присылайте Лене Дубровиной стихи для набора. Ее компьютерный шрифт не очень хороший, но она грамотно сделает работу, даст марку книге (у нее «издательство» «Диапазон»², получит для нее номер Библиотека Конгресса, словом, всё будет – как полагается и совершенно бесплатно, по-дружески. Ее адрес <...>

Надеюсь, Вы уже получили указатель имен «Строф века».

Прилагаю свою статью о Иване Савине. По праздникам я навещаю его вдову³, которая находится в старческом доме в Лейквуде (NJ) – сейчас, к сожалению, в совершенно сумеречном состоянии. В России собираются издать сборник стихов Савина, Бог им на помощь. Занимается этим Фонд Российской культуры, который издал и книжечку Туроверова⁴, я ее как-нибудь Вам пришлю почитать. Но сначала мне нужно найти для нее рецензента, иначе – придется писать самой, а времени у меня на это всегда слишком мало.

Антологию Крейда (самую серьезную из всех современных антологий первой и второй эмиграций) пришлю в середине ноября.

Дружески обнимаю Вас и Джемму,
Ваша Валентина Синкевич

-
1. Михаил Крейс. Космос, Петербург, плечо. — 1995.
 2. В 1992 году вместе с профессором Х. Копровским (директором The Wistar Institute) Елена Дубровина основала издательство «Диапазон» (Diapason). Книга Павла Бабича «Низкое небо» вышла в 1996 году.
 3. Людмила Владимировна Савина-Сулимовская (1905–1996).
 4. Николай Туроверов (1899–1972), казачий поэт, первая волна эмиграции. Жил во Франции. Председатель парижского «Казачьего союза».

22

23/XI/95 – День Благодарения

Дорогие Павел и Джемма,

Вам первым посылаю авторский экземпляр «Встреч» — их я получаю от художников через час по столовой ложке. Они вручную вклеивают свои цветные репродукции — работа идет медленно, а тираж и так задержался, пришлось его целиком перепечатывать.

Шлю Вам и обещанную антологию поэтов первой и второй эмиграции. На сегодняшний день — это самая серьезная работа. Вадим Крейд проделал гигантский труд.

Поздравляю Вас, Павел, с хорошей поэмой. Всё, что я смогла найти: лучше бы написать — 1920 год, а не года. И 1979 год. Хотелось бы, чтобы был журавль вместо простонародного журавель (стр. 5).

Еще раз — поздравляю!

Рада знать, что Вы уже дома. От всей души желаю окончательного выздоровления и жду новых стихов для «Встреч».

Всегда Ваша
Валентина Синкевич

23

4/VII/96

Дорогие Павел и Джемма.

От всей души поздравляю вас с выходом прекрасного сборника¹. Володя очень хвалит и обложку.

Всё это время я была по горло занята, да и сейчас еще расхлебываю то, что накопилось, когда работала над «Встречами» (они уже у печатника).

Будьте добры, дорогая Джемма, пошлите «Низкое небо» Ираиде Легкой² и Евгении Димер³. Обеим, если возможно, с автографом. Мне же пришлите три экз[емпляра] (чек прилагаю), их я pošлю в бывшую Салтыкова-Щедрина, Ленинку и Фонд российской культуры. Сборник приложу к юбилейному номеру «Встреч». Со временем напишу и рецензию в «Новый Журнал».

Еще раз – поздравляю!

Ваша Валентина С.

1. Павел Бабич. Низкое небо. – Филадельфия: «Диапазон», 1996.

2. Ираида Легкая (Пушкарева-Ванделлос, 1932), поэтесса второй волны эмиграции. Работала на радиостанции «Голос Америки». Вместе с Валентиной Синкевич и кругом друзей выпускала альманах «Перекрестки» (предтеча «Встреч»). Живет в Нью-Йорке.

3. Евгения Димер (1925), писатель, вторая волна эмиграции. Член Клуба русских писателей в Нью-Йорке, секретарь-казначей.

24

[Январь 1997 – атрибутировано по содержанию]

Дорогие Джемма и Павел,

Только что вернулась из Нью-Йорка, была в редакции «Нового Журнала» в надежде взять номер с рецензией на «Низкое небо». Но, к сожалению, этот выпуск немного задержался у печатника, выйдет к середине января. Вы обязательно получите этот сдвоенный номер (203-204).

Бесконечно рада, что сыну лучше. Дай ему Бог совершенно поправиться.

Поздравляю вас и всю вашу семью с большими праздниками – с Новым годом и наступающим Рождеством Христовым.

Желаю доброго здоровья и успехов во всем, что дорого уму и сердцу.

Ваша Валентина Синкевич

(на обороте – новый адрес Михаила К.¹)

1. Михаил Каганович.

25

17/XI/97

Дорогие Джемма и Павел,

С большой радостью шлю очередной выпуск «Встреч» и надеюсь, что найдете в нем что-нибудь интересное.

Вечер в Н.Й. прошел хорошо, было 35 человек, несмотря на скверную погоду. Читали мы с Леной¹ (Шраер-Петров² не приехал), а затем читали полнейшие графоманы, завсегдатаи Клуба. Но в общем все остались довольны. А у меня даже купили несколько сборников.

Ехать было трудно, лил беспрерывно дождь, и двигались мы медленно (правил Ленин друг³).

Самый сердечный привет от Володи, Лены и меня.

Ваша Валентина С.

1. Елена Дубровина. Речь идет о выступлении в Колумбийском университете по приглашению Е. Любина.

2. Шраер-Петров (1936), писатель, переводчик. Живет в Бостоне.

3. Аркадий Шпильский (1949), поэт, переводчик. Шпильский снимал вечер на пленку.

Е. Дубровина вспоминает: «Было очень весело – какая-то дама читала стихи басом: *‘Остав меня, Америка, остав, ты в сердце мне вонзаешься шипами...’* Урин бегал в женских колготках и высоких сапогах, а его дама была, как Татьяна Ларина, в *‘малиновом берете’*. Во втором отделении появился некто, как две капли воды похожий на Солженицына... Мы с Валей корчились от смеха и прятались за чужими спинами... Впечатление от этого вечера осталось на всю жизнь неизгладимое».

26

7/XI/98

Дорогие Джемма и Павел,

Вот снова прошел год. И снова новый номер «Встреч». Прилагаю и только что вышедший сборник Игоря.

Как вы? Как здоровье?

У меня неожиданная радость: в Москве вышла книга «Поэтессы Русского Зарубежья: Л. Алексеева, О. Анстей, В. Синкевич»¹. Издана изящно, приятно взять в руки. К сожалению, мне прислали только один экз., а то бы сразу же подарила вам.

Володя перенес серьезную операцию, но сейчас чувствует себя хорошо.

Сердечные приветы от филадельфийцев (М. Каганович счастлив во втором браке).

Ваша Валентина С.

1. Сборник вышел в 1998 году в издательстве «Советский спорт», Москва. Это было первое российское издание трех известных поэтесс Русского Зарубежья, осуществленное трудом российского литературоведа В. Агеносова – первопроходца-исследователя второй волны эмиграции.

27

23/II/2000

Дорогие Джемма и Павел,

Вот, наконец, выползли наши «Встречи». Опоздали впервые за 23 года, да еще на целых четыре месяца!

Прилагаю к ним и мемуарные очерки Саакянц¹. Мне очень понравилась ее монументальная биография Марины Цветаевой². А в этой книжке много об Ариадне Эфрон.

Надеюсь, вы не совсем были занесены снегами. Я эту погоду еле выдержала: надо было выводить хвостатых, а тут сплошной лед. Один раз я даже грохнулась, но, слава Богу, кости остались целы.

Сердечный привет от Володи.

Ваша Валентина С.

1. А. Саакянц. Жизнь Цветаевой. Бессмертная птица-феникс (2000).

2. Скорее всего, речь идет о книге А. Саакянц «Марина Цветаева. Жизнь и творчество» (1997, 1999).

28

Декабрь 2000

Дорогие Джемма и Павел!

Вот плоды моих долгих трудов¹. Было много неудач: наборщик, печатник и другие мелкие и крупные неприятности – пришлось даже возвратить весь тираж и ждать у моря погоды, откуда печатник исправит совершенно дефективные страницы.

Спасибо, Джемма, за ксерокопию. В статье много фактических ошибок – и в моей биографии, и в информации о «Встречах», включая полное отсутствие еврейских фамилий. А акад. Андреев никак не мог быть нашим автором, потому стихов вообще не писал. Я рассказывала Катаевой, что он когда-то дал нам подборку Ирины Бем², дочери трагически погибшего в Праге Альфреда Бема³ (м. б. насчет фамилий – вина не Катаевой, а самой газеты? – хотя она, Катаева, сотрудница, потому тень падает и на нее).

Будьте здоровы,

Ваша В. Синкевич

Р. С. «Встречи» уже у печатника. Я же занята рассылкой «Берегов»⁴, и вот-вот приезжает родственница из Киева.

1. Скорее всего, речь идет об очередном сборнике «Встреч». С 1998 («Поэтессы

Русского Зарубежья») и до 2002 г. («...с благодарностию: были», литературные мемуары) у В. Синкевич книг не выходило.

2. Ирина Бем (1916–1981) – поэтесса. В эмиграции в Чехословакии. Член «Скита поэтов». Дочь Альфреда Бема.

3. Альфред Бем (1886–1945?), историк литературы, литературовед, философ, специалист по творчеству Ф. М. Достоевского, основатель «Скита поэтов»; первая волна эмиграции. Жил в Праге. В мае 1945 года Бем был арестован СМЕРШем, пропал без вести. По одной версии, он покончил жизнь самоубийством, выбросившись из окна тюрьмы. Подробно о нем см. воспоминания внука: *Сергей Давыдов*. Пражские весны или... очки для Хрущева. – НЖ, 2008, № 251.

4. Антология «Берега» (1992).

29

[21 декабря 2001]

(Открытка. Атрибутировано по содержанию.)

Поздравляю вас, дорогие Джемма и Павел, с наступающими зимними праздниками – Новым годом и Рождеством Христовым. Желаю всей вашей семье здоровья и благополучия.

Пусть 2002 год будет более мирным и добрым.

Валентина С.

Дорогие Джемма и Павел,

Вчера поздно вечером привезли (на Игоре Каплане) из Бруклина тираж «Встреч». Юбилейный выпуск запоздал до неприличия. Но вот, наконец, вышел.

Жаль, что страницы скачут то вверх, то вниз, но я буду говорить, что это от юбилейной радости.

А юбилей солидный, столетний: мне – 75, а «Встречам» – 25!

Завтра (22/ХІІ) уезжаю к дочке на пять дней.

Всегда ваша

Валентина Синкевич

Публикация – Д. Бабич, Ю. Сандулов

Текстология, комментарий – Е. Дубровина, М. Адамович

Джемма Бабич

Несколько слов о Павле Бабиче

Павел Александрович Бабич родился 30 ноября 1933 года в семье радиста-полярника А. П. Бабича и его жены-домохозяйки Елизаветы Васильевны. В семье было трое детей: две старших сестры и самый младший Павел.

Отца своего Павел совсем не помнил. Тот работал в Арктике на полярных станциях, командировки продолжались по 2-3 года, в отпуск он приезжал редко. Последний раз Павел видел отца в четырехлетнем возрасте, в 1938 году. Запомнил только, что отец привозил много шоколада и в доме постоянно были гости, родственники и друзья отца. Потом остались только фотографии. Отец мальчика не воспитывал, но судьба его наложила огромный отпечаток на всю жизнь Павла. Отец был репрессирован в 1941 году и умер в лагере в 1950 году. Я не буду писать здесь о нем, потому что о судьбе Александра Павловича уже много написано, и это вообще отдельная тема.

С 1941 года Павел стал сыном «врага народа», что закрыло ему дорогу к профессии, к которой он стремился. Он мечтал стать моряком.

Воспитанием детей занималась мать. По профессии она была портнихой, очень талантливой. После ареста мужа ей пришлось содержать семью. Старшая дочь уже закончила школу и курсы радистов. Как только началась война, ее, 17-летнюю девушку, призвали в армию. На руках у матери оставалось двое. А в сентябре 1941 года началась блокада Ленинграда.

Это второе событие в жизни Павла, влияние которого ощущалось до конца его жизни. Павел много писал о блокаде – и стихи, и прозу. Цикл стихов о блокаде он посвятил матери, самоотверженность которой спасла семью. «Блокада. Горькая пора. / Осталось четверо в квартире – / Сосед, я, мама и сестра. / Всех остальных похоронили.» Спасло семью, вероятно, то, что в свое время отец привозил с зимовок шкуры северных оленей и белых медведей. Мать состригала шерсть, вымачивала куски шкур и долго-долго варила. Получался бульон, в котором было хоть что-то питательное. За рабочую карточку мать дежурила в бомбоубежище и помогала выносить из квартир трупы умерших от голода.

В мае 1942 года полуживых блокадников вывезли в эвакуацию. Почему-то семью Бабичей отправили в Нарым, где, в основном, находились ссыльные. Условия жизни там были очень тяжелые. (Первое пересечение наших судеб: в Нарыме в 1925-26 годах отбывала ссылку моя родная тетушка, — конечно, это было задолго до моего рождения. А еще в Нарыме в свое время находился в ссылке Сталин.)

Через год семье Павла удалось переехать из Нарыма на Алтай, где жила с сыном в эвакуации сестра Елизаветы Васильевны. На Алтае климат был намного лучше и с питанием было легче.

На Алтае Павел впервые пошел в школу. До войны не успел (тогда детей брали в школу с 8-ми лет), а потом стало не до учебы. Так, позже напишет Павел, в первый класс он поступил почти в 10 лет, хотя хорошо читал еще до войны и прекрасно рисовал. Особенно удавались ему портреты.

В Ленинград семья вернулась только в 1945 году. Материальное положение было очень тяжелым. Мать за небольшую плату обшивала знакомых, работала в детском саду за карточки. «Мой рост — сто тридцать, / Вес — двадцать пять... / Одежды нет, и ботинок тоже. / Пока не холодно — мне плевать, / Но маму это тревожит.»

Сестра Павла Галя закончила школу, поступила в художественное училище Мухиной, но не было денег на краски, бумагу и прочее (всё это полагалось покупать на свои деньги), и после первого семестра она бросила учебу и пошла работать чертежницей. А Павла при первой же возможности отдали в ремесленное училище, потому что там кормили и одевали. Он мечтал о мореходном училище, но туда его не взяли как сына «врага народа». Павел получил специальность токаря и стал работать на заводе.

Павел был маленького роста, и уличная шпана его постоянно задевала. Чтобы защитить себя, он начал заниматься боксом. И в этом он оказался талантлив — на соревнованиях занимал призовые места. «На память» об этом увлечении у него остался сломанный нос.

После ремесленного училища, отработав положенный срок на заводе, Павел поступил в Индустриальный техникум и одновременно учился в вечерней школе, мечтая о высшем образовании. Впоследствии окончил заочно Горный институт. Тогда он впервые попробовал писать. Толчком стали поездки-командировки, из которых он посылал друзьям письма с описанием своих поездок. Письма получались очень интересными, и друзья советовали ему печатать их как очерки. Тогда же он начал писать стихи. Стихи были, в основном, о войне. Как и у многих в его поколении, война оставила в душе Павла неизгладимый след. Он очень много ездил по местам боев вокруг Ленинграда, собирал брошенное оружие и прочие памятные

вещи. У него была большая подборка книг о войне вокруг Ленинграда и особенно о блокаде. Он мог до мельчайших подробностей рассказать о военных событиях на Ленинградском и Волховском фронтах.

А вот русскую поэзию он знал мало. У него было два любимых поэта: Лермонтов и Есенин, но и им он никогда не подражал. Он был исключительно самобытен.

Собрав три десятка стихотворений, Павел послал их в Ленинградский литературный журнал «Аврора». Оттуда прислали вежливое письмо. Похвалив отдельные строки и пожелав дальнейших успехов, в напечатании отказали. Павел очень обиделся, хотя, надо признать, стихи были довольно слабые, — он тогда этого не видел. В дальнейшем к этим стихам он больше не возвращался. Но тема войны и блокады оставались с ним до конца его жизни.

Другим увлечением Павла была деревянная скульптура. Он вырезал из дерева лица — не портреты, а то, что ему приходило в голову. А еще он любил вырезать деревянные чаши разной формы. Работал он перочинным ножом и маленькими стамесками, которые сам же и изготавливал. У него была удивительная способность делать себе инструменты из подручных материалов. Я помню, как в Италии он сделал себе инструменты из спиц выброшенного зонтика.

Еще одним его увлечением были полудрагоценные камни (яшма, малахит, янтарь и прочее), которые он привозил из командировок с Урала. (После окончания Горного института он постоянно ездил в командировки на Урал). А еще он часто навещал свалку завода по обработке камней в Петергофе, где находил интересные экспонаты. Была там такая «историческая» свалка, после посещения которой мы с ним и познакомились. То есть, со свалки-то ехал он, а я возвращалась в Ленинград с работы. Я тогда работала на фельдшерском участке в Оржицах, недалеко от Петергофа. Потом в нашей семье жила фраза: «Я нашла себе мужа на помойке».

Мы познакомились в 1972 году. Нам было интересно друг с другом, хотя у нас было мало общего, и общих знакомых тоже не было. Уже позже выяснилось, что я хорошо знала одного из его сотрудников. А при первом знакомстве в электричке, идущей в Ленинград, Павел попытался подарить мне крупный кусок янтаря, найденный им в тот день. От этого подарка я отказалась. Он поехал с вокзала провожать меня до дома друзей, где я всегда останавливалась, бывая в Ленинграде. Мы начали встречаться. Я читала ему стихи, которые он совсем не знал. Я тогда была увлечена Галичем, знала наизусть все его стихи (не могу назвать их песнями, всегда воспринимала Галича как поэта). С каким удовольствием я делилась с ним стихами... Потом

подошла очередь других поэтов: Блок, Пастернак, Мандельштам, Ахматова. Для Павла это было открытием русской поэзии. А потом он написал мне длинное стихотворение с объяснением в любви. Павел стеснялся говорить вслух о своих чувствах, предпочитал писать...

Жить вместе мы смогли уже только после рождения нашей старшей дочери Александры. До этого меня в Ленинграде не прописывали.

Одной из важнейших потребностей Павла были попытки узнать как можно больше. Павла всегда терзала мысль, что пока отец был жив, он не пытался писать ему, как-то поддержать отца в лагере. Павлу было 16 лет, когда отец умер в заключении, но мать была категорически против контактов сына с отцом (боясь за сына), а сам Павел не настаивал, так как отца совсем не помнил.

Но потом, в 70-е годы, он стал разыскивать сослуживцев отца, стараясь чуть ли не по минутам восстановить все детали его ареста, суда, жизни в лагере. Многие тогда еще были живы и, на удивление, многие Павлу отвечали и описывали всё, что помнили. Павел сохранил все эти материалы. До конца жизни он мечтал написать книгу о судьбе отца, но сохранились только первичные материалы и некоторые наброски.

Между тем, взаимоотношения между нашей семьей и могущественным КГБ всё усложнялись, и в 1980 году мы эмигрировали. На эмиграции настаивал Павел. Я боялась и сомневалась. У нас было четверо маленьких детей. Английского я не знала, всегда учила немецкий. У Павла был английский (в пределах института), и он был уверен, что быстро овладеет разговорным языком. А кроме того, впереди была полная безысходность на работе и большая вероятность ареста за диссидентскую деятельность для нас обоих. Нас предупредили, что могут отобрать детей «за неправильное воспитание». Это решило вопрос для меня, а Павел, казалось, был вполне готов к отъезду. Но это только казалось.

Мы провели несколько дней в Вене, потом в Италии, где под гимн Советского Союза выбросили в урну старые рваные ботинки Павла. В Ладисполи под Римом мы провели три месяца в ожидании американской визы. Там Павел устроился на работу на стройку (пособия на жизнь не хватало), причем хозяином его был немец, который в войну бомбил Ленинград. Я не знаю, как они с Павлом объяснялись, но немец показывал жестами, как он сбрасывал бомбы на Ленинград, а Павел показывал ему, как он прятался от бомбежек.

И вот в Италии Павел по-настоящему начал писать стихи, и писал их каждую свободную минуту. Когда мы приехали в США и он быстро нашел себе работу по своей старой профессии станочника

(босс говорил по-русски, так что тут проблем у Павла не возникло), он умудрялся записывать новые строчки, даже стоя у станка.

В 1983 году в газете «Новый американец» был опубликован цикл его стихов «Ностальгия». Павел получил несколько писем, отметивших его стихи. Одно из этих писем совершенно изменило его поэтическую судьбу.

Это было письмо от поэтессы и редактора альманаха «Встречи» Валентины Алексеевны Синкевич. В то время мы практически ничего не знали о существовании русской эмигрантской поэзии и только начинали знакомство с этой частью русской литературы. Письмо от Валентины Алексеевны (почему-то оно не сохранилось в нашем архиве, но я хорошо помню его содержание) было необычным. Высоко оценивая стихи Павла, она приглашала его стать одним из авторов сборника «Встречи» и прислать подборку стихов. Павел очень волновался. Он отобрал десять стихотворений, не зная, сколько нужно для напечатания, и послал их. Валентина Алексеевна прислала нам сборник «Встречи», похвалила подборку стихов Павла, но десять было слишком много, обычно там печаталось 5-6 стихотворений одного автора. Потом мы стали переписываться и перезваниваться по телефону, а потом познакомились лично, так как мы жили тогда в Нью-Джерси, и до Филадельфии, где жила В. А., было совсем недалеко.

Я даже не знаю, как описать Валентину Алексеевну. Конечно, она была высокоинтеллигентным человеком, культурным и образованным, но меня прежде всего поражала ее деликатность. Она прекрасно оценивала качество стихов, но никогда не могла сказать автору: «Это слабые стихи», – боялась обидеть. Из-за этого у нее как у редактора были серьезные проблемы. Она сама писала нам: «...В этом году подборка стихов во 'Встречах' очень слабая». Или: «Я наживаю себе врагов, отказываясь печатать плохие стихи...» А врагов она не хотела. Наоборот, она пестовала своих авторов, радовалась каждой удачной строчке, очень любила отыскивать новые талантливые стихи.

Ей очень нравились стихи Павла своей самобытностью и «русскостью», а также тем, что он никому не подражал и не гнался за новыми веяниями и приемами в поэзии. А Павел их просто не знал, ему это было всё чуждо, он писал как дышал. Когда мы встречались, В. А. всегда приветствовала его словами: «Здравствуйте, Поэт». А с какой бережностью она делала самые необходимые замечания по его стихам! Иногда у Павла проскакивали «ляпы», которые ни он, ни я почему-то не замечали. В. А. очень ласково и деликатно указывала на них, всегда добавляя: «А Вам не кажется, что так будет лучше?» И конечно, «так» всегда оказывалось лучше.

Валентина Алексеевна всегда о ком-нибудь заботилась: о людях, о животных. Я просто не представляю, как у нее на всё хватало времени и энергии. Мы разделяли это ее отношение к больным и брошенным животным, так что это нас тоже сближало. У нее в доме всегда находилось несколько бездомных больных собак и кошек, которых она выхаживала, а если выходить было невозможно, они просто доживали у нее до своего конца. При этом в доме у нее всегда было очень чисто и аккуратно. Я не знаю, как она на всё находила время. Она же еще при этом в то время и работала.

Валентина Алексеевна была очень внимательна. Помню, я как-то вскользь упомянула, что наш старший сын-школьник коллекционирует марки. Каково же было мое удивление, когда через короткое время мы получили от нее целую кучу марок (у нее была обширная переписка). Меня растрогало такое внимание. Она ведь была очень занятым человеком.

В 1984 году Валентина Алексеевна послала подборку стихов Павла в «Новое русское слово». Послала от своего имени, зная, что на стихи незнакомого автора внимания не обратят. Подборку напечатали, но с такими ошибками, что Павел просто пришел в отчаяние. Если бы только это были грамматические опечатки, а то ведь и смысл искажался. У Павла «И клен в огне...», в газете «клен в окне». А в одном стихотворении редактор просто заменил последнюю строку на свою, так что стихотворение потеряло смысл. Больше Павел никогда стихи в НРС не посылал.

В письмах В. А. к нам – литературные новости, новые публикации, новые поэты – всегда: «много работаю, очень занята, надо сделать то-то и то-то». В. А. всегда старалась всем помочь. С юмором она пишет нам: «Вообще, скоро начнут от меня шарахаться. Собирала на Литфонд, затем продавала наш сборник, а сейчас потрошу людей на книгу Л. Д. (Ржевского. – Д. Б.). А с другой стороны, каждое из этих дел – нужное, каждое для кого-то важное».

В 1986 году мы перебрались из Нью-Джерси в Вермонт и продолжали общаться с В. А. по телефону и в письмах. Изредка приезжали на «литературные сборища».

Она внимательно следила за публикациями Павла. Когда вышла подборка его стихов в альманахе «Клуба писателей», В. А. очень хвалила ее, хотя сам альманах оказался не на высоте и подвергся ее критике.

И в каждом письме: «Много работы», «Сейчас я сажусь писать статью (некролог и рецензию на две книги) о Иване Елагине для 'Граней'. Только что закончила рецензию на книгу П. Муравьева...»

А где же взять время для собственных стихов? Но они тоже

пишутся, тонкие, добрые, «А я ведь яблоневый цвет и песнь прошу у сада и у Бога».

В каждом письме В. А. просит у Павла стихи. А у него стихи пишутся медленно и мало. Павла всё больше тянет к прозе. Он пишет статью о блокаде Ленинграда, много работает над книгой об отце, которую так никогда и не закончил, оставив только множество набросков.

Всё больше времени у него занимает работа с деревом. Он придумывает всё новые формы для деревянных вазочек с цветами из дерева, макеты церквушек, необычные почтовые ящики и прочее. Продукция его пользуется спросом, и он решает оставить работу по найму и заняться собственным бизнесом.

Павел был Художник, но совершенно не бизнесмен и не ремесленник. Ему было скучно делать одно и то же. Если он получал заказ на три дюжины одинаковых вазочек, то после изготовления первой дюжины переключался на что-нибудь другое. Кроме того, он очень не любил продавать, он любил дарить. Даже свои стихи он всегда дарил, у него почти нет стихов без посвящений.

В 1988 году Павел перенес первый инсульт, довольно легкий, практически не оставивший последствий и, к сожалению, не заставивший его задуматься о своем здоровье и хотя бы сократить курение. Зато он стал задумываться о смерти, и эта тема звучит в его стихах всё чаще.

Валентина Алексеевна продолжает писать нам о литературных новостях, о своей работе (мы в Вермонте совсем оторвались от литературной жизни). Она работает над антологией поэтов второй эмиграции. Работа огромная, а тут еще большие трудности с наборщиком для «Встреч».

Писала она нам о своей поездке в Россию (тогда это еще было редкостью) в 1991 году. Побывала она в Москве, устанавливая там литературные связи, в Киеве, и десять дней провела в родном городке Остре Черниговской области, который покинула 16-летней девочкой 50 лет назад. Встречалась со своими бывшими подругами, с коллегами и учениками своего отца, преподававшего математику в местной школе. «Принимали меня очень хорошо, – писала она. – Но стояла между нами преграда – мои 50 лет заграницы, их никуда не денешь.» Я ее очень хорошо поняла, когда приехала в Россию в 1997 году. Хотя прошло всего 17 лет после нашей эмиграции, барьер ощущался очень остро.

В 1992 году она пишет Павлу о его новой подборке стихов для «Встреч»: «Как хорошо, что прислали, – у нас в следующем номере много серости». С юмором В. А. описывает, как по ее вине придется

печатать «классика», Александра Пушкина. «Словом – какой век, такой и Пушкин, – заключила она. – Но печатать придется, раз я сама попросила.» Вот в этом она была вся – не могла отказать. Ну, кажется, чего проще написать: «Извините, стихи слабые, нам не подходят». Не могла, деликатность мешала. И хотя В. А. писала нам: «Я наживаю и друзей, и врагов. Последние появляются, когда приходится отказывать в публикации», – я не представляю, какими должны были быть стихи, чтобы В. А. отказала.

В октябре 1995 года Валентина Алексеевна прислала Павлу поздравление с включением его стихотворения «Корнет Оболенский» в «Строфы века», антологию русской поэзии XX века, но... нам уже тогда было не до поэзии.

25 октября 1995 года у Павла произошел тяжелейший инсульт. Паралич правой стороны тела, потеря речи. Какое-то время было непонятно, выживет ли он вообще. Он выжил, и многие функции восстановились, но способность говорить, читать и писать были утрачены.

Я не суеверна, но хочу упомянуть, что накануне инсульта Павел вчерне закончил поэму «Последний патрон». Заканчивалась поэма словами: «А в ящике, в столе / Под ворохом бумаг / Тот старый пистолет / И МОЙ патрон в стволе». Мне это «мой» очень не понравилось, и я стала уговаривать Павла изменить строку. Он категорически отказался что-либо менять. И той же ночью этот «его» патрон выстрелил. Слово имеет свою магию.

Через несколько месяцев Павел частично восстановился, даже начал снова водить машину, но речь не вернулась, писать он тоже не мог, с трудом мог прочесть несколько фраз, но быстро терял смысл прочитанного. Понимал он всё. Читала ему теперь я, но писать за него я не могла. Я спрашивала, живут ли в его мозге строки стихов. Он отвечал «да» и показывал жестами, что он не может поймать их и вытащить на поверхность. И это приводило его в отчаяние. Я научилась хорошо понимать Павла, но всё равно это были только обрывки его мыслей и чувств, да и то, в основном, на бытовом уровне. То духовное общение, которое было у нас до его инсульта, конечно, не вернулось.

Валентина Алексеевна посоветовала собрать стихи Павла в книжку, сделать сборник, и порекомендовала обратиться за помощью к Лене Дубровиной, которая практически всё и сделала: и набор, и номер Библиотеки Конгресса, и отправила всё печатнику. Обложку сделала наша старшая дочь-художница. Так появилась книга стихов «Низкое небо». И это было для Павла лучшим лекарством.

Валентина Алексеевна прислала Павлу поздравление с выходом

книги и приняла самое активное участие в рассылке экземпляров книги. Без нее мы бы никогда не послали книгу ни в библиотеку Салтыкова-Щедрина, ни в Российский Фонд культуры. Она же написала прекрасную рецензию на книгу.

Душевный подъем у Павла от выхода книги продержался довольно долго, но постепенно он всё больше и больше впадал в депрессию и не хотел ничего слышать ни о стихах, ни о литературе вообще. Не хотел он и никаких контактов с людьми. Так постепенно наша переписка с В. А. угасла.

Прошло несколько лет, пока мне удалось пробудить у Павла новый интерес к стихам. Это произошло, когда я стала устраивать вечера поэзии в нашей Клермонтской церкви. Но это уже совсем другая история.

Вермонт

К 110-ЛЕТИЮ ИГОРЯ ЧИННОВА

О. Ф. Кузнецова

Издевательские шуточки и райские звуки

Юрий Иваск о стихах Игоря Чиннова – в статьях и переписке

Собственно, никто так хорошо не знал и не понимал стихи Игоря Чиннова¹ как Юрий Иваск². Доходило до смешного – если Чиннов не мог найти какое-то свое раннее стихотворение, он писал Иваску – нет ли у него этого стихотворения (например, «Пыльцою печальной...»). И хотя на дворе был уже 1970-й, а стихотворение было написано в 1930-е, Иваск знал, о чем речь, и пропажа находилась среди старых писем Чиннова.

У них это повелось сразу, едва они познакомились, – посылать друг другу «для критики» свои только что написанные стихи. За пятьдесят лет дружбы набралось немало таких листочков со стихами – полученных по почте и возвращенных автору с одобрением, даже восторгом, или с правкой, с замечаниями, иногда довольно пространными, а иногда – буквально в двух словах. Они сохранились в архиве И. В. Чиннова³. Некоторые из таких машинописных страничек со стихами Игоря Чиннова и отзывами, наиболее подробными и яркими, Юрия Иваска ниже воспроизводятся⁴.

Да и познакомились они, тогда еще двадцатипятилетние начинающие поэты, благодаря стихам. В 1930-е годы Чиннов с родителями жил в Риге. Родители Иваска – в предместьях Ревеля (Таллинна). Оба поэта уже начали печататься.

Чиннов пережил друга на десять лет и в некрологе «Памяти Иваска» вспоминал: «Мне выпало счастье дружить с ним почти полвека. Дружба наша началась с его письма мне – отклика на мою статью и стихи в парижском журнале ‘Числа’⁵. Вдруг пришли четыре листа канцелярской бумаги, полные замечаний, сумбурных, но интереснейших. Вскоре он приехал ко мне. Бродя по рижскому взморью, мы толковали часами»⁶.

Чиннов тогда писал в духе «парижской ноты» – литературного течения в эмигрантской поэзии, которое выявил известный эмигрантский поэт и критик Георгий Адамович⁷ и которое он поддерживал, а в своих статьях формулировал его основные принципы. Иваск обозначил суть этого течения: «Эта ‘нота’ в переводе на неточный

язык литературных формулировок может быть определена так: нужно писать о самом главном, о страдании, одиночестве, смерти, Боге, и как можно проще, сомнительны не только риторика, орнаментализм, но и хлебниковское 'самовитое слово', а также и всякая чрезмерная 'вещность'⁸.

Себя Иваск уже в 1930-е годы осознал поэтом, по поэтике далеким от «парижской ноты», хотя по мироощущению – по серьезности проблематики – она ему была близка.

Иваск был наделен общественным темпераментом и пытался сделать собственный журнал. Об этом журнале – «Русский магазин» – и о своих поэтических пристрастиях Иваск рассказал в очерке «Чудаки», который опубликовал в альманахе «Три юбилея Андрея Седых»⁹, посвященном редактору крупнейшей в эмиграции газеты «Новое русское слово». Альманах сохранился в архиве Чиннова с дарственной надписью: «Мэтру Игорю Чиннову с благодарностью за радость, которую всегда приносят мне его стихи. Андрей Седых». Чиннов опубликовал в альманахе специально написанное по этому случаю стихотворение «Читая 'Пути, дороги'» (см. Ед. хр. 105), имея в виду одноименный сборник путевых очерков¹⁰ Андрея Седых. Кстати, сборник этот, тоже подаренный ему автором, Чиннов, большой любитель путешествий, прочел, судя по пометкам, очень внимательно.

Иваск в очерке «Чудаки» пишет о том времени, когда в начале 1930-х он впервые попробовал себя в роли редактора (потом, в 1950-е, он несколько лет редактировал известный журнал «Опыты»¹¹). Иваск очерчивает вкратце примерную расстановку сил на эмигрантском поэтическом Олимпе, рассказывает о своих предпочтениях и поэтических пристрастиях и симпатиях. Позже, в статьях, рецензиях и личной переписке, он судил о поэтах, в том числе о Чиннове и его стихах, основываясь на редакторском опыте и приобретенном знании об основных направлениях литературного процесса тех лет. Отчасти о пристрастиях Иваска может сказать авторский состав его первого журнала, а также круг его чтения в то время. Он вспоминал: «Я тогда писал многим парижанам, и с некоторыми завязалась переписка. Алексей Михайлович Ремизов¹² прислал грамотку за подписью царя Асыки, провозгласившего меня кавалером Обезволпала – Обезьянней вольной палаты. Его рассказ был помещен в журнале 'Русский магазин'. Редакторы были я и Стерна Шлифштейн¹³. Деньги дал ее отец, личность несколько загадочная: на двери вывеска зубного врача, а на приемы никто не приходил. Поговаривали: играет на черной бирже, спекулирует домами. <...> Первый номер вышел с писаниями ревельских приятелей, а из парижан, кроме Ремизова, прислал стихи Борис Поплавский¹⁴. Его письма – без запятых и с орфографически-

ми ошибками, с ятью не на своем месте; корявый детский почерк, зыбкие мысли: 'Если что значит, – писал он, – то это только удивление и жалость!' Его стихи без начала и конца, везде грязные ангелы, а неведомые, синие, глядят в океаны... <...> В воскресных номерах 'Возрождения'¹⁵ мы читали фельетоны Владислава Ходасевича, но предпочитали им четверговые 'Последние Новости'¹⁶ с 'подвалами' Георгия Адамовича¹⁷.

Авторов для своего «Русского магазина» он подбирал тщательно. Во втором номере (так и не состоявшемся) планировалась и Цветаева. В то же время, писал Иваск, его «привлекала и Прага, где в 'Цехе поэтов' командовал Альфред Людвигович Бем¹⁸: там насаждали формалистов и поклонялись Пастернаку. <...> Я и до него прочел зеленую 'Сестру мою жизнь' и лиловые 'Темы и вариации'. Стихи удивили, кое-что бормоталось. И вдруг пахнуло выпиской из тысячи больниц... Но – никакой метафизики, как у Блока, как у Поплавского, который, казалось нам, жил еще в блоковском мире, но уже не на Неве, а на Сене. Блоковщина звучала и у Георгия Иванова¹⁹, но без синего певучего рая. Он 'нигилист', 'циник', но на какой вольной воле распевали его 'ничего', его 'нет': 'Хорошо, что нет России'... И кроме этих 'нет', было еще 'все-таки':

И все-таки тени качнулись,
Пока оплывала свеча.
И все-таки струны рванулись,
Бессмысленным счастьем звуча...

Это означало: блоковская музыка никого не спасет, она обманула, а все-таки она есть.

Пастернак – только дикий соловей: страстно щелкает, выкидывает лирические коленца, а что за этим? Только 'любовное томление' Фета²⁰, тот же шепот, робкое дыханье?... Даже нет фетовского грозно-блаженного отчаяния: 'Измучен жизнью, коварством надежды...'»²¹.

Из этих заметок Иваска видно, насколько тонко он чувствовал поэзию и насколько он самостоятелен в оценках. И хотя сам Иваск писал в другой поэтике, это не помешало ему восхититься ранними «тихими» стихами Чиннова и «парижской нотой», в них звучавшей, – он смог оценить талант Чиннова, о чем писал ему уже в ранних письмах и говорил при встречах – на одном из публикуемых листов со стихами (см. Ед. хр. 105) Иваск упоминает о своих встречах, о поездках в Ригу к Чиннову в 1930-е годы.

О своем восхищении цветаевскими стихами Иваск имел воз-

можность сказать лично и Цветаевой – они виделись в 1938 году, когда Иваск приезжал в Париж. До того они переписывались. Сохранились письма Цветаевой²² к нему. Иваск позже писал, что «Марину Цветаеву не любили в Париже. В Праге ее ценили, но предпочитали Пастернака. Зато она была ‘моей’. Обольщала ее архаика, но и грубость – качества моего ‘первого поэта’ Державина²³.

Гекатомбы, каких не зрел
Мир еще...

Рычал ее Тезей, а Ипполит обозвал классическую Федру гадиней... Стихи Цветаевой блаженно рокотали, выли, и я скрежетал в нарушающих ритм переносах со строки на строку:

Как живется вам с другою.....
Можется...²⁴

Казалось, что даже Блок в Дон Жуане²⁵ так не повышал температуру души, как Марина Цветаева. Метафизики у нее нет, Бог ее не мучил, она имя Его поминала, но Им не обжигалась. Зато Цветаева – земля, земное, ветер, море, огонь, упоительные бури, пожары. А почерк прямой, отчетливый, могла бы записывать кредит-дебет в грессбухе! Но стихи неистовые»²⁶.

Да, вспоминал Чиннов: «Иваску писала требовательная Цветаева. Георгий Адамович, непрерываемый авторитет для поэтов, допустил его в свой очень немногим доступный круг и даже мирился с его преклонением перед Цветаевой, злейшей ‘врагиней’ Георгия Викторовича. (Боюсь, меня Адамович, при всем дружеском отношении ко мне, за любовь к Марине Ивановне оттолкнул бы.)»²⁷.

В своих «Разговорах с Адамовичем», опубликованных в «Новом Журнале», Иваск рассказывал, что в начале 1950-х годов, когда он редактировал антологию эмигрантской поэзии «На Западе» (1953), он вступил в деловую переписку с Адамовичем. А разговоры с ним, – писал Иваск, – начались в 1958 году и «продолжались 13 лет».

Иваск всегда отзывался об Адамовиче с любовью и уважением, хотя и не разделял его взгляды на поэзию. Иваск вспоминал, как в Париже они с Адамовичем «переходили одно из широких авеню, идущих от Этуали²⁸, при красных огнях, – так нравилось Г. В. Скользя между машинами, он сказал мне: – А вы ведь *de la maison*²⁹! Это означало – свой или наш человек в его Петербурге, перенесенном в Париж. Года за три до этого я получил докторскую степень Харвардского университета. Приятно было, лестно, но принадлеж-

ность к дому Адамовича была несравненно более приятной, лестной. Я уже знал, Г. В. включал в свой дом далеко не всех петербуржцев – исключал бывшего редактора 'Аполлона' С. К. Маковского, который, в свою очередь, имел свой парижско-петербургский дом. Что же, чем больше таких домов, тем лучше. Всех их не перечислить: мережковский, ремизовский, бердяевский, новгородский (Г. П. Федотова и матери Марии), свято-сергиевский (Духовной академии), монпарнаский, бунинский... У меня хранятся 195 писем³⁰ Г. В. <...> Еще в ранней юности, в Эстонии, где я тогда жил, я понял правду адамовичевской парижской ноты, но по существу она была мне чужда, хотя я иногда и 'звучал' в ее тоне»³¹.

К концу 1960-х годов (а публикуемые ниже стихи Чиннова относятся как раз к 1960–1980-м годам) Иваск уже окончательно разочаровался в «парижской ноте». Он был известным в эмигрантской среде литературным деятелем – и как редактор и журналист, и как поэт, и как критик и литературовед. Его поэтические и мировоззренческие пристрастия сформировались. Его слово в оценке литературных текстов было весомо, оригинально и неизменно привлекало внимание. И даже при том, что после смерти Георгия Иванова многие в Зарубежье считали, что «кресло первого поэта эмиграции» унаследовал именно Чиннов, для Чиннова мнение Иваска о его стихах было, безусловно, важно и интересно.

А Иваск своими оценками стихов Чиннова подталкивал его к более смелым поэтическим решениям, к поискам нового пути в поэзии.

Чиннов и сам стремился к обновлению поэтики русского стиха, пробовал уйти от логики и рифм. Уже в третьей своей книге с говорящим названием «Метафоры» (1968) он начинает широко использовать метафоры, отказываясь от сдержанности в проявлении чувств в стихах, от намеренной узости словаря, присущих «парижской ноте». Но при этом он сохранил мировоззренческую основу «ноты» – по-прежнему за его шутками-прибаутками, или за ироничной усмешкой слышались всё те же вопросы «о самом главном, о страдании, одиночестве, смерти, Боге». Добавилась, правда, еще и новая тема – восторг, феерический, яркий, – перед земной красотой. Стихи он стал модернизировать, украшать образными метафорами, смягчать трагизм иронией.

Иваск своего друга в этом всячески поддерживал. И не только в письмах. Порой оценки Иваска со страничек писем попадали в его статьи, где он пытался показать читателям прелесть новых чинновских стихов. «Старая эмиграция», любившая ранние стихи Чиннова, в начале 1970-х годов не была готова принять новые стихи Чиннова.

Иваск убеждает, объясняет, ссылается на поэтические авторитеты. В статье «Поэзия 'старой' эмиграции» он пишет, что «В. В. Розанов³², Иннокентий Анненский³³, Георгий Иванов поняли бы Игоря Чиннова, но, к сожалению, многих русских читателей-пуритан райская, а иногда и адская свободная игра Чиннова отпугивает и вызывает недоумение. Эти читатели новым его стихам предпочитают ранние, тоже прекрасные, чистые мелодические стихи»³⁴.

Но ведь и теперь стихи Чиннова мелодичны, напоминает Иваск, – и по-прежнему «философия Игоря Чиннова несложная, скептическая, мрачноватая и, в основном, неизменная: всё в этом мире кончается плохо, а другого, лучшего мира нет, хотя в какие-то счастливые мгновения жизнь всё-таки прекрасна, и вот поневоле ободряешься смутными иллюзиями». Но, – добавляет Иваск, – «за последние годы Игорь Чиннов – скептик-меланхолик – иногда чудесно-неожиданно превращается в смелого фантазера, увлекающего причудливо-гротескным воображением и забавно-фамильярными поддразниваниями: мировую душу (уж не Софию ли Владимира Соловьева?)³⁵ он называет Лизаветой Смердящей и Василисой-Васькой Прекрасной»³⁶.

Среди публикуемых ниже стихов есть стихотворение «Прозевал я, проворонил, промигал...», про которое Иваск говорит, комментируя его (см. Ед. хр. 24): «Сейчас, кажется, – лучшие из всего Чинного!» (Иваск иногда в письмах называл Чиннова – «Чинный»). В статье «Поэзия 'старой' эмиграции» Иваск, разбирая это стихотворение, повторяет свою оценку: «В одном из лучших недавних стихотворений Игорь Чиннов сетует, вздыхает, но и издевается над собственными жалобами:

Прозевал я, проворонил, промигал.
Улетело, утекло – видал-миндал.

Последнее выражение, все это знают, считается вульгарным, но в этих стихах слышатся и волшебные, обыгрывающие иронию, звуки: да-да, дал-дал! Далее уже не шуточки, а тишайший и очень русский печально-прекрасный образ:

А над речкой, переливчато-рябой,
Светит облако, забытое тобой.

Видал-миндал как будто несовместим с речкой, облаком, но здесь и словечки, и слова равно прекрасны в единой гармонии, сливающей низменное и высокое. До Чиннова только Анненскому так удавалось сливать пошлое, жалкое, прекрасное: 'трактир жизни' и

белеющую в дыму-чаду Психею. Но Анненский прелестей-радостей не знал и знать не хотел, а Чиннов ими пренебрегать не хочет»³⁷.

Понадобилось несколько лет, чтобы читатель привык к «новому» Чиннову.

И вот уже Виктор Террас, американский русист, автор более десятка книг по русской литературе, в своем предисловии к очередной книге Чиннова «Антитеза» (1979) отдает предпочтение «метафорическому громкому Чиннову».

Чиннов всегда знал, насколько высок у Иваска уровень запроса к стихам. Иваск слышал их и оценивал как человек, наделенный безупречным поэтическим вкусом, «высшим благородством». Чиннов писал в некрологе «На смерть Иваска»: «Юрий Иваск жил стихами, жил литературой. Историю человеческой культуры он не просто усваивал, как иные 'образованцы'. Нет, она была для него живой и волнующей. С волнением читал он великие книги, с волнением всматривался в великие картины, великие памятники человеческого творчества. Для него были своими слова Вячеслава Иванова о том, что культура есть 'лестница Иакова' и 'иерархия благоговений'³⁸. <...> Душевное благородство, благородство высокого духа – вот ключ к пониманию Иваска»³⁹.

Иваск несколько раз писал о творчестве Чиннова. В рецензии на седьмую книгу Чиннова «Антитеза» (1979) Иваск обращал внимание читателей на то, что в «Антитезу» включены преимущественно стихи со знаком минус, показывающие несовершенство, «безобразия» этого мира. (Стихи со знаком плюс, мажорные, вошли в предыдущую книгу «Пасторали».)

Когда поэт пишет о поэте, чрезвычайно интересна профессиональная оценка стихов. Здесь, как и в комментариях к стихам, Иваск демонстрирует глубокое знание особенных хитростей в игре со звуком, которым обладают и которое оценить могут лучше всех сами поэты.

Иваск замечает, что в «Антитезе» Чиннова «одолевают жуткие видения», в книге «немало монстров: Полукрысы-полуовощи, Полуптицы-полувши. И над всем этим отвратительным миром царит Рок-шизофреник. <...> Но главный враг Чиннова не пошляк, не лицемер, не палач, а смерть – хотя бы и безболезненная кончина. В его поэзии продолжается вековое прение живота со смертью (так называлась одна русская повесть 15–16 вв.). <...> Весь этот пережитый Чинновым ужас – древний, общечеловеческий, вместе с нашими обидами, ропотом – явлен в иронических, но и ранящих стихах, родственных Анненскому, или же в кошунственных – с отчаяния, как у Георгия Иванова»⁴⁰.

Перейдя к разбору «самой ткани стихов Чиннова», Иваск вспоминал, что в юности, живя в Риге, Чиннов мечтал о чистой поэзии «без фона». «Но позднее понял: нельзя писать только на ‘поэтическом’ языке; все слова хороши, если их поставить на надлежащее место, – даже пошлые (как уверял Анненский) и тем более народные или разговорные, например, эти: ‘Мало-помалу, мало-помалу / И вот и вся недолга...’, т. е. конец, смерть. Но, вместе с тем, кроме отчаяния и иронии, здесь есть звукопись (м, л), и есть музыка, которая снимает или устраняет жуть. Есть у Чиннова еще один прием, тоже не известный академикам. Так, он трижды, как заклинания, повторяет эти раздражительные, нудные или горестные, всем известные речения: Да ну вас... И где уж... Да что там. Выговариваются они в одно слово: данУвас, игдЕуж, даштОтам, и в данном контексте, да еще при троекратном повторении, они становятся какими-то загадочными – не известными грамматике частями речи, может быть, даже склоняемыми, как существительные. Есть близкий этому чинновскому приему прецедент у Анненского – ‘Скажи одно: ты та ли, та ли?’. Эти тали напоминают музыкальную Италию и походят на заклинания (в стихотворении ‘Смычок и струны’). Эти ‘штучки’ Анненского и Чиннова сложнее, тоньше корнесловия⁴¹ Хлебникова»⁴².

В одной из последних своих статей «Поэзия Игоря Чиннова» (1985) Иваск в ярком выразительном пассаже дает оценку его стихам, которыми он и всегда искренне восхищался: «Новая музыка Игоря Чиннова сложнее, волшебнее старой его чистой музыки, которая тоже приходит в новую. Слышатся в его стихах издевательские шуточки, но и райские звуки, элегический минор, но и фантастический мажор. Он радуется неизвестной еще в русской поэзии игрой воображения: сияющей радугой щемящих воздыханий и резвых радостей. Муза является ему то в образе некрасовско-достоевской клячи, то в образе Резвушки из пушкинского ‘Домика в Коломне’. Техника Чиннова – совершенная, и, если говорить на современном ‘структурном’ языке, каждое слово, каждый звук в его поэзии функциональны, и наши литературоведы найдут у него приемы, которые не снились всем школьским⁴³ вместе взятым. Но существенны не формальные признаки, а прелесть неуловимой души его поэзии: ее горести, радости, игры»⁴⁴.

В архиве Чиннова публикуемые здесь стихи с пометами Иваска сохранились отдельно от писем, которые их, возможно, сопровождали. Чисел на листках нет – стихи свои Чиннов почти никогда не датировал. Потому расположены стихи в соответствии с принадлежностью их той или иной книге поэта. Здесь представлены стихи из книг: «Метафоры» (1968), «Партитура» (1970), «Пасторали» (1976), «Антитеза» (1979), «Автограф» (1984).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Игорь Владимирович Чиннов (1909–1996) родился в Риге. В последний год войны был вывезен немцами на работу в трудовой лагерь в Германию. После войны оказался в Париже, затем в Мюнхене, где работал на открывшейся в 1953 году радиостанции «Свобода», в 1962 году переехал в США и стал профессором русского языка и литературы. В эмиграции у него вышло восемь книг стихов. В Российской Федерации вышло двухтомное собрание сочинений и другие книги. Похоронен, согласно завещанию, на Ваганьковском кладбище в Москве.
2. Юрий Павлович Иваска (1907–1986) родился в Москве, в 1920 году семья эмигрировала в Эстонию, после войны оказался в лагере для перемещенных лиц, затем – в США. С 1954 года – доктор философии Гарвардского университета по отделению славянских языков и литератур, профессор. Редактор журнала «Опыты» (Нью-Йорк). Составитель антологии зарубежной поэзии «На Западе» (США, 1953), книги В. Розанова «Избранное» (США, 1956). Автор шести сборников стихов, изданных в эмиграции.
3. Архив Игоря Чиннова хранится в «Кабинете архивных фондов эмигрантской литературы им. И. В. Чиннова» Отдела рукописей Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН (ОР ИМЛИ РАН. Фонд № 614).
4. Тексты со стихами сохранились в фонде россыпью, отдельно от писем Ю. Иваска к И. Чиннову, в которые они первоначально были вложены. Всего таких текстов сохранилось 108. Здесь публикуются тексты с более или менее пространными комментариями Иваска.
5. В журнале «Числа» (1930–1934) Чиннов напечатал стихи и эссе в 6, 9 и 10 книгах.
6. *Чиннов И. Памяти Иваска.* – Нью-Йорк: «Новое русское слово». – 1986, 2 марта.
7. С Георгием Викторовичем Адамовичем (1894–1972), автором нескольких книг стихов и статей, в том числе знаменитой книги статей и эссе «Комментарии» (1967), Чиннов познакомился после войны в Париже. В архиве Чиннова сохранилось 63 письма от него за 1952–1972 годы. В статье «Вспоминая Адамовича» Чиннов писал: «Хотя Адамовичу с восторгом внимали все, однако в монашески-суровый орден этой ‘парижской ноты’ вошли немногие и – не знаю, самые ли талантливые. Всех точнее выразил ее канон Анатолий Штейгер – в стихах по пять-шесть строчек, прозаических по тону, не музыкальных, но щемящих. У самого Георгия Викторовича все лучшие стихи к этой предельной простоте стремятся, ядро адамовичевской поэзии, в принципе, аскетическое, сознательно обедненное и, принципиально, уже незаменяемое в своей окончательной, как бы подвижнической очищенности от всего ‘неокончательного’, необязательного, декоративного. Вот пример:

За все, за все спасибо. За войну,
За революцию и за изгнание.
За равнодушно-светлую страну,
Где мы теперь 'влачим существование'.
Нет доли сладостней – всё потерять.
Нет радостней судьбы – скитальцем стать,
И никогда ты к небу не был ближе,
Чем здесь, устав скучать,
Устав дышать,
Без сил, без денег,
Без любви,
В Париже...

Писать стихи, утверждал Георгий Викторович, надо, отказываясь от всего, от чего отказаться можно, оставшись лишь с тем, без чего нельзя было бы дышать». («Новый Журнал». 1972. № 109. С. 139.)

8. Иваск Ю. Письмо об эмиграции. – «Мосты». Сборник статей к 50-летию русской революции. – Мюнхен. 1967. – Сс. 170-171.

9. Альманах «Три юбилея Андрея Седых» (Нью-Йорк, 1982) был посвящен восьмидесятилетию и юбилеям творческой и редакторской деятельности. Андрей Седых (1902–1994) в 1973–1994 годах был главным редактором газеты «Новое русское слово» (Нью-Йорк).

10. В сборник А. Седых «Пути, дороги» (Нью-Йорк, 1980) вошли и его впечатления от поездки в 1929 году в Прибалтику – «Там, где была Россия: Путевые очерки поездки в Латвию». А. Седых написал больше десяти книг прозы.

11. Журнал «Опыты» выходил в Нью-Йорке с 1953 по 1958 годы. С 1955 по 1958 год редактором журнала был Юрий Иваск.

12. Ремизов Алексей Михайлович (1877–1957) эмигрировал в 1921 году, с 1923 года жил в Париже, печатался на русском и французском языках, автор около восьмидесяти книг; писал слогом, восходящим к семнадцатому веку, что еще подчеркивал своим каллиграфическим почерком в духе эпохи «узорочья». Одаривал грамотой Обезволпала наиболее ценных им писателей-друзей.

13. Шлифштейн Стерна Леонтьевна (Израильевна) (14.04.1908, Вильно – ?) – дочь Израеля-Лейба Ароновича Шлифштейна, зубного врача и видного культурно-общественного деятеля таллиннской еврейской общины.

14. Иваск опубликовал письма Поплавского (1930–1931 годы) в «Гнозисе» (Нью-Йорк. 1979. № 5-6. – Сс. 201-211).

15. Газета «Возрождение» выходила в Париже в 1925–1940 годах. Сначала как еженедельник, с 1936 года – ежедневно. Поэт и критик Владислав Фелицианович Ходасевич (1886–1939) с 1927 года был заведующим литературным отделом газеты и регулярно печатал свои статьи.

16. Газета «Последние Новости» выходила в Париже в 1920–1940 годах.

Георгий Адамович с 1927 там регулярно печатался. В то время у них с Ходасевичем шла дискуссия о роли искусства, в частности – литературы. Адамович считал, что в данный исторический момент в эмигрантской литературе важна не эстетическая сторона произведения, а «человеческий документ». Чиннов вспоминал, что Адамович роль мастерства «склонен был преуменьшать. И на Монпарнасе, в отличие от Ходасевича, не обучал ремеслу, а больше призывал молодых поэтов ‘сказаться душой’, если не ‘без слов’, как мечтает Фет в одном стихотворении, то с минимумом слов – самых простых, главных, основных, – ими сказать самое важное, самое нужное в жизни». («Вспоминая Адамовича» // «Новый Журнал». 1972. № 109. – С. 139.) Ходасевич ему возражал.

17. *Иваск Ю.* Чудаки // Три юбилея Андрея Седых. – Нью-Йорк. 1982. – С. 184.

18. Бем Альфред Людвигович (Алексей Федорович. 1886–1945?) – историк литературы. Руководил литературным объединением «Скит поэтов» (Прага, 1922–1940).

19. Цитируется стихотворение 1930 года Георгия Владимировича Иванова (1894–1958):

Хорошо, что нет Царя,
Хорошо, что нет России,
Хорошо, что Бога нет... –
Только желтая заря,
Только звезды ледяные,
Только миллионы лет.
Хорошо – что никого,
Хорошо – что ничего,
Так черно и так мертво,
Что мертвее быть не может
И чернее не бывать,
Что никто нам не поможет
И не надо помогать.

Также цитируется последняя, вторая, строфа его стихотворения:

Был замысел странно-порочен,
И все-таки жизнь подняла
В тумане – туманные очи
И два лебединых крыла.
И все-таки тени качнулись,
Пока оплывала свеча.
И все-таки струны рванулись,
Бессмысленным счастьем звуча...

20. Цитируются стихотворения А. А. Фета (1820–1892): «Шепот, робкое дыханье, / Трели соловья...» (1851) и «Измучен жизнью, коварством надежды...» (1864).

21. *Иваск Ю.* Чудаки... – Сс. 184–196.

22. Письма М. И. Цветаевой Ю. П. Иваску (1933–1937 гг.) // Русский литературный архив. – Под ред. М. Карповича и Дм. Чижевского. – Нью-Йорк. 1956. – Сс. 212–242.

23. Державин Гавриил Романович (1743–1816) – поэт, в творчестве которого Иваска привлекала, среди прочего, яркость в описании бытовых деталей, бытовая лексика.

24. Приводятся строки Марины Ивановны Цветаевой (1892–1941) из трагедий «Ариадна» (1924), «Федра» (1927) и из стихотворения «Попытка ревности» (1924).

25. Дон Жуан в стихотворении Александра Александровича Блока (1880–1921) «Шаги командора» (1912).

26. *Иваск Ю.* Чудаки... – Сс. 184–186.

27. *Чиннов И.* Памяти Иваска. Там же.

28. Площадь Шарль-де-Голль-Этуаль в Париже.

29. De la maison – из дома (*фр.*). Из перечисленных салонов – «домов», – где «принимали», – Чиннов, пока жил в Париже (до 1953 года), бывал постоянно на «четвергах» Ивана Алексеевич Бунина (1870–1953). Часто бывал у Сергея Константиновича Маковского (1877–1962) в салоне Анны Морисовны Элькан, которая стала секретарем издательства «Рифма», а председателем с момента основания в 1949 году по 1957 год был Маковский. Чиннов помогал Маковскому. Его книга стихов «Монолог» (1950) вышла там в числе первых. А книга «Пасторали» (1976) – в числе последних. Часто бывал у Ремизова на улице Буало. У Ремизова был свой круг почитателей и друзей. В письме Чиннову от 2 января 1954 года он писал, называя некоторых из них: «О Вас вспоминают Н. Резникова, Горская, Емельянова, Копытчик. И все ждут вашего возвращения в Париж». Копытчик – это С. К. Маковский. (ОР ИМЛИ РАН. Ф. 614. Оп. 3.1. Ед. хр.21.) Бывал с Адамовичем у Николая Александровича Бердяева (1874–1948) в Кламаре, где раз в неделю устраивались «воскресенья» – там на чаепития собирались друзья и почитатели философа. Среди них были и просоветски настроенные граждане. Бывал Чиннов, конечно, в монпарнаских кафе, где собирались русские поэты и писатели. У Мережковских Чиннов не бывал. Их «Зеленая лампа» прекратила свое существование в 1939 году – до появления Чиннова в Париже. «Новоградский круг», о котором упоминает Иваск, тоже существовал в 1930-е годы. Он формировался вокруг журнала «Новый град», одним из основателей которого в 1931 году стал хороший знакомый Иваска Георгий Петрович Федотов (1886–1951). А в 1935 году по инициативе монахини Марии (в миру Елизавета Юрьевна Скобцова. 1891–1945) было создано благотворительное и культурно-

просветительное общество «Православное дело». Упомянутый свято-сергиевский круг – это Свято-Сергиевский православный богословский институт, ставший одним из духовных центров русской эмиграции. Был создан в 1925 году и существовал на территории Сергиевского подворья в Париже.

30. Письма опубликованы: Сто писем Георгия Адамовича к Юрию Иваску (1935–1961) / Предисловие, публикация и комментарии Н. А. Богомолова // Диаспора: Новые материалы. Выпуск V. СПб., 2003. – Сс. 402–557.

31. *Иваск Ю.* Разговоры с Адамовичем / «Новый Журнал». 1979. № 134. – С. 93.

32. Иваск изучал творчество Василия Васильевича Розанова (1856–1919) и в 1956 году выпустил сборник его произведений.

33. Иваск находил общие настроения в стихах Иннокентия Федоровича Анненского (1855–1909) и Игоря Чиннова.

34. *Иваск Ю.* Поэзия «старой» эмиграции // Русская литература в эмиграции. Сборник статей под ред. Н. П. Полторацкого. – Питтсбург. 1972. – С. 64.

35. Основной идеей религиозной философии Владимира Сергеевича Соловьева (1853–1900) была София – Душа Мира, «Вечная женственность», мистическое космическое существо, понимаемое как замысел Бога о мире.

36. *Иваск Ю.* Поэзия «старой» эмиграции. См. № 34.

37. Там же.

38. В книге Вячеслава Иванова и М. О. Гершензона «Переписка из двух углов» (1921) Вячеслав Иванович Иванов (1866–1949) говорит о лестнице Эроса и иерархии благоговений, а также о лестнице Иакова, по которой сходят и восходят ангелы, что символизирует творческий процесс. По его мнению, это движение вечно, как и существование и возрождение культуры.

39. *Чиннов И.* Памяти Иваска. См. № 6.

40. *Иваск Ю.* Игорь Чиннов. Антитеза // «Новый Журнал». 1980. № 138. – Сс. 224–225.

41. Согласно теории Велимира (Виктора Владимировича) Хлебникова (1885–1922) о «корнесловии» – омофонические слова или корни сводятся к «пракорням», растворившимся в обиходном значении слова.

42. *Иваск Ю.* Игорь Чиннов. Антитеза. – См. № 40. – С. 225. Цитируются стихи Чиннова: «Где-то светлый Бог, где-то вечный свет...» (кн. «Антитеза»), «Мало-помалу, мало-помалу...» (кн. «Антитеза»), «Да ну вас, да ну вас, да ну вас...» (кн. «Пасторали»).

43. Имеется в виду литературовед Виктор Борисович Шкловский (1893–1984).

44. *Иваск Ю.* Поэзия Игоря Чиннова // Литературный курьер. 1985. № 11. – С. 28.

Стихи из переписки Игоря Чиннова и Юрия Иваска

В архиве И. В. Чиннова (ОР ИМЛИ РАН. Ф.614. Оп.1.1.8.) сохранились машинописные листы со стихами Игоря Чиннова и написанными Юрием Иваском от руки отзывами. Отзывы набраны курсивом. Пояснения публикатора даны в квадратных скобках.

1

Мне нужно вернуться
За скрипом колодца,
За криком детей у реки,

За плёсом в тумане,
За плеском у сходней,
За лесом у светлой реки,

За иволгой ранней,
За ивой прохладной,
За тихим дыханьем реки.

Канзас, 1964.

Из кн. «Метафоры» (1968)

Ед. хр. 2.

[На полях страницы комментарий чернилами рукой Ю. Иваска:]

Сейчас же в антологию...

Конгретюлейшн! Это для В. П.¹

«А+++»²

1. Поздравления! (от англ.: congratulation). В. П. – «Воздушные пути». Впервые стихотворение действительно было напечатано в альманахе «Воздушные пути». 1965. № 4.

2. Высшая оценка с тремя плюсами.

2

На обугленной стене
Копоть будто черный иней.
Песок остывший, пепел синий,
Темный дым и тень в окне.

Черный дым и черный дом,
Дымный дождь золу смывает.
Холодным ветром, ночным трамваем
Прозвени, чужой Содом.

Всё в холодной саже тьмы,
Сожжено, оледенело.
Рисунок углем, почти без мела, —
Как пейзаж и той зимы.

Той — на русском берегу...
Пепелище, погорельцы.
И воздух жесткий, как будто тельце
Мертвой ласточки в снегу.

Чикаго, 1962.

Из кн. «Метафоры» (1968)

Ед. хр. 3.

[Вверху страницы надпись чернилами рукой И. Чиннова:]

*Ново?*¹

[На полях страницы комментарий чернилами рукой Ю. Иваска:]

Новый тон, и это хорошо. Сознательный отказ от прелести.

Выразительно.

«Сожжено, оледенело» — Хорошо.

«почти без мела» — м. б. — немного мела?

«Мертвой ласточки в снегу» — И живая ласточка упала // На горячие снега (Мандельштам).²

— Но это можно и даже хорошо (поэтические ассоциации).

«Прозвени, чужой Содом» — Мексика?

Не против этого символического контраста — здесь Содом, там — пепелище.

«Мертвая ласточка» — жесткая, но «типично» ли это? И хрусткий воздух... здесь допускаю — «как будто тельце».

1. Впервые стихотворение было напечатано в альманахе «Воздушные пути». 1965. № 4.

2. «И живая ласточка упала // На горячие снега» – строки из стихотворения Осипа Эмильевича Мандельштама (1891–1938) «Чуть мерцает призрачная сцена...». – Кн. «Tristia», 1922.

3

*Федору Степуну*¹

Он Иванов, Петров или Семенов.
В туманный вечер он бежит в аптеку.
Но кто он? Общежитие молекул,
Колония протонов и нейтронов.

Он темная компания энергий,
Сообщество бесплотных волн и вихрей.
Но он следил, как облака померкли,
Как липы зашумели и затихли.

Он из воды, каких-то минеральных
Солей. Он местожительство микробов.
И он идет, задумчивый, печальный,
Почти эфирный, о, почти астральный,
Бессмертный дух... С таблеткой от озноба.

Из кн. «Партитура» (1970)

Ед. хр. 23.

[На полях страницы комментарий чернилами рукой Ю. Иваска:]

Оставь 3 шедевра для «Мостов»².

Между прочим, и Гуля³ придет в восторг.

«Он Иванов» – конечно, не ИвАнов!!

«Общежитие молекул; ...темная компания энергий» – очень!

«Но он следил, как облака померкли,

Как липы зашумели и затихли». – г. Чинный.

«Почти эфирный, о, почти астральный». – Быть по сему!

Здорово. Wit. Немножко «Париж»⁴, по содержанию, но не по форме.

[Внизу страницы надпись чернилами рукой И. Чиннова:]

Верни! Р. S. Какой Ослик⁵ самый, самый, самый, самый, самый глупый?

1. Степун Федор Августович (1884–1965) – религиозный философ первой волны эмиграции, историк, социолог, писатель. Осенью 1922 г. выслан из России. С 1946 г. профессор Мюнхенского университета. Когда И. Чиннов жил в Мюнхене, они часто общались.

2. Стихотворение не появилось в альманахе «Мосты», а было напечатано в «Новом Журнале» (1970. № 98). Какие еще стихи имеются в виду – неясно.
3. Роман Борисович Гуль (1896–1986) – редактор «Нового Журнала» с 1966 по 1986 гг., где И. Чиннов печатался с 1950 года.
4. Имеется в виду «парижская нота».
5. Так в письмах Чиннов часто называл Иваска.

4

Прозевал я, проворонил, промигал.
Улетело, утекло – видал-миндал?

Ветра в поле, шилом патоки – шалишь!
Только – кукиш, погляди-ка, только шиш.

А над речкой, переливчато-рябой,
Светит облако, забытое тобой,

И денек на веки вечные застыл,
Тот, который ты увидел и забыл.

Та же самая в реке блестит вода,
Та же бабочка над отмелью всегда.

Светлый листик, желтый листик, помнишь, тот,
Реет, кружится уже девятый год.

Из кн. «Партитура» (1970)

Ед. хр. 24.

[На полях страницы комментарий чернилами рукой Ю. Иваска:]

Не могу вспомнить, кто еще писал хореем 6? И со смежными рифмами?

Хорошо – завидую! – двум строкам:

«А над речкой, переливчато-рябой,
Светит облако, забытое тобой».

А тут ангел заговорил! Очень стих волшебный и священный! По сердцу – слезы радости!

Сейчас, кажется, – лучшие из всего Чинного!

«Прозевал я, проворонил, промигал.

Улетело, утекло – видал-миндал?» – *это мужчина говорит, а не сопля.*

«девятый год» – *нравится, что непонятно, – почему листик – девятый год!*

«шилом патоки» — *тоже непонятно, но не нравится.*

[Против слова «непонятно» стоит знак вопроса чернилами рукой Чиннова.]

5

«Так вот, товарищи, — прошло полвека.
Перековали, значит, человека?

Затеяли, заворотили дело!
В копеечку, в копеечку влетело.

Свобода чтоб — и счастье без уродства...
Придется подождать, уж как придется.

Да, вкалывали так — порой хоть выжми!
И ждали, значит, лучшей, светлой жизни.

(А миллионы ж в жертву не хотели —
Ну, тех — «в расход, чего там, в самом деле!»)

Наголодались мы, наголодались,
Намучались, наждались, набоялись.

И в лагерях, на койках, ‘доходили’ —
Переплатили, брат, переплатили.

И я, брат, — большевик: пора б дожждаться —
Товаров больше бы, и больше братства.

Ну, выпьем за живых. Мороз, простыл я.
Россия, да... Россия... Эх, Россия...»

Из кн. «Партитура» (1970)

Ед. хр. 28.

[Под стихотворением надпись чернилами рукой И. Чиннова:]

Новый вариант. А?

[На полях страницы комментариев чернилами рукой Ю. Иваска:]

Поэт-гражданин...

«...полвека... человека». — *Почему же нет: иногда допустимы и такие рифмы.*

«выжми... жизни». — *Здорово!*

«И я, брат, – большевик: пора б дожждаться». – *Конечно: пора дожждаться... без «б», хотя «б» (блядь) логичнее.*

Здесь «большевик» мил.

«Эх, Россия...»

Может быть, не «Эх, Россия», а «Ну, Россия»?

Эх, Россия = пропала Россия.

Ну, Россия = действуй, Россия.

Однако было уже «Ну» в том же куплете. Согласен и на «Эх». Или сперва «Эх», а потом «Ну»?

6

Утоли мои печали
Летним ветром, лунным светом,
Запахом начала мая.
Шорохом ночного моря.

Утоли мои печали
Голосом немного друга,
Парусом, плечом и плеском.

Утоли мои печали
Темным взглядом, тихим словом.

Утоли мои печали.

Из кн. «Партитура» (1970)

Ед. хр. 31.

[На полях страницы комментарий чернилами рукой Ю.Иваска:]

Первое чтение:

«Запахом начала мая». «Начала» – неважно. Запахом апреля – мая....?

Вторая строфа – хорошо, но подражание себе. Говорит душа, но души не чувствуют. Это сделано!

Второе чтение:

Вторая строфа – хорошо!

Все – хорошо!

7

Я был хозяин облаков и рая,
Я был жилец мифического рифа,

Я был соседом древнего Орфея
И жителем далекого эфира.

Я был владельцем ночи и тумана.
Мой Млечный Путь! Мое кольцо Сатурна!
Я был бессменный сторож Ориона...
Но это было тягостно и трудно.

Я был хранитель моря и пустыни,
Но, помнится, мне надоело это,
И я вошел сквозь трепетные тени
В холодное, безжизненное тело.

Я чувствовал, как леденело небо,
Как лунный звук переливался в море,
И, кажется, я улыбался слабо
В полупрозрачной облачной дремоте.

Из кн. «Партитура» (1970)

Ед. хр. 35.

[На полях письма комментарий чернилами рукой Ю. Иваска:]

А старый Хрыч Струве¹ черт знает что написал. Голос из нафталина.

Гуля скажет редакторское слово, но напечатает.

«владельцем» – неплохо.

«В холодное, безжизненное тело...» – звучит.

«я улыбался слабо...». Улыбался... лучше бы пернул слабо...

«В полупрозрачной облачной дремоте». – Скучно! Обычно... равнодушно.

На «3 –».

Некоторое воображение. Но акмеизм = красиво. Будто бы зыбко, а всё же $2 \times 2 = 4$.

Всё это до² Хлеба, Пасты, до Мандельштама 30-х гг., до Ахмы (Поэма без героя), до Кузминской Форели 20-х гг.

[Замечание чернилами рукой И. Чиннова:] *P. S. $2 \times 2 = 4$. Как стул?³*

1. Струве Глеб Петрович (1898–1985) – историк литературы первой волны эмиграции, критик, поэт. О чем речь – неясно.

2. Иваск имеет в виду, что стихотворение как будто написано до Хлебникова, Пастернака, Мандельштама, «Поэмы без героя» (1940–1943) Ахматовой, книги Кузмина «Форель разбивает лед» (Стихи 1925–1928 годов).

3. Просто, как $2 \times 2 = 4$, то есть – как «стул» у Адамовича.

Г. Адамович писал: «Если поэзию нельзя сделать из материала элементарного, из ‘да’ и ‘нет’, из ‘белого’ и ‘черного’, из ‘стола’ и ‘стула’, без каких-либо украшений, то Бог

с ней, обойдемся без поэзии!» Из главы «Невозможность поэзии» в кн. «Комментарии» (Вашингтон, 1967. – С. 78).

8

Там поют гиены и павлины,
Ходят по долинам золотым,
И слетает к лилиям долины
Бывший демон – серафим.

Нежатся с акулами святые,
Грешники сыграли с Богом в мяч.
Примеряет нимбы золотые
В ризе розовой палач.

Ангел ведьме наливает: пейте!
Светится добром бокал вина.
И осанну засвистел на флейте
Белоснежный Сатана.

Радуются ангельские рати:
Тишь да гладь, да Божья благодать.
Мы туда, любезнейший читатель,
Киселя пойдем хлебать.

Из кн. «Партитура» (1970)

Ед. хр. 52.

[Вверху страницы чернилами рукой И. Чиннова:]

4 стишка для «Мостов». Реахируй. Спешно.

[На полях страницы комментариев чернилами рукой Ю. Иваска:]

Чмок! Я бы написал:

«И понесся к лилиям долины

То ли демон, то ли серафим!».

Бывший демон – скупен.

«...пейте!» – мило, что ангел говорит ведьме «Вы».

Хорошо. А у Ослика в раю лучше.

«...любезнейший читатель» – М. А. Алданов¹ в эпиллоге.

Дай часть цитаты эпиграфом:

«Волк и ягненок будут пастись вместе, и лев, как вол, будет есть солому, а для змея прах будет пищею: они не будут причинять зла и вреда на святой горе Моей, говорит Господь». Исайя, 65,25².

Ослик библеист.

Как это сказано у Исайи! Куда Еллинам, Сократу!

1. Иваск намекает на то, что у писателя Марка Алданова в его прозе это слово часто встречается.

2. Иваск цитирует Библию. – Книга пророка Исайи. Глава 65. Стих 25.

9

Душа, от шашней разной шушеры и нечисти
Ты отдохнешь – шабаш! – в священной роще
Вечности.

Ты долго маялась, роптать не смея,
В пещере людоеда и пигмея,
В салонах троглодитов и хунхузов
(«Назвался груздем – полезай же в кузов!»).

Расставшись с готтентотами, с башибузуками,
Ты насладишься гармоническими звуками.

В нездешней роще – Хлоя и Пленира
И тень кентавра или тень сатира.
Ты будешь жить средь розовых оленей
И голубых и нежных привидений.

А может быть, порвав с бушменами и
кроманьонцами,
Ты будешь с ангелами, звездами и солнцами?

И нежно запорхают василиски
Средь васильков, нам предлагая виски,
И гарпии и фурии из ада
Нам вынесут по чашке шоколада.
Кинь грусть! Кинь грусть! И умирать
не надо!
Кинь грусть! Кинь грусть! Кинь грусть!
Кинь
Грусть! Кинь грусть! Кинь грусть!

Из кн. «Антитеза» (1979)

Ед. хр. 67.

[На полях страницы комментарий чернилами рукой Ю. Иваска:]

Это не мои безделки! Речь мужа.

За-ви-ду-ю!

Юрий Иваск мог бы великолепно прочесть эти вирши! Во весь голос (ослиный).

«нечисти... роще вечности» – рифмы, вызывающие зависть.

«Назвался груздем – полезай же в кузов!»

Расставшись с готтентотами, с башибузуками,

Ты насладишься гармоническими звуками». – Очень!

«кроманьонцами... солнцами» – здорово! Находка!

«Киньгрусть» – очень хорошо! Заклинание. «Необарокко».

Как «Да ну вас»!¹

Падали вздохи ВВВ и Толи² о старом милом Чиннове! Пью за здравие Мэри... Т. е. Свиноматки³.

До слез любил и люблю ГВА⁴. Но парижская нота – эклектизм, сентиментализм, какой-то жалкий лже-хороший-тон, который заразил Чиннова.

1. Из стихотворения «Да ну вас, да ну вас, да ну вас.....» (кн. «Пасторали»).

2. Владимир Васильевич Вейдле (1895–1979) – известный ученый, историк искусства, специалист по теории литературы и стихосложения, культуролог, литературный критик, поэт. Анатолий Рудольфович Реннинг (ум.1995) – один из самых старых друзей И. Чиннова. Он работал в Стокгольмском архиве в Швеции, где поселился, эмигрировав из Прибалтики. Им нравились стихи Чиннова, написанные в духе «парижской ноты». В архиве сохранились их письма к Чиннову.

3. Ослик, Свиноматка – этими прозвищами друзья называли друг друга.

4. Георгий Викторович Адамович.

Не говоря о том, что из потемок,
Заполнивших душистый сеновал,
Мы вышли в сад, и серенький котенок
Легчайшим одуванчиком стоял;

Не говоря о том, что в клетке замер,
Еще не ставший кроличьим рагу,
Тот белый кролик с алыми глазами,
Как ягодами алыми в снегу;

Не говоря о том, что шел цыпленок
К другому, тоже белому, и цвет

Их вырезных и розовых коронок
Я не забыл за столько долгих лет...

Но я забыл о петушином бое,
Забыл, что кролику несдобровать,
Когда сверкало небо голубое,
Переходя в земную благодать.

Из кн. «Антитеза» (1979)

Ед. хр. 76.

[На полях страницы комментариев чернилами рукой Ю. Иваска:]

Очень хорошо. Прекрасный традиционный зачин большой лирики.

«Нет, ты не говори: поэзия – мечта...» (Адамович)¹

«Не говоря о том, что шел цыпленок». – Одна фраза в катрене – это всегда достижение

1. Стихотворение Георгия Адамовича 1919 года.

11

То носороги, то утконосы
Нам задавали такие вопросы:

«Отчего вымираем мы, как прежде атланты?
Разве мы старые эмигранты?»

Мы отвечали: «Молчите, уродины!
Вы не умрете вдали от родины!»

Свои чувства следует скрывать искусно,
Но всё это, в сущности, очень грустно.

Привет носорогам и утконосам!
Мы все, господа, остались с носом.

Из кн. «Антитеза» (1979)

Ед. хр. 81.

[На полях страницы комментариев чернилами рукой Ю. Иваска:]

«То носороги, то утконосы

Нам задавали такие вопросы». – Это мило.

«Вы не умрете вдали от родины!» – *Умрут вдали от родины!*
 «остались с носом...». – *Рыпаться! – не оставаться с носом. Что без-*
дарнее таких иронических жалоб.

Милая шутка – шутка для богадельни.

Очень изящные вещицы¹ – с умело подобранными ужасиками. Гуль тис-
нет. Все в порядке. Но нигде не стоИт х... (pardon!) лирической поэзии. Не
сдавайся: пиши иначе, трудно, рискованно – ломая холеные руки, швыряясь
перстнями, запонками (золотыми!). У тебя же есть темперамент. Разорви
гонконговский костюм – как Чичиков, рвавший свой фрак, – наваринского
дыму с пламенем², избеи Лизу набрючным ремнем, у Зеньки³ стаци бумаж-
ник. Вообще: будь человеком – напиши адски хорошие стихи.

1. Видимо, в письме были еще стихи, но они не сохранились.

2. Н. В. Гоголь написал в «Мертвых душах», что фрак Чичикова был цвета наваринского дыму с пламенем. Фрак Чичиков порвал в тюрьме от отчаяния.

3. Сергей Александрович Зеньковский (1907–1990) – американский славист, историк. Коллега и друг И. Чиннова – как и Чиннов, он был профессором в Вандербилтском университете (Нашвилл, Теннесси). В 1977 году, выйдя на пенсию, Зеньковский с женой Бетти (Елизавета, Лиза) поселились в курортном городке Дейтона-Бич (Флорида), туда же, выйдя в отставку, переехал и Чиннов.

12

Морщины – трещины. От времени, от бремени.
 Грызут минуты, как термиты,
 Земную радость. Только в адском пламени
 Сгорят, забытые, заботы?

Или сгорит печаль в сиянье розовом
 Страны божественно-блаженной,
 Где во дворце лазурно-хризопразовом
 Хрустальный зал многоколонный?

Мы улетим в Элизий... Нет. Но жалким стариком,
 Назло житейскому Борею,
 «Печаль моя светла». «Мне грустно и легко» –
 Я улыбаясь повторяю.

Мы не войдем в сияние Элизия:
 Нас бог любви туда не пустит.
 Но утешает нежная поэзия –
 Дарохранительница грусти.

И лучше – проще: домик у опушки, на
Юру. Скамья, береза, яшень.
И медленно бредя за тенью Пушкина,
Мы встретим болдинскую осень.

Из кн. «Автограф» (1984)

Ед. хр. 94.

[На полях страницы комментарий чернилами рукой Ю. Иваска:]

Оценит ли такие рифмы Валерий?¹ А я-то очень ими восхищаюсь.

Надо не улетать в Элизий, а его строить в поте лица. Чистить – как золотари.

«И лучше – проще: домик у опушки, на Юру», – Ага: и Чиннов за мещанство. Приветствую.

«опушки... Пушкина» – ловко.

«И лучше – проще: домик у опушки, на

Юру. Скамья, береза, яшень.

И медленно бредя за тенью Пушкина,

Мы встретим болдинскую осень». – *Это лучшее!*

1. Имеется в виду Валерий Перелешин (Валерий Францевич Салатко-Петрище, 1913–1992) – поэт, переводчик, литературный критик.

Мы положим на чашу весов
Тонкий запах осенних лесов,
Серо-сизые краски реки
И в полях негустые дымки,
Журавлиный стрельчатый полет
И закат над туманом болот.

Мы положим с тобой на весы
Тишину в голубые часы,
Вечереющие облака,
Желтоватый огонь маяка,
Синеву, окружившую мост,
И мерцание маленьких звезд.

Мы положим с тобой на весы
Лунный отблеск речной полосы,
Понемногу сходящей на нет;
И уже проступавший рассвет,

Легкий ветер в осоке сырой,
След лазури над белой горой,
Засиявшую каплю росы –
Всё положим с тобой на весы.

Лепесток в озаренном пруду
И от лодки в пруду борозду,
И зыбучую тень от листка
Над полуденным жаром песка
И – «ау!» молодых голосов –
Всё положим на чашу весов.

Из кн. «Автограф» (1984)

Ед. хр. 95.

[На полях страницы комментарий чернилами рукой Ю. Иваска:]

Тема: «Мне нужно вернуться...»¹, но лучше. Или – богаче.

Замечательно, поздравляю. Некоторая отрывистость – благодаря сплошь мужским рифмам, которые редко встречаются в анапестях. Жив Курилка (правда, некурящий!).

«Тонкий...» – неинтересно. Едкий?

Мужественно. Нравятся повторные рифмы на сы, сов.

«маленьких звезд...». – Хорошо.

«И – «ау!» молодых голосов –

Всё положим на чашу весов». – Дивно!

«Ау» – украдено у Иваска. Конечно, шучу.

[Внизу страницы чернилами рукой И. Чиннова:]

Дай адрес Толи², пишепрошАем! Пан есть курва!

[Ниже чернилами рукой Ю. Иваска:]

«Терапиано»³ оставляю у себя. Очень хорошо.

Я знал Юрия Константиновича. Царствие ему Небесное. Но для меня он был какой-то никакой. Вместе с ним и Одоей⁴ мы обычно весело сплетничали. Писал он (статьи) культурно, но поверхностно. В лирике иногда подымался в воздух, о парижской суете, как теперь Бахрах⁵.

Шиманская⁶ его очень оплакивает:

«...Ложечкой звенела в тишине...»⁷.

А еще лучшее его «занавесочка»:

«И как будто время стало

Занавесочкой такой,

Что легко ее устало

Отвести одной рукой...»⁸

1. Стихотворение «Мне надо вернуться...» См. Ед. хр. № 2.

2. Видимо, это их общий знакомый Анатолий Реннинг.
3. Имеется в виду стихотворение Чиннова «Памяти Юрия Терапиано». Юрий Константинович Терапиано (1892–1980) – поэт, литературный критик. В 1955–1978 годах вел литературно-критический отдел в газете «Русская мысль», где не раз писал о стихах Чиннова. Его статьи регулярно появлялись и в других эмигрантских изданиях. В архиве Чиннова сохранилось много писем от него.
4. Ирина Владимировна Одоевцева (1901–1990) в эмиграции жила, как и Терапиано, в Париже. В 1987 году переехала в Ленинград. Чиннов был знаком с ней многие годы. Ее письма сохранились в архиве.
5. Александр Васильевич Бахрах (1902–1985) – литературный критик, мемуарист. Жил в Париже. Был в переписке с Чинновым, рассказывал о новостях «русского Парижа».
6. Аглаида Сергеевна Шиманская (1903–1995) – поэт, прозаик. С 1939 года жила в Париже. Она была дружна с Терапиано.
7. Строчка из стихотворения Терапиано «День Покрова»: «Я лежал. Звезда в окно светила, / И, сквозь бред, постель оправить мне / Женщина чужая подходила, / Ложечкой звенела в тишине».
8. Строчки из стихотворения Терапиано: «Летом душно, летом жарко...»

14

То то, то другое, то то, то другое,
А хочется озера, сосен, покоя.

Среди ежевики, синики, черники –
И голос души, словно тень Евридики.

И я очутился в той роще осенней,
У берега детских моих впечатлений.

И больше не прибыль, не убыль, не гибель,
А лист, пожелтелый, на водном изгибе

И жук, малахитовый брат скарабея,
Жужжащий в траве, от нее голубея.

Там, словно под тенью священного лавра,
Корова лежит с головой Минотавра,

Египетским богом там кажется дятел.
И я наблюдаю, простой наблюдатель,

За уткой, которая в реку влетела,
Как в небо – душа (только более смело?).

Из кн. «Автограф» (1984)

Ед. хр. 103.

[На полях страницы комментарий чернилами рукой Ю.Иваска:]

Очень!

«...в траве, от нее голубея»!!

«...За уткой, которая в реку влетела,

Как в небо – душа (только более смело?)»!!!

Чем-то гениально

15

ЧИТАЯ «ПУТИ, ДОРОГИ»¹

Пути, дороги. В Падуе Антоний,
В Толедо Греко, херес и паэлла.
И пестрой толчеей воспоминаний
Разбуженная память зазвенела.

Венеция. Фантастика собора.
Пел хриплый гондольер «О соли мио».
Мы пробовали петь «Санта Лючия»
И запивали марсолой омара².

Над Альказаром посветлела туча.
Я помню башни в предзакатном свете
И холодок узорчатой мечети
И в кабачке холодный суп гаспачо.

И в сутолке Латинского квартала
Сорбоннского студентика-индуса
Веселая датчанка обучала
Искусству не пьянеть от кальвадоса.

А в Риге запах русского трактира,
На чайнике пунцовые пионы
И пирожок с капустой, отраженный
В сиянии большого самовара.

И как в кино, мгновенной сменой кадров
Покажет память многое другое:
И блеск берез, и тени старых кедров,
И римский день в полупрозрачном зное.

Из кн. «Автограф» (1984)

Ед. хр. 105.

[На полях страницы комментарий чернилами рукой Ю. Иваска:]

Хорошо, великолепно, «пестрой толчее» позавидовал.

«сбора... омара», «туца... гаспачо», «индуса... кальвадоса», «трактира... самовара». – Говнюк в Бразилии³ не признает такие рифмы. Мочись ему на голову.

«Пунцовые» – прежде говорили – пунсовые!

«кадров... другое... кедров» – очень!

«блеск» – метко!

«А в Риге запах русского трактира». – Был там в трактире, а на пирожок денег не было! Я был в Риге в:

1) 1929 – с экскурсией – 1 день;

2) 1933 – голодал – 2 дня;

3) 1936 – 3+1;

4) 1939; 1943 – гостил у Чиннова – 7 дней; 1943 – женился⁴ – 14 дней.

Всего – 21 день.

С такими стихами Седых'а может быть пропустят на первый склон Парнаса и он будет смотреть в бинокль, как на верхушке Чиннов пляшет с Царем Давидом...

Я дал пять страничек из воспоминаний «Чудаки»⁵.

1. Это название книги путевых впечатлений Андрея Седыха «Пути, дороги» (Нью-Йорк, 1980). Стихотворение было написано для сборника «Три юбилея Андрея Седых» (Нью-Йорк, 1982).

2. Окончательный, опубликованный, вариант строфы:

Венеция. Фантастика собора.

Пел хриплый гондольер «О соле мио».

Мы пробовали петь «Санта Лючия»

И ели спрута алла маринара.

3. Речь идет о поэте Валерии Перелешине. С 1953 года он жил в Бразилии. С Чинновым у них были натянутые отношения, поскольку в одной из статей Перелешин попенял Чиннову за неправильные ударения. С чем Чиннов не согласился.

4. Иваск женился на Тамаре Георгиевне Межак (1916–1982).

5. Воспоминания «Чудаки» Иваск напечатал в сборнике «Три юбилея Андрея Седых» (Нью-Йорк, 1982).

Я с тобой не поеду
В голубую Тоскану.
По остывшему следу
Возвращаться не стану.

Помню двух флорентинок –
И сестер их в Уффици.
Где кончается рынок,
Там хотел я родиться.

Как пестра Санта Кроче!
Как прохладна Капелла!
Безмятежное тело
Отдыхающей Ночи¹

Мощь и строй синьории,
Пестрота кампаниле.
Мы о чем говорили?
О тебе, о России.

Вход в прохладную казу,
Купол, свет, черепица.
Мне хотелось там сразу
Умереть и родиться.

Из кн. «Автограф» (1984)

Ед. хр. 107.

[На полях страницы комментарий чернилами рукой Ю. Иваска:]

Очень хорошо.

«Безмятежное тело / Отдыхающей Ночи» – это сам: Микеланджело.

Но его Ночь не отдыхает. Мрамор как будто покрыт испариной. Она (Ночь) очень устала.

1. В результате пометок Иваска в две последних строки этого четверостишия Чинновым была внесена правка. В окончательном варианте оно выглядит так:

Как пестра Санта Кроче!
Как прохладна Капелла!
Микеланджело: тело,
Утомленное, Ночи.

*Публикация, вступительная статья,
примечания – О. Ф. Кузнецова*

ЗАМЕТКИ. ОЧЕРКИ

Виктор Федорович Бандурко

Последний нью-йоркский кадет

Воспоминания

СЕРБИЯ

Я родился в Сербии в 1931 году в семье эмигранта первой волны, кубанского казака Федора Ивановича Бандурко. В свое время он окончил Армавирскую гимназию с золотой медалью, и это дало ему право поступить без конкурса в Военно-медицинскую академию в Петербурге. Но началась революция – февральская; отцу довелось слушать в Думе Керенского, который, как рассказывал отец, мог говорить бесконечно. Договорились до большевистского переворота.

В конце 1918 года отец уехал на юг – в Белую армию. После ее поражения он попал в Грузию, оттуда в Крым. Вместе с армией Врангеля – на Лемнос, и уже оттуда – в Словению. Часть Словении тогда входила в единое Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев. Друзья помогли ему собрать деньги, и он уехал в Загреб доучиваться на врача. Продолжил в Белграде, где и познакомился с сербом Бата Мичичем, директором Красного Креста. В его доме отец встретил свою будущую жену – сестру Бата. Была она учительницей. Через полгода папа женился. Мама – из королевского рода, но не из Карагеоргиевичей, а из Обреновичей. Ее дядя был мэром Белграда. Она родилась в г. Ужице (откуда началась партизанщина во время Второй мировой войны). Все ее братья были военными. Вообще, ее семья – сербская элита. Так что, в отличие от других русских, отец мог найти работу сразу. А ведь получить работу русскому эмигранту было не так просто.

Отец получил место врача недалеко от Белграда, в селе Баваниште. Село было большое, в пять тысяч населения. Там я и родился, и рос с сестрой Верой. До шести лет я не говорил по-русски, окруженный моими сербскими родственниками. Жизнь была помещичья, 5-6 слуг – настоящее дворянское гнездо. Наше село было недалеко от города Панчево. Там располагалась большая русская колония, больница и начальная школа. И отец решил отдать меня в русскую школу в Панчево. Мне пришлось жить в русской семье. Помню одну из учительниц – Александру Аркадьевну Боголюбову. Образование

она получила в Смольном, свободно говорила на немецком, английском и французском языках. Она предложила отцу давать мне частные уроки английского. А он возразил: зачем английский язык, лучше – немецкий. И я стал учить немецкий. О чем я до сих пор жалею.

КАДЕТСКИЙ КОРПУС

В этой школе я проучился четыре года. Домой приезжал только на летние каникулы. В конце 41-го года отец решил отправить меня в кадетский корпус. Помню – на санках, декабрь месяц, 60 км до Белой Церкви, где располагался корпус. Там меня сразу остригли «под ноль», дали «дядьку», познакомили с правилами. Штраф – ремнем, три раза провинился – на гауптвахту. Мой класс был 74 человека, два отделения. За моей партой сидел Илья Толстой, правнук Льва Толстого; а сзади – самый большой шалун корпуса – внук Римского-Корсакова (я только потом узнал, что его мать была еврейка). У него был «кол» за поведение – обычно при этом выгоняли, но ведь он был – Римский-Корсаков!

В 4-м классе учился старший брат Ильи Толстого, Олег. Он был настроен очень прорусски (они потом уехали в СССР). И вот однажды подходит сын ген. Кутепова, приятель Олега, и предлагает мне поступить в их клуб. Правда, Олег высказался против – боялся, что я проговорюсь об их тайном собрании. Главой клуба был вице-фельдфебель кубанского генерала Фостикова. И вот в 1943 году, приблизительно в апреле месяце, приезжает в наш кадетский корпус гестапо и забирает Кутепова-младшего. Клуб, оказалось, был прокоммунистическим. В кадетском корпусе!

Проучился я до 1944-го. Подходит сентябрь месяц, и папа говорит: нужно немедленно уезжать, собраться в течение дня, – танки советского генерала Толбухина стремительно наступают, надо эвакуироваться. Все остальные кадеты поехали с корпусом. Их везли через Венгрию (Белая Церковь была под венграми), Австрию (в Австрии несколько кадет сбежало с поезда, в том числе – три брата Ермаковы. Потом Алексей Ермаков написал воспоминания – «Помните, чье имя носите»). Корпус же попал в лагерь в г. Эгер, в Чехии. В октябре из Берлина к ним приехал адъютант ген. Власова. И, как вспоминает Игорь Андрушкевич, кадет из Аргентины, всех их с 6 по 8 классы Власов забрал к себе. Часть ребят, таким образом, попала в Берлин. Остальные остались в Эгере с директором ген. А. Г. Поповым. Тогда Попов и принял решение закрыть корпус.

Часть кадет оказалась в Пилзене, который заняли тогда американцы. Но все стремились в Мюнхен. Особенно старшие кадеты. Многие были членами НТС, в том числе мой большой друг Василий

Васильевич Лукьянов, он еще жив. Некоторые поступили сразу в Мюнхенский университет. Многие попали затем в США.

ВОЙНА. КОНЦЛАГЕРЬ

Моя же история эмиграции сложилась таким образом. С началом захвата немцами Сербии в нашем доме скрывались семь сербских офицеров, и сосед-немец их выдал. Через неделю вошли СС. В один прекрасный день перед нашим домом останавливаются два грузовика, и немцы делают дома обыск. Опять немец-сосед сообщил, что доктор – отец – скрывал у себя сербов. Но немецкий солдат, живший в нашем доме, отца от ареста спас. В сентябре 1944 года я переселился из кадетского корпуса домой; мы собирались эвакуироваться.

В это время в Сербии уже начали формироваться партизанские отряды. Руководил партизанским отрядом – четниками – Дража Михайлович. Несколько позже появились партизанские отряды, во главе которых встали коммунисты, особенно в старой Сербии, в районе города Ужицы. Эти партизаны-коммунисты начали охотиться на русских эмигрантов и уничтожать их как антикоммунистов. Тогда в Белграде жил генерал-майор М. Ф. Скородумов. Он просил немцев дать эмигрантам оружие, чтобы бороться против партизан. В сентябре 1941 года он отдал приказ о формировании Отдельного русского корпуса. Это движение называлось «Шутцкор» (Russisches Schutzkorps Serbien). В течение месяца организовался первый полк из казаков. Начальником полка был назначен генерал В. Э. Зборовский. Так возник Русский Охранный корпус. Отец мой тоже оказался в Русском корпусе. Генерал Скородумов выступал за самостоятельность корпуса. Тогда его убрали, начальником корпуса назначили Штейфона.

Мы же с мамой и сестрами поехали через Белград. Переночевали в Русском доме. Мне было 13 лет. Вскоре нас посадили в вагоны, и мы двинулись на север. Не доезжая австрийской границы со Словенией, началась бомбежка – бомбили англичане. Поезд успел шмыгнуть в туннель – и это нас спасло. Железнодорожные пути были почти полностью разрушены. Нас пересадили в товарные вагоны и направили в Загреб. Оттуда мы двинулись в Будапешт, и из Будапешта в Вену. Едва успели доехать до Вены – опять бомбардировка. Американцы.

В бомбоубежище женская немецкая организация выдавала детям молоко. Через час, когда мы вышли из бомбоубежища, нам сказали, что нужно идти до маленького городка – там цела железнодорожная станция. Группу нашу – она вся состояла из русских беженцев – сопровождал конвоир. Он говорил по-сербски. Мама его спрашивает:

куда нас ведут? «Не беспокойтесь, госпожа, все будет в порядке.» А я забежал чуть вперед и вижу – ворота, на них по-немецки KZ Mauthausen, «Маутхаузен». Концлагерь. Почему? Полагаю, что они боялись, что мы разбредемся по деревням, где нас перебыют местные. И было принято решение нас изолировать. Так я оказался в концлагере.

Там нас сразу раздели догола – первый раз в жизни я увидел обнаженное женское тело. Дезинфекция. Я вышел из дезинфекционного барака – вижу: висит еврей. На голову ему капает вода. Я изумился, спрашиваю: почему? – А немец-конвоир мне по-немецки: пошел прочь!

Нас расселили по 50 человек в бараках, выдали каждому по зеленому одеялу, сена бросили. Кормили раз в день, в основном – гороховым супом. Работать мы не должны были. Наше положение отличалось от «настоящих» заключенных концлагеря. Я их наблюдал – колючая проволока, вид какой-то странный, на мой детский взгляд. Я спрашиваю одного: «Откуда вы?», – отвечает: «С Варшавского гетто», и на хорошем немецком языке просит хлеба. А надо сказать, когда мы бежали из дома, могли взять с собой только по рюкзаку. Мы положили бекон и хлеб, больше ничего. Я ему и отдал буханку хлеба – он мне хотел взамен отдать свои сапоги. Я не взял. Потом еще помню одного. Я его спрашиваю по-немецки: «Вы кто? Что здесь делаете?» – он отвечает: «Мы – американские летчики». Он, надо сказать, дал мне пачку папирос «Кэмел».

В Маутхаузене было около 5-6 тысяч заключенных. Немного цыган, но большинство – евреи. Их разделили на две категории: «полосатые» и другие, в своей одежде, только остриженные «под ноль» – выстригали их номер. А у «полосатых» номер на теле выжигали. Примерно на каждых десять евреев был один советский военнопленный. Держали их вместе. Наказание было – носить большой камень по периметру лагеря.

Подходит как-то ко мне 14-летний мальчик-еврей и спрашивает, не хочу ли я выйти из лагеря на работы? – Работали по ремонту железной дороги. Я согласился, думая, что там лучше кормят. Уже был декабрь. Снег. После работы он упал – от истощения. И немец-конвоир говорит мне: если найдешь, на чем дотащить, я его не трону. Я отыскал какую-то тачку – и повез его. Он все время плакал. Мы вернулись тогда. Мама его месяца три подкармливала – а потом он исчез. Это такой ужас... Помню еще: один старый еврей упал в яму, в уборную. Я протянул ему руку, а конвоир – украинец, галичанин, – взял плетку и меня – по зубам. И я смотрел, как тонет этот старик... Кто не был в концлагере, меня не поймет. А я ведь не был заключенным...

Ну, вот еще что помнится. В кадетском корпусе я не пел – мне сказали, что у меня абсолютное отсутствие слуха и голоса (много позднее, в молодые годы, я профессионально занимался хорами). Так вот, в концлагере я записался в симфонический оркестр. Большинство скрипачей были евреи, певцы – испанцы (еще от Гражданской войны в Испании), а я подавал пиво немцам. Потом допивал остатки – меня это подкармливало.

ПАРШ, ДИПИЙСКИЙ ЛАГЕРЬ

Месяца через четыре нам сказали, что нас увозят. Маутхаузен – на юге, чуть дальше – Линц. И там нас стали сортировать – кого куда. И вот подходит Володя Архипов (он был одно время в Русском корпусе) – говорит: есть место для семнадцати человек ехать в Хальштат. Это одно из самых красивых мест в Австрии, на юге от Зальцбурга. Там мы и были с января 1945 до 1946 года. Жили в гостинице, кормили нас хорошо. Правда, мяса не было. А оттуда мы уже уехали в лагерь для перемещенных лиц в Зальсбурге – Парш. И там я наконец поступил в гимназию. В 5-й или 6-й класс, не помню точно. Сестра Вера кончила на два года раньше меня.

Со временем подъехал и папа из Клагенфурта. Кормили сносно. Отец как врач работал, так что наша семья, можно сказать, просто хорошо жила. Американские военные с венерическими болезнями, за которые их могли наказать в армии, приносили папе пеницилин и 10 долларов. Он их лечил.

Жили мы по 7-8 человек в одной комнате. Главным врачом был бывший советский майор, хирург. Что делали бывшие советские военнопленные? – они воровали у фермеров. Приводили скотину в операционную и там разделявали туши.

Кончил я школу в 1949 году. Все знакомые старшие кадеты уже уехали учиться дальше в Грац. Там училась и Вера медицине. Учились все старательно.

В 1947 году, уже в Парше, нас собрали и сказали: приезжает советская делегация проверять, кто старый эмигрант, а кто советский. По Ялтинскому соглашению старые эмигранты не подлежали репатриации. Конечно, советские все драпанули в горы. Остались только мы, «белые». Как сейчас помню, подходит полковник Анисимов к маме. А мама только-только начала учить, уже в лагере, русский язык. Мама открыла рот, сказала два слова – полковник говорит: «Довольно».

Выдачи советских, как таковой, не было в нашем лагере. Все старались получить официальный статус «перемещенного лица» и визу на выезд из Германии и Австрии. И вот с выездом у нас ничего

не получалось. Отец переболел туберкулезом, а у меня не было трех зубов, которые мне выбил немецкий солдат, когда я пытался спасти тонущего в туалете старого еврея. Не пустили нас ни в Америку, ни в Канаду... Пока один адвокат из Загреба не сообщил нам, что есть реальная возможность поехать в Эфиопию.

ЭФИОПИЯ

Там жили старые эмигранты еще с 1912 года. Первые русские вообще попали туда, говорят, при Иоанне Грозном. Потом контакты России с Эфиопией как-то прекратились. И вот в 1912-м году с эскадроном донских казаков поехал туда ген. Краснов. Написал прекрасную книгу об этом «Казаки в Абиссинии». Был в этих местах и Николай Гумилев. Эфиопы – православные христиане, древняя автономная Абиссинская Церковь была под каноническим управлением Коптской. Названия Russia там вообще не употребляли, говорили: Moscow. А все другие были католиками.

Помню, у дам были ожерелья из монет времен Марии-Терезы. За доллар можно было купить. Но – не купил.

Был там же, в Эфиопии, прекрасный поэт Павел Булыгин, о нем в НЖ писали. Умер он в Парагвае, но в 1930-е жил там. Женат он был тоже на поэтессе – Агата Титовна Булыгина.

В Эфиопию я уехал в 18 лет. Все русские там посещали православные храмы. В Аддис-Абебе были прекрасные иконописцы, одна из этих икон у меня по сих пор висит в доме. Русское посольство продолжало работать и после 1917-го. И когда мы в сентябре 1949 года въехали в Аддис-Абебу, мы жили именно в этом доме.

Граф Иван Сергеевич Хвостов хотел создать в Эфиопии крепкую русскую общину. Сам же он был поэтом, к тому же еще перевел Гражданский кодекс Наполеона на абиссинский язык. Он свободно владел четырьмя иностранными языками. Женой его была графиня Наталья Владимировна Татищева. Благодаря ее хлопотам мы и попали в Эфиопию. Можно сказать, что Хвостов был правой рукой Хайле Селассия; он был членом Особой комиссии по составлению законов Эфиопии. Его зятем был инженер-агроном Турчанинов; потом он стал главным инспектором Министерства агрокультуры. Хайле Селассие я видел лично, но, конечно, не был близок к этому кругу.

В 1927 году Хвостов выстроил русскую церковь, где сам служил псаломщиком. Графиня Татищева выписала из Александрии свящ. Анатолия Миловидова, открыла женский монастырь.

В Эфиопии я приобрел знакомства на всю жизнь. Скажем, именно там я познакомился с Костей Синкевичем, кузеном поэтессы Валентины Синкевич из Филадельфии. Всю нашу жизнь Костя опи-

сал в своей книге мемуаров «Вне родины». Он женился вторично, его лучший друг был кн. Теймураз Багратион-Мухранский, ставший потом в США директором Толстовского Фонда. Или – Ясадэк Маконэн, эфиопский мальчик, сын одной из фрейлин жены Селассия, который воспитывался в русской семье. Потом он уехал в Сан-Франциско, хотел прислуживать у архиепископа Иоанна Шанхайского. Мы поддерживаем с ним отношения до сих пор.

Русская община пользовалась большим влиянием. Из всех иностранцев в стране только русские могли жениться на эфиопках – потому что копты тоже были orthodox. В Аддисс-Абебе русский Красный Крест создал больницу – половина врачей окончила ту же Академию, что и мой отец. Русские жили, можно сказать, на привилегированном положении.

Мы отправились на юг страны, поселились в деревне в 150 километрах от столицы. Отец работал в больнице. Подъезжаем к деревне – а вместо дома стоит маленькая соломенная хибарка. Так попали мы на золотые прииски. Сначала мы находились в отчаянном положении, было трудно, хотя и работало на нас 4-5 человек прислуги из местных. Сестра Вера осталась в Аддис-Абебе и иногда приезжала к нам охотиться на леопардов. Я учился говорить по-итальянски, русских вокруг никого не было. Горными инженерами работали американцы, и условия жизни у них были лучше, чем у нас.

В АМЕРИКУ

В Эфиопии мы жили с 1949-го по конец 1951-го. В 1951-м приехал американский инженер Кеммер. Мы познакомились, и он предложил мне перебраться в Америку. Надо сказать, желания уезжать у меня не было. Жил я вольготно, занимался охотой... Тем не менее, мы подумали-подумали – и я с сестрой Верой поехал в США. Родители и младшая сестра Лиды остались. Сначала мы прибыли в Аддис-Абебу, визу нужно было ждать полгода. В это время иезуитами открывался колледж Хайли Селассие. Так что я пробыл три месяца в колледже, первый курс. Мои однокурсники потом писали мне – все вышли в люди, стали министрами...

Мы же с Верой, получив визы, поехали в Рим, оттуда в Париж, Бремен. С нами же ехала на поезде и мадам Китрей, родная сестра Николая Николаевича Чухнова, – он издавал в Америке газету «Знамя России», был в Главном управлении Российского Общединархического Объединения, правая рука кн. С. С. Белосельского-Белозерского. Благодаря ему, мне, кстати, сразу удалось устроиться в США: Чухнов включил меня в комитет Белосельского.

Но вернусь назад: так вот, к нам заходит в купе американский

капитан. Девушки его обсудили по-русски, опасаясь, не украдет ли он наш багаж. А перед г. Бремен, перед выходом, американец представился: «Капитан Сидоров. Американская разведка». Он родился уже в США, первая волна эмиграции.

ПЕРВЫЕ ГОДЫ В США

Итак, в январе 1952 года мы с сестрой переехали в Нью-Йорк. Через две недели после приезда я поступил в колледж Святого Франциска в Бруклине, потом в Фордамский университет (Jesuit Fordham University), где получил степень магистра химии. Окончил университет Фордам – и меня забрали в армию, в 1957 году. Восемь недель тренинг, потом – служба в химических войсках. В те времена при Армии обязательно служили священники – всех конфессий. Случилось так, что за неимением православных священников – orthodox – меня приписали к другим ортодоксам – к иудеям. Так я прикнул к еврейской общине и каждую пятницу посещал военную синагогу. Помню, как это было. Выстроили нас и командуют: все католики – 2 шага вперед, все протестанты – три шага вперед, все ортодоксы – один шаг вперед. А про православных – ничего. Сзади меня стоял, как сейчас помню, новобранец Фридман. Он мне и говорит: «Виктор, ты ведь тоже ортодокс, вставай с нами». Что я и сделал. Но «Бандурко» я уже не мог быть, так я стал на время службы «Бандурштайн». Надо сказать, ко мне относились очень хорошо там, зная при этом, что я – казак.

После восьми недель меня, Бандурштайна, отправили служить в химические войска. Я был простым солдатом. Но т. к. войска специальные, то все служащие уже имели высшее образование. Думал ли я тогда, что через 10 лет поступлю в университет Ешива?! А ведь поступил – и даже окончил.

Когда служба закончилась, нужно было искать работу, что было крайне трудно. Я даже работал 2,5 года в сумасшедшем доме, в детском отделении. После Ешивы нашел работу. Мне очень помог учиться д-р Боровец – это человек, у которого дед пел в хоре Александра. Мой английский был не очень хорош, а надо было делать тезисы без ошибок. И жена Боровца – чудесная женщина, она окончила Йель, – мне помогала – проверяла мои записи.

В 1972 году я получил докторскую степень. После получения докторской, был приглашен на работу известной фармацевтической фирмой «Johnson and Johnson», где и проработал до марта 2003 года. У меня 16 патентов по химии и 12 научных работ. Работы были в различных областях медицины, получал я и престижные награды за свои научные открытия. А потом, уже работая в «Johnson and Johnson», я

поспособствовал тому, что туда на работу было принято около дюжины евреев. Положение у меня было в то время довольно высокое.

Надо сказать, что роль русских эмигрантов в американской науке трудно переоценить. Вся газолиновая промышленность Америки стала возможна благодаря патентам Владимира Ивановича Ипатьева. Он работал в Чикагском университете, до сих его имя носит лаборатория, и самая высокая награда у нас, у химиков, – это Ипатьевская, 40000 долларов.

РУССКИЙ НЬЮ-ЙОРК

Живя в Америке, я, естественно, включился в работу нашей диаспоры. Первые десять лет жизни в Америке я принимал участие в делах казачества. Был представлен генералу В. Г. Науменко; он назначил меня организовать перевозку из Германии казачьего музея, все атрибуты. Я стал 1-м секретарем, директором был ген. В. И. Лебедев. Поселился я во Флоринге. Так было до 1963 года.

Потом подружился с президентом Дворянского собрания Северной Америки кн. А. П. Щербатовым, он был полковником американской разведки. В 1943 году их группа поехала в Уэльс, где была встреча с советским генералитетом, обсуждался Второй фронт. После войны он работал в Париже. Щербатов же познакомил меня с Романовым-Куликовским, сыном Великой кн. Ольги Александровны. Алексей Павлович ведь по матери был Барятинским, словом, из Юриковичей.

Община первой эмиграции жила сплоченно и весьма активно. Помимо деятельности политической и социальной, была огромная культурная работа. Да и просто – умели отдыхать. Каждую пятницу и субботу – балы в Доме Свободной России – кадетский, инженеров, самый фешенебельный – Союза морских офицеров.

С 1962 начали приезжать балетные труппы из Советского Союза – я познакомился с молодым Васильевым, увлекся балетом. Люди сходили с ума – один мой приятель поехал за балетом в Сан-Франциско! Кстати, я встречался до того и с Ольгой Спесивцевой, она была уже в старческом доме на Толстовской ферме. Меня познакомил с ней кн. Кирилл Голицын, он был тогда директором. Красавица! К сожалению, она уже в это время была нездорова – думала, что она живет в Петербурге. Ее навещали Майя Плисецкая и Галина Уланова, между прочим.

В те же времена я ухаживал за Наташей Кржижановской. Как-то, собираясь на каток в Центральный Парк, она позвонила Маре, своей подруге, и сказала: «Есть химик – у меня никакого интереса к нему – маленького роста и вообще... но у него новая машина, приходи». Так

я познакомился со своей будущей женой. 14 июля 1963 года мы поженились. Отец ее эмигрировал еще в 1920-е годы, а мать – из китайской русской эмиграции, сама же она родилась уже в США.

ХОРЫ

И тут мне поступило предложение от одного американца поступить в хор – им нужны были русские голоса. Я всегда пел тенором в церковном хоре. Но руководитель хора знаменитый Николай Петрович Афонский мне говорит: будешь петь баритоном. Афонский – это золотой век первой эмиграции.

Становление русских хоров в Америке приходится на нач. 1940-х. Афонский приехал в США в 1947-м. С 1950-го он был регентом хора кафедрального собора в Нью-Йорке. В 1971 году он умирает, и мы наняли Бориса Михайловича Ледковского. Он, между прочим, пел в Черноморском казачьем хоре. Я же тогда уже был что-то вроде менеджера хора.

А Русским хором Йельского университета управлял мой друг Денис Мицкевич, мы вместе учились в лагере Парш, где он был помощником регента церковного хора. Сам он из Латвии.

Был еще хор Жарова. Каждую пятницу у нас проходили музыкальные суаре. К моему времени в Нью-Йорке было уже пять хоров.

Певческие капеллы, как правило, составлялись вместе с американцами, большинство в них было, кстати, галичан. С 1963 года до 2014-го я пел в хоре-капелле. В 1992 году, после нашей поездки в Польшу и Беларусь, я пригласил впервые московский хор «Акафист» в США – встретились мы в Беловежской пуще на международном фестивале музыки. Я им сказал: «Каждому хористу могу заплатить только по 5 долларов», они ответили: «Мы едем». Первые приезды человек по семь жили просто у меня в доме. Они произвели фурор. Пели в ООН, в Большом Нью-Йорке, потом я отвез их в Канаду... Если подсчитать, за эти годы я устроил около 250 концертов в США и Канаде.

Но вернемся к нашему хору. После Ледковского-старшего хормейстером стал Александр Ледковский, его сын. Александр управлял Синодальным хором. Одно время я работал сразу с тремя хорами – Жарова, хор-капелла и хор белорусской молодежи. С годами я стал президентом капеллы.

Кстати, узнав, что я пел в свое время у Афонского, меня пригласили выступать на радио «Радонеж» в Москве.

И ВНОВЬ – КАДЕТЫ

А последние пять лет я опять вернулся к своему кадетскому прошлому. Я – вице-председатель Объединения российских кадет в Нью-

Йорке. В свое время нас было около 4,5 тысячи членов русской кадетской организации. Осталось 10 человек. Недавно скончался В.К. Голицын, который вел наши дела, сын кадета Кирилла Голицына. В самом Нью-Йорке – я вообще один. Денисенко, наш председатель, жил в Вашингтоне, теперь по состоянию здоровья переехал к дочери в Норфолк.

Мы приняли тяжелое, но правильное решение закрыть нашу организацию. Архив мы уже отправили в Москву. Со знаменами нас москали немножко обманули: два года тому назад они попросили отдать знамя Половского кадетского корпуса и Сумского. Сибирский находится в Сан-Франциско, и там они отказались отдавать, Святослав Данич ничего отдавать в Россию не желает... Так вот, приехал ген. Владимиров и с ним полковник один... Они представляли суворовцев и нахимовцев. В Синоде была встреча, на которой мы им отдали знамена. Идея была через полгода всем поехать в Москву и посмотреть, куда их определяют. При этом нам было сказано, что временно знамена будут находиться в Преображенском Семеновском полку. Время прошло, – и ничего с тех пор мы не знаем о наших знаменах. И связь практически потеряна.

Так что мне выпала доля закрывать Нью-Йоркское Объединение кадет. Как я закрыл в свое время капеллу, так и сейчас... Остаток фондов мы собираемся передать бойскаутам ОРЮРа, старой организации русских юных разведчиков. Так что 2019-й будет последним годом существования Организации русских кадет в Нью-Йорке.

И будем доживать свой век с женой. У нас трое детей и шестеро внуков. Поселились мы в большом хорошем доме в штате Нью-Джерси. Судьба моя сложилась.

Литературная запись – М. Адамович, Е. Дубровина

Ростислав Полчанинов

Юбилейные даты Русского Зарубежья

К 110-летию ОРЮР

30 апреля 2019 г. ОРЮР – Организация русских юных разведчиков – отмечала свой 110-й год основания. В этот день в 1909 году, как писал в своих воспоминаниях основоположник разведчества в России полковник, а тогда штабс-капитан, Лейб-гвардии стрелкового батальона Олег Иванович Пантюхов: «в день батальонного праздника, я шел вместе со своими друзьями из Царского Села через Соединительный парк в соседний Павловский парк, [где] была расположена довольно большая и хорошо оборудованная площадка для детей. Когда я пришел на эту площадку, то увидел там много детей и подростков <...> Так вышло, что я <...> стал рассказывать о наших кавказских походах и ‘разведках’, шалашах, лагерях, беседах у костра и о привольной жизни на лоне природы». Так, в Павловском Парке, было положено начало Царскосельской дружине юных разведчиков.

В 1908 г. в России началось т. н. «потешное движение», работа с детьми по военно-патриотическому воспитанию*. Император Николай II, ознакомившись с книгой английского генерала Баден-Пауэлла «Scouting for Boys» и предполагая, что книга сможет помочь руководителям «потешных» в их работе, приказал перевести и издать эту книгу. Книга поступила в продажу в декабре 1909 г. под названием «Юный разведчик». Кому-то она помогла в работе с «потешными», О. И. Пантюхов же, ознакомившись со скаутским движением, решил назвать своих ребят «разведчиками».

* По распоряжению императора, в народных школах было введено обучение военному строю и гимнастике для физического развития молодежи и подготовки ее к военной службе. Заинициатором движения, получившего название «потешного», по аналогии с «потешными войсками» Петра Первого, был педагог Антиох Андреевич Луцкевич. Разработанная им российская система военно-патриотического воспитания детей и юношества называлась также «бахмутским движением», поскольку А. А. Луцкевич начал свой эксперимент, работая инспектором народных училищ в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии. Вскоре движение «потешных» охватило всю страну. В «потешные» подразделения попадали дети в возрасте 10-16 лет из всех сословий.

В Москве весной 1910 года штабс-ротмистр Григорий Алексеевич Захарченко основал дружину юных разведчиков. Захарченко, служивший в Александровском юнкерском училище, был известным спортсменом-конником; по поручению Московского общества содействия физическому развитию в апреле 1910 г. он посетил Францию, Германию и Англию для ознакомления с работой юношеских организаций. Он заинтересовался системой английского генерала Баден Пауля. Вернувшись в Россию, Захарченко объявил себя Главным разведчиком и попытался создать единую организацию юных разведчиков, но это ему не удалось. С дружиной Захарченко прекратил работу к сентябрю 1911 г. в связи с назначением в Персию. В Петербурге, в октябре 1910 г., Василий Григорьевич Янчевецкий, ставший потом известным советским писателем В. Яном, сформировал легион юных разведчиков, а во Владикавказе капитан Лисовский собрал роту, но больше нигде в это время ничего не было создано.

4 (17) сентября 1910 г. Янчевецкий выпустил первый номер еженедельника «Ученик» со специальным разделом «Юный разведчик»; с № 12 (20 ноября / 3 декабря 1910) журнал стал называться «Вестник русских разведчиков и потешных». Он выходил под редакцией Янчевецкого до его отъезда в Константинополь в 1913 году, затем под редакцией Дмитрия Павловича Якушева до 16 (29) июля 1914 года.

Пантюхов, Захарченко и Лисовский были военными, и только Янчевецкий – штатским, преподавателем гимназии. Несмотря на это, в программу занятий с юными разведчиками Янчевецкий включил военный строй и упражнения с шестами «по образцу приемов с ружьями».

Если в 1910 году разведческая работа велась только в Царском Селе, Петербурге, Москве и Владикавказе, то к 1912 году были основаны отряды разведчиков в Пскове, Пернове (Пярну) и Нарве. Работу с девочками начал Янчевецкий, собравший первое звено разведчиц, принявшее участие в открытом 24 июня 1912 года лагере в Лахте около Петербурга.

В 1915 году О. И. Пантюхов уходит на фронт (за храбрость он был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени). Но и на фронте Пантюхов не забывает свое детище, и когда в Петрограде в январе 1916 г. собрался Первый съезд по скаутизму, он посылает организаторам ряд своих предложений. Участники съезда так отозвались на послание Пантюхова: «Первый съезд, заканчивая свою плодотворную работу по укреплению дорогого Вам дела скаутизма в России и заслушав и приняв большинство Ваших пожеланий, выражает свое глубокое сожаление о Вашем отсутствии и шлет Вам искреннее и сердечное скаутское приветствие».

В годы Великой войны разведчики, которых стали чаще называть бойскаутами, приняли деятельное участие в помощи фронту и тылу. Позднее, в период Гражданской войны, они сражались на стороне белых. Большевики этого им не простили, и в 1923 году скаутизм в СССР был запрещен. Скауты ушли в подполье. У них даже появилась своя песня:

Нас десять, вы слышите, десять,
А старшему нет двадцати.
Конечно, нас можно повесить,
Но прежде нас надо найти...

В 1926 г. их нашли и арестовали около тысячи человек. Кого-то казнили, кого-то отправили в исправительно-трудовые лагеря или сослали. Скаутская работа в СССР была остановлена, но русский скаутизм не прекращал ни на час своей работы.

Еще во время эвакуации белых из Крыма в 1920 году на одном из кораблей был основан «плавающий отряд», а в Харбине не прекращал работу Никольско-Уссурийский отряд. Скауты-разведчики существовали почти во всех странах Русского Зарубежья. Когда началась Вторая мировая война, на оккупированных Германией территориях они ушли в подполье. Руководил ими в тот период Борис Борисович Мартино. Под видом работы с детьми, называясь, например, в Германии НОРМом – Национальной организацией русской молодежи – движение значительно расширилось. Даже в оккупированном Пскове был в 1943 году основан подпольный отряд «разведчиков». Проводились подпольные КДВ – курсы для вожаков, и КДР – курсы для руководителей, что дало возможность после войны расширить разведческую работу. Всегда активным движение «разведчиков» было и в США.

Возрождение скаутизма в странах бывшего СССР началось с Прибалтики. Мне удалось в начале 1989 года отправить кое-какую специальную литературу в Литву и в том же году, к 90-летию ОРЮРа, получить поздравление от местных скаутов. Размножив мою статью «Скаутизм и разведчество», я стал рассылать текст. В конце 1989 через Георгия Васильевича Лукьянова статья попала в подмосковную Черноголовку в руки проф. Виталия Васильевича Аристова. Началась работа. В июне 1990 года, когда состоялось первое паломничество в СССР членов ОРЮР из США, под руководством Алексея Федоровича Захарьина, паломников в московском аэропорту встретили разведчики и разведчицы из Черноголовки. Тогда же моя дочь, Людмила Полчанинова-Селинская, отвезла в Москву для выставки

«Эмиграция: история и современность» много материалов, включая издания ОРЮР. Выставка продолжалась шесть недель, ее посетили тысячи москвичей, о ней и об ОРЮР писалось в газетах.

В августе 1990 в деревне Горельце Костромской обл. был организован первый лагерь ОРЮР, в котором под руководством Лукьянова и при участии Полчаниновой-Селинской и Юрия Николаевича Свободного, к неудовольствию местных партийных руководителей, был поднят русский трехцветный флаг. Лагерь был проведен с благословения архиепископа Александра Костромского и Галичского. Как полагается в ОРЮР, в лагере были утренние и вечерние молитвы; многие участники исповедовались и причащались, иные принимали святое крещение.

На съезде 8-9 октября 1996 года ОРЮР была разделена на две части – зарубежную и российскую, с отдельными Старшими скаутмастерами и Главными квартирами, но сохранив при этом свое единство.

«РОССИКЕ» – 90 ЛЕТ

14 апреля 1929 года в Югославии в городке Игало (ныне Черногория) было основано Русское общество филателистов «Россика». Его основателем стал Евгений Михайлович Архангельский, объединивший русских коллекционеров почтовых марок, разбросанных по всему миру. С 1930 года он начал издавать ежеквартальный журнал «Россика». Этот журнал выходит до сих пор в США по-английски – так как объединяет не только русских, но и всех интересующихся русскими марками. Последний выпуск № 172 вышел в мае 2019. Журнал уделяет также внимание собиранию русских открыток, что является заслугой его теперешнего редактора Николая Витальевича Сорокина.

«Россика» создала свое представительство в США в 1930 году; первым ее представителем был Дмитрий Николаевич Мошкалов (Сан-Франциско). На этом посту сменилось несколько человек, пока в 1936 году новым представителем «Россики» в США и Канаде не был назначен Сергей Васильевич Пригара (Нью-Йорк). О нем говорили, что в России он был прокурором в Санкт-Петербурге. В том же 1936 году нью-йоркский отдел «Россики» провел 38 собраний в помещении Русского Клуба (Манхэттен, 5 E 121 ул.). Количество членов быстро росло. В 1937 году было проведено 50 встреч, для этого снимали большее помещение в YMCA (Манхэттен, 23 ул.)

10 апреля 1938 г. в зале YMCA состоялась однодневная выставка коллекций членов «Россики», на которой были выставлены марки и прошедшие почту конверты государственной и земской почты.

Из-за начавшейся Второй мировой войны, издательство журнала было переведено из Югославии в Шанхай; первый китайский выпуск был в ноябре 1940 года, а последний – в июне 1941 года. Деятельность Общества временно приостановилась.

В марте 1942 года, уже в Нью-Йорке, члены «Россики» вместе с группой коллекционеров-одиночек создали новое Русско-Американское общество филателистов (Russian-American Philatelic Society), в котором продолжили филателистическую деятельность А. В. Пригара, В. А. Рахмонов, Н. В. Савицкий и Р. Склярковский. Из присоединившихся к Обществу следует отметить Курта Адлера, который работал в 1927–1929 гг. в опере в Берлине и в 1929–1932 гг. – в Праге. В годы нацизма он выступал в СССР (Киев, Сталинград). С 1938 года жил в США, был в 1951–1973 гг. дирижером в Metropolitan Opera (дебютировал в опере «Волшебная флейта»). Будучи в СССР, он научился говорить по-русски, полюбил всё русское и стал председателем уже послевоенной «Россики» в Нью-Йорке. Х. Л. Аронсон был редактором нового журнала РАПСа «Русско-Американский Филателист», а Г. Тэммер – издателем. Сам журнал, в отличие от журнала «Россика», выходил только на английском языке. За три года существования было 24 выпуска. РАПС продержался до 1955, когда произошло объединение РАПСа с возродившейся «Россикой».

В 1945 году, как только кончилась война, оказавшийся в Германии Александр Александрович Чеботкевич стал собирать вокруг себя русских филателистов. Чеботкевич был родом из Умани (ныне Украина), в Великую войну служил ротмистром в кавалерии и был трижды ранен. В годы Гражданской войны он получил четвертое ранение в боях под Царицыным. Эвакуировался с армией ген. Врангеля в Галлиполи и потом поселился с женой в Югославии. В 1929 Чеботкевич вместе с Архангельским были в инициативной группе русских филателистов, основавших «Россику». В 1944 при наступлении Красной армии он ушел на Запад и вскоре после войны оказался в дипийском лагере Шляйсхайм около Мюнхена.

В день приезда из Парижа в Шляйсхайм видного руководителя УМСА американца Дональда Лаури (Donald Lowrie) 8 июля 1950 года была устроена однодневная выставка, в центре которой были экспонаты УМСА. В связи с подготовкой этой выставки я случайно и узнал о группе филателистов в Шляйсхайме и о Чеботкевиче, возглавлявшем эту группу. Чеботкевич охотно согласился принять участие в выставке, и таким образом ему удалось привлечь в «Россику» несколько новых членов, в том числе и меня.

Уехав вскоре в США, Чеботкевич успешно продолжал свою работу по возрождению «Россики». Его помощником был Александр

Николаевич Лавров, тоже офицер, воевавший в Великую и Гражданскую войны, тоже галлиполиец; до войны он жил в Братиславе, в конце войны оказался в Германии и потом уехал в США.

В 1952 г. основатель и председатель «Россики», оставшийся в Югославии Е. М. Архангельский передал руководство обществом Чеботкевичу. Среди новых членов, которых Чеботкевич привлек в «Россику», был и Григорий Васильевич Салисбури-Бондаренко. Он родился в 1910 году в Екатеринодаре в семье офицера. Семья ушла с белыми и в 1923 году оказалась в США. Григорий окончил университет Тэмпл в Филадельфии, получил диплом дантиста. Доктор Салисбури (он стал пользоваться лишь первой частью своей двойной фамилии) был одним из наиболее деятельных членов «Россики» и жертвовал немало денег на издание журнала, писал статьи и даже иногда бесплатно лечил зубы малоимущим русским филателистам.

Русских среди членов «Россики» становилось всё меньше, тогда как общее число членов организации росло. В конце концов было решено издавать журнал отдельными выпусками по-русски и по-английски. Таким и стал первый послевоенный номер журнала, изданный в США в октябре 1954 года. Председатель «Россики» Чеботкевич назначил др. Салисбури старшим редактором, Сляревского – редактором английской версии журнала, а Лаврова – русских выпусков.

Сегодня «Россика» выходит по-английски, два раза в год, под редакцией Николая Витальевича Сорокина. Н. В. Сорокин родился в Стамбуле. Семья иммигрировала в Америку, когда ему исполнилось девять лет. После окончания Сиракузского и Чикагского университетов Н. В. Сорокин стал сотрудником русской службы «Голоса Америки», а затем работал переводчиком-синхронистом в Государственном департаменте США. Выйдя на пенсию, он стал редактором «Россики». Его работа в качестве главного редактора закончилась текущим номером журнала. Однако Николай Витальевич намеревается продолжать участвовать в работе редакционной коллегии.

Нью-Йорк

Виктор Есипов

Вспоминая Владимира Войновича (1932–2018)

С Владимиром Войновичем я познакомился, благодаря его дружбе с моим двоюродным братом Борисом Балтером¹, известным в шестидесятые годы писателем, автором переиздающейся и ныне лирической повести «До свидания, мальчики!». Но произошло это уже после смерти Бориса. Помню, как в загородном доме Балтера, построенном им вместе с женой Галей в деревне Вертошино, как раз напротив писательской «Малеевки», все зачитывались в середине семидесятых первой частью «Чонкина»; переплетенная машинопись в самодельной обложке из тонкого картона была совершенно затерта от частого чтения гостями дома – людьми, близкими Балтеру, Гале и ее дочери Ирине. В их число входил и я. Иногда кто-то из «новеньких», кому роман Войновича только что попал в руки, начинал, давясь от смеха, зачитывать в слух какой-нибудь эпизод, и присутствующие в тот момент поддерживали чтеца дружным смехом.

Я еще до «Чонкина» узнал и полюбил повести Войновича «Хочу быть честным» и «Два товарища», но с их автором встретился только в конце декабря 1977 года.

А произошло наше знакомство так. За несколько дней до новогодних праздников 1978 года я взял в конструкторском бюро, в котором работал, полагающиеся мне отгулы и уехал в деревню Вертошино вместе с Атосом, пуделем Ирины, приемной дочери Балтера. Она рада была доставить собачке удовольствие пожить на природе и без колебаний доверила его мне. Дом пустовал, Галя собиралась приехать позднее, к самому празднику, и встретить там Новый год. Кроме нее и Иры, должны были приехать Клара, в те годы – моя жена, и Владимир Войнович с женой и маленькой дочкой. С Войновичами я тогда еще знаком не был.

Декабрь стоял снежный. Дорожку от калитки до крыльца приходилось не один раз в день расчищать лопатой, что вызывало в памяти повесть «Женщина в песках» Кобо Абе. Местный житель, когда я выходил гулять с Атосом, на глаза не попадался. Лишь кое-где поднимался над крышами дымок из труб. По вечерам над деревней стояла девственная тишина, не нарушаемая никакими звуками. Одинокий

фонарь, рассеивая чернильную тьму, тускло освещал дома в самом начале проулка. Тихо и пустынно в декабрьские вечера в русской деревне и поныне.

Но в один из таких вечеров в деревню вкатился огромный трейлер и, круто развернувшись в сугробах, остановился на пустыре прямо напротив дома. Это вызвало у меня нехорошие подозрения. Погасив свет на первом этаже, я, как в детективном фильме приоткрыв сбоку занавеску, какое-то время наблюдал за вторгшимся в деревню автомобильным монстром, но ничего подозрительного не заметил. Неожиданное появление трейлера связалось для меня с предстоящим приездом Войновича – ведь за ним «компетентными органами», как тогда называли в газетах контору на Лубянке, велась постоянная слежка. К счастью, я ошибся: рано утром трейлер убрался восвояси. Видимо, водители просто решили переночевать в тишине и покое перед въездом в первопрестольную.

А к вечеру приехали Войнович с женой Ириной, преподавательницей русской литературы в московской средней школе, и маленькой, лет четырех-пяти, дочерью Олей. При знакомстве мы все сразу же перешли на «ты» и по имени, так и общались друг с другом в течение всей последующей жизни.

Вскоре мы сели с Володией за шахматы. Тогда весь их дружеский круг увлекался шахматами; и покойный к тому времени Борис Балтер, и замечательный художник-живописец Борис Биргер, и блистательный критик Бенедикт Сарнов, и сам Владимир Войнович постоянно «выясняли отношения» за шахматной доской. Я еще не входил в их круг, был намного моложе, но у меня был первый разряд по шахматам, о чем Войнович не знал.

Он оказался азартным игроком и мог играть несколько часов подряд. Но силы были неравные, я постоянно выигрывал. А он предлагал сыграть еще и еще! И вновь проигрывал. Как это ни странно, проигрыши, казалось, не вызывали у него ни досады, ни раздражения, он увлекался процессом. В этом упорстве, как я понял впоследствии, – весь Войнович: нужно попробовать еще раз, нужно продолжить борьбу, нужно добиться победы.

Таков же он был и в противостоянии советской власти. С той только разницей, что ко мне он всегда относился как к другу, а к ней – как к нечестному и злобному врагу. Власть превосходила его во всех отношениях, кроме двух: она была лжива, а он честен; она бездарна, а он талантлив...

Войновичи ночевали на втором этаже, а я на первом, в кабинете Бориса. Утром я слышал, как Ира Войнович, уговаривая дочку съесть яйцо, сваренное всмятку, приговаривала:

Я, желток-желткович,
Я хочу, чтоб меня съела
Олечка Войнович.

А еще помню, что маленькая Оля очень уважительно называла пуделя Атоса «Атосовичем».

К вечеру 31-го все, с кем предстояло встречать этот Новый год, были на месте: приехали из Москвы Галя с Ирой, моя жена Клара Козлова, друг Войновича физик-экспериментатор Валя Петрухин, пришли гости из Малеевки. Здесь нужно сказать, что из заснеженной Малеевки сходились в этот дом к новогоднему застолью Сарновы – Бен² и Слава, Виноградовы – Игорь³ и Нина, Станислав Рассадин⁴ с Алей, Семен Израилевич Липкин⁵ с Инной Лиснянской⁶, Олег Чухонцев⁷; бывал здесь и Булат Окуджава с гитарой, приезжал из Москвы Борис Биргер. Участники застолья менялись, но традиция встречать здесь Новый год сохранялась до 1985 года...

Все эти праздничные вечера смешались в моей памяти. А отчетливо запомнилась только встреча 1980-го, последняя с участием Войновича и его семьи.

Она запомнилось не только мне. В этом я в первый раз убедился, когда в начале нового века Оля Войнович опубликовала в «Новых известиях» «Историю о настоящем деде Морозе» такой святочный рассказ, в котором воспроизвела подробности того вечера в доме Балтера. А через несколько лет уже Владимир Войнович опубликовал где-то (не помню, где) рассказ «Демонтаж», навеянный теми же воспоминаниями. А еще позже, в 2010-м, я прочел описание той же новогодней ночи в его книге воспоминаний «Автопортрет. Роман моей жизни», где реальные события переплетаются с плодами писательского вымысла.

Перескажу самую суть. Войновичи, которые приехали с Валец Петрухиным, привезли с собой игрушку для взрослых, радиопередатчика «walkie-talkie», подарок Володе от американского корреспондента. И вскоре мы мужской компанией отправились в ближайший перелесок за елкой, прихватив с собой эту игрушку. Володя постоянно поддерживал связь с домом. При этом его сообщения имитировали разведдонесения: «ищем объект», «объект найден», «приступаем к демонтажу объекта» и т. п. Его жена принимала эти его сообщения и, смеясь, пересказывала их Олечке.

Срубив подходящую елочку, мы двинулись к дому. И тут нас обогнал военный газик с пеленгатором, который направлялся в деревню и долго ехал впереди нас, пока его габаритные огоньки не скрылись из глаз. Войдя в дом, мы рассказали о газике – и забыли о нем.

А когда в середине ночи вышли прогуляться по деревне, снова наткнулись на тот же военный газик, который продолжал искать предполагаемых диверсантов с радиопередатчиком. Поблизости, где-то за Рузой, располагалась секретная ракетная часть, служба безопасности которой, конечно, была не на шутку обеспокоена запеленгованными радиосообщениями.

* * *

О доме в деревне Вертошино Владимир Войнович вспомнит уже в эмиграции в 1984 году, в газете «Русское слово»: «Вертошино, бедная деревушка, где из коренных жителей почти никого не осталось, а в будний день можно встретить только старух, которые в старых ватниках и длинных черных юбках тащат из города на салазках буханки хлеба, поднимаются по крутому склону оврага с ведрами на коромыслах или парами прогуливаются вдоль деревни, словно подражая писателям. И, как только поднимаешься по крутой тропе от Дома творчества, тут прямо перед тобой и стоит дом, который среди других, может быть, и не очень выделяется, но который знают все в округе как дом Балтера».

В зимы 1978-80 годов мне случалось оказываться в этом доме наедине с Володей, и, конечно, играть с ним в шахматы. Об одной из таких встреч осталось стихотворение «Попытка портрета», которое я опубликовал, по известным причинам, только лет через пятнадцать, уже в новой России:

За окнами стынувший сад,
Январские сумерки хмуры.
Умерим спортивный азарт,
Условясь, смешаем фигуры.

Прикурим от спички одной,
Взглянув друг на друга при этом, –
Отведавший славы шальной
Прозаик с безвестным поэтом.

Вздохну, затянусь, помолчу.
Ты смел, и чиста твоя совесть.
Я тоже быть честным хочу,
Как названа та твоя повесть.

Зима, как худая свекровь,
На окнах морозная наледь...

Дай, Бог, нам увидеться вновь
И шахматы снова расставить!

Чтоб снова вопрос – на вопрос,
На фразу – ответная фраза...
Седеющих шапка волос,
Два карих внимательных глаза.

Под «той повестью» подразумевалась, конечно, новомирская публикация 1963 года повести «Хочу быть честным».

В Москве мы с женой Кларой иногда посещали Войновичей, однажды – вместе с Александром Моисеевичем Володиным⁸, который, бывая в Москве, жил в нашем доме у сестры его жены Фриды. Володин и Войнович были хорошо знакомы и, узнав, куда мы собираемся, Александр Моисеевич захотел пойти вместе с нами. У меня сохранилась фотография – память об этом посещении, сделанная поляроидом, он тогда только что появился у Володи.

Телефон у Войновичей был отключен, отключен – и всё! Поэтому предупредить о приходе было невозможно, эра мобильных была еще далека. Во двор писательского дома у метро «Аэропорт» входили через высокую арку. Иногда идущих к Войновичу, как правило вечером, в полутьме, встречали вопросом два неизвестных в штатском: к кому идете? Услышав ответ – «к Войновичу», настоятельно советовали не ходить. Но нас с Кларой ни разу никто в полутемной арке не встретил.

Иногда приходилось ждать Володю. Пару раз мы заставляли в таком ожидании Таню Бек⁹ со своим грузинским другом; там, собственно, я с ней и познакомился.

Володя приходил из магазина или с почты и устраивалось застолье, во время которого и происходило общение.

Володя рассказывал, что к нему то и дело обращаются за защитой неизвестные люди, иногда приходят домой:

– Как ходоки к Ленину, – невесело шутил он.

Он тогда уже, как говорится, сжег за собой все корабли, и открыто общался с западными корреспондентами, ходил на приемы в посольства*. Люди, обращавшиеся к нему за помощью, рассчитывали на то, что информация о том, что власть их преследует, будет опубликована на Западе и это защитит их.

Задолго до этого, еще в 1974 году, Войнович предпринял попыт-

* Так же независимо вели себя А. Д. Сахаров, Георгий Владимов и другие диссиденты, к ним тоже постоянно обращались за помощью преследуемые властью.

ку организовать в Советском Союзе отделение международного писательского ПЕН-клуба, который защищал бы права собственно писателей. Конечно, это стало известно на Лубянке и воспринято как серьезная угроза политическому строю. Настолько серьезная, что председатель КГБ Юрий Андропов обратился с соответствующим письмом в ЦК КПСС, в котором сообщалось: «С учетом того, что Войнович скатился, по существу, на враждебные позиции, готовит свои произведения только для публикации на Западе, передает их по нелегальным каналам и допускает различные клеветнические заявления, мы имеем в виду вызвать Войновича в КГБ при СМ СССР и провести с ним беседу предупредительного характера. Дальнейшие меры относительно Войновича будут приняты в зависимости от его реагирования на беседу в КГБ»*.

Такая «беседа» состоялась, а затем последовали «дальнейшие меры»: Войнович был приглашен для новой беседы в гостиницу «Метрополь», где во время продолжавшегося несколько часов разговора ему подсунили отравленную сигарету. Всё это уже было описано им самим в повести «Дело № 34840».

Не помню, в каком году, знаю это по рассказу Войновича, но, видимо, уже перед 1980-м, за ним в очередной раз установили круглосуточное наблюдение. Во двор въехала черная «Волга» с четырьмя пассажирами и задержалась надолго. Если Володя выходил из подъезда, двое, не скрываясь, отправлялись следом за ним.

— Я иду, иду, — рассказывал он, — а потом — раз, и спускаюсь в полуподвал, в прачечную, они остаются ждать. Выхожу, раз — и в магазин, они остаются у входа.

Накануне дня конституции, 5 декабря, Войновичу нужно было куда-то съездить. Черная «Волга» поехала за его «жигуленком». Он не смог отказать себе в удовольствии поиграть с гэбэшниками в рискованную игру: хорошо зная район, он, совершив нескольких поворотов-разворотов, ушел от «хвоста» и оказался на Ленинградском проспекте сзади них. Воодушевленный успехом, Войнович догнал своих «кураторов» и начал им издевательски сигналить.

Это не прошло ему даром. Наутро, в день конституции СССР, что достаточно символично, выйдя к своей машине, Володя обнаружил, что все четыре колеса проколоты. А теперь представьте себе, как непросто было в советское время поменять все колеса на автомобиле!

Я не касаюсь в своих воспоминаниях многих известных фактов

* Письмо от 5 апреля 1975 года за №784-А. Опубликовано в декабрьском выпуске «Публицистического приложения к НЖ», 2018. См.: Владимир Войнович «Возвести новое дешевле, чем ремонтировать старое» (Публикатор В. Есипов).

из биографии Войновича, на его публицистически острых «открытых письмах» Брежневу, Андропову, а также в советские и зарубежные газеты; не касаюсь подоплеки повести «Иванькиада» и т. д., о чем узнавал в то время непосредственно от него, – не касаюсь, потому что всё это блистательно рассказано им самим в различных повестях, в том числе в упомянутой уже книге «Автопортрет. Роман моей жизни».

Но помню, как с удовольствием посвящал в эти события коллег по работе в конструкторском бюро во время перекуров (или по дороге домой), когда вокруг оказывались только «свои», которым можно было доверять и которые с восторгом и восхищением выслушивали мои рассказы о приключениях Войновича. Например, как однажды из-за того, что оказался разобраным мост, он переехал (тогда еще на «ушастом» «запорожце») на другой берег подмосковной речушки по прогибающимся под тяжестью машины доскам, которые сам нашел на берегу и постелил в качестве переправы. Особым успехом пользовался мой пересказ путешествия Войновича по Грузии с Валентином Петрухиным, человеком с явно выраженной авантюрной жилкой. Перескажу это и здесь.

По дороге в Тбилиси они проезжали Гори, и Валя на пари вызвался «отметиться» в родном городе Сталина. Когда проезжали площадь с памятником, он попросил Володю остановиться в начале ближайшего переулка, не выключая двигатель, и вышел из машины. А дальше, рассказывал Войнович, произошло следующее:

– Подойдя к памятнику, Валя начал нервно расхаживать около него взад и вперед. Потом я увидел, что он садится и снимает штаны. Сделав дело, он бегом побежал к машине. Я рванул с места, и мы мчались, не останавливаясь, до самого Тбилиси...

С не меньшим, конечно, восторгом и восхищением воспринимались мои пересказы содержания «Чонкина» и писем Войновича «вождям» – ничего из этого мои слушатели прочесть тогда не могли. Рассказывая о «Чонкине» и «подвигах» самого Войновича в семейных и дружеских застольях, я испытывая при этом невольную гордость за близкое общение с таким бесстрашным человеком...

Войнович долго сопротивлялся совершенно явному желанию властей заставить его уехать из страны. Но в 1980 к нему пришел официальный представитель из органов с вопросом:

- Как живете, Владимир Николаевич?
 - Плохо, – честно признался Войнович.
 - Вам нужно уезжать, – сказал гость, – будет еще хуже.
- Войнович вынужден был согласиться.

Но уехали они только в самом конце года. Сначала морально не

готова была Ирина, потом внезапно и почти одновременно умерли ее родители, что тоже задержало отъезд.

Провожали их в мастерской Бориса Мессерера на Поварской (тогда ул. Воровского). Настроение было почти траурное, ведь невозможно было предположить, что советскому маразму осталось жить всего лишь десять лет. Войнович, правда, говорил, что надеется на скорое возвращение, но глаза у него были грустные-грустные. Провожających вместились в мастерскую около трех десятков человек: Паша и Марина (дети от первого брака) двоюродный брат Витя из Запорожья, Игорь и Нина Виноградовы, Борис Биргер с сыном от первого брака Лешей, Валя Петрухин с Олей Принцевой, Галя Балтер с Ирой, мы с Кларой, детский врач Виталий Андрющенко, наблюдавший маленькую Олю Войнович, известный кардиолог Гдаль Гильштейн, Игорь Золотусский¹⁰, хозяева, конечно, – Белла Ахмадулина и Борис Мессерер. Остальных не помню или не был с ними знаком, а на фотографии, которая неоднократно публиковалась в различных изданиях, многие видны лишь со спины (их лица повернуты в сторону Войновича), – поди узнай через 39 лет!

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Балтер Борис Исаакович (1919–1974), автор повестей «До свидания, мальчики!», «Проездом», «Подвиг лейтенанта Беляева», «Самарканд» (неоконченная), пьесы «А у нас во дворе», инсценировок, рассказов, публицистики.
2. Бенедикт Михайлович Сарнов (1927–2014), литературовед, литературный критик, прозаик. Занимал оппозиционные официальной идеологии, либеральные позиции.
3. Игорь Иванович Виноградов (1930–2015), литературовед, литкритик; гл. редактор ж. «Континент» (1992–2014). Сотрудник «Нового мира» Твардовского. В 1968 г. выступил против ввода советских танков в Чехословакию, до 1990-х гг. находился под негласным «запретом на профессию». В начале 1990-х Владимир Максимов передал ему парижский ж. «Континент». Журнал издавался в Москве до смерти И. И. Виноградова.
4. Станислав Борисович Рассадин (1935–2012), литературовед, литкритик из плеяды шестидесятников. Считается, что термин «шестидесятники» был введен Рассадиным.
5. Семен Израилевич Липкин (1911–2003), поэт, переводчик, мемуарист.
6. Инна Лисянская (1928–2014), поэт, прозаик. Жена С. Липкина.
7. Олег Григорьевич Чухонцев (1938), поэт, переводчик. Лауреат многочисленных премий, в т. ч. – Национальной премии «Поэт» (2007).
8. Александр Моисеевич Володин (Лифшиц, 1919–2001), драматург, член русского ПЕН-Центра; лауреат Государственной премии им. Братьев Васильевых (1981).
9. Татьяна Александровна Бек (1949–2005), поэт, литкритик; член Русского ПЕН-Центра, секретарь СП Москвы (1991–1995).
10. Игорь Петрович Золотусский (1930), литературовед, литкритик. Президент Международной ассоциации «Мир культуры», член жюри премии «Ясная Поляна».

БИБЛИОГРАФИЯ

Русское Зарубежье. Великие соотечественники: 100 судеб русской эмиграции в XX веке. – М.: Яуза; Российское историческое общество; Военно-российское историческое общество. 2018. – 664 с., илл.

Уже более 30 лет в России не пропадает интерес к истории русской эмиграции. Причем желание узнать новое о Русском Зарубежье характерно не только для ученых, но для широких кругов российской общественности. Даже в школах стали вестись факультативные уроки в рамках истории культуры о достижениях соотечественников. Долгое время в России не было популярной истории русской эмиграции. Труд «Русское Зарубежье. Великие соотечественники» предназначен не только для ученых и исследователей, но и для простых читателей. Автором идеи издания и составителем стал известный художник Леонид Васильевич Козлов. Кисти и перу Л. В. Козлова принадлежат многочисленные иллюстрации к книгам русской и зарубежной классики, как художник-постановщик он работал со многими знаменитыми российскими режиссерами – Г. Данелия, А. Роомом, Г. Рошалем, Л. Шепитько и др. Научным руководителем и вторым составителем стал доктор исторических наук Руслан Григорьевич Гагкуев, автор многочисленных изданий, посвященных Белой Армии в Гражданской войне, – монографии «Белое движение на Юге России: Военное строительство, источники комплектования, социальный состав. 1917–1920»; сборников «Марков и марковцы», «Каппель и каппелевцы», «Дроздовский и дроздовцы», «Генерал Кутепов», «Генерал Скобелев».

Альтернативная история – жанр модный в современной российской литературе и фантастике. Русское Зарубежье и есть та «альтернативная Россия» XX века, которую мы можем представить по биографиям выдающихся эмигрантов.

Порой биография каждого эмигранта напоминает захватывающий приключенческий роман с погонями, бегством, противодействием спецслужб, интеллектуальным поиском, удивительными научными и культурными достижениями и беззаветной любовью к родине.

Книга прекрасно оформлена фотографиями, воспроизведены иллюстрации, выполненные художником Л. В. Козловым. Это красочный альбом, который приятно просто смотреть. Тексты написаны хорошим научно-популярным языком, понятным простому читателю. Смысловые цитаты выделены в своеобразные цветные окна. Читатель невольно обращает на них внимание.

Среди героев рецензируемого издания – писатели, художники, ученые, философы, изобретатели, деятели культуры и искусства, общественно-политические лидеры русской эмиграции. Книга начинается со статьи

про сатирика А. Т. Аверченко и кончается модельером женской одежды Т. А. Яковлевой. Среди первой эмиграции выделяются, конечно, Н. А. Бердяев, И. Я. Билибин, И. А. Бунин, П. Н. Врангель, А. И. Деникин, С. П. Дягилев, В. К. Зворыкин, И. А. Ильин, В. В. Кандинский, А. П. Кутепов, В. В. Набоков, А. П. Павлова, С. В. Рахманинов, И. Е. Репин, Н. К. Рерих, И. И. Сикорский, И. Ф. Стравинский, М. И. Цветаева, В. И. Юркевич, М. З. Шагал, Ф. И. Шаляпин и др. Среди представителей третьей волны нужно указать на статьи про В. П. Аксенова, И. А. Бродского, А. А. Галича, С. Д. Довлатова, В. П. Некрасова, Р. Х. Нуреева (фамилию которого на западный манер стали писать Нуриев), А. И. Солженицына, А. А. Тарковского и др. Эмигранты сумели не только сохранить русскую культуру Золотого и Серебряного века, но продолжали ее развивать в обстановке, свободной от идеологического и государственного контроля. Благодаря их деятельности русская наука и культура повлияли на развитие культуры многих стран, не только сблизив их с Россией, но закрепив приоритет русской культуры во многих направлениях развития цивилизации.

Вместе с тем, хотелось бы полемизировать по нескольким вопросам с составителями. Бессмысленно спрашивать, почему нет того или иного имени. Однако опять забытой оказалась вся вторая волна русской эмиграции! Как же ей не везет и в жизни, и в историографии! Неужели хотя бы А. Г. Авторханов, И. В. Елагин, Д. И. Кленовский, Н. И. Ульянов, Б. Н. Ширяев не могли попасть на страницы этого альбома? Нет также иерархов Православной Церкви за рубежом – кроме епископа Василия (Родзянко).

Есть в «Русском Зарубежье» и некоторый, вполне объяснимый, уклон в область освещения жизни и деятельности художников. Хотелось бы также остановиться на неточностях. Скажем, на стр. 253 написано, что историк Александр Александрович Кизеветтер (1866–1933) был учеником своего однопартийца, лидера кадетов Павла Николаевича Милюкова (1859–1943). Действительно, А. А. Кизеветтер слушал в Московском университете специальные курсы по истории России, которые читал молодой преподаватель П. Н. Милюков. Но в отечественной историографии Кизеветтер традиционно считается учеником В. О. Ключевского, П. Г. Виноградова и, в меньшей мере, В. И. Герье.

Хочется пожелать авторам-составителям, чтобы они не остановились на первом томе и продолжили популяризацию всего Русского Зарубежья.

П. Н. Базанов

Валерий Сергеев. Евгений Климов. Художник-реалист Русского Зарубежья. 1901–1990. – М.: «Русский Путь». 2018. – 155 с., илл.

«Эмиграция – это всегда несчастье. Но и увлекательное приключение на всю жизнь», – заметил Ю. Иваск. «...многие ли из живущих за границей

русских художников бывали в Печорах? Это и есть мой багаж, пронесенный через всю жизнь. И никакие налеты и бомбардировки его не уничтожили» – из дневников Е. Е. Климова.

Книга Валерия Сергеева о художнике эмиграции второй волны Евгении Климове прекрасно издана: большого формата, в твердом переплете, на мелованной бумаге, с многочисленными цветными и черно-белыми репродукциями и фотографиями, – фактически это альбом с текстом – расширенной биографией художника.. Книга вышла при поддержке российского Благотворительного фонда им. А. Солженицына по инициативе сына художника, американского профессора Алексея Климова. В нее включены фотографии, относящиеся к жизни художника и к истории его семьи. Многие из них публикуются впервые. Умело подобранные иллюстрации показывают, как творческое развитие Евгения Климова, так и многогранность его таланта. Читатель может не только проследить судьбу семьи Климовых, для которых Канада и США стали второй родиной, но и, через призму судьбы художника, взглянуть на события, очевидцем которых он стал и зафиксировал в своих дневниках.

В выборе профессии на Евгения, скорее всего, повлияло то, что его дед и прадед были архитекторами, они оставили после себя большое наследие в Санкт-Петербурге. Когда он после окончания Академии художеств выбирал свой путь в искусстве, он уже понимал, что выразить себя он может только придерживаясь национальной традиции. Это станет его кредо на всю жизнь и определит его путь художника-реалиста. Ни постоянные длительные переезды в жизни эмигранта, ни смена городов и стран, ни жизнь, проведенная вдали от России, не повлияли на его связь с русской эстетической традицией.

В 1931 году в Риге он выступил с инициативой учреждения культурно-просветительного общества «Акрополь», целью которого была пропаганда русской культуры и искусства.

Любовь к России и неприятие советской власти – эти два чувства он пронес через всю жизнь. Хотя в своих дневниках он не касается чисто политических вопросов, есть все основания считать, что он разделял взгляды своего родного брата Константина Евгеньевича, записавшего в своем дневнике после оккупации советской армией Латвии: «...В первые же дни начались ‘прелести’ советского режима – аресты, увозы и страх, страх, страх! Советы называли оккупацию ‘освобождением народа’. Ничего более мерзкого и лживого этих слов не найти. Нас нечего было ‘освобождать’, и мы, напротив, тотчас же почувствовали себя закабаленными. Достигалось это состояние для всех людей террором, признаки которого обнаружились немедленно. Аресты, ночные увозы в неизвестное, отправки в тюрьмы – и ложь, ложь во всех начинаниях и обещаниях. Население Латвии, за очень малыми исключениями, было явно против советских порядков и методов».

Евгений хорошо знал, что делала советская власть с людьми, о чем говорит его запись в дневнике о А. И. Анисимове, профессоре МГУ, исследователе древнерусской иконописи: «Бедный Александр Иванович попал потом на Соловки за то, что за границей, в Праге, была напечатана его книга об иконе Владимирской Божией Матери»¹.

А он сам не только жил на оккупированной территории, но и творил, делал выставки, печатал свои статьи в газетах, издавал альбомы и открытки, а также посещал Псковскую Православную Миссию, куда он в конце жизни передаст большую часть своих работ. Поэтому он перед приходом советской армии уезжает в Прагу, а затем его путь лежит через Германию в Канаду. Это был правильный выбор – впоследствии выяснилось, что он был внесен в третий список лиц, подлежащих депортации в сибирские лагеря.

Поражает огромная работоспособность Климова, его профессионализм и мастерство, а также организаторский талант. Чего только стоило собирать выставки во время войны на оккупированной немцами территории, выпускать альбомы и открытки...

Кажется, что он наполнял смыслом не только каждый день, но и час. Чтение лекций на Русском радио в Канаде, преподавание истории русского искусства в четырех учебных заведениях, более 150 статей о русском искусстве и художниках на разных языках... Круг его знакомых и друзей огромен, со многими он ведет многолетнюю переписку, что отразилось в его дневниках: М. В. Добужинский, А. И. Анисимов, П. М. Сафронов, Л. Зуров, И. А. Ильин, А. И. Солженицын, С. Юткевич, Н. Е. Андреев, Великая княгиня О. А. Романова, А. К. Бенуа, П. Н. Савицкий, И. Елагин, Н. В. Зарецкий...

Конечно, можно поставить в укор некую пристрастность в его оценке работ Сальвадора Дали, Пабло Пикассо, П. Корины, К. Малевича. Однако объяснение тому нужно искать в эстетической противоположности этих художников и Е. Е. Климова, всегда остававшегося верным реализму в живописи.

Несколько слов хочется сказать об авторе книги, Валерии Сергееве, с которым Е. Климов познакомился заочно, прочитав его книгу «Андрей Рублев» и записав о ней положительный отзыв в своих дневниках. Завязалась переписка. Они так и не встретились, лишь сын Климова, Алексей Евгеньевич, смог лично познакомиться с Сергеевым в 1990 году; благодаря этому творческому тандему и поддержке Благотворительного фонда им. А. Соженицына была подготовлена эта книга к печати.

Возвращение работ Евгения Климова на родину начнется с посещения его канадского дома Маргаритой Морозовой, его бывшей ученицей. Этой подвижнической деятельности она посвятит более двадцати лет. Благодаря ей и, конечно же, Алексею Климову, имя художника станет известным как в России, так и в Латвии. Он оставил после себя огромное творческое наследие, проявил себя как живописец и график, реставратор и иконопи-

сец, искусствовед и писатель-мемуарист. Его дневники – он их вел в течение 70-ти лет – и послужили текстовой основой книги. Думается, дневники эти еще ждут своих серьезных исследователей и издателей.

Достоинство, важность и полезность книги бесспорны, а также бесспорно ее значение для изучающих историю русской эмиграции. Ценность такого издания не только в описании жизни и творчества большого художника, но и в том, что она показывает тот огромный культурный пласт, который еще предстоит изучить.

Читатель несомненно получит большое удовольствие от прочтения этой книги. С одной стороны, он познакомится с творчеством большого самобытного русского художника, с другой – глубже поймет то сложное время, в котором он творил. Поймет желания и чаяния людей, оказавшихся в положении ДиПи.

Юрий Сандулов

1. Автор книги Валерий Сергеев, пишет: «Нашему мемуаристу, скорее всего, остались неизвестными подробности этой трагической истории, как Анисимов, арестованный в 1930 году по ложному обвинению в шпионаже, был расстрелян в 1937-м.»

Манфред Шруба. Словарь псевдонимов Русского Зарубежья в Европе. 1917–1945. – М.: НЛГО. 2018.

Специалисты и те, кто иногда обращается к истории русской эмиграции по тому или иному конкретному поводу (скажем, заинтересовавшись какой-то личностью), получили возможность найти разрешение многим своим вопросам, догадкам или предположениям, – в московском издательстве вышел «Словарь псевдонимов», составителем которого стал профессор Миланского университета Манфред Шруба. В предисловии к книге общим объемом более чем в тысячу страниц отмечается, что издание это следует рассматривать как один из результатов международного научно-исследовательского проекта, реализация которого была финансирована в 2013–2015 годах Немецким научно-исследовательским сообществом в Институте славистики Рурского университета в Бохуме, в Германии, где М. Шруба числился приват-доцентом.

Там же отмечается, что автором идеи создания такого справочника явился О. Корыстылев, принявший участие в разработке его концепции, определении методологических приемов атрибуции псевдонимов и деталях оформления словарных записей. Среди оказавших ему поддержку в работе сам составитель назвал целый ряд специалистов из разных стран: П.Лавринца, А. Меймре, Б. Равдина, Р. Тименчика, Л. Флейшмана, В.Хазана и других.

Всё это, понятное дело, – «визитная карточка» данного труда, где раскрывается около 9800 псевдонимов деятелей Русского Зарубежья в Европе – писателей, журналистов, художников, политических, общественных, церковных деятелей, выступавших в различных печатных изданиях, – в основном, первой волны эмиграции. Большой раздел в словаре занимают автонимы, то есть подлинные имена авторов, постоянно или изредка подписывавшихся псевдонимами. Также большой раздел – на сей раз порядка 8500 имен, – перечень псевдонимов нераскрытых...

Представляю, сколько различных справочников, библиографических словарей, энциклопедий, архивных материалов, монографий и пр. пришлось просмотреть М. Шруба, чтобы установить подлинность того или иного лица, равно – усомниться в этом!.. Несомненно, труд он проделал поистине титанический, замечательный. Однако, как известно, стопроцентных словарей никогда не существовало и не существует.

Так, скажем, мне ничего не удалось найти в этом словаре об Артуа. Как и почему составитель прошел мимо этого поэта, автора сборников «На земной лад» (изд. Я. Е. Поволоцкого, Париж, 1931), «Зовы земные» (изд. «Парабола», Париж, 1934) и «Песенный лад» (изд. «Парабола», 1935)? Это еще можно было бы объяснить, допустим, редкостью указанных книг, но они всё же встречаются у библиофилов, есть в некоторых библиотеках, наконец, фигурируют в известном каталоге поэзии Русского Зарубежья из собрания А. В. Савина «О муза русская, покинувшая дом...» (СПб., 1998).

А вот другой случай: «Безобразов, Аполлон»... – называет М. Шруба, как бы разделяя при этом запятой на отдельные псевдонимы авторство Бориса Поплавского. Однако верно ли таким образом представлять «Аполлона Безобразова», от имени которого один из интереснейших поэтов и прозаиков довоенного русского Парижа опубликовал в 1934 году в журнале «Числа» фрагмент из известного «Дневника»? Тут следовало бы говорить, скорее, не о каком-то псевдониме (и тогда отделить имя от фамилии было бы вполне уместно), а о литературном герое, что не одно и то же. Место «Аполлона Безобразова» было бы логично не тут, а в «Энциклопедии литературных героев». Увы, в той, что вышла в Москве в 1997 году в изд. «Аграф», этому персонажу места не нашлось, – в глазах тогдашних советских официальных гуманитариев (книга была рекомендована в качестве пособия для учебных заведений Министерством культуры РФ) Поплавский был фигурой чуждой, эмигрантской. Время его возвращения отечественному читателю, как известно, пришло позднее.

Но вернусь к труду М. Шруба. Станным показалось мне, что он включил в раздел «псевдонимов» упомянутого выше издателя Поволоцкого, сославшись на библиографический словарь «Российское Зарубежье во Франции» (Изд. «Наука» и Дом-музей Марины Цветаевой. – М. 2010). Действительно, в томе 2, на стр. 460, рядом с фамилией

«Поволоцкий» в скобках указано: «наст.: Бендерский». К сожалению, настоящая или нет была у него фамилия Бендерский, не столь очевидно. Во всяком случае, в архиве парижской полиции лишь приписано, что фамилия его отца (по показаниям самого Поволоцкого) была «Бендерский». Досье же это, замечу, которое я сам внимательно просматривал, занимаясь биографией издателя, наводит на мысли о том, что Поволоцкий что-то путал. Намеренно или нет – другое дело. Ясно лишь, что утверждать, будто Поволоцкий – псевдоним, со всей очевидностью, пожалуй, не следует...

Также странно было увидеть в словаре, что Н. В. Плевицкая фигурирует под псевдонимом «Фермерша». Надежда Плевицкая – известная русская певица, актриса, автор мемуарной книги «Дёжкин Карагод», в третьем браке жена Н. В. Скоблина, завербованного ГПУ, принявшая вместе с ним участие в похищении в Париже в 1937 году генерала Е. К. Миллера, разоблаченная и приговоренная во Франции к большому тюремному сроку. «Фермерша», если исходить из того, что поведал о судьбе этой женщины Л. Млечин в книге «Плевицкая» (серия ЖЗЛ, изд. «Молодая гвардия». – М., 2017), была ее агентурная кличка в советской разведке. Ставить ли знак равенства между псевдонимом и таким, далеко не творческим, прозвищем, на мой взгляд, – более чем сомнительно. Хотя, исходя из академических (если они в данном случае оказались соблюдены) понятий, спорить не стану.

Разумеется, эти заметки, которые я сделал по ходу общего знакомства со словарем, не претендуют на его полную, объективную, оценку. Для меня, во всяком случае, нет сомнений: труд западноевропейского слависта являет собой нужный, важный этап в ликвидации многих белых пятен в истории русского рассеяния.

Виталий Амурский, Париж

Ежегодник Дома Русского Зарубежья имени Александра Солженицына. 2018 – М.: ДРЗ. 2018. – 520 с.

2018 год, год столетия Александра Исаевича Солженицына, выдался более чем загруженным для спутницы жизни писателя Наталии Дмитриевны и ее сподвижников. И, конечно, для сотрудников Дома Русского Зарубежья им. А. И. Солженицына. Семинары, конференции, выставки по всей России и во многих странах мира, открытие Солженицынского центра в Париже в книжном магазине YMCA-PRESS. Там располагалось и одноименное издательство, которое долгие годы возглавлял незабвенный соратник Солженицына Никита Алексеевич Струве. Именно он первым выпустил «Архипелаг ГУЛаг» – книгу, во многом расколовшую мировую историю на до и после.

Естественно, «Ежегодник» за 2018 год не мог не откликнуться на юбилей великого писателя. Сборник, ставший доброй традицией Дома, выходящий уже восьмой год и публикующий материалы по бездонной теме «Россия вне России», открывается статьей Галины Тюриной «Доверенный летописец эпохи», посвященной всем бесчисленным юбилейным мероприятиям. К моменту выхода «Ежегодника» в свет еще не стоял памятник писателю у Таганской площади в Москве. Но уже была открыта квартира-музей на Тверской. Та самая квартира, откуда писателя зимой 1974 насильно выслали из страны. И именно об этом, как и о парижском центре, также говорится в статье.

Другой бесценный материал, связанный с именем писателя, – републикация интервью, которое Струве записал с Александром Исаевичем в марте 1976 года. Вопросы касались всего – истории, жизни, стиля, способности писать в любых условиях, замысла эпопеи «Красное колесо». Как жемчуг, рассыпаны блистательные, четкие, необыкновенно глубокие мысли писателя. Вот что он, к примеру, говорит о Марине Цветаевой: «...Проза Цветаевой – это вообще концентрация невероятной силы. Это проза для писателей, не для читателей, ее нужно разбавить в десять раз, чтобы могли читать обыкновенные люди». Какая поразительно точная оценка взрывчатого, бездонного цветаевского слова! Соприкосновение с ее текстами всегда требует очень серьезной работы. Зато открываются бездны, и именно этому нашел определение Солженицын.

Почему-то для многих история русской эмиграции – это исключительно сюжеты, связанные с жизнью в изгнании белогвардейцев и монархистов. Однако Дом Русского Зарубежья нацелен на исследование всех слоев и спектров эмиграции, в том числе истории анархистов и социалистов в изгнании. Об этом, в частности, свидетельствует публикация А. Суслова протоколов заседаний 2-го съезда заграничных организаций партии эсеров, состоявшегося в Париже в 1928 году. Казалось бы, результаты революции и процессы против их товарищей на родине должны были хоть как-то отрезвить этих людей. Но нет, опять – споры на темы, кто должен быть в партийном руководстве и о чистоте революционных рядов.

Другая работа, также связанная с представителями революционного движения, подготовлена Николаем Герасимовым. Речь идет о переписке одного из самых знаменитых последователей Михаила Бакунина Григория Максимова и его жены Ольги со знаменитой феминисткой Эммой Гольдман. Иногда кажется, что современные, совершенно непонятные для нормального человека, страсти по вопросам женского достоинства, бушующие на Западе, были инициированы «Красной Эммой», как ее называли. Об Эмме Гольдман сняты фильмы, опубликованы десятки, если не сотни, книг и статей. Яростная революционерка, террористка, она не разделила судьбу своих товарищей по борьбе, погибших в большевистских тюрьмах, а была

выслана в США. И там, а потом в Канаде, продолжала бороться против «несправедливости капитала». Да и сам Григорий Максимов, положивший полжизни на свержение царизма, был выслан советской властью.

Совсем другим человеком был отец Лев Жилле, богослов, неутомимый адепт православия на Западе. Француз, он во время Первой мировой войны попал в лагерь для военнопленных, где познакомился с русскими. И хотя был сыном ревностных католиков, но встреча эта перевернула жизнь и завершилась переходом в православие в 1918 году. Свое исследование, посвященное замечательному пастырю, умершему в Лондоне в 1980-м, предлагает Наталья Ликвинцева.

О другом известном церковном деятеле эмиграции – протопресвитере Русской армии о. Георгии Шавельском – пишет Михаил Шкоровский. Отец Георгий Шавельский был настоящий пастырь, его выступления вызывали большой интерес. Герой Русско-японской войны, отец Георгий после исхода 1920-го жил в Болгарии, где в полной мере изведal все тяготы эмигрантской судьбы. Открытое сочувствие экуменизму также принесло ему немало дополнительных неприятностей в православной среде. В послевоенной Болгарии он подвергся настоящей травле, не был выпущен властями в США и так и умер в Софии.

Уверен, что будет замечена и публикация глав из рукописи известного русского философа и культуролога Владимира Николаевича Ильина «Русская музыка». Его интереснейшие мысли о сути русского знаменного распева, о том, что наша культура объединила в себе лучшие элементы духовных достижений как Запада, так и Востока, наверняка будут отмечены профессионалами. Материал подготовлен Е. В. Бронниковой, К. Б. Ермишиной и В. Ю. Григорьевой.

Прошедший год, как известно, был годом Японии в России. И составители «Ежегодника» не прошли мимо этого события, предоставив историкам и ценителям «Страны восходящего солнца» материалы просто уникальные. Они касаются, прежде всего, истории русской дипломатии в Японии и судеб дипломатических работников после революции. Михаил Горинов-младший представляет архивные документы Николая Андреевича Малевского-Малевича, восемь лет служившего послом в Японии. И поистине целую россыпь «жемчужин», не известных доселе архивных источников, связанных с жизнью и наследием основателя советской японистики Павла Васкевича, дарит читателям «Ежегодника» исследователь Павел Подалко.

Павел Васкевич, герой Русско-японской войны, сын священника, много лет работал в посольстве Российской империи в Японии. После революции он так и остался в «Стране восходящего солнца», создал большую молочную ферму и всячески поддерживал строительство православной церкви. Мы имеем уникальную возможность прикоснуться к его вос-

поминаниям и к необычайно интересным размышлениям о переплетении цивилизационных векторов Востока и Запада.

Наверное, об этом же заставляет задуматься и судьба Бориса Николаевича Абрамова, одного из любимых учеников Николая Рериха, почти тридцать лет прожившего в Китае и, после возвращения в СССР, закончившего жизнь в тульском местечке Венева. Большую статью о нем подготовила Наталья Башкова.

Здесь же еще и интереснейший материал Надежды Егоровой о том, какие книги и листовки читали русские военнопленные в австрийских лагерях во время Первой мировой, и большая работа Павла Трибунского и Владимира Хазана, представляющая переписку известных редакторов эмигрантских послевоенных изданий Геннадия Хомякова и Романа Гринберга. А как не упомянуть публикацию Натальи Белевцевой писем врача Сергея Серова из окопов Первой мировой войны, да и щемящую статью Светланы Бешановой и Елены Ельцовой о захоронениях русских моряков на христианском кладбище города Мунзель Бургиба в Тунисе... Это лишь часть статей и публикаций, вошедших в «Ежегодник» в 2018 году.

Виктор Леонидов

Radovan Pulko. Rusko zamejstvo v slovenskih deželah (Р. Пулко. Русская эмиграция в Словении). 2018. – 369 с., илл.

В конце 2018 г. в Кидричево (Словения) вышла книга Радована Пулко на словенском языке «*Rusko zamejstvo v slovenskih deželah*» (Русские зарубежники в словенских краях. – Перевод мой. – *Р. II.*). Я бы назвал это вторым, дополненным изданием книги «*Ruska emigracija na Slovenskem*», изданной в 2004 г.

Первое издание Р. Пулко прислал мне, узнав адрес, только в 2008 году. Говоря о русских организациях, Пулко упоминает русское сокольство. Он поместил и русский скаутский знак, однако не сказал ничего о русских скаутах, а про НСНП – Национальный союз нового поколения (ныне НТС) – какие-то общие фразы, и вместо знака НТС поместил знак Первого русского кадетского корпуса (Сараево). Посылая книгу, Р. Пулко написал мне, что будет благодарен за исправления и дополнения.

Началась переписка. В своем втором издании автор несколько раз ссылается на мои письма. Для того, чтобы написать о русских скаутах в Словении, мне пришлось основательно поработать. Ю. В. Кудряшов, автор книги «Русское скаутское движение» (2005, 593 с., илл.) на стр. 215 написал, что в Словении было 72 русских скаута. Насколько мне известно, там их было только два (имена забыты); в городе Целе они в 1921 г. осно-

вали первую скаутскую дружину, – но не русскую, а словенскую. До этого в столице Словении Любляне, по-немецки Лайбах, при гимназии, в которой преподавание велось на немецком языке, был отряд австрийских пфадфиндеров (следопытов-скаутов). Многие словенцы считают именно этих двух неизвестных русских скаутов основателями словенского скаутизма. Моя статья, написанная специально для Р. Пулко, была напечатана в журнале «Страницы истории русского разведчества-скаутизма», № 212 за апрель 2018 г.

На последней странице обложки книги 2004 года Р. Пулко назван учителем истории и географии, в 1996–1997 гг. он стал студентом Мариборского университета и получил в 2003 году диплом за работу «Организации русской эмиграции в Словении 1921–1941», написанную под руководством д-ра Ерце Водушека-Старича. Эта дипломная работа в 2004 году вышла как монография «*Ruska emigracija na Slovenskem*» (издание Военного музея в Логатеце, 2004. – 144 с., илл.). Второе, исправленное и дополненное, издание увидело свет лишь после 14 лет упорного труда, – и мне кажется, что автор мог бы за него получить доктора исторических наук; в научных кругах он утвердил свое имя и получил заслуженное признание. Это единственная история русских в Словении.

Автор выразил благодарность за помощь известному историку русских в Югославии Алексею Борисовичу Арсеньеву и мне. Для главы 10.9 «Русские молодежные организации в Словении» Пулко широко использовал присланные мною материалы как на словенском, так и на русском языках. Сам Радован Пулко не только свободно владеет русским языком, но и является потомком русских. В книге есть «Послесловие», написанное порусски, в котором дается сжатое, на трех страницах, изложение всей книги – 369 страниц. Позволю себе процитировать главное: «По данным переписи населения в январе 1921 г. в Словении проживало 1630 россиян. Согласно результатам следующей переписи, опубликованной в 1931 г., число людей, чей родной язык был русский, сократилось до 1350». Р. Пулко считает, что в действительности в начале 1920-х гг. россиян в Словении было несколько больше. Он не случайно пишет «россиян», а не «русских», потому что служащие Русской армии ген. Врангеля, получившие приют в Югославии, были в своем большинстве по происхождению украинцами. Говоря о русских, Р. Пулко упоминает, что в городе Стрншице в начале 1921 пребывали части Крымского и Донского кадетских корпусов, а на пограничной службе, в течение, кажется, пяти лет, состоял 3-й конный полк под командованием Ивана Глебова. Принимая к себе русских эмигрантов, правительство нашло мудрое решение: на службу пограничниками были наняты русские военные, которым нужна была какая-то работа и которые, в то же время, освобождали сотни югославов (Словения в то время была частью Югославии – Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев) от необходимой

службы вдоль границы, давая им возможность направить все силы на восстановление разрушенного войной хозяйства.

Р. Пулко отдает должное русским эмигрантам, которые «сыграли очень важную роль в развитии словенского искусства. Так, Борис Владимирович Путята, помимо своей актерской деятельности в драматическом театре Любляны, был также наставником первых словенских актеров-знаменитостей». Не каждому читателю известно, что до появления русских артистов в Словении своего театра не было, не было даже гимназии на словенском языке. Всё было по-немецки. Национально-культурная жизнь в Словении оформилась только в 1919 году, когда была установлена граница с Австрией. Словенский театр до приезда русских в 1920–1921 гг. делал свои первые робкие шаги. Р. Пулко пишет далее: «В развитии словенского балета большую роль сыграли русские эмигранты (перечисляет по именам. — Р. П.). Также в Словении было много русских музыкантов <...>. В театрах русские эмигранты работали дирижерами, режиссерами, сценографами и художниками по костюмам. <...> Наиболее яркими работами являются картины Николая Борисова в Сербской Православной Церкви».

Р. Пулко упоминает и русские учебные заведения дошкольного, начального и среднего образования. Собственно говоря, на всю Словению была только одна реальная гимназия в Пановиче, позже переехавшая в замок Храстовец. Это была гимназия с интернатом. Словенский университет был открыт в Любляне в 1919 г. Р. Пулко пишет: «...многие знаменитые русские профессора работали там в первые годы после его создания. Самыми известными среди них были видный преподаватель экономики профессор Александр Дмитриевич Билимович, бывший ректор университета Св. Владимира в Киеве, профессор Евгений Васильевич Спекторский, профессор уголовного права Александр Васильевич Маклецов, который благодаря своим достижениям считается отцом словенской криминалистики»; он упоминает многих других, в том числе графиню Прасковью Сергеевну Уварову, в прошлом председательницу Московского археологического общества, скончавшуюся в 1924 г. в Добрне.

Концом русской общественной жизни в Словении была война 1941–1945. Одни ушли служить в Русский Охранный корпус или примкнули к партизанам. Свое «Послесловие» Р. Пулко заканчивает словами: «Еще одна часть русских эмигрантов покинула Словению из страха перед коммунистическим режимом в Югославии. В ходе конфликта между коммунистической партией Советского Союза и коммунистической партией Югославии и в связи с резолюцией Информбюро, многие русские эмигранты подозревались властями в антигосударственной деятельности. Некоторые из них были отправлены в заключение в печально известный югославский лагерь ‘Голи оток’. Несмотря на то, что русские эмигранты были, в основном, лояльными гражданами социалистической Югославии,

они сильно опасались за собственную жизнь и безопасность своих близких. Эти страхи передались их потомкам, многие из которых не избавились от этого и по сей день».

Книга Р. Пулко является результатом почти 20-летней работы в области истории русских в Словении. Автор заслужил благодарность не только от историков Словении, но и от русских людей. Книга выше всяких похвал, хотя в ней можно всё еще найти и небольшие белые пятна. Не вина автора, что некоторые документы погибли как в годы войны, так и в послевоенное коммунистическое время. Поиски продолжаются, пожелаем автору успеха.

* * *

Татьяна Пушкадия-Рыбкина, Инна Грубмайр. Эмигранты из России в Загребе. Жизни и судьбы. – Загреб. 2019. – 440 с., илл.

В Хорватии вышла в свет на русском языке книга «Эмигранты из России в Загребе» – результат совместной пятилетней работы двух авторов – Татьяны Пушкадии-Рыбкиной и Инны Грубмайр. Это второе, исправленное и дополненное, издание вышедшей в 2007 году монографии Т. В. Пушкадии-Рыбкиной «Эмигранты из России в научной и культурной жизни Загреба», перевод на русский язык книги «Emigranti iz Rusije u znanstvenom i kulturnom životu Zagreba», выполненный Н. И. Кузнецовой и Г. И. Кузнецовой (Загреб, 2006).

Татьяна Витальевна Пушкадия-Рыбкина родилась в Загребе в 1929 году, химик по образованию, известна в научных кругах своими статьями. Работала реставратором во всех загребских архивах. Наше сотрудничество началось в 2002 г., когда я стал готовить свои воспоминания 1941–1951 гг.; она оказала мне неоценимую помощь, снабжая необходимыми документами. Я ей тоже старался помочь. Глава в ее книге об отряде русских скаутов-разведчиков в Загребе была написана с моей помощью, так как в архивах соответствующих документов не было, да и не могло быть. Отряд не был зарегистрирован в полиции как самостоятельная организация. Ни начальник отряда Р. Павловский, ни я, по неопытности, о необходимости регистрации просто не знали.

Инна Ивановна Грубмайр родилась в Ростовской области в 1969 году, окончила Ростовский государственный университет, кандидат филологических наук. Интерес к прошлому России привел ее в Пушкинское общество Америки, где она занялась записью видеоинтервью с русскими эмигрантами и их потомками. Переехав в Хорватию, она продолжила свои исследования.

Во 2-м издании оказалось много повторений из уже сказанного в первой книге, но обращает внимание новое предисловие, написанное москов-

ским ученым Мариной Сорокиной, заведующей отделом истории Российского Зарубежья ДРЗ им. А. Солженицына.

Книга, не считая приложений, разбита на 8 глав:

1. Прибытие беженцев из России в Загреб;
2. Юридический статус беженцев / эмигрантов из России в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев / Югославии;
3. Общественная жизнь (смешанные общества, русские и украинские);
4. Обучение молодых эмигрантов из России в Загребе (русская начальная и средняя школы);
5. Высшие учебные заведения Загреба;
6. Вклад в культурную, научную и общественную жизнь Загреба;
7. Эмигранты из России – участники антифашистского народно-освободительного движения (НОД);
8. Русские захоронения на загребских кладбищах.

Заметные дополнения были сделаны к биографиям русских, внесших вклад в культурную, научную и общественную жизнь Загреба, а также в главу о захоронениях. Добавлено много новых сведений, фотографий и документов, а также два новых приложения, третье и четвертое: I. Больница Российского общества Красного Креста во дворце Лобор; II. Русская драматическая студия в Загребе; III. Эмигранты из России – члены Художественного (затем церковного) хора; IV. Список имен на плитах в часовне Святого Воскресения Христова на кладбище Мирогой.

Во 2-м издании порядок глав остался примерно тот же, но большинство из них дополнено новыми материалами, собранными в последние 10 лет. Так, например, глава «Общественная жизнь» в 1-м издании вместе с русскими включала в себя и украинские организации, а во 2-м украинские организации выделены отдельно. Это общества «Просвіта», «Українська студентська громада» и, конечно, хорватское «Društvo prijatelja ukrajinaca u Zagrebu» («Общество друзей украинцев в Загребе»). Вопрос, нужно ли было их вообще упоминать? Я думаю, что надобности не было, так как украинцев из России в Загребе не было, то были украинцы из Галиции, переехавшие в годы Австро-Венгерской империи из принадлежавшей Австрии Галиции в Хорватию, входившую в состав Венгрии. Во 2-м издании относительно этих организаций прямо сказано, что они «не контактировали с русскими обществами». Если в греко-католическом церковном Кирилло-Мефодиевском хоре в 1932–1945 годах регентом был наш православный украинец из России и там пели «многие эмигранты из России», как сказано во 2-м издании, то, мне кажется, это всё же единичные случаи.

Надо отдать должное авторам и признать их труд исключительно ценным вкладом как в историю России, так и в историю Хорватии. Книга, конечно, предназначена не для широкого круга читателей, а для научных работников, специализирующихся на истории русской эмиграции как части

отечественной истории. Один только указатель имен занимает 34 страницы и содержит более 3000 единиц. Но как раз это может оказаться важным не только для историков, но и для всех тех, кто интересуется историей своей семьи, для потомков русских белых эмигрантов.

На основании собранных авторами данных о русских захоронениях в хорватской столице участниками загребской группы по сохранению исторического наследия «Руснаслед» была сформирована фототека и открыт онлайн-ресурс «Русский некрополь Загреба», в котором представлено несколько сот снимков: <https://www.russiancroatia.com/rusnasled>

Р. Полчанинов

ОБ АВТОРАХ

АЛЕШКОВСКИЙ Юз (Алешковский Иосиф Ефимович. 1929, Красноярск). Прозаик, поэт, бард, сценарист. Один из создателей неформального объединения «БаГаЖъ». После публикации текстов «лагерных» песен в альманахе «Метрополь» был вынужден иммигрировать в 1979 году. Автор 13 книг прозы и собраний сочинений в 3-х и 5-ти томах; среди книг – «Предпоследняя жизнь. Записки везунчика» (2009), «Маленький тюремный роман» (2011). Лауреат Пушкинской премии Гамбургского фонда Альфреда Тёпфера «за творчество, создаваемое писателем с 50-х годов, сделавшее его одной из ведущих личностей русской литературы XX века»; лауреат «Русской премии». Живет в США.

АМУРСКИЙ Виталий (1944, Москва). Поэт, эссеист, журналист. Окончил филологический ф-т МОПИ, позднее – Сорбонну. Публиковался в журналах «Континент», «Вестник РХД», «Футурум АРТ», «Мосты» и др. Более двадцати лет работал в русской редакции Международного французского радио. Автор книг «Памяти Тишинки», «Запечатленные голоса», «Тень маятника и другие тени», поэтических сборников: «СловЛарь», «Трамвай 'А'», «Tempora mea», «Серебро ночи», «Земными путями» и др. С 1973 г. живет во Франции.

БАБИЧ Джемма Борисовна (урожд. Квачевская). По образованию врач. Участница правозащитного движения. В 1965 г. была исключена из института в связи с делом диссидента В. Ронкина. Иммигрировала в конце 1970-х.

БАЗАНОВ Петр Николаевич (1969). Доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного института культуры. Историк, специалист по истории русской зарубежной печати, истории второй волны русской эмиграции, деятельности русских политических организаций в Зарубежье. Автор многочисленных научных работ о русской эмиграции.

БАРСКОВА Полина (1976, Ленинград). Поэт. Окончила Санкт-Петербургский и Калифорнийский (Беркли) университеты. Автор более десяти книг, среди них «Рождество», «Раса брезгливых», «Эвридей и Орфика», «Travelling Musicians. Bilingual Selected Poems», «Сообщение Ариэля», «Хозяин сада». Лауреат ряда литературных премий, в том числе Премии Андрея Белого (2015). Живет в США.

БРАЙНИН-ПАССЕК Валерий. (1948, Нижний Тагил). Получил математическое, лингвистическое, композиторское образование. Автор камерной и симфонической музыки. Состоял в московском клубе «Поэзия». Занимается исследованиями в детской музыкальной педагогике, преподает в ряде кон-

серваторий и университетов. Стихи публиковались в ж. «Новый мир», «Знамя», «Дружба народов», «Арион», «Строфы века» и др.; стихи переводились на сербский, английский, немецкий, польский. Книги: «К нежной варварской речи. Избранное». Живет в Германии.

ВЕЙЦМАН Александр (1979, Москва). Поэт, прозаик, эссеист, переводчик. Окончил Гарвардский и Йельский университеты. Автор публикаций в журналах «Знамя», «Интерпоэзия», «Новая Юность», «Дети Ра» и др. Автор книги стихотворений «Лето, взятое в скобки». Член редколлегии журнала «Интерпоэзия». Живет в Нью-Йорке.

ДОЗМОРОВ Олег (1974). Поэт. Автор четырех книг стихов, лауреат «Русской премии» (2012) и премии «Московский счет» (2013). Живет в Лондоне.

ДУБРОВИНА Елена (Ленинград). Поэт, прозаик, эссеист, переводчик. Автор книг стихов «Прелюдии к дождю» и «За чертой невозвращения», романа «In Search of Van Dyck»; составитель и переводчик антологии «Russian Poetry in Exile. 1917–1975. A Bilingual Anthology» (2013). Печаталась в «Гранях», «Континенте», «Встречах», в НРС и др. Состояла в редколлегии альманаха «Встречи»; гл. редактор ж. «Поэзия: Russian Poetry Past and Present» и «Зарубежная Россия: Russia Abroad Past and Present» (США). Стихи вошли в антологию английской поэзии «Liquid Gold». Награждена Национальной литературной премией им. Шекспира за мастерство переводов. В США с конца 1970-х. Живет в Филадельфии.

ЕСИПОВ Виктор (1939, Москва) В 1961 году окончил Калининградский технический институт. С 2006 года – старший научный сотрудник ИМЛИ РАН. Литературовед, историк литературы, поэт, прозаик. Автор пяти книг о Пушкине и поэзии XX века, книги воспоминаний «Об утраченном времени» и трех поэтических книг. Составитель и комментатор книг Василия Аксенова, автор книги «Четыре жизни Василия Аксенова».

КАЦОВ Геннадий (1956, Евпатория). Поэт, писатель, журналист, эссеист и литературный критик Окончил Николаевский кораблестроительный институт. В 1989-91 гг. вел передачи по культуре в программе «Поверх барьеров» на радио «Свобода». Гл. редактор портала RUNYweb.com; также работает на телевидении RTN/WMB. Автор книг «Игры мимики и жеста», «Притяжение Дзэн», «Словосфера», «Меж потолком и полом», «25 лет с правом переписки», «Три 'Ц' и Верлибрий» и др. С 1989 года живет в США.

КУЗНЕЦОВА Ольга Феликсовна (1953, Москва). Филолог. Ведущий научный сотрудник ИМЛИ РАН, канд. филологических наук. Составитель

книг «Письма запрещенных людей. Литература и жизнь эмиграции. 1950–1980 годы. По материалам архива И. В. Чиннова», «Путеводитель по фондам ОР ИМЛИ РАН. Русское Зарубежье. Документы, книги, периодика» и др.

ЛАЙТ Гари (1967, Киев). Поэт. Окончил Нортвестернский университет, затем юридическую магистратуру. Член СП Москвы, СП Украины. Состоит в ПЕН-клубе. Публикации в литературных журналах Америки, Израиля, Канады, Европы и Украины. Участник антологий «Строфы Века-2», «Киев. Русская поэзия. XX век», «70. Стихи к 70-летию Израиля». Книги издавались в Киеве, Нью-Йорке, Филадельфии, Санкт-Петербурге, Москве. Автор нескольких сборников стихов, в том числе «Траектории Возвращений» (литературная премия Национального Союза Писателей Украины). С 1980 года живет в США.

ЛЕГКАЯ Ираида (Пушкарева Ираида Иоанновна. – Тартак, Латвия). Поэт. В 1944 г. с семьей вывезена немцами в Германию. В 1949 г. эмигрировала в США. В 1963–1987 гг. работала радиожурналистом на радио «Голос Америки». Публиковалась в журналах «Грани», «Перекрестки», «Новый Журнал», в антологиях «Вернуться в Россию стихами», «Мы жили тогда на планете другой», «America's Russian Poets» и др. Автор поэтических сборников «Попутный ветер», «Подземная река», «Невидимые нити»; книги воспоминаний «Летающий архирей».

ЛЕОНИДОВ Виктор (1959, Москва). Критик, исследователь истории Русского Зарубежья. Окончил Историко-архивный институт, кандидат исторических наук. Автор-составитель нескольких книг поэтов Русского Зарубежья и многочисленных статей по проблемам наследия русской эмиграции. Один из организаторов Архива-библиотеки Российского Фонда культуры.

ПОЛЧАНИНОВ Ростислав Владимирович (1919, Новочеркасск). Журналист, историк, общественный деятель. С 1921 жил в Югославии, с 1942 – в Германии, с 1951 – в США. Был одним из организаторов русского скаутского движения в эмиграции. Автор многочисленных книг и статей, среди них «По русским улицам Парижа», «Заметки коллекционера», «О Югославии и русских в Югославии» и др.

ПОМЕРАНЦЕВ Игорь (1948, Саратов). Поэт, прозаик. Окончил Черновицкий университет. В С 1980 года работает с Би-Би-Си и «Радио Свобода». Автор многочисленных книг лирики, прозы, эссе, среди них «Стихи разных дней», «Почему стрекозы?», «Семейное положение», «Те, кто держали нас за руку, умерли», «Смерть в лучшем смысле этого слова», «Поздний сбор», «Вы

меня слышите?». Стихи и проза переведены на украинский, английский, немецкий, чешский, польский и др. 1978 году иммигрировал, живет в Чехии.

САНДУЛОВ Юрий (1953, г. Артемово). Историк, коллекционер. Окончил философский факультет ЛГУ, там же аспирантуру и докторантуру. Работал гл. редактором изд-ва «Лань», преподавал. Печатается в периодических изданиях Русского Зарубежья. Составитель книг по истории русской эмиграции, среди них «Русские места захоронений в США» (2016). Президент общества «Северный Крест», занимается историей Русского Зарубежья. Живет в США.

СКОБЛО Валерий Самуилович (1947, Ленинград). Поэт, прозаик, публицист. Окончил матмех ЛГУ. Сборники стихов: «Взгляд в темноту», «Записки вашего современника», «О воде и воле», «За тайной печатью». Член Союза писателей Санкт-Петербурга. Публикации в журналах: «Арион», «День и ночь», «Звезда», «Зеркало», «Зинзивер», «Иерусалимский журнал», «Интерпоэзия», «Крещатик», «Нева» и др. Лауреат премии им. Анны Ахматовой (2012).

ТЮХИН Василий Васильевич (1963). Прозаик, переводчик, сценарист. Окончил филологический факультет Ленинградского университета. Работал преподавателем, переводчиком с албанского и английского языков, редактором художественной литературы. Автор учебного пособия «Речевая практика албанского языка». Проза и переводы с английского выходили в издательствах АСТ, Амфора, МАДПР, Лениздат, Центрполиграф, и др.

ЧЕРЕШНЯ Валерий (1948, Одесса). Поэт. По образованию инженер связи, работал на предприятиях Петербургской телефонной сети. Автор четырех поэтических книг: «Свое время»; «Пустырь»; «Сдвиг»; «Шепот Акакия», книги эссе «Вид из себя» и публикаций в журналах «Новый мир», «Октябрь», «Дружба народов», «Постскриптум», «Крещатик» и пр. Живет в Санкт-Петербурге.

ШАБАЛИН Сергей (1961, Москва). Поэт, эссеист, переводчик. Окончил в Нью-Йорке художественную школу. Автор трех сборников стихов. Публикации в журналах: «Континент», «Новый Журнал», «Время и мы», «Новая Юность», «Слово/Word», «День и Ночь», «Арион» и др. В эмиграции с 1977 года. Живет в Нью-Йорке.

ЯСЬКОВ Владимир (1957, Винницкая обл., Украина). Поэт, прозаик. Окончил Харьковский университет. Работал инженером-химиком, сторожем, научным сотрудником литмузея, редактором. Пишет на русском и украинском языках. Публиковался в ж. «Волга», «Звезда», «Новый берег», и др., в антологиях и сборниках.

The New Review / Novyi Zhurnal is the oldest continuously published Russian-language literary quarterly

The New Review Inc. gratefully acknowledges the support of our loyal friends:

Patron: Mr. S. Hollerbach; The Tcherepnine Society, Mr. P. Tcherepnine; Russian Nobility Association in America; Association of Russian-American Scholars in the USA;

Sponsors: American-Russian Aid Association "Otrada"; Capital Builders Group, Mr. & Mrs. G. Lukin;

Fellows: Mr. & Mrs. B. Pushkarev; Mr. & Mrs. J. Vulfin;

Friends: Mr. & Mrs. M. Averbuch; Ms. Ye. Dubrovina, Ms. N. Faynberg, Mr. A. Gritsman, Ms. N. Kossman, Mr. A. Moussaïan; Mrs. Obolensky-Flam; Ms. C. Raeff.

It requires the support of loyal friends for year 2019:

Patron – \$ 5,000 and up

Benefactor – \$ 2,000 and up

Sponsor – \$ 1,000 and up

Fellow – \$ 500 and up

Friend – \$ 100 and up

The Internal Revenue Service has determined that The NEW REVIEW, Inc. is a tax-exempt organization and a «public charity» pursuant to the provisions of the Internal Revenue code 501 (c) (3). Contributions to The NEW REVIEW, Inc. are tax-deductible under the provisions of section 170 of the code.

Checks must be made payable to

THE NEW REVIEW
1216 Broadway, 2nd floor
New York, NY 10001

НАШИ ПРЕДСТАВИТЕЛИ

Москва, Россия: Андрей Красильников – 111024 Москва, а/я 61

Санкт-Петербург, Россия: Евгений Голлербах – тел.: 7-921-940-0421

Париж, Франция: Виталий Амурский: vitaly.amoursky@gmail.com

Израиль: Альберт Фейгельсон: nikalbert@gmail.com

«НОВЫЙ ЖУРНАЛ» МОЖНО КУПИТЬ В МАГАЗИНАХ:

Дом Русского Зарубежья: 109004 Москва, Нижняя Радищевская, д. 2
Магазин «Фаланстер»: Москва, Малый Гнезниковский пер., д.12/27,
Librairie du Globe: 67, Bd. Beaumarchais 75003 Paris, France
RBC Video / Bukinist: 269 Brighton Beach Ave, Brooklyn, NY, USA
на сайте журнала через PayPal (кнопка: Подписка)

Вы можете оформить электронную подписку на журнал.

Подробнее на сайте: www.newreviewinc.com (кнопка: Подписка)

www.newreviewinc.com

www.newreviewworld.com www.rusdocfilmfest.org